

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

Том второй



ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР
М. Н. СМИТ

Том второй



DAVID RICARDO

PROBLEMS
OF
CURRENCY
AND
BANKING



The State
POLITICAL
Press

1941

ДАВИД РИКАРДО
СТАТЬИ И РЕЧИ
О
ДЕНЕЖНОМ
ОБРАЩЕНИИ
И БАНКАХ



ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1941

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

«Чем американские рудники были для Юма, тем для Рикардо были станки для печатания бумажных денег... Его первые произведения, посвященные исключительно денежному вопросу, относятся к периоду ожесточеннейшей полемики между Английским банком, на стороне которого стояли министры и военная партия, и его противниками, вокруг которых группировалась парламентская оппозиция, виги и партия мира» (Маркс, К критике политической экономии, 1939, стр. 118).

Предлагаемый вниманию читателя второй том сочинений Рикардо содержит ряд статей и речей, посвященных вопросам денежного обращения, государственных финансов и кредита. Лейтмотивом всех этих работ являются три центральные идеи:

во-первых, устойчивое денежное обращение—важнейшее условие роста национального богатства;

во-вторых, устойчивое денежное обращение возможно лишь на базе золотого стандарта;

в-третьих, создание устойчивого денежного обращения на базе золотого стандарта вовсе не предполагает обращения золотых монет, которые в целях экономии непроизводительных издержек обращения могут и должны быть заменены бумажными знаками.

Практическим поводом для выступления Рикардо послужило прекращение размена банкнот на золото Английским банком в 1797 г. и последовавшее затем обесценение банкнот. Это обесценение нашло свое выражение, во-первых, в отклонении рыночной цены золота от ее цены в монете и, во-вторых, в повышении товарных цен.

Надо отметить, что в первые годы существования неразменных банкнот рыночная цена золота не так сильно отклонялась от его

цены в монете. Английский банк до 1808 г. успешно поддерживал курс своих бумажных денег. Разница между банковыми билетами и золотом была незначительна. Но уже в 1809 г. эта разница резко усилилась и достигла 20—25%. В том же году достигли своего апогея и товарные цены. На этой почве возникла страстная борьба партий в парламенте и не менее страстная теоретическая дискуссия вне парламента.

Английский банк, возглавляемый обществом частных денежных спекулянтов, которые получали немалую выгоду от фабрикации бумажных денег, не покрытых золотом, министры и военная партия, для которых эмиссия банкнот явилась источником покрытия огромных для того времени военных издержек, не только всячески затушевывали *опасность*, но отрицали *самый факт* обесценения банкнот.

В лице Давида Рикардо противники Английского банка (вокруг которых группировалась парламентская оппозиция, виги и партия мира) нашли сильного и последовательного борца за устойчивую валюту, за восстановление размена банкнот на золото, за создание денежной системы, способствующей максимальному сокращению непроизводительных издержек обращения и росту богатства страны.

Маркс неоднократно подчеркивал научную добросовестность Рикардо и прогрессивный характер его теории. Эти высокие качества Рикардо как представителя передовой для своего времени науки нашли свое отражение и в его памфлетах, посвященных вопросам денежного обращения, несмотря на то, что ошибочные взгляды Рикардо в теории денег привели его к вульгарной так называемой *количественной* теории.

Рикардо исходит из той правильной предпосылки, что «золото и серебро имеют присущую им стоимость, которая не является произвольной»¹. Правда, в работах этого периода Рикардо определял стоимость товаров редкостью, количеством труда, затраченного на их добывание, и стоимостью капитала, применяемого в производстве. Вопрос о развитии теории стоимости Рикардо не входит, однако, в нашу тему. Для нас важно было лишь отметить, что уже в первых своих работах Рикардо был далек от того, чтобы бросать в обращение «товары... без цены, а деньги без стоимости»², как это делал в свое время Давид Юм и как это делают в наши дни представители количественной теории денег.

Рикардо далее совершенно правильно утверждает, что при данной стоимости денег количество средств обращения зависит от товарных цен. Бумажные деньги, если они выпущены в про-

¹ Рикардо, Высокая цена слитков—доказательство обесценения банкнот, тр. 28 настоящего тома.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 438.

порции, определяемой стоимостью золотых денег, являются не только достойными, но и наиболее совершенными их представителями в обращении.

«Обеспечить население от всяких других изменений стоимости денег, кроме тех, которым подвергается стандартный денежный материал, и в то же время удовлетворять впредь нужды обращения с помощью наименее дорогого средства его значит довести наше денежное обращение до последней степени совершенства»¹.

До сих пор Рикардо стоит на твердой научной позиции. Каждое из сформулированных выше трех положений для своего времени представляло огромный шаг вперед, если не научное открытие. Все эти положения, как известно, вошли в золотой фонд марксистской теории денег.

Но, по меткому замечанию Маркса, Рикардо «внезапно сворачивает с ровного пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду»². Это произошло потому, что Рикардо не исследовал «денег самих по себе, как он это сделал относительно меновой стоимости, прибыли, ренты и т. д.»³

Рикардо рассматривал деньги в их текущей форме как средство обращения. Он исходил из той ложной предпосылки, что любое количество благородного металла, служащего в качестве денег, должно сделаться средством обращения. Если благодаря новому притоку золота из рудников масса обращающегося золота окажется выше надлежащего уровня, оно понизится в своей стоимости, а товарные цены соответственно повысятся. Стоимость денег определяется здесь их количеством, а повышение товарных цен рассматривается как следствие относительного расширения массы обращающихся денег. Это и есть тот «противоположный взгляд», к которому пришел Рикардо, как только свернул с прямого пути своего исследования. Действительно, вначале Рикардо стоял на прочных научных позициях. Деньги одарены своей собственной стоимостью. При данной стоимости денег их количество определяется товарными ценами. Цены товаров в свою очередь определяются стоимостью. Но стоило ему свернуть с ровного пути, чтобы поставить вещи на голову и притти к совершенно противоположному взгляду, будто не от стоимости золота и товарных цен зависит количество денег в обращении, а что, напротив, сама стоимость золота, равно как и товарные цены определяются количеством денег в обращении. «Противоположный взгляд», к которому Рикардо пришел, бросает его в объятия количественной теории денег. Рикардо полагал, что золотые деньги так же вынуждены оставаться в обращении, как выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом.

¹ Рикардо, Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, стр. 164 настоящего тома.

² Маркс, К критике политической экономии, стр. 119.

³ Там же, стр. 118.

«Прижатый к стене, как, например в своей полемике с Бозанкетом, Рикардо, находясь всецело под впечатлением факта обесценения знаков стоимости в зависимости от их количества, прибегает к догматическим утверждениям»¹.

В качестве образца догматических утверждений Рикардо Маркс приводит следующие его слова: «что товары повышаются или понижаются в цене пропорционально возрастанию или уменьшению количества денег, я считаю фактом, который не может быть опровергнут»².

Но если Рикардо и смешивает золотые деньги с бумажными знаками, то он отдает себе отчет в том, что устойчивое денежное обращение возможно лишь на базе золотого стандарта.

Подчеркивая, что создание денег с абсолютно неизменной стоимостью невозможно потому, что «стоимость денег будет всегда подвергаться тем же изменениям, каким подвергается стоимость товара, принятого за денежный стандарт»³,—он одновременно считает необходимым стремиться к тому, чтобы деньги не испытывали никаких других колебаний, кроме тех, которым подвергается денежный стандарт.

Он иронизирует по адресу тех, которые похваляются, что законом о приостановке размена «мудро разжаловали золото... как стандарт наших денег». Он справедливо утверждает, что стоимость денег, не основанная на золотом стандарте, подвержена величайшим колебаниям, на которые их «осудили бы невежество или интересы тех, кто их выпускает»⁴.

Если бы современные «корифеи» экономической науки чаще заглядывали в памфлеты Рикардо, они имели бы случай убедиться, что их попытки снова «разжаловать» золото в качестве стандарта денег отнюдь не оригинальны, что Рикардо не только знал о подобных попытках, но что он ясно представлял себе их неосновательность.

Какой, например, огромный шаг назад по сравнению со взглядами Рикардо представляют собой следующие рассуждения Густава Касселя по поводу краха золотого стандарта, наступившего в период кризиса 1929—1933 гг.: «Следует считать ошибочным самый способ выбора в качестве базы мировой денежной системы товара, стоимость которого подвержена крайним и не поддающимся учету изменениям, вследствие безграничного его накопления».

Оставим на совести автора утверждение, будто изменения в стоимости золота вызываются безграничным накоплением. Нас

¹ Маркс, К критике политической экономии, 1839, стр. 121.

² Рикардо, Ответ на «Практические замечания по поводу доклада Комитета о слитках» г-на Бозанкета, стр. 106 настоящего тома, примечание.

³ Рикардо, Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, стр. 156 настоящего тома.

⁴ Там же, стр. 159.

интересует другой вопрос: чем предлагает Кассель заменить «низложенный» (в который раз!) золотой стандарт? На это ни Кассель, ни другие «светила» современной науки до сих пор сколько-нибудь вразумительно не ответили. Было время, когда буржуазные экономисты фетишизировали золото, утверждая, что золото по своей природе является деньгами. Сейчас они отказываются признать, что «деньги по своей природе суть золото и серебро»¹ и что никакой устойчивой валюты, кроме золотой, в условиях капитализма быть не может.

Заслуга Рикардо состоит в том, что он имел об этих вещах совершенно ясное представление 130 лет тому назад.

Рикардо также отлично понимал полную зависимость бумажных денег от золота. Он рассматривал бумажные деньги в качестве представителя золота и всячески отвергал идею, будто бумажные деньги могут базироваться непосредственно на «стоимостях массы товаров», что, следовательно, количество бумажных денег может быть установлено без посредства золота в качестве меры стоимости. Он справедливо писал: «Предположение, что рассматриваемый критерий (стоимости массы товаров. — С. В.) был бы полезен на практике, возникает в силу непонимания разницы между ценой и стоимостью.

Цена товара—это его меновая стоимость, выраженная только в деньгах»².

Глубокие мысли Рикардо оказались книгой за семью печатями как для буржуазных экономистов, так и для ревизионистов. Об этом свидетельствует следующее рассуждение Гильфердинга: «Величина стоимости самого этого «мерила стоимости» определяется уже не стоимостью того товара, из которого оно образовано... Напротив, эта «стоимость»... определяется совокупной стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения»³.

Рикардо, несмотря на все свои ошибки и уклонения от правильного пути, все же твердо держался «стоимости товара, принятого за денежный стандарт»⁴.

К тому времени, когда Гильфердинг писал свой «Финансовый капитал», он уже успел забыть Рикардо, извратить учение Маркса и выкинуть за борт стоимость самого «мерила стоимости».

Рикардо добивался не только устойчивого, но и экономного денежного обращения. Для буржуазии в период ее прогрессивного развития характерна борьба со всяким расточительством, с непроизводительными издержками. Еще итальянский деятель эпохи Возрождения Альберти указывал, что расточительство

¹ Маркс, К критике политической экономии, стр. 107.

² Рикардо, Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, стр. 160 настоящего тома.

³ Гильфердинг, Финансовый капитал, 1922, стр. 29.

⁴ Рикардо, Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, стр. 156 настоящего тома.

и лень—два смертельных врага человеческого рода. Рикардо знал, что без золотого стандарта нет устойчивой валюты. Но он также знал, что золотое обращение является слишком тяжелым бременем для народного хозяйства. Устойчивой и *экономной* денежной системой явилась бы, по мнению Рикардо, такая система, при которой обращение состояло бы из бумажных денег, разменных не на золотые монеты, а на золотые слитки. Размен на золотые слитки обезопасил бы население от чрезмерной эмиссии бумажных денег. В то же время осуществление размена возможно при минимальных золотых запасах.

Рикардо полагал, что «запас в 3 мил. является при хорошем ведении дел предостаточным, предполагая циркуляцию банкнот в 24 мил.»¹

«Введение драгоценных металлов в качестве денег можно поистине рассматривать как один из наиболее важных шагов в деле усовершенствования торговли и ремесл цивилизованной жизни; но не менее верно также, что с развитием знания и науки мы делаем новое открытие: изгнание драгоценных металлов из той области, где они использовались с такой выгодой в течение менее просвещенного периода, является дальнейшим усовершенствованием»².

Но Рикардо говорит об изгнании металлов лишь в качестве монет. Что же касается размена на слитки, то он является, по мнению Рикардо, неотъемлемым элементом совершенного денежного обращения.

«Мы пользовались бы всеми выгодами такого совершенного денежного обращения, если бы на Английский банк была возложена обязанность выдавать в обмен на банкноты не гинеи, а слитки золота или серебра установленной Монетным двором пробы и цены»³.

Буржуазные экономисты, а вслед за ними и редактор русского перевода (1928) памфлетов Рикардо поспешили объявить так называемую золотослиточную систему, к которой перешли Англия, Франция и ряд других стран после империалистической войны 1914—1918 гг., осуществлением великого замысла Рикардо. Это совершенно неверно. В основе плана Рикардо лежал принцип экономии, стремление избавить развитие производства от непроизводительных издержек, освободить его от золотых оков. В основе золотослитковой системы, осуществленной после войны, лежит стремление к максимальной концентрации золота.

Следующая таблица показывает, что ни о какой экономии золота в наше время говорить не приходится.

¹ Lords Report, 1849, стр. 187, см. Диль, Золото и валюта, 1921, стр. 166.

² Рикардо, Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, стр. 164 настоящего тома.

³ Там же.

Соединенные штаты Америки			Англия			Франция		
годы	индекс пром. произв.	золото в млн. старых долл.	годы	индекс пром. произв.	золото в млн. старых долл.	годы	индекс пром. произв.	золото в млн. старых долл.
1913	100	1 290	1913	100	165	1913	100	679
1933	108	4 012	1925	88	695	1928	127	1 254
1938	120	8 587	1931	83	588	1934	99	3 221
			1938	113	1 592	1938	93	1 441

В Соединенных штатах в 1933 г. был приостановлен обмен банкнот на золото. Золотые запасы продолжали тем не менее увеличиваться. За четверть века в этой стране золотые запасы увеличились почти в семь раз, а индекс промышленного производства увеличился на $\frac{1}{5}$!

В Англии переход к золотослитковой системе был осуществлен в 1925 г. Золотые запасы к тому времени увеличились более чем вчетверо, несмотря на сокращение производства. В 1931 г. в Англии был прекращен обмен, но золотые запасы продолжали расти. За четверть века золотые запасы увеличились почти в 10 раз при увеличении производства на 13%.

Во Франции переход к золотослитковой системе был осуществлен в 1928 г. К тому времени золотой запас увеличился почти в два раза. В 1934 г. золотые запасы увеличились почти в пять раз по сравнению с 1913 г., несмотря на сокращение объема производства. Нет надобности говорить, что уменьшение золотых запасов во Франции после 1934 г. отнюдь не было вызвано стремлением к экономии.

Полагать, что прекращение золотого обращения после империалистической войны 1914—1918 гг. означает осуществление плана «устойчивого и экономного денежного обращения» Рикардо, значит ставить вещи на голову. Послевоенная денежная система в капиталистических странах не отличалась и не отличается ни устойчивостью, ни экономностью!

II

В своих памфлетах Рикардо выступает страстным и принципиальным противником Английского банка. Он возмущен торгашеским духом и корыстью его директоров, тем, что политика банка скорее проникнута интересами личной наживы, чем стремлением форсировать рост производительных сил, увеличение национального богатства.

Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» писал: «Если понимание Рикардо в общем соответствует интересам *промышленной буржуазии*, то только *потому, что* ее интересы совпадают с интересами производства... и постольку, поскольку совпадают. Где интересы развития производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии, Рикардо столь же *прямолинейно* выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии»¹.

Рикардо, будучи сам акционером Английского банка, возвышает свой голос против огромных прибылей этого банка.

«Следует, мне думается, признать, что война, которая так тяжело ложилась на плечи почти всех классов общества, сопровождалась для Английского банка невиданными барышами, причем доходы этой корпорации возрастали пропорционально росту тягот и трудностей всего общества»².

Он предлагает лишить Английский банк права эмиссии банкнот, передать эмиссионное дело в руки комиссаров, назначенных парламентом и несменяемых. Он предлагает также правительству взять в свои руки управление государственными финансами, освободить Английский банк от должности государственного казначея и прекратить хищническое распоряжение общественными ресурсами.

Он разоблачает Торнтон, одного из директоров Английского банка, бывшего в 1807 г. его управляющим и пытавшегося ввести общественное мнение в заблуждение, скрыть от него, что на одних только государственных вкладах Английский банк зарабатывает 382 тыс. ф. ст. в год. С чувством неподдельной горечи он замечает: «Не прискорбно ли видеть, что такая великая и богатая корпорация, как Английский банк, высказывает желание увеличить свои накопления при помощи незаконных барышей, вырванных из рук переобремененного народа?»³

В своем плане учреждения Национального банка Рикардо выражал даже пожелание полной ликвидации Английского банка: «Было бы желательно, чтобы правительство купило у Английского банка по справедливой оценке все его здания, если бы он согласился расстаться с ними, а также взяло на службу всех его клерков и служащих»⁴.

Эти пожелания были высказаны в 1824 г. Через два десятилетия английская финансовая плутократия добилась проведения акта Роберта Пилля, преследующего прямо противоположные цели, чем те, к которым стремился Рикардо. Рикардо требовал передачи государству эмиссионных функций Английского банка,

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 206.

² Рикардо, Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, стр. 154 настоящего тома.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Рикардо, План учреждения Национального банка, стр. 289 настоящего тома.

дабы погасить государственный долг банку и избавить государство от уплаты процентов по этому долгу, лишить Английский банк источника легкой наживы, добиться более экономного денежного обращения. Согласно акту 1844 г. Английский банк был разделен на два независимых департамента—эмиссионный и банковый, что предполагало необходимость регулирования выпуска банкнот в соответствии с импортом и экспортом золота.

Таким образом, во-первых, эмиссия банкнот осталась в руках Английского банка, во-вторых, требование 100-процентного покрытия банкнот превратило банкноту в дубликат золота и никак не отвечало стремлению Рикардо сочетать устойчивость денежного обращения с его экономичностью, в-третьих, эта реформа дала возможность директорам Английского банка взвинчивать норму процента в годы кризиса и тем самым увеличила возможности Английского банка грабить не только государство, но и торговцев и промышленников и создавать огромные накопления при помощи незаконных барышей.

Таким образом, банковский акт 1844 г. преследовал совершенно чуждые духу Рикардо цели. Тем не менее его творцы неизменно ссылались на принципы Рикардо. И в этом была доля истины. В основе *Сurgency Principle* лежала «ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и будто все ввозимое золото увеличивает поэтому количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены,—эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота*¹.

Рикардо, как известно, мечтал совсем о других экспериментах, но г-да Оверстоны выбросили за борт все ценное, научное и действительно переловое, что было у Рикардо, положив в основу ложные предпосылки его теории денег.

Фиаско, которое потерпела доктрина Оверстона, нелепость акта 1844 г. были вскрыты Марксом в третьем томе «Капитала». То, что эти господа опирались на Рикардо, является отнюдь не его заслугой, а его виной перед историей экономической мысли. Тем, что Рикардо свернул с прямой дороги своего исследования и допустил ложный шаг, он дал повод г-дам Оверстоном прикрывать самые нелепые планы (нелепые с точки зрения развития производительных сил) и банковские законы великим именем Рикардо².

¹ Маркс, К критике политической экономии, стр. 129—130.

² Как далек был от понимания действительной роли Рикардо и значения его теории денег редактор русского издания (1928 г.) памфлетов Рикардо, видно из следующих его слов: «Совершенно бесспорно, что идеи Рикардо восторжествовали... в законодательстве Пиля и Оверстона, и это есть один из нагляднейших примеров влияния экономической теории на экономическую практику».

Возникает вопрос, случайно ли то обстоятельство, что планы Рикардо, несмотря на то, что они отнюдь не были утопичны и безусловно отвечали интересам капиталистического производства, не были все же осуществлены? Мы полагаем, что это вполне закономерно. Вследствие нерешительности буржуазии в борьбе с феодальными пережитками политическая власть оставалась на протяжении почти ближайших двух столетий после революции 1649 г. в руках аристократии. Аристократия использовала политическую власть против буржуазии. Достаточно напомнить, что лишь в 1846 г. буржуазии удалось добиться отмены хлебных законов. При таких условиях не приходится удивляться тому, что планы Рикардо, выдвинутые в 20-х годах, хотя и были передовыми, т. е. отвечали росту национального богатства и развитию производительных сил, повисли в воздухе, а планы Оверстона хотя и были реакционными, так как тормозили развитие производительных сил, все же были осуществлены, поскольку отвечали интересам финансовой плутократии. План экономного денежного обращения не удался, так как в капиталистическом обществе, где господствует частная собственность и борьба частных интересов, экономия мыслима лишь в пределах отдельных предприятий или групп предприятий, но не в рамках народного хозяйства. В пределах предприятия капитал наводит экономию за счет расточения сил рабочего класса. В пределах всего народного хозяйства капитал всегда отличался расточительством, а не экономией.

Действительная экономия как важнейший фактор роста общественного богатства и благосостояния страны, экономия в масштабах всего народного хозяйства может быть осуществлена в условиях социалистической системы хозяйства, в условиях социалистического общества, являющегося по своей природе самым бережливым обществом, какое только знает история человечества.

С. Выгодский



ТРИ ПИСЬМА
О
ЦЕНЕ ЗОЛОТА

в редакцию
«The Morning Chronicle»



АВГУСТ-НОЯБРЬ

1809



I

ЦЕНА ЗОЛОТА

[«The Morning Chronicle» 29 августа 1809 г.]

Редактору «Morning Chronicle»

Сэр!

Существующая высокая рыночная цена золота—она выше его монетной цены—повидимому привлекла к себе усиленное внимание публики, но последняя все же недостаточно сознает всю важность этого предмета, а также гибельные последствия, которые могут сопровождать дальнейшее обесценение бумажных денег. Я очень хотел бы, чтобы мы повернули назад, пока еще есть время, и восстановили наше денежное обращение в том здоровом состоянии, которое так долго отличало нашу страну и отход от которого чреват настоящими бедствиями и будущим банкротством.

Монетная цена золота составляет 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс., а рыночная цена его постепенно возрастала и в течение последних двух-трех недель повысилась до 4 ф. ст. 13 шилл. за унцию, обогнав его монетную цену почти на 20%.

Достойно замечания, что между 1777 и 1797 гг. средняя цена золота была не выше, чем 3 ф. ст. 17 шилл. 7 пенс. В течение этого периода наше денежное обращение считалось безупречным. Только начиная с 1797 г., когда Английский банк был освобожден от обязанности оплачивать свои банкноты звонкой монетой, золото повысилось в цене до 4 ф. ст., 4 ф. ст. 10 шилл. и в последнее время до 4 ф. ст. 13 шилл. за унцию. Пока Английский банк оплачивает свои банкноты звонкой монетой, не может быть большой разницы между монетной и рыночной ценой золота. Хорошо известно, что, несмотря на крайнюю строгость и быть может даже абсурдность законов, раскрыть нарушение их бывает очень трудно, и потому, когда благодаря высокой рыночной цене золота становится очень выгодным переплавить монету, ее переплавляют и продают как слиток или вывозят соответственно целям лиц, занимающихся подобного рода операциями. Итак, если бы золото поднялось в цене до 4 ф. ст. или больше за унцию, в то время как Английский банк оплачивает свои банкноты звонкой монетой, эти дельцы обменива-

ли бы свои банкноты в банке, получая унцию золота за каждые 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в банкнотах. Это золото было бы переплавлено и продано или вывезено по 4 ф. ст. или больше в банкнотах за унцию, а так как эта операция может быть повторена ежедневно или даже ежечасно, то она будет продолжаться до тех пор, пока банк не извлечет из обращения излишнее количество своих банкнот и не доведет, таким образом, рыночную и монетную цену золота до одного уровня. В этом состоит единственный возможный способ приостановить излишний выпуск банкнот; способ этот был так хорошо известен, что Английский банк никогда не прибегал к нему безнаказанно.

Никакие усилия Английского банка не могут удержать в обращении больше, чем определенное количество банкнот, и если это количество превзойдено, то его воздействие на цену золота всегда приводит излишнее количество банкнот в банк для обмена на звонкую монету. При таком регулировании обращения рыночная цена золота никогда не может подняться намного выше его монетной цены, ибо никто не даст 4 ф. ст. или больше в банкнотах за унцию золота, если он может получить ее в банке за 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. Это было бы равносильно одновременному предложению унции золота и 2 шилл. $1\frac{1}{2}$ пенса за унцию золота. Когда мы говорим о высокой цене золота, то решительно все равно, измеряется ли она в золоте или в банкнотах, которые можно немедленно обменять на золото. Цена золота может быть высока, будучи оценена в серебре или в товарах всякого рода; стремление ввозить золото зарождается только тогда, когда оно дорого в сравнении с товарами или, другими словами, когда товары дешевы. Когда говорят, что можно получить 1 ф. ст. 5 шилл. за гинею*, посылая ее в Гамбург, то это означает, что можно получить за нее в Гамбурге вексель на Лондон в 1 ф. ст. 5 шилл. в банкнотах. Могло ли бы это иметь место, если бы банк платил звонкой монетой? Будет ли кто-нибудь настолько слеп к своей выгоде, что предложит мне гинею звонкой монетой и 4 шилл. за 1 гинею, когда он может обменять свою гинею в Гамбурге по паритету, уплатив только расходы за пересылку и т. д.? Только потому что он не может получить в Английском банке гинею за свои банкноты, он соглашается платить за них банкнотами по наиболее выгодной цене, какая только возможна, или, другими словами, он дает 1 ф. ст. 5 шилл. в банкнотах за 1 гинею звонкой монетой.

Когда был издан закон, запрещающий Английскому банку платить звонкой монетой, были устранены все препятствия на пути к излишнему выпуску банкнот, за исключением лишь того, которое банк добровольно ставил себе сам; он делал это, зная, что если он не будет руководиться умеренностью, то результаты, которые могли бы от этого воспоследовать, были бы столь определенно

* [До 1816 г. 1 гинея = 21 шилл., тогда как 1 ф. ст. = 20 шилл.]

приписаны его монополии, что парламент вынужден был бы отменить закон о приостановке размена.

Пока Английский банк готов ссужать деньги, всегда найдутся заемщики, и нет, таким образом, никаких других пределов для излишних эмиссий кроме того, который я только что упомянул; золото может подняться, таким образом, до 8 или 10 ф. ст. или любой суммы за унцию. То же воздействие оказала бы излишняя эмиссия и на цены продовольственных и всех других товаров, и единственным средством против обесценения бумажных денег явилось бы извлечение Английским банком из обращения всего излишнего количества банкнот; для этого банку нужно было бы настоять, чтобы купцы оплачивали свои векселя сейчас же после наступления срока, и отказываться возобновлять их обязательства до тех пор, пока ограниченность числа циркулирующих банкнот так подняла бы их стоимость, что они опять достигли бы паритета с золотом. Она могла бы подняться лишь не намного выше этой цены, ибо немедленно начался бы ввоз золота; если бы Английский банк постепенно извлек все свои банкноты из обращения, то их место было бы столь же постепенно занято ввозимым золотом, так как высокая цена последнего—я хочу сказать высокая цена в товарах—не преминула бы привлечь его в нашу страну.

Если мой взгляд на этот предмет правилен, то мы можем точно установить размер обесценения, которому подвергались когда-либо банкноты; когда золото продавалось по 4 ф. ст. 13 шилл. за унцию, то банкноты, повидимому, подверглись огромному обесценению в 20%. Меня могут спросить: если банкноты подверглись такому большому обесценению, то почему ни один лавочник не продаст больше товаров за 20 гиней, чем за 21 ф. ст. в банкнотах? Я могу объяснить это только тем, что промысел скупки гиней с премией, или, другими словами, продажи банкнот ниже их номинальной стоимости, подвергает человека, который открыто занимается им, такому позору и подозрению, что, несмотря на прибыль, никто не осмеливается идти на такой риск, тем более что и закон против переплавки монеты или вывоза ее очень суров. Но что такой промысел практикуется, не подлежит никакому сомнению, так как прибыль, доставляемая им, огромна, число же гиней в обращении, принимая во внимание, что в течение настоящего царствования их было отчеканено почти на 60 млн. ф. ст., уменьшилось до очень незначительной суммы.

Для развития моей аргументации будет достаточно доказать, что такой промысел может практиковаться с выгодой, так как если лица, занимающиеся этим промыслом, могут открыто и охотно продавать гиней по 23 шилл. или даже больше в банкнотах, то они могли бы продавать свои товары за золото дешевле, чем за банкноты. Достаточно очевидно, что покупка гиней за 23 шилл. дает премию от 9 до 10%, а продажа золота за 4 ф. ст. 13 шилл.,

т. е. с премией почти в 20%, является промыслом более выгодным, чем многие другие в пределах лондонского Сити.

Если бы нужны были еще другие доказательства обесценения банкнот и зависимости этого обесценения от излишнего выпуска их, то мы нашли бы их в нынешних вексельных курсах с иностранными государствами. Чтобы это стало ясным, требуется рассмотреть, что такое вексельный курс, а также правила и пределы, которыми он регулируется.

Если я покупаю у купца, живущего в Голландии, товары этой страны, то сделка заключается в деньгах, обращающихся там. Я обязался в результате этой сделки уплатить купцу определенное количество унций серебра данной пробы. Так как сравнительная стоимость серебра и золота почти одинакова во всем мире, то мой долг может быть оценен в серебре или числе унций золота, на которое оно обменивается. Если же голландский купец купил у жителя Лондона товары, которые оценены в английских деньгах, то он обязался уплатить определенное число унций золота известной пробы.

Чтобы сберечь расходы на пересылку и страхование, с которыми связаны вывоз и ввоз известного количества золота, нужного для ликвидации этих долгов, обе стороны находят для себя удобным производить платеж при помощи векселя, после того как они пришли к соглашению о том, сколько денег одной страны эквивалентно деньгам другой, принимая во внимание их вес, пробу и т. д., и установили, таким образом, так называемый вексельный паритет. Это делается так: я плачу английскому купцу сумму, которую я должен моему корреспонденту в Голландии, а английский купец дает приказ своему корреспонденту в Голландии уплатить моему ту же самую сумму, оцененную по согласованному вексельному курсу в голландских деньгах. Выгода для обеих сторон заключается в сбережении расходов на пересылку и страхование. Так вот, если двое или больше торговцев задолжали этим путем купцам в Голландии, между ними возникло бы соревнование с целью купить этот вексель, и продавец его не удовлетворился бы уже более тем, что он сберег расходы на пересылку и страхование, связанные с ввозом его золота, но вывез бы свой вексель и получил бы за него премию; обеим заинтересованным сторонам было бы выгодно уплатить ему эту премию, если только она не превосходит расходов по перевозке металла. Премия по необходимости держится в таких пределах, ибо в противном случае оба купца сказали бы: «Количество унций золота, которые я должен в Голландии, имеется налицо для уплаты моего долга. Я готов дать их вам, чтобы вы уплатили их вместо меня, и прибавить к ним расходы, которые будут сопряжены с их отсылкой, но ничто не может побудить меня дать больше, и если вы не принимаете моего предложения, я не буду испытывать большей невыгоды, посылая золото!» Таков, следовательно, естественный предел падения вексельного курса: он не может

упасть ниже паритета больше, чем на сумму этих расходов, и не может подняться выше его больше, чем на эту сумму.

Но с тех пор как Английский банк приостановил платежи звонкой монетой, падение вексельных курсов совершалось параллельно повышению цены золота, и в настоящее время оно значительно ниже, чем указанные мною пределы. Объяснить это можно следующим образом.

Купец не может больше сказать, что он имеет достаточное число унций золота, чтобы послать за границу для уплаты своего долга; он, правда, может сказать, что имеет достаточное число банкнот и что если бы он мог продать их по паритету или обменять в Английском банке соответственно их номинальной стоимости, т. е. получить по унции золота за каждые 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., то он имел бы достаточно золота, чтобы уплатить свой долг. Однако при существующем положении вещей он может или продать свои банкноты и быть довольным, если ему удастся получить унцию золота или 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. за каждые 4 ф. ст. 13 шилл. в банкнотах, или согласиться сделать скидку в этом размере лицу, которому он хочет сбыть свой вексель. Оказывается, таким образом, что вексельный курс может не только упасть до пределов, о которых я прежде упоминал, но и в обратном отношении к росту цены золота, или, вернее, к обесценению банкнот. Но таковы пределы, внутри которых он устанавливается даже и теперь. Он не может, с одной стороны, подняться выше паритета больше, чем на сумму расходов по перевозке и т. д., связанную с ввозом золота, ни, с другой стороны, упасть больше, чем на сумму расходов по перевозке и т. д., связанную с вывозом золота и прибавленную к сумме, на которую обесценились банкноты.

Если бы векселя оплачивались золотом, а не банкнотами, то приостановка банком платежей звонкой монетой никоим образом не могла бы подействовать на вексельный курс свыше тех специфических пределов, которые я уже указал.

Что остается тогда от аргумента, который так часто употреблялся в парламенте и согласно которому для Английского банка было бы небезопасно платить звонкой монетой до тех пор, пока уровень вексельного курса продолжает быть против нас? Ясно ведь, что прекращение платежей звонкой монетой и является причиной существующего низкого вексельного курса.

Пусть по предложению парламента Английский банк извлечет постепенно из обращения сумму в 2 или 3 млн. ф. ст. банкнотами, не обязуясь платить с самого начала звонкой монетой, и мы очень скоро увидим, что рыночная цена золота понизится до своей монетной цены в 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., что цена каждого товара испытает подобное же уменьшение и что вексельный курс с иностранными государствами будет ограничен вышеупомянутыми пределами. Тогда стало бы очевидно, что все недостатки нашего

денежного обращения вызываються чрезмерными выпусками Английского банка—той опасной властью, которою он облечен, уменьшать по своему произволу стоимость собственности каждого владельца денег и вызывать повышение цен продовольствия и всех предметов жизненной необходимости, нанося тем самым убыток владельцам государственных аннуитетов и всем лицам, доходы которых представляют постоянную величину и которые не могут поэтому свалить со своих плеч ни одной части этого бремени.

II

[«The Morning Chronicle» 20 сентября 1809 г.]

Редактору «Morning Chronicle»

Сэр!

В соображениях по поводу высокой цены золота, которые я высказал в «Morning Chronicle» от 29 августа, я выразил свои опасения по поводу серьезных последствий, которые могут быть вызваны возрастающим обесценением бумажных денег. Мне казалось, что, уменьшая стоимость собственности столь многих лиц и притом в таком размере, в каком это ему угодно, Английский банк может вызвать разорение многих тысяч людей. Я желал поэтому обратить внимание публики на те очень опасные полномочия, которыми облечено это учреждение; но я не высказывал опасения—не больше, чем ваш корреспондент за подписью «Друг банкнот»,—что эмиссии Английского банка могут навлечь на нас опасность национального банкротства.

Допуская вместе с этим писателем, что спрос на золото возрос, в то время как обычные поставки его были задержаны, я не убежден выдвинутыми им аргументами в том, что это могло бы оказать воздействие на рыночную цену золота, при условии, конечно, что не обесценен тот эталон, которым измеряется цена. Нельзя сомневаться в том, что недостаток золота должен был увеличить его стоимость; несомненно также, что вследствие этого на золото при обмене на другие товары можно будет получить увеличенное их количество; но никакой недостаток, как бы он ни был велик, не может поднять рыночную цену золота намного выше его монетной цены, если только золото не измеряется обесцененным средством обращения.

Из фунта золота чеканятся $44\frac{1}{2}$ гинеи, или 46 ф. ст. 14 шилл. 6 пенс. Это есть, следовательно, монетная цена, которая не может быть названа, как это делает ваш корреспондент, произвольной стоимостью. Это—простое констатирование факта, что $44\frac{1}{2}$ гинеи имеют тот же самый вес, что и фунт золота, а $\frac{1}{12}$ часть этого количества, или 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс.,—такой же вес, как 1 унция.

Опыт показал нам,—и в особенности опыт 20 лет, предшествовавших 1797 г., с их сменой войны и мира, благоприятного и неблагоприятного положения торговли,—что 46 ф. ст. 14 шилл. 6 пенс., или монетный фунт, могут купить иногда немного больше, а иногда немного меньше, чем фунт нечеканного золота, и пока на такое же количество банкнот можно купить столько же золота, о них нельзя сказать, что они обесценены. В таком положении банкноты находились всегда до приостановки платежей Английским банком и еще некоторое время спустя после этого. Может ли автор объяснить нам, каким образом спрос, как бы ни был он велик, может побудить кого-либо дать, как это делалось в последнее время, 55 ф. ст. 16 шилл. в банкнотах за фунт золота, если последние имеют такую же стоимость, как 55 ф. ст. 16 шилл. в монете? Думает ли он, что золото, действительно содержащееся в 55 ф. ст. 16 шилл., весит $1\frac{1}{8}$ фунта? Думает ли он всерьез, что он отдал бы их за 1 фунт? Если мы согласимся, что он этого не сделает, то факт обесценения банкнот вполне установлен. Если бы для покупки золота было дано большее, чем обычно, количество хлеба, металлических изделий или другого какого-либо товара, то можно было бы с полным основанием сказать, что редкость золота повысила его стоимость. Но каковы факты? Если я иду на рынок с хлебом или металлическими изделиями, я могу купить 55 ф. ст. 16 шилл. в банкнотах за такое же точно количество этих товаров, какое я должен отдать, чтобы получить фунт золота, или 46 ф. ст. 14 шилл. 6 пенс.

Я не оспариваю мнения автора, что для иностранца может быть выгодно посылать свои товары в Лондон и, продав их здесь за 25 шилл., отдать эту сумму для покупки 1 гинеи. Он может сделать это с прибылью для себя. Но он не дал бы 25 шилл. за гинею, если бы он не платил за нее обесцененными деньгами. И опять-таки я спрашиваю, считает ли автор возможным, чтобы гиней и 4 шилл. отдавались за гинею или за соответствующее количество банкнот, если они обмениваются на эту сумму?

Замечания нашего автора ведут к предположению, что так как золото продается на континенте по более высокой цене, чем у нас, то мы могли бы получить там за него 4 ф. ст. 15 шилл. или больше за унцию; но мы ошиблись бы, сделав такой вывод. Золото оплачивается там в необесцененных деньгах и стоит, вероятно, несколько выше 4 ф. ст. за унцию. Но тот, кто покупает его здесь за 4 ф. ст. 10 шилл., может, однако, продать его за границей по цене, стоящей там, или благодаря низкому вексельному курсу (вызванному обесценением) он может вознаградить себя за обесценение в 15 или 20%, которому подверглись наши средства обращения.

Наш автор утверждает также, что все влияния на вексельный курс, «которые я приписываю выпуску банкнот, имелись бы налицо, если бы в обращении не было ни одной банкноты».

Если бы наше обращение велось целиком при помощи звонкой

монеты, нашему автору было бы, я думаю, трудно убедить нас, что вексельный курс может быть на 20% против нас. Что могло бы побудить кого-нибудь, кто должен 100 ф. ст. в Гамбурге, купить здесь вексель на эту сумму, давая за него 120 ф. ст., если расходы, связанные с вывозом 100 ф. ст. для оплаты его долга, не превышают 4 или 5 ф. ст.?

Строгость закона против вывоза золотой монеты не позволяет никому открыто продавать банкноты ниже номинальной цены, но не из чувства совестьливости, мешающего совершить безнравственный или незаконный акт (каковое мнение приписывает мне автор), а из опасения стать предметом подозрения, раз известно, что гиней покупаются только для вывоза. При таких условиях за скупщиком гиней будут следить, и он не в состоянии будет выполнить свое намерение. Отмените закон, и что может помешать продаже унции стандартного золота в гинейх за такую же высокую цену, как унция португальской монеты, если известно, что гиней скорее превосходит ее по своей пробе? И если унция стандартного золота в гинейх продавалась бы на рынке (как это было в последнее время с португальской монетой) по 4 ф. ст. 13 шилл., то как долго продавал бы лавочник свои товары по одной и той же цене, безразлично, за золото или банкноты? Кары закона снизили, следовательно, стоимость немногих гиней, оставшихся в обращении, до уровня стоимости банкнот, но пошлите их за границу, и они там купят ровно столько же, сколько купит одинаковое количество португальской монеты.

Отсюда искушение вывозить их, которое действует так же, как спрос из-за границы. Каналы нашего денежного обращения уже переполнены, и было бы более чем бесполезно удерживать здесь гиней. Уменьшите, наоборот, количество обращающихся денег, извлекая излишнее количество банкнот. Сбросьте со счетов часть их, как по справедливому замечанию вашего корреспондента это было сделано во Франции и других странах путем аннулирования их бумажно-кредитного обращения. Что сможет тогда воспрепятствовать платежеспособному спросу, который будет, таким образом, немедленно создан, вызвать ввоз золота и как его следствие—благоприятный вексельный курс?

Если бы количество обращающихся у нас денег было увеличено на $\frac{1}{5}$, то до тех пор, пока эта $\frac{1}{5}$ не была бы извлечена, цены золота и товаров остались бы без изменения. Увеличьте количество банкнот, и цены возрастут еще больше; но извлеките эту $\frac{1}{5}$, как я настоятельно рекомендую, и тогда золото и всякий другой товар найдет свой надлежащий уровень, и пока банк продолжает пользоваться доверием публики, те, кто владеет унцией золота в форме 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в банкнотах, всегда могут купить эту унцию золота в натуре.

Предложение изменить монетную цену и приравнять ее к рыночной цене золота, или, другими словами, объявить, что 3 ф. ст.

17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в монете приравняются 4 ф. ст. 13 шилл., только обострило бы зло, на которое я жалуясь, не говоря уже о его кричащей несправедливости. Такое насильственное мероприятие подняло бы рыночную цену золота на 20% выше его новой монетной цены и еще больше понизило бы стоимость банкнот в той же самой пропорции.

Таким талантливым писателем, как д-р Адам Смит, было неопровержимо доказано, что норма процента по ссудам регулируется нормой прибыли только на ту часть капитала, которая состоит не из денег, а также, что эта прибыль не регулируется ничем, будучи вполне независимой от большего или меньшего количества денег, выпускаемых для целей обращения; увеличение средств обращения увеличит цены всех товаров, но не понизит норму процента.

Мы не должны поэтому руководиться в наших суждениях об эмиссиях Английского банка критерием нормы процента, так настоятельно рекомендуемым вашим корреспондентом, ибо раз аргументация д-ра Смита правильна, то, будь количество наших средств обращения в 10 раз больше, чем оно есть, норма процента не была бы затронута этим надолго.

Я думаю, сэр, что мне удалось доказать, что мои опасения не совсем неосновательны и что налицо имеется большое обесценение нашей денежной массы, затрагивающее интересы владельцев государственных аннуитетов, так же как и тех, чья собственность состоит из денег, без всякой соответствующей выгоды. Зло, связанное с изменчивым эталоном стоимости, поскольку оно затрагивает все сделки, слишком очевидно, чтобы на него еще нужно было указывать. Постоянство стоимости драгоценных металлов в первую очередь рекомендовало их в качестве всеобщего средства обмена. Это преимущество теперь потеряно для нас, и мы не можем считать, что наше денежное обращение покоится на солидном основании, пока оно не будет восстановлено до уровня стоимости остальных стран.

Г-н Коббетт полагает, что после извлечения определенного количества банкнот Английского банка из обращения место их было бы немедленно занято провинциальными банкнотами. По моему мнению, ничего подобного не произойдет, напротив, я думаю, что такая мера вынудила бы провинциальные банки извлечь из обращения столько же, если не значительно больше, *из* банкнот.

Банкноты Английского банка и банкноты провинциального банка представляют теперь одинаковую стоимость, и количества их находятся в соответствии с теми функциями, которые они должны выполнять. Извлекая банкноты Английского банка из обращения, вы увеличиваете их стоимость и понижаете цены товаров в тех местах, где они имеют обращение. Банкнота Английского банка будет при этих условиях иметь большую стоимость, чем

провинциальная банкнота, потому что она будет нужна для покупки на более дешевом рынке; а так как провинциальный банк обязан давать банкноты Английского банка в обмен на свои собственные, то на них будет предъявляться спрос до тех пор, пока количество провинциальных банкнот не будет находиться в том же самом отношении к количеству лондонских банкнот, в каком оно было прежде. Это вызовет соответствующее падение цен всех товаров, на которые обмениваются провинциальные банкноты.

Лицу, писавшему в газете «The Pilot», угодно было сделать предположение, что джентльмен, выступавший в вашей газете под именем «Меркатора», писал «в помощь или подражание мне или в союзе и заговоре со мной». Этот факт имеет сам по себе весьма малое значение. Если его аргументы или мои слабы, покажите это, но «Не-делец» ошибается: мне, так же как и ему, взгляды «Меркатора» стали известны только через посредство «The Morning Chronicle».

Остаюсь, сэр, и т. д.
Р.

III

[«The Morning Chronicle» 23 ноября 1809 г.]

Редактору «Morning Chronicle»

Сэр!

Если бы ваш корреспондент «Друг банкнот» доказывал еще в то время, когда он в первый раз сделал мне честь отметить мои замечания о высокой цене золота, как он это делает теперь, что банкноты были представителями серебряных, а не золотых монет, то мы скорее открыли бы источники наших разногласий о предмете нашего спора. Я избавил бы его тогда, сэр, от труда дать столько доказательств следующему бесспорному положению: *если бы серебро было единственной мерой стоимости, то тот факт, что золото стоит 4 ф. ст. 13 шилл. за унцию, не является сам по себе доказательством обесценения банкнот.* Я, право же, думал, что доказал это положение в следующих замечаниях: «Когда мы говорим о высокой цене золота, то решительно все равно, измеряется ли эта цена в золоте или банкнотах, которые можно немедленно обменять на золото. Она может быть высока, будучи оценена в серебре или в товарах всякого рода». Из содержания первого и следующего писем явствовало, что я рассматривал золотую монету как эталон обмена и измерял им обесценение банкнот. Я не имел основания предполагать, что ваш корреспондент смотрел иначе на этот вопрос. В одном месте он называет банкноты «заместителями золота», в другом он замечает, что «если бы банк не был

связан запрещением платить звонкой монетой, то большой и растущий спрос на золото на континенте извлек бы из нашей страны каждую гинею и оставил бы нас без всяких ресурсов на крайний случай, когда кредит мог бы пошатнуться». Запрещение размена могло только дать возможность директорам Английского банка, если они были расположены к этому, противодействовать вывозу за границу накопленных в банке гиней. Гинеи, находившиеся в обращении, могли быть вывезены из страны как до, так и после этой меры. Но если бы одно только серебро было эталоном денежного обращения, как это в настоящее время утверждают, то банк мог бы платить по своим банкнотам телерешней неполновесной серебряной монетой, например в шиллингах, потерявших 24% своего стандартного веса и стоимости. Гинея, следовательно, не нуждалась бы в этой защите. На серебро не проявлялся бы спрос потому, что оно могло бы быть расплавлено или вывезено только с потерей в 24%. Если бы серебро было эталоном денежного обращения, то банкноты обращались бы в 1797 г. с премией в 24%, а в настоящее время—с премией в 14%.

Но если, как я попытаюсь доказать, мерой стоимости является золото и банкноты являются, следовательно, представителями золотой монеты, то я вправе ожидать, что автор согласится со мной относительно обесценения банкнот, а также и с тем, что превышение монетной цены золота его рыночной ценой является мерой его обесценения.

Цена стандартного серебряного слитка составляла в последний вторник 5 шилл. 9½ пенс. за унцию. В тот же день цена стандартного золотого слитка равнялась 4 ф. ст. 10 шилл. за унцию, следовательно, унция золота равнялась приблизительно 15½, а не 18 унциям серебра.

Итак, если мы будем оценивать стоимость банкнот ценою золотых слитков, то банкноты окажутся обесцененными на 15½%, если ценою серебряных слитков,—то на 12%. Но ваш корреспондент несомненно заметил бы, что это заключение, сделанное на основании цены серебра, было бы правильно лишь при условии, что наши серебряные деньги не были попорчены обрезыванием и соскабливанием; поскольку же мы знаем, что они обесценены в силу своей неполновесности, то ясно, что высокая цена золотых слитков была вызвана в значительной степени, а серебряных слитков целиком этим дефектом. Согласно этой аргументации банкноты являются представителями не наших стандартных серебряных денег, а нашей неполновесной серебряной монеты.

Лорд Ливерпуль в письме к королю о состоянии денежного обращения заметил, что действующий теперь закон, находящийся в силе с 1774 г., гласит: «Никакая уплата, произведенная когда-либо серебряной монетой королевства на сумму, превосходящую 25 ф. ст., не может почитаться в пределах Великобритании или Ирландии законной или произведенною законным платежным

средством для большей стоимости, чем та, которая соответствует ей по весу, т. е. 5 шилл. 2 пенса за каждую унцию серебра».

Банкноты не являются поэтому представителями неполновесных серебряных денег. Держатель банкноты в 1 тыс. ф. ст. может отказаться принять в уплату больше чем 25 ф. ст. в нынешней неполновесной серебряной монете. Если бы остаток в 975 ф. ст. был уплачен ему в шиллингах, он получил бы их по весу по их монетной цене в 5 шилл. 2 пенса за унцию, что вместе с 25 ф. ст. неполновесного серебра при продаже по теперешней цене в 5 шилл. 9¹/₂ пенс. за унцию дало бы 1 110 ф. ст. в банкнотах, а это доказывает, что на основании принципов, установленных нашим же автором, банкноты были бы обесценены на 11%, если бы серебро сделалось эталоном денежного обращения.

В силу оснований, приводимых лордом Ливерпулем в его вышеупомянутом труде, я считаю золото стандартной мерой стоимости. Он замечает, что «серебряные монеты не являются уже больше главной мерой стоимости: все товары получают теперь свою цену или стоимость по отношению к золотой монете точно так же, как и раньше они получали стоимость по отношению к серебряной монете. Существующие недостатки серебряной монеты, как они ни велики, не принимаются благодаря этому во внимание при уплате цены какого-нибудь товара в размерах суммы, для которой серебро является законным платежным средством. Ясно поэтому, что золотая монета стала теперь и на практике и в общественном мнении главной мерой собственности».

Он констатирует затем, что в царствование Вильяма III стоимость находившейся в обращении гинеи доходила до 30 шилл. и что стоимость золотой монеты повышалась или падала пропорционально тому, была ли серебряная монета более или менее совершенна. «Такое увеличение или изменение в стоимости золотой монеты не имело места с 1717 г., когда цена или стоимость гинеи была определена особым постановлением и удостоверением Монетного двора в 21 шилл., а стоимость других золотых монет определялась соответственно стоимости гинеи; серебряные же монеты, обращающиеся теперь, давно были и все еще являются по крайней мере такими же неполновесными, какими они были в начале царствования короля Вильяма. Несмотря на это, гиней и другие золотые монеты постоянно обращались с 1717 г. по норме или стоимости, данной им удостоверением Монетного двора».

«Оба изложенные соображения ясно доказывают мнение народа Великобритании как по вопросу о внутренней торговле, так и по отношению к внутренним делам. Теперь я хочу показать, каково было мнение на этот счет иноземных народов». В царствование короля Вильяма вексельные курсы повышались или падали в соответствии с совершенством или недостатками нашей серебряной монеты. До перечеканки 1695 г. вексельные курсы со всеми

чужими странами были против Англии на 4 шилл. на фунт, а с некоторыми еще гораздо больше. «Однако это зло больше не существовало с 1717 г., хотя наша серебряная монета в течение всего этого периода была очень испорчена. Но, с другой стороны, наши вексельные курсы с чужими странами в очень большой степени склонялись против нас, когда наша золотая монета была неполновесна, т. е. до реформы нашего золотого денежного обращения в 1774 г.». Лорд Ливерпуль считает это доказательством, что иностранцы рассматривали нашу золотую монету как главную меру собственности. Другой аргумент почерпнут из цен золотых и серебряных слитков. Когда наша золотая монета была до перечековки в 1774 г. неполновесна, цена золотых слитков поднялась значительно выше их монетной стоимости, но сейчас же после того, как золотая монета доведена была до ее настоящего состояния совершенства, цена золотых слитков упала несколько даже ниже монетной цены и продолжала держаться на этом уровне в течение 23 лет—до 1797 г. «Таким образом, из этих фактов явствует, что цена золотых слитков испытала на себе влияние состояния нашей золотой монеты, хотя начиная с 1717 г. влияние плохого состояния или положения нашей серебряной монеты не отражалось на их цене». Цена серебряных слитков испытывала на себе с 1717 г. влияние совершенства или недостатков нашей золотой монеты, но не была в такой степени затронута плохим состоянием нашей серебряной монеты. «Из всего этого явствует, что стоимость золотых или серебряных слитков оценивалась по крайней мере в течение 40 лет соответственно состоянию исключительно нашей золотой монеты, а не серебряной. Цена обоих этих металлов повышалась, когда наша золотая монета ухудшалась, она упала, когда наша золотая монета была доведена до настоящего совершенства, и можно поэтому с полным основанием сделать вывод, что в мнении торговцев драгоценными металлами (которые могут считаться лучшими судьями в этом деле) золотая монета сделалась главной мерой собственности, а потому и орудием торговли». В другом месте лорд Ливерпуль высказывает мнение, что фунт стерлингов составляет $\frac{20}{21}$ гинеи. То же самое мнение высказывается сэром Джемсом Стюартом. «В настоящее время, — говорит он, — нет фунтов стерлингов в серебряной монете; количество серебра в Англии отнюдь не пропорционально размерам торгового обращения, и поэтому единственными деньгами, в которых может быть измерена стоимость фунта стерлингов, являются гинеи».

Директора Английского банка должны были быть того же мнения, констатируя в своих показаниях парламенту, что они обычно ограничивали количество своих банкнот, когда рыночная цена золота превосходила его монетную цену.

В докладе Комитета палаты лордов в 1797 г. сказано, что «золото есть торговая монета Великобритании, а серебро в течение

уже многих лет было только товаром, который не имел никакой твердой цены и очень редко посылается на Монетный двор для чеканки, но изменяется (в цене) согласно спросу на него на рынке».

Остаюсь, сэр, вашим покорным слугой

4 ноября.

Р.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1) Ответ г-ну Троуэру

«Фактически,—говорит г-н Троуэр,—банкноты в настоящее время не представляют ни золота, ни серебра, так как банк не имеет права платить по своим банкнотам ни золотом, ни серебром». Спор между г-ном Троуэром и мною, как я его понял, идет о том, является ли банкнота обязательством платить золотом или серебром. Верно, что Английский банк законом освобожден от выполнения своих обязательств, но этот факт не должен мешать нам установить, в чем состоит его обязательство и каким образом он будет вынужден выполнять его, если закон будет отменен. Именно в этом пункте различаются наши взгляды на предмет. Г-н Троуэр утверждает, что если бы Английский банк был внезапно вынужден выполнить свои обязательства, он мог бы платить и платил бы серебряной монетой, так как для него это выгодно; я, напротив, доказываю, что, призванный сделать это, он был бы вынужден платить золотой монетой, что серебряная монета недостаточна для этой цели и что имеется такой закон, в силу которого нельзя чеканить серебряную монету. Я допускаю, что при возможности перечеканить серебро в монету этому металлу отдали бы предпочтение, потому что его можно получить дешевле, но пока существует закон против чеканки серебра, мы вынуждены пользоваться только золотом. Г-н Троуэр сам признает полностью мое утверждение, когда говорит: «Если в это время (когда закон, запрещающий размен, будет отменен) закон, запрещающий чеканку серебряной монеты, будет сохранять свою силу, то в этом случае золото несомненно должно быть рассматриваемо как мера стоимости в этой стране». Имеет ли г-н Троуэр право говорить о вещах не как они действительно существуют, а как они будут существовать по его предположению когда-нибудь в будущем?

Конечно, закон, запрещающий чеканку серебра, может быть отменен, и когда это случится, г-н Троуэр будет, может быть, прав: серебро может тогда стать стандартной мерой стоимости, но пока закон остается в силе, золото должно быть по необходимости такой мерой, и следовательно стоимость банкнот может быть измерена их сравнительной стоимостью по отношению к золотой монете или слиткам.

Тот факт, что в обращении находится больше серебра, чем золота, легко может быть объяснен в первую очередь тем, что банкнот меньшего достоинства, чем в 1 ф. ст., не существует, и приходится, следовательно, употреблять серебро при мелких платежах. Во-вторых, поскольку банкноты являются заместителями золотой монеты, в гинейх абсолютно нет нужды. А это в соединении с их высокой стоимостью сравнительно с их заместителями достаточно объясняет их исчезновение из обращения. В-третьих, так как золотая монета удержала свой стандартный вес, а серебряная потеряла 40% своего веса, выгодно переплавлять гиней и удерживать серебро в обращении.

Перейдем теперь ко второму предмету спора—тому действию на цены товаров, а также золотых и серебряных слитков, которое г-н Троуэр приписывает неполновесности серебряной монеты. Почему же, спрошу я, если это действительно так, то же самое действие не сказывалось на рыночных ценах этих металлов до приостановки размена банкнот Английским банком в 1797 г.?

Сказать, что золотая монета была тогда стандартной мерой и что *эта* монета не была испорчена, а потому такого действия не последовало, не значит дать удовлетворительный ответ. Я считаю этот ответ неудовлетворительным, так как золото было ведь мерой стоимости по той причине, что им было выгоднее платить долг, чем стандартной серебряной монетой, но мы теперь говорим не о стандартной серебряной монете, а о неполновесной. Последняя была тогда, так же как и теперь, сравнительно дешевле, чем золотая монета, и если она может быть использована с большей выгодой для уплаты долга теперь, то это могло иметь место и тогда. Однако тогда это не приводило к тем же результатам; золотые слитки стоили все время ниже их монетной цены, а серебряные—выше таковой только потому, что монетные соотношения были неточно определены. Быть может, несколько дальнейших разъяснений сделают этот вопрос более ясным. В 1797 г. серебряная монета была обесценена на 24%, в то же самое время отношение стоимостей золота и серебра на рынке составляло $14\frac{3}{4} : 1$, тогда как в монете они оценивались как $15 : 1$, поэтому при сравнении стандартных металлов за меру стоимости принималось золото. Но отношение стоимости золота к стоимости неполновесной монеты равнялось $19 : 1$. Значит, тогда, как и теперь, существовали одинаковые основания к тому, чтобы цена золотых слитков была выше их монетной цены, ибо в обоих случаях это было связано с ухудшением серебряной монеты. Я поэтому утверждаю, что если, как это предполагает г. Троуэр, цена товаров подверглась изменению вследствие ухудшенного состояния серебряной монеты, то это явление имело место в силу тех же оснований и в той же мере в 1797 г., как и много лет назад. Может ли г. Троуэр объяснить, почему этого не было в течение 23 лет до 1797 г., когда золото стоило ниже своей монетной цены?

Я сказал: «Сравните неполновесную серебряную монету с золотой монетой стандартного качества— разве она не имеет одинаковой стоимости с ней?» Г-н Троуэр отвечает: «Вы говорите, что банкноты подверглись обесценению на 20%, сравните их с полновесной золотой монетой, разве они не имеют одинаковой стоимости с ней?» В другом месте г. Троуэр замечает, что если верно, как я утверждаю, что 1 тыс. ф. ст. в неполновесной серебряной монете купят ровно столько же золотых или серебряных слитков, как 1 тыс. ф. ст. в золотой монете, то так же верно, что 1 тыс. ф. ст. в банкнотах купят столько же. Если, таким образом, допустить, что в настоящее время 1 тыс. ф. ст. в золотой монете, в неполновесной серебряной монете или в банкнотах имеют совершенно одинаковую стоимость, когда на них покупаются товары, то где же причина, что ни за одну из них нельзя купить столько золотых или серебряных слитков, сколько в 1797 г., т. е. до издания закона о запрещении размена банкнот? И, хотя во внутреннем обращении они могут иметь одинаковую стоимость, является ли это совпадение в их стоимости естественным или принудительным?

Не подлежит никакому сомнению, что стоимость банкнот и неполновесной серебряной монеты регулируется в настоящее время не стоимостью полновесной золотой монеты. Если бы это было так, цена золота не была бы выше его монетной цены. Ведь г-н Троуэр всегда соглашался, что никто не дал бы больше одной унции золота за унцию золота; поэтому золото не могло бы стоить 4 ф. ст. 10 шилл. или 4 ф. ст. 13 шилл. за унцию, если бы стоимость всех обращающихся денег равнялась стоимости золотой монеты. Отсюда неизбежно вытекает, что стоимость золотой монеты доведена до уровня неполноценной серебряной монеты или банкнот. Но я уже заметил, что до 1797 г. стоимость неполноценной серебряной монеты всегда поднималась до стоимости золотой монеты (потому что количество ее было всегда умеренным) и что хотя для определенной суммы она была законным платежным средством, она не была ни достаточно изобильна, ни достаточно ходка, чтобы поднять цену золотых слитков выше их монетной цены. Ни разу не случилось, чтобы кто-нибудь купил золотой слиток хотя бы на один пенс дороже за унцию только потому, что он желал... платить неполновесной серебряной монетой.

Если, таким образом, золотая и серебряная монета имели одинаковую стоимость и были одновременно обесценены в своей меновой стоимости до $\frac{4}{5}$ их действительной стоимости, короче говоря, до стоимости банкнот, находившихся в обращении одновременно с ними, то чему он может приписать это явление, если не обесценению банкнот?

Предположим, что закон против вывоза гинеи отменен. Г-н Троуэр не будет тогда утверждать, что золотая монета, серебряная монета и банкноты имеют одинаковую стоимость, потому что он уже допустил, что никто не даст больше 1 унции золота

за унцию золота; однако при этих обстоятельствах золото будет продаваться за 4 ф. ст. 10 шилл. или 4 ф. ст. 13 шилл. в банкнотах или неполновесных шиллингах, но в золотой монете оно будет стоить не выше 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. за унцию.

Стоимость, по которой обращается в настоящее время золотая монета, есть принудительная стоимость; ее естественная стоимость на 15% выше ее принудительной стоимости, но отмените закон, удалите силу, которая заставляет снижаться ее стоимость, и она немедленно приобретет вновь свою естественную стоимость. Допустим, что я таким образом уступил в первом спорном пункте и допустил, что банкноты представляют обязательства платить серебряной, а не золотой монетой, тогда стало бы очевидным, что обесценение серебряной монеты не могло бы произвести на цены золотых или серебряных слитков или всяких других товаров никакого другого действия, кроме того ничтожного влияния, какое могло бы оказать на них наличие незначительной доли неполновесной серебряной монеты, рассматриваемой как законное платежное средство.

До перечеканки золотой монеты в 1774 г. золотой слиток стоил, как я уже заметил, 4 ф. ст. за унцию, т. е. на $2\frac{1}{2}$ % выше монетной цены золота. Обесценение золотой монеты должно было аналогичным образом повысить цены всех других товаров. Против этого положения нельзя больше спорить. Сейчас же после перечеканки цена золота упала ниже его монетной цены.

Пока золотая монета теряла, таким образом, в весе, за гинею, только что вышедшую с Монетного двора и следовательно не подвергшуюся еще снашиванию, или за гинею, находившуюся в резерве и не подвергавшуюся снашиванию, можно было бы купить не больше товаров, чем за потертую и неполновесную гинею; однако отсюда нельзя было бы заключить, что неполновесная и новенькая гинея имеют одинаковую стоимость, так как ясно, что цены всех товаров регулировались бы в этом случае не количеством золота в новеньких гинеях, а количеством золота, действительно содержащегося в старых гинеях.

Точно так же и теперь: хотя в обращении находится немного гиней и при покупке товаров они расцениваются не по более высокой стоимости, чем та же сумма в банкнотах, однако цены товаров регулируются не количеством золота, которое содержат гинеи, но количеством его, за которое можно купить банкноты. Если монета полновесна и банкноты не обесценены, то эти два количества должны быть всегда почти одинаковы.

Тот факт, что золотая монета была в течение почти целого столетия главной мерой стоимости, установлен, по моему мнению, вполне бесспорно доводами лорда Ливерпуля. Они вкратце заключаются в следующем. Обесценение серебряной монеты в течение этого периода не вызвало какого-нибудь перевеса рыночной цены золотых или серебряных слитков над их монетной ценой; оно не

произвело также никакого влияния на вексельные курсы с иностранными странами, в то время как обезценение золотой монеты, имевшее место в течение части столетия, сейчас же вызывало повышение рыночной цены золотых и серебряных слитков и соответствующее воздействие на уровень вексельных курсов; немедленно после того как золотая монета была доведена до ее теперешнего состояния совершенства, цена слитков упала ниже их монетной цены, и вексельные курсы достигали паритета или были благоприятны в нашу пользу.

Лорд Ливерпуль ясно доказал этот факт, но не дал удовлетворительных объяснений, почему золото должно было стать стандартной мерой стоимости предпочтительно перед серебром.

Я думаю, что золото *должно* быть главной, если не единственной, мерой стоимости до тех пор, пока относительная стоимость золота и серебра будет меньше на рынке, чем их относительная стоимость в монете согласно монетному уставу.

Золотая и серебряная монеты одинаково являются в силу закона признанным платежным средством, если они имеют законный вес.

В силу монетного устава золото в $15 \frac{9}{124}$ раза дороже серебра. На рынке же до того времени, когда писал лорд Ливерпуль, золото было—в среднем за очень долгий период—только в $14 \frac{3}{4}$ раза дороже серебра, поэтому каждому должнику выгодно было платить свой долг в золотых монетах, и следовательно каждому, кто доставлял на Монетный двор металл для чеканки, в том числе и Английскому банку, было выгодно доставлять с этой целью золото, а не серебро. Таким образом, если бы я был купцом, склады которого хорошо снабжены товарами, и был бы должен 1 тыс. ф. ст., я мог бы купить столько золотых слитков, сколько содержится золота в 1 тыс. ф. ст., при помощи меньшего количества товаров, чем я должен был бы отдать, чтобы получить соответствующее количество серебряных слитков, содержащееся в 1 тыс. ф. ст., и это побудило бы меня купить золото, а не серебро и направить в Монетный двор для чеканки не серебро, а золото. Пока золото было только в $14 \frac{3}{4}$ раза дороже серебра, цена серебряного слитка была бы всегда *выше его монетной цены*, поэтому для Английского банка было бы убыточно покупать серебряные слитки для чеканки, тогда как при покупке для этой цели золотых слитков он не потерял бы никаких убытков. *Итак, очевидно, что золото будет единственной мерой стоимости только тогда, когда в сравнении с серебром оно стоит на рынке меньше, чем согласно монетному уставу.* В течение этого времени банкноты будут представителями золотой монеты, потому что Английский банк будет всегда платить в монете, чеканка которой обойдется ему всего дешевле.

Но если с течением времени, *как это повидимому имело недавно место, золото сделалось бы дороже* и ценилось бы на рынке по отношению к серебру выше, чем в форме монеты,—если бы

оно было в $15\frac{1}{2}$, или 16 раз дороже серебра, то золото стоило бы выше своей монетной цены, а серебро сохраняло бы свою монетную стоимость или было бы ниже ее. Золото могло бы тогда быть с выгодой переплавлено, а серебро с выгодой же перечеканено в монету. *Серебро стало бы, таким образом, мерой стоимости; Английский банк оплачивал бы свои банкноты в серебре, и следовательно банкноты стали бы представителями серебряной, а не золотой монеты. В этом состоит на самом деле доказательство г-на Троруэра.* Высокая цена золотых слитков не есть сама по себе, как он справедливо утверждает, доказательство обесценения банкнот, потому что золотые слитки могут подняться в цене выше своей монетной стоимости в результате изменения их стоимости по отношению к серебру; это может произойти даже при полном отсутствии банкнот. Из того, что я уже сказал, явствует, что *я безоговорочно принимаю это положение за истину.*

Но если причина высокой цены золотых слитков именно такова, то цена серебряных слитков никогда не будет выше их монетной цены до тех пор, пока одни только полновесные монеты будут законным платежным средством. Когда цена серебряных слитков была выше их монетной цены, а цена золотых равнялась своей монетной цене или была ниже ее (а это было общим явлением до 1797 г.), то никто не утверждал, что банкноты обесценены, и если бы цена золотых слитков была на 20% выше их монетной цены, а цена серебряных равнялась их монетной цене, то я считал бы, что банкноты не подверглись обесценению. Но раз цена обоих металлов выше их монетных цен, то это—убедительное доказательство, что находящиеся в обращении банкноты обесценены.

Г-н Троруэр хочет объяснить этот факт установленным обесценением серебряных денег. Если бы эти неполновесные деньги были законным платежным средством, я не спорил бы с ним об этом, но он сам признает, что это не так, поэтому неполновесность серебряной монеты не может быть причиной высокой цены серебряных слитков.

Я хочу ответить теперь на некоторые замечания г-на Троруэра по поводу моего последнего письма в «Morning Chronicle».

Я приводил цену серебра в 5 шилл. $9\frac{1}{2}$ пенс., не имея намерения усилить или ослабить мою аргументацию. Мне кажется, что цена 5 шилл. 7 пенс. не была упомянута г-ном Троруэром, когда он писал, и я не думал, что расчеты его основаны на этой цене; но, как он замечает, мы спорим о принципах, а потому цена в 5 шилл. 7 пенс. для меня так же годится, как цена в 5 шилл. $9\frac{1}{2}$ пенс.

Г-ну Троруэру кажется, что в моем высказывании имеется несогласованность, что если бы серебро было принято за денежный эталон, то банкноты обращались бы в 1797 г. с премией в 24%, а теперь—с премией в 14%; при этом предполагается, что эталонном служит неполноценная серебряная монета, на том основании,

что на 100 ф. ст. в банкнотах можно было купить в 1797 г. на 24% больше серебра в слитках, чем его содержалось в 100 ф. ст. неполновесной серебряной монеты, и притом купить по его настоящей цене, т. е. на 14% дороже. Я, кроме того, сказал, что «если мы оцениваем стоимость банкнот в серебряных слитках, то мы найдем, что они подверглись обесценению в 12%», а в другом месте: «что если бы серебро было принято за денежный эталон, то банкноты, находящиеся в обращении, стоили бы на 11% меньше». Меня приглашают объяснить эти места. Я думал, что если бы наши серебряные деньги отличались стандартным монетным весом и следовательно были бы так же хороши, как одинаковое количество слитков, то обращающиеся банкноты, оцениваемые таким мерилom, стоили бы на 12% меньше; но так как наши деньги не отличаются такой чистотой, так как по закону при крупных платежах кредитор может быть вынужден принимать в уплату до 25 ф. ст. неполноценной монеты, то банкноты, оцененные в наших серебряных деньгах, стоили бы на 11% меньше.

В расчетах, сделанных г-ном Троуэром, он приписывает весь излишек рыночной цены золота над его монетной ценой обесценению серебряной монеты, за исключением лишь той части этого излишка, которая вызвана изменением в относительной стоимости двух металлов. Он прав, оценивая изменение в относительной стоимости золота и серебра (он приводит цены в 4 ф. ст. 13 шилл. для золота и 5 шилл. 7 пенс. для серебра) в 11 ф. ст. 7 шилл. 2 пенса на 100 ф. ст., но он делает поспешное заключение, приписывая баланс превышения цены золота над банкнотами, т. е. 8 ф. ст. 1 шилл. 3 пенса, обесценению серебряных денег,—он считает доказанным то, что является предметом спора, и не объясняет нам своих данных. При том же правиле, если бы он взял теперешние цены золотых и серебряных слитков, т. е. 4 ф. ст. 10 шилл. и 5 шилл. 9¹/₂ пенс., он должен был бы установить действие обесценения серебряной монеты по крайней мере в 12%. Он ведь не скажет, что обесценение серебряной монеты увеличилось с тех пор, как началась дискуссия, поэтому он должен найти другую причину для объяснения разницы между 8 ф. ст. 1 шилл. 3 пенс. и 12 ф. ст.

Г-н Троуэр говорит, что если бы в обращении был только один металл, то рыночная цена превосходила бы монетную в точном соответствии с порчей монеты, но если в обращении находятся два металла, то из этого не следует, что слитки оплачиваются обесцененными деньгами. Из того, что уже было сказано, следует, что хотя мы имеем в обращении два металла, один необходимо должен быть вытеснен из обращения, а так как обесцененная серебряная монета не является законным платежным средством, то ею нельзя измерить никакой стоимости.

Меня обвиняют в том, что я устанавливаю невозможный случай, и спрашивают: «Какое доверие может быть оказано такой гипо-

тезе? Это способ рассуждения столь же необычный, сколь и бесполезный». Но разве предположить, что должник платил бы мне серебряной монетой, значит предположить невозможный случай? Вопреки мнению г. Троуэра я утверждаю, что находящиеся в обращении банкноты обесценены, а в доказательство моего положения я устанавливаю, что если мой должник решит уплатить мне свой долг серебром, он будет вынужден законом уплатить такую сумму, которая равнялась бы по стоимости 1 120 ф. ст. в банкнотах. Разве это не удовлетворительный аргумент, доказывающий, что серебро, содержащееся в 1 тыс. ф. ст., стоит больше, чем 1 тыс. ф. ст. в банкнотах? Тот факт, что уплата такого рода невозможна до тех пор, пока закон позволяет платить бумагой, которая, правда, называется 1 тыс. ф. ст., но может купить лишь столько серебра, сколько содержится в 900 ф. ст., представляет злоупотребление, против которого я протестую, а так как никто не отрицает, что 1 тыс. ф. ст. стоят больше, то наличие злоупотребления доказано.

Я согласен с г-ном Троуэром в том, что серебро есть законное платежное средство на всякую сумму, как и золото, если оно имеет свой монетный вес, но с его стороны это допущение фатально для его аргумента. На 62 шилл. стандартного веса, которые по его допущению равняются фунту серебра, я всегда могу купить фунт серебра в слитке. Он не отрицает этого. Он вполне соглашается, что если серебряная монета полновесна, то цена серебряных слитков, оплачиваемых серебряной монетой, не может превышать их монетную цену.

Но на 62 шилл. в банкнотах я не могу купить фунт серебра, за фунт серебра я вынужден дать 3 ф. ст. 7 шилл. банкнотами, а это составит премию в 8 ф. ст. 1 шилл. 8 пенс. Можно ли, желая быть последовательным, утверждать, что 62 шилл. стандартного веса, являющиеся законным платежным средством, стоят не больше, чем 3 ф. ст. 2 шилл. в банкнотах?

Если бы наш Монетный двор предписывал, чтобы каждый шиллинг весил унцию, то до тех пор, пока шиллинги были бы полновесными, серебро не могло бы стоить больше шиллинга за унцию; даже при обесценении денег и падении веса шиллинга только до пол-унции цена серебра не поднялась бы все же выше 1 шилл. за унцию, если бы закон защищал продавца слитков от уплаты неполновесной монетой. «Конечно,—сказал бы он,—я продал вам серебро по 1 шилл. за унцию, но шиллинг, которым вы мне платите, неполновесен, вы должны поэтому платить мне по весу согласно монетной цене шиллинга». Продавец получит поэтому в конечном счете по два неполновесных шиллинга за унцию, хотя он продал свое серебро по одному. Что таково было положение дел на рынке серебряных слитков, учит нас опыт почти целого столетия. Цена серебряных слитков редко поднималась выше их монетной цены, и увеличение последней объяснялось

изменениями в относительной стоимости золота и серебра. Серебро оплачивалось в золоте, и потому золото сохраняло свою монетную стоимость.

2) Ответ г-м Троттеру и Троуэру

Что собственно хочет сказать г-н Троттер, утверждая, что внешние долги, может быть, выгоднее уплатить путем вывоза дорогих товаров, чем дешевого,—вывозом золота, которое у нас дороже, чем товарами, которые у нас дешевле, чем за границей? Это очевидно невозможно; это включает противоречие, и нет нужды доказывать его нелепость. Если г-н Троттер думает, что вывоз всех других товаров будет сопровождаться такими большими расходами, которые сделают вывоз золота более выгодным, то он не сможет тогда утверждать, что золото дороже у нас, чем за границей, потому что оно при всех обстоятельствах наиболее дешевый экспортный товар. Когда мы говорим, что золото у нас дороже, чем за границей, а товары дешевле, то мы должны включить в расчет расходы, сопровождающие их вывоз на иностранные рынки, иначе они не могут служить удовлетворительными предметами сравнения. Если же г-н Троттер хочет сказать, что только золото будет принято в уплату за наш долг, какова бы ни была его относительная цена,—ибо здесь прекращается всякое сравнение между золотом и другими предметами,—то ведь мы обязались платить золотом, и ничто, кроме золота, не освободит нас от наших обязательств. Но я имею теперь дело не с замечаниями г-на Троттера, а с замечаниями г-на Троуэра.

Г-н Троуэр замечает, что если бы можно было допустить, что иностранный купец будет ввозить золото с убытком, то из этого следовало бы, что купцы меняют два товара, *на одном из которых оба теряют* (я предполагаю, что этот товар—слитки); их прибыли, говорит он, должны быть тогда получены с другого товара. Продавец должен прибавить к цене товара, например пшеницы, убыток, который он потерпел на золоте, полученном в уплату; далее покупатель должен прибавить к цене товара (пшеницы), кроме прибыли, убыток, который он терпит на золоте, каковым он платит за товар. Во-первых, это не удовлетворительный ответ г-ну Троттеру, который предполагает, что долг уже заключен и что по этому долгу можно платить только деньгами. Аргумент г-на Троуэра не имеет также никакого отношения к какому-либо новому договору, который может иметь место между экспортером пшеницы с континента и экспортером слитков золота или денег из Англии и который обязательно включает определение стоимости этих товаров. Он имеет в виду следующий случай: импортер пшеницы в Англию обязался уплатить известную сумму денег—слиток золота определенного веса, и наступило время, когда его кредитор не примет в уплату ничего другого.

Во-вторых, допуская, что аргумент применяется правильно, мы все же не знаем, за чей счет заключена сделка—за счет иностранного или английского купца? Мы должны очевидно предположить, что за счет обоих и что оба они заинтересованы в стоимости золота, потому что оба должны сделать надбавку к цене пшеницы, чтобы компенсировать себя за потерю на слитках: один из них должен это сделать потому, что слитки дешевы, другой—потому, что они дороги. Если же имеется указание, что ввоз пшеницы в Англию идет только за счет английского купца, то сделка была закончена, поскольку речь шла об иностранном купце, тогда, когда он продал пшеницу. Он купил ее во Франции за известную сумму французских денег и продал ее за известную сумму французских же денег, которые должны быть ему уплачены или при помощи векселя, или путем пересылки слитков одинаковой стоимости,—он поэтому заинтересован только в том, чтобы получить деньги для своего платежа и прибыль, если таковая ему причитается. Он мог бы по всей вероятности быть только агентом и интересоваться только получением комиссии за свои хлопоты. Если же сделка заключена за счет английского купца, то какое побуждение может он иметь для ввоза пшеницы, если золото, которое он обязался дать взамен ее, будет в Англии дороже, чем во Франции, или, говоря другими словами, если он не может продать ее за большую сумму денег, чем он за нее заплатил?

Если же он может так поступить, то не доказывает ли это, что золото дешевле в Англии, чем во Франции? Что на товар—пшеницу—можно в Англии купить больше золота, чем во Франции? Поскольку речь идет об этих двух товарах, какое лучшее доказательство можем мы иметь, что золото дороже во Франции, чем в Англии? Разве сказать:—нет, ведь пшеница дороже в Англии—значит дать удовлетворительный ответ? По отношению к чему она дороже? Конечно, к золоту. Я думаю, что это только другой способ сказать, что оно дешевле в Англии и дороже во Франции. Как можем мы различить в таком случае, получена ли прибыль путем продажи денег или путем покупки пшеницы, раз мы видим, что обе выражают в точности одно и то же?

Итак, в предположенном случае—вывоз золота в обмен на пшеницу, несмотря на то, что оно дороже в вывозящей стране,—необходимо включить и факт, что пшеница дешевле во ввозящей стране. Но можно ли бороться против невыгоды вывоза золота путем повышения цены пшеницы? Это было бы равносильно заявлению, что так как пшеница дешевле у нас, чем за границей, то я увеличу ее количество, ввозя еще больше, и в то же время подниму ее цену. Именно к такому аргументу пришлось бы прибегнуть, если бы вся сделка была заключена за счет иностранного купца.

ВЫСОКАЯ ЦЕНА
СЛИТКОВ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
ОБЕСЦЕНЕНИЯ
БАНКНОТ



*четвертое издание
с приложением*



ЛОНДОН
1811



ВВЕДЕНИЕ

(к первому изданию)

Автор последующих строк уже представил через посредство «Morning Chronicle» на суд общества некоторые размышления на тему о бумажно-денежном обращении. Он счел целесообразным вновь опубликовать свои взгляды на этот вопрос в такой форме, которая скорее сможет вызвать плодотворное обсуждение. Основанием для этого является то величайшее беспокойство, с которым он наблюдает прогрессирующее обесценение бумажных денег. Его опасения возросли, когда он увидел, что большая часть общества совершенно отрицает это обесценение и что другие, признающие наличие его, приписывают его какой угодно причине, но только не той, которую автор считает единственно действительной. Чтобы применить успешно какое-либо средство против зла такого большого размера, весьма важно не оставить никаких сомнений насчет причины этого зла. Опираясь на установленные начала политической экономии, автор ставит себе целью выдвинуть доводы, которые, по его мнению, доказывают, что бумажные деньги нашей страны давно уже подверглись да и теперь еще подвергаются значительному обесценению и что причиной тому является излишек их количества, а не недостаток доверия к Английскому банку или сомнения в его способности выполнить свои обязательства. Автор делает это без какого-либо неприятного сознания, так как он вполне убежден, что страна имеет в своем распоряжении средства восстановить бумажные деньги в их настоящей стоимости, т. е. стоимости монеты, для уплаты которой они должны служить порукой.

Ему известно, что он мало что может прибавить к аргументам, которые так искусно были развиты лордом Кингом и которые давно уже должны были убедить всех; но так как зло все более обостряется, то он полагает, что общество не перестанет выказывать интерес к предмету, который по своей важности не уступает никакому другому и с которым так тесно связано всеобщее благосостояние.

1 декабря 1809 г.

ВЫСОКАЯ ЦЕНА СЛИТКОВ— ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОБЕСЦЕНЕНИЯ БАНКНОТ

Наиболее авторитетные писатели по вопросам политической экономии исходили из предположения, что драгоценные металлы, употребляемые для обращения товаров всего мира, распределялись до учреждения банков в известных пропорциях между различными цивилизованными нациями земного шара соответственно состоянию их торговли и богатства, а следовательно и соответственно числу и частоте платежей, которые им приходилось производить. При таком распределении драгоценные металлы всюду сохраняли одну и ту же стоимость, а так как каждая страна одинаково нуждалась в количестве металлов, которое в данное время обращалось в ней, то не было никакого искушения ввозить или вывозить их.

Как и все остальные товары, золото и серебро имеют присущую им стоимость, которая не является произвольной, а зависит от их редкости, количества труда, затраченного на их добывание, и стоимости капитала, применяемого в рудниках для добычи их.

«Свойства полезности, красоты и редкости, — говорит д-р Смит, — представляют первоначальную основу высокой цены этих металлов или большого количества других предметов, на которые они всюду могут быть обмениваемы. Стоимость эта предшествовала их употреблению в качестве монеты и была независима от последнего: она сама является тем свойством, которое сделало их пригодными для такого употребления»*.

Если бы количество золота и серебра, употребляемое во всем мире в качестве монеты, было чрезмерно ограничено или излишне велико, то это ни в малейшей степени не повлияло бы на пропорции, в которых они распределялись бы между различными нациями; изменение в их количестве вызвало бы только сравнительное вздорожание или удешевление товаров, на которые они обмениваются. Меньшее количество монеты выполняло бы функции средства обращения так же хорошо, как и большее. 10 млн. были бы так же пригодны для этой цели, как и 100 млн. Д-р Смит замечает, что «самые богатые рудники драгоценных металлов прибавили бы очень мало к богатству всего мира. Продукт, стоимость которого вытекает главным образом из его редкости, необходимо теряет в стоимости при изобилии его»**.

Если в своем поступательном движении к богатству одна нация подвигается быстрее, чем другая, то первая предъявит спрос на более значительную долю денег всего мира и получит ее. Торговля, количество товаров, платежи этой нации возрастут, и общее денежное обращение всего мира будет распределено соответственно

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. XI, раздел II].

** [Там же].

новым пропорциям. Все страны будут поэтому содействовать удовлетворению этого действительного спроса.

Таким же точно образом, если какая-либо нация расточит часть своего богатства или потеряет часть своей торговли, она не сможет удержать то же самое количество средств обращения, которым она владела прежде. Часть его будет вывезена и распределится между другими нациями, пока не будут восстановлены обычные пропорции.

Пока положение стран по отношению друг к другу продолжает оставаться неизменным, то, как бы обширна ни была торговля их друг с другом, их вывоз и ввоз будут в целом одинаковы. Англия могла бы вывезти из Франции больше товаров, чем ввезти в нее, но в результате она ввезла бы больше товаров в какую-нибудь другую страну, а Франция ввезла бы больше из этой последней. Таким образом, вывоз и ввоз всех стран будут взаимно уравновешиваться, необходимые платежи будут производиться при помощи векселей, металлические же деньги не будут перемещаться, потому что стоимость их во всех странах будет одинакова.

Если бы в какой-нибудь из этих стран был открыт золотой рудник, то средства обращения ее понизились бы в своей стоимости, поскольку в обращение поступило бы возросшее количество драгоценных металлов, не могущих поэтому иметь такую же стоимость, как средства обращения в других странах. Золото и серебро в монете или слитках стали бы немедленно, повинувшись закону, регулирующему все остальные товары, предметами вывоза; они покинули бы страну, где они стали дешевы, и направились бы в страны, где они дороже, и продолжали бы это делать до тех пор, пока рудник сохранял бы свою производительность и пока не восстановилось бы вновь отношение, существовавшее в каждой стране между капиталом и деньгами до открытия рудника, а золото и серебро не обрели бы всюду одинаковую стоимость. Взамен за вывезенное золото были бы ввезены товары, и хотя то, что обычно называется торговым балансом, было бы против страны, вывозящей деньги или слитки, стало бы все же очевидно, что она ведет в высшей степени выгодную торговлю, ибо она вывозила бы то, что для нее совершенно бесполезно, в обмен за товары, которые могут быть употреблены для расширения ее промышленности и возрастания ее богатства.

Если бы вместо открытия в стране рудника в ней был бы учрежден банк наподобие Английского банка с правом выпускать свои банкноты в качестве средств обращения, то выпуск—путем ли ссуды торговцам или авансов правительству—большого количества банкнот, а следовательно значительное увеличение суммы средств обращения, привел бы к такому же результату, как и открытие рудника. Средства обращения понизились бы в своей стоимости, а товары повысились бы соответственно в цене. Равно-

весие между данной страной и остальными могло бы быть восстановлено только путем вывоза части монеты.

Таким образом, учреждение банка этого типа и сопровождающий его выпуск банкнот действуют так же, как и открытие рудника, как побуждение к вывозу либо слитков, либо монеты, и выгодны лишь постольку, поскольку может быть достигнута эта цель. Банк заменяет дорогостоящие средства обращения такими, которые не имеют стоимости, и дает нам возможность превратить драгоценные металлы (которые, хотя они и представляют весьма необходимую часть нашего капитала, не приносят никакого дохода) в капитал, который будет доставлять доход. Д-р А. Смит уподобляет выгоды, доставляемые учреждением банка, выгодам, которые могут быть получены путем превращения наших дорог в пастбища и хлебные поля и проведения дорог в воздухе*. Дороги, как и монеты, весьма полезны, но ни те, ни другие не приносят дохода. Нашлись бы, правда, люди, которых устало бы то обстоятельство, что звонкая монета оставляет страну, и которые рассматривали бы торговлю, требующую, чтобы мы расстались с звонкой монетой, как невыгодную. Закон действительно рассматривает ее как таковую и поэтому принимает меры против вывоза звонкой монеты. Однако достаточно весьма небольшого размышления, чтобы убедиться, что звонкая монета вывозится по нашему выбору, а не по необходимости, и что для нас в высшей степени выгодно менять излишние товары на такие, которые могут быть использованы производительно.

Вывоз звонкой монеты может быть предоставлен в любое время и без всякой опасности усмотрению отдельных лиц; монета не будет вывозиться в большем количестве, чем какой-либо другой товар, если только вывоз его не окажется выгодным для страны. Если бы вывоз ее был выгоден, никакие законы не могли бы помешать ему на деле. К счастью, в этом случае, как и в большинстве других, раз в области торговли существует свободная конкуренция, интересы отдельного лица и интересы всего общества никогда не расходятся между собою.

Если бы возможно было добиться строгого выполнения закона против переплавки или вывоза монеты при одновременной свободе вывоза золотых слитков, то этот закон не доставил бы никаких выгод; он, наоборот, причинил бы большой убыток тем, кому пришлось бы, вероятно, платить 2 унции, а то и больше, золота в монете за 1 унцию золота в слитках. Это привело бы к подлинному обесценению наших средств обращения, и цены всех других товаров поднялись бы в том же самом отношении, в каком увеличилась бы цена золотых слитков. Владелец денег терпел бы в этом случае такой же убыток, какой испытал бы собственник хлеба, если бы был проведен закон, запрещающий ему продавать свой хлеб дороже

* [См. «Богатство народов», кн. 2, гл. II].

чем за половину его рыночной стоимости. Закон против вывоза монеты имеет такую тенденцию, но его так легко обойти, что золото в слитках почти всегда имело почти такую же стоимость, как золото в монете.

Оказывается, таким образом, что средства обращения одной страны не могут иметь в течение сколько-нибудь продолжительного времени большую стоимость, чем средства обращения другой страны, поскольку речь идет об одинаковых количествах драгоценного металла. Излишек средств обращения есть только относительное понятие. Так, если бы сумма средств обращения составляла в Англии 10 млн., во Франции—5 млн., в Голландии—4 млн. и т. д., то даже при удвоении или утроении суммы средств обращения ни одна страна не заметила бы излишка в средствах обращения до тех пор, пока сохранилось бы прежнее отношение между количествами денег в этих странах. Цены товаров возросли бы всюду благодаря росту количества средств обращения, но ни одна страна не прибегла бы к вывозу денег. Но если бы данное отношение было нарушено тем, что в одной лишь Англии сумма средств обращения увеличилась вдвое, тогда как во Франции, Голландии и т. д. эта сумма оставалась бы без изменения, мы заметили бы излишек в средствах обращения; и по тем же основаниям другие страны ощутили бы недостаток в них, и часть нашего излишка вывозилась бы, пока не восстановились бы снова пропорции 10, 5, 4 и т. д.

Если бы во Франции унция золота имела большую стоимость, чем в Англии, и могла бы поэтому купить во Франции большее количество товаров, имеющих в обеих странах, то золото немедленно начало бы уходить из Англии ради этой цели; мы предпочитали бы тогда посылать золото вместо каких-нибудь других товаров, так как оно являлось бы самым дешевым товаром на английском рынке; ведь если бы золото было во Франции дороже, чем в Англии, то товары были бы там дешевле, и мы поэтому не посылали бы их с дорогого рынка на дешевый, а, наоборот, они поступали бы с дешевого на дорогой рынок и обменивались бы на наше золото.

Банк может продолжать выпуск своих банкнот, а звонкая монета может вывозиться с выгодой для страны до тех пор, пока банкноты остаются разменными на звонкую монету по предъявлению, потому что банк не может никогда выпустить банкнот на сумму большую, чем стоимость монеты, которая обращалась бы, если бы не было банка¹.

Если бы Английский банк попытался превысить это количество, то излишек банкнот немедленно вернулся бы к нему для размена на звонкую монету, так как наши средства обращения, понизив-

¹ Строго говоря, количество банкнот могло бы превысить эту стоимость, ибо, по мере того как банк увеличивал бы количество мировых средств обращения, Англия удерживала бы за собою известную долю этого приращения.

пись в силу этого в своей стоимости, могли бы быть вывезены с выгодой и не могли бы быть удержаны в обращении нашей страны. Таковы, как я уже объяснил раньше, способы, при помощи которых наши средства обращения приходят к одному уровню со средствами обращения других стран. Как только будет достигнут этот одинаковый уровень, исчезнет всякая выгода, доставляемая вывозом. Но если банк будет выпускать вместо вернувшихся к нему банкнот новые, полагая, что то количество средств обращения, которое было необходимо в истекшем году, будет необходимо и в текущем году, или по какой-либо другой причине, то снова возродится и с теми же самыми результатами стимул к вывозу звонкой монеты, данный первоначально излишком средств обращения. Снова усилится спрос на золото, вексельный курс сделается неблагоприятным, и цена золотых слитков поднимется несколько выше их монетной цены, поскольку закон разрешает вывозить слитки, но запрещает вывозить монету; разница же в цене будет приблизительно равна достаточному вознаграждению за риск.

Таким образом, если бы Английский банк упорствовал в своем стремлении возвращать свои банкноты в обращение, из его сундуков можно было бы извлечь все гинеи до последней.

Если бы Английский банк, желая восполнить недостаток своего золотого запаса, скупал золотые слитки по повышенной цене и перечеканивал их в гинеи, то это не помогло бы беде: спрос на гинеи не прекратился бы, но вместо вывоза их переплавляли бы и продавали банку в форме слитков по более высокой цене. «Операция Монетного двора,—заметил д-р Смит, намекая на аналогичный случай,—были бы в этом отношении похожи до некоторой степени на ткань Пенелопы—дело, сделанное в течение дня, уничтожалось бы в течение ночи»*. Тот же самый взгляд высказывается и г-ном Торнтоном: «Установив, что гинеи в сундуках Английского банка уменьшаются с каждым днем, его руководитель вполне естественно пожелал бы вернуть их всеми действительными и не чрезвычайно дорогими средствами. Они будут в известной мере расположены покупать золото даже и по убыточной цене и перечеканивать его в новые гинеи, но им придется делать это как раз в то время, когда многие переплавляют частным образом то, что отчеканено. Одна сторона переплавляла бы и продавала, в то время как другая скупала бы и чеканила. И каждая из этих двух конкурирующих операций будет производиться не в видах действительного вывоза каждой переплавленной гинеи в Гамбург: эти операции, или по крайней мере значительная часть их, будут ограничены пределами Лондона, так как и те, которые чеканят из слитков гинеи, и те, которые переплавляют гинеи в слитки, живут в одном и том же месте и дают постоянную работу друг другу».

* [«Богатство народов», кн. 4, гл. VI.]

«Если мы предположим,—продолжает г-н Торнтон,—как мы это и делаем сейчас, что Английский банк ведет такое же состязание с плавильщиками монеты, то он, очевидно, вступает с ними в очень неравный бой, и если бы даже банк устал в этом бою не так скоро, он, конечно, устал бы скорее, чем его противники».

Поэтому Английский банк был бы вынужден в конце концов пустить в ход единственное средство, имеющееся в его распоряжении, чтобы приостановить требования на гинеи: его руководители стали бы извлекать часть своих банкнот из обращения, пока стоимость остающихся банкнот не поднялась бы до стоимости золотых слитков, а следовательно и до уровня стоимости средств обращения других стран. Тогда отпала бы всякая выгода от вывоза золотых слитков, а вместе с ней и соблазн разменивать банкноты на гинеи.

Итак, с этой точки зрения оказывается, что соблазн вывозить деньги в обмен на товары, или то, что называется неблагоприятным торговым балансом, порождается только излишком средств обращения. Но г-н Торнтон, который рассматривает этот предмет очень пространно, предполагает, что очень неблагоприятный торговый баланс мог быть вызван в нашей стране плохим урожаем и последовавшим за ним ввозом хлеба, причем страна, которой мы задолжали, выразила нежелание принимать в уплату наши товары. Поэтому баланс нашего долга чужой стране должен был быть выплачен из той части наших денег, которая состоит из монеты, а это привело к спросу на золотые слитки и возрастанию цены последних. Г-н Торнтон считает, что Английский банк оказывает значительное облегчение торговцам, заполняя своими банкнотами пустоту, причиняемую вывозом монеты.

Г-н Торнтон признает во многих местах своего труда, что цена золотых слитков измеряется золотой монетой, а также, что закон, направленный против переплавки золотой монеты в слитки и вывоза ее, легко обходится. Но раз это так, то из этого следует, что никакой спрос на золотые слитки, вызванный той или иной причиной, не может повысить денежную цену этого товара. Ошибочность этого рассуждения происходит оттого, что автор не проводит различия между возрастанием стоимости золота и возрастанием его монетной цены.

При большом спросе на хлеб денежная цена его возросла бы, ибо, сравнивая хлеб с деньгами, мы в действительности сравниваем его с другим товаром; по той же самой причине, когда возникает большой спрос на золото, его хлебная цена должна возрасти, но ни в том, ни в другом случае один бушель пшеницы не будет стоить дороже другого или одна унция золота дороже другой. Одна унция слиткового золота не могла бы, пока цена его измеряется в золотой монете, иметь большую стоимость, чем унция золота в монете, или 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс., каков бы ни был спрос на него.

Если бы этот аргумент не считался решающим, то я указал бы, что предполагаемая здесь *пустота* в обращении может быть обусловлена только уничтожением или ограничением бумажного обращения; эта пустота была бы скоро пополнена ввозом слитков, которые не преминули бы потянуться к прибыльному рынку, так как при уменьшении числа обращающихся денег увеличилась бы их стоимость. Как бы ни был велик недостаток в хлебе, вывоз денег лимитировался бы их возросшей редкостью. Спрос на деньги настолько всеобщ, и при настоящем состоянии цивилизации деньги имеют такое существенное значение для коммерческих сделок, что они никогда не будут вывозиться в излишнем количестве. Даже во время такой войны, как настоящая, когда неприятель пытается запретить всякую торговлю с нами, та стоимость, которую приобрели бы средства обращения при увеличении их редкости, предотвратила бы вывоз их в размерах, создающих пустоту в обращении.

Г-н Торнтон не объяснил нам, почему в другой стране имелось бы нежелание получать наши товары в обмен за ее хлеб, а ему необходимо было бы доказать, что при наличии такого нежелания мы настолько считались бы с ним, что согласились бы расстаться с нашей монетой.

Если мы соглашаемся давать монету в обмен за товары, то это должно делаться нами свободно, а не из необходимости. Мы не ввозили бы больше товаров, чем мы вывозим, если бы не имели излишка средств обращения, который может поэтому стать частью нашего вывоза. Вывоз монеты вызывается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса: мы не вывозили бы ее, если бы она не шла на более выгодный рынок или если бы мы имели в своем распоряжении другой товар, который мы могли бы вывозить с большей выгодой. Вывоз монеты есть спасительное средство против избыточного обращения, но так как избыток или излишество средств обращения есть, как я уже старался доказать, только относительное понятие, то ясно, что иностранный спрос на монету порождается лишь сравнительным недостатком средств обращения во ввозящей стране—недостатком, который и вызывает повышение их стоимости.

Вывоз этот является всецело вопросом выгоды. Если бы лица, продавшие в Англию хлеб на сумму, скажем, в 1 млн., могли ввезти к себе товары, которые стоят 1 млн. в Англии, но за которые за границей можно выручить больше, чем при посылке туда миллиона в деньгах, то они предпочли бы товары; в противном случае они предъявили бы спрос на монету.

Иностранцы предпочитают получать золото в обмен на свой хлеб только на основании сравнения стоимости золота и других товаров на своем и на нашем рынках, раз золото на лондонском рынке дешевле, чем на их собственном. Если мы уменьшаем количество средств обращения, мы придаем им добавочную стоимость,

а это побуждает иностранцев изменить свой выбор и предпочесть товары. Если я должен в Гамбурге 100 ф. ст., я буду стараться найти наиболее дешевый способ уплаты их. Если я пошлю деньги, то, предполагая, что издержки пересылки составляют 5 ф. ст., погашение долга обойдется мне в 105 ф. ст. Если я покупаю здесь сукно, которое вместе с расходами по пересылке будет стоить мне 106 ф. ст. и которое в Гамбурге продается за 100 ф. ст., то очевидно, что мне гораздо выгоднее послать деньги. Если покупка и расходы по пересылке металлических изделий для уплаты моего долга обойдутся мне в 107 ф. ст., я предпочту скорее послать сукно, чем металлические изделия, но я не пошлю ни один из этих товаров и отдам предпочтение деньгам, потому что последние представляют самый дешевый экспортный товар на лондонском рынке. Те же самые основания будут руководить экспортером хлеба, если сделка происходит за его собственный счет. Но если Английский банк, «опасаясь за безопасность своего учреждения» и зная, что требуемое число гиней будет извлечено из его сундуков по монетной цене, счел бы необходимым уменьшить количество своих банкнот, находящихся в обращении, то стоимости денег, сукна и металлических изделий не относились бы больше друг к другу, как 105, 106 и 107; деньги стали бы наиболее дорогими из трех, и поэтому было бы менее выгодно использовать их для погашения зарубежных долгов.

Если бы—и это является более важным случаем—мы согласились платить субсидию иностранному государству, то деньги не стали бы вывозиться, пока имелись бы товары, которыми можно было бы дешевле погасить платеж. Интересы отдельных лиц сделали бы вывоз денег ненужным¹.

Итак, звонкая монета будет посылаться за границу для погашения долгов только тогда, когда она имеется в чрезмерном избытке, когда она представляет самый дешевый товар для вывоза. Если бы в такое время Английский банк платил по своим банкнотам наличными деньгами, то для этой цели потребовалось бы золото. Оно получалось бы по монетной цене, тогда как его цена в слитках была бы несколько выше его стоимости в монете, поскольку слитки могли бы вывозиться совершенно легально, а монета была бы запрещена к вывозу.

¹ Это в полной мере подтверждается заявлением мистера Роза в палате общин, что наш вывоз превышает наш ввоз на сумму, кажется, в 16 млн. ф. ст. В возмещение за этот вывоз нельзя было ввезти никаких слитков, ибо хорошо известно, что раз цена слитков была в течение всего года выше за границей, чем у нас, то значительное количество нашей золотой монеты вывозилось; поэтому к стоимости баланса вывоза необходимо прибавить стоимость вывезенных слитков. Часть этой суммы иностранные государства могут быть нам должны, но остаток должен в точности равняться нашим расходам за границей, состоящим из субсидий нашим союзникам и содержания там нашей армии и флота.

Очевидно следовательно, что обесценение обращающихся денег является необходимым следствием их избытка и что при обычном состоянии национального денежного обращения это обесценение встречает противодействие в вывозе драгоценных металлов¹.

Таковы, по моему мнению, законы, которые регулируют распределение драгоценных металлов по всему миру и которые обуславливают и ограничивают их перемещение из одной страны в другую, регулируя стоимость их в каждой из них. Но прежде чем я перейду на основе этих принципов к анализу главного предмета моего исследования, мне необходимо будет показать, что является в нашей стране стандартной мерой стоимости, представителем которой должны являться и самые бумажные деньги; определить их нормальное состояние или их обесценение можно только путем сравнения с такой мерой.

Можно утверждать, что ни в одной стране, где находящиеся в обращении деньги состоят из двух металлов, не существует постоянной меры стоимости², потому что эти металлы постоянно подвергаются изменению в стоимости по отношению друг к другу. Как бы точно ни устанавливали директора Монетного двора относительную

¹ В статье, помещенной в журнале, пользующемся большой и заслуженной известностью («Edinburgh Review», vol. 1, p. 183), было указано, что увеличение количества бумажных денег вызовет только повышение *бумажной* или выраженной в *средствах обращения* цены товаров, но оставит без изменения их слитковую цену. Это было бы верно в такое время, когда денежное обращение состояло бы целиком из бумажных денег, не подлежащих размену на металлические деньги, но не тогда, когда последние составляют какую-либо часть денежного обращения. В последнем случае результатом возросшего выпуска бумажных денег было бы извлечение из обращения такого же количества металлических денег; но это не могло бы быть сделано без увеличения количества слитков на рынке и уменьшения вследствие этого их стоимости или, другими словами, возрастания *слитковой цены товаров*. Только вследствие этого падения стоимости металлических денег и слитков возникает искушение вывозить их; наказание же за переплавку монеты является единственной причиной незначительной разницы между стоимостью монеты и слитков или незначительного перевеса рыночной цены над монетной. Но вывоз слитков—это синоним неблагоприятного торгового баланса. Какими бы причинами ни вызывался вывоз слитков в обмен на товары, по моему мнению, совершенно неправильно называть его неблагоприятным торговым балансом.

Когда обращение состоит всецело из бумажных денег, всякое возрастание их количества повышает *денежную* цену слитков (не понижая, однако, их *стоимости*) таким же образом и в том же отношении, в каком оно повышает цены других товаров; по той же причине это возрастание понижает вексельные курсы. Это понижение является, однако, только *номинальным*, а отнюдь не *реальным*; оно не повлечет за собой вывоза слитков, потому что действительная стоимость слитков не уменьшилась, так как не произошло никакого увеличения их количества на рынке.

² Строго говоря, не может существовать никакой постоянной меры стоимости. Мера стоимости сама по себе должна была бы быть неизменной; но таковым не может быть ни золото, ни серебро, потому что оба они подвержены колебаниям (в своей стоимости), так же как и другие товары; между тем опыт учит нас, что хотя изменения в *стоимости* золота или серебра могут быть значи-

стоимость золота и серебра в монете в тот момент, когда они фиксируют это отношение, они не в состоянии предупредить повышение стоимости одного из этих металлов, в то время как стоимость другого остается неизменной или снижается. Когда это случается, то монеты, вычеканенные из одного из металлов, будут переплавляться в слитки, чтобы быть проданными за другой. Г-н Локк, лорд Ливерпуль и многие другие писатели основательно исследовали этот предмет, и все они согласны, что единственное средство против зла, причиняемого этим путем денежному обращению, заключается в утверждении только одного из двух металлов стандартной мерой стоимости. Г-н Локк считал наиболее пригодным для этой цели металлом серебро и предложил, чтобы золотой монете предоставили находить самой свою собственную стоимость и представлять в обращении большее или меньшее число шиллингов в зависимости от измененной рыночной цены золота по отношению к серебру.

Лорд Ливерпуль, напротив, утверждал*, что золото не только является наиболее пригодным металлом для выполнения функций всеобщей меры стоимости в нашей стране, но что в силу общего соглашения всего народа оно сделалось уже таковой, принималось за таковую иностранцами и соответствовало наилучшим образом росту торговли и богатства Англии.

Он поэтому предложил, чтобы только золотые монеты служили законным платежным средством для сумм, превышающих одну гинею, а серебро—для сумм, не превышающих этого размера. В силу существующего закона золотая монета является законным платежным средством для всех сумм, но в 1774 г. было постановлено: «В пределах Великобритании или Ирландии уплата серебряной монетой королевства суммы, превосходящей 25 ф. ст., в один раз не может почитаться законной; серебряная монета не может также почитаться законным платежным средством для большей стоимости, чем та, которая соответствует ей по весу, т. е. 5 шилл. 2 пенса за каждую унцию серебра». Правило это было возобновлено в 1798 г. и остается в силе до настоящего дня.

Согласно ряду соображений, приводимых лордом Ливерпулем, не может повидимому подлежать никакому сомнению, что золотая монета была главной мерой стоимости уже в течение почти столетия. Это, думается мне, следует, однако, приписывать неточному определению монетных соотношений. Золото было оценено слишком высоко, поэтому серебро, имеющее свой стандартный вес, не могло оставаться в обращении.

тельны при сравнении отдаленных друг от друга периодов, но по отношению к коротким промежуткам времени стоимость их до известной степени устойчива. Именно это свойство помимо других преимуществ делает их более пригодными, чем всякий другой товар, для выполнения функций денег; поэтому с точки зрения, с которой мы рассматриваем их, золото и серебро могут быть названы мерой стоимости.

* [«Трактат о монетах королевства, изложенный в письме к королю», 1805, стр. 141 и др.]

Если бы было издано новое правило и серебро было бы оценено слишком высоко или (что то же самое) если бы рыночное соотношение цен золота и серебра стало больше, чем соотношение, установленное Монетным двором, то тогда золото исчезло бы из обращения, а серебро стало бы стандартным средством обращения.

Это может потребовать дальнейших разъяснений. Стоимость золота в монете относится к стоимости серебра в монете, как $15\frac{9}{124} : 1$. Одна унция золота, которая перечеканивается в 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. золотой монеты, стоит согласно монетному уставу $15\frac{9}{124}$ унции серебра, потому что такое количество серебра по весу тоже перечеканивается в 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. серебряной монеты. Пока отношение стоимости золота к стоимости серебра будет на рынке меньше, чем $15 : 1$, как это было в течение многих лет до последнего времени, золотая монета неизбежно останется стандартной мерой стоимости; ведь ни Английский банк, ни какое-либо отдельное лицо не послали бы $15\frac{9}{124}$ унции серебра на Монетный двор для перечеканки в 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., если бы они могли продать это количество серебра на рынке за сумму большую, чем 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в золотой монете, а они могли бы это сделать при условии, что унцию золота можно купить меньше, чем за 15 унций серебра.

Но если отношение стоимости золота и серебра превышает установленное Монетным двором отношение $15\frac{9}{124} : 1$, то золото не будет посылаться на Монетный двор для чеканки, ибо поскольку каждый из этих металлов является законным платежным средством на любую сумму, владелец унции золота не пошлет ее на Монетный двор для перечеканки в 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. золотой монеты, пока он может продать золото, а в подобном случае он это сможет сделать за большую сумму, чем 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в серебряной монете. Не только золото не будет посылаться на Монетный двор для перечеканки, но торговец, противозаконно торгующий золотом, будет переплавлять золотую монету и продавать ее в виде слитков за большую сумму, чем ее номинальная стоимость в серебряной монете. Таким образом, золото исчезло бы в этом случае из обращения, и серебро стало бы стандартной мерой стоимости. Так как золото испытало в последнее время значительное повышение стоимости в сравнении с серебром (унция стандартного золота, которая в среднем за много лет равнялась по своей стоимости $14\frac{3}{4}$ унции стандартного серебра, теперь стоит на рынке столько же, сколько $15\frac{1}{2}$ унций), то дело обстоит бы так именно теперь, если бы был отменен закон, ограничивающий права Английского банка по размену банкнот и была бы допущена такая же свободная чеканка серебра на Монетном дворе, как и золота. Но в парламентском акте 39-го года царствования Георга III имеется следующая статья:

«Принимая во внимание, что до тех пор, пока не будут введены

меры, признанные необходимыми, могут возникнуть неудобства от чеканки серебра; принимая во внимание, что в силу существующей низкой цены на слитки серебра, вызванной временными обстоятельствами, на Монетный двор доставлено было небольшое количество слитков серебра для перечеканки в монету и есть основание полагать, что в дальнейшем может быть предъявлено еще некоторое количество его и что поэтому необходимо прекратить на время чеканку серебра, да будет постановлено, что со дня опубликования настоящего закона слитки серебра не должны быть принимаемы для чеканки на Монетном дворе, а также не должна быть выдаваема та серебряная монета, которая могла уже быть в чеканке, несмотря ни на какой закон, противоречащий настоящему».

Закон этот и теперь сохраняет всю силу.

Могло бы поэтому казаться, что законодательство ставило себе целью признать золото эталоном денежного обращения в нашей стране. Пока этот закон сохраняет свою силу, серебряная монета должна употребляться только для мелких платежей, а для этой цели вполне достаточно находящегося в обращении количества этой монеты. Для должника могло бы быть выгодно уплачивать свои большие долги в серебряной монете, если бы он мог перечеканить слитки серебра в монету, но, не имея возможности сделать это благодаря вышеупомянутому закону, он по необходимости вынужден уплачивать свой долг в золотой монете; последнюю он может получить на Монетном дворе за свои слитки золота в любом размере. Пока этот закон остается в силе, золото во всяком случае должно всегда оставаться эталоном денежного обращения.

Если бы рыночная стоимость унции золота стала равной стоимости 30 унций серебра, золото оставалось бы все же мерой стоимости, пока названное запрещение сохраняло бы свою силу. Ровно ничего не изменилось бы для владельца 30 унций серебра оттого, что он узнал бы, что мог когда-то уплатить долг в 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., приобретя $15\frac{9}{14}$ унции серебра для перечеканки в монету на Монетном дворе; ведь в данном случае он все равно не имел бы других путей погасить свой долг, кроме продажи своих 30 унций серебра по рыночной стоимости, т. е. за унцию золота, или за 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. золотой монеты.

Публика несла в различные периоды весьма серьезные потери от того обесценения обращающихся денег, которое было результатом противозаконной порчи монеты.

Пропорционально степени порчи монеты возрастают в своей номинальной стоимости цены всех товаров, на которые можно обменивать монету, не исключая золотых и серебряных слитков. Соответственно этому мы находим, что до перечеканки, произведенной в царствование короля Вильяма III, серебряная монета была испорчена в такой степени, что унция серебра, которая долж-

на была содержаться в 62 пенс., продавалась за 77 пенс., а гинея, которая была оценена на Монетном дворе в 20 шилл., принималась во всех сделках за 30 шилл. Зло это было тогда устранено при помощи перечеканки. Такие же последствия были порождены порчей золотой монеты и были исправлены в 1774 г. тем же самым путем.

Наша золотая монета продолжала сохранять почти стандартную пробу 1774 г., но наши серебряные деньги снова подверглись порче. Испытание, произведенное на Монетном дворе в 1798 г., показало, что наши шиллинги оказались на 24%, а шестипенсовики на 38% ниже своей монетной стоимости. Мне сообщили, что после нового испытания, произведенного недавно, они оказались еще значительно более обесценены. Они не содержат следовательно столько чистого серебра, сколько содержали в царствование короля Вильяма. Однако до 1798 г. это ухудшение монеты не сопровождалось такими последствиями, какие мы наблюдали в предыдущем случае. Тогда и золотые и серебряные слитки поднялись в цене пропорционально порче серебряной монеты. Все иностранные вексельные курсы стояли против нас на полные 20%, а некоторые из них еще выше. Но хотя порча серебряной монеты продолжалась много лет, она до 1798 г. никогда не приводила к повышению ни цены золота, ни цены серебра и не производила никакого воздействия на вексельный курс. Это убедительно доказывает, что золотая монета считалась в течение этого времени стандартной мерой стоимости. Какое-либо ухудшение золотой монеты произвело бы тогда такое же действие на цены золотых и серебряных слитков, а также на вексельные курсы, какое производилось прежде порчей серебряной монеты¹.

Пока средства обращения различных стран состоят из драгоценных металлов или из бумажных денег, разменных во всякое время на металл, пока металлическое обращение не испорчено обрезыванием и стиранием, паритет этих денег может быть установлен при помощи сравнения их веса и пробы. Так, паритет между Голландией и Англией составляет около 11 флоринов, потому что чистое серебро, которое содержится в 11 флоринах, равняется по весу чистому серебру, содержащемуся в 20 полновесных шиллингах.

Этот паритет не устанавливается и не может быть установлен абсолютно; так как в Англии эталоном торгового обращения является золото, а в Голландии—серебро, то фунт стерлингов, или $\frac{20}{21}$ гинеи, может в различное время стоить больше или меньше, чем 20 полновесных шиллингов, и поэтому стоить больше

¹ Когда до перечеканки в 1774 г. порче подверглась золотая монета, то золотые и серебряные слитки поднялись в цене выше своей монетной цены и немедленно понизились, как только золотая монета достигла своего теперешнего совершенства. Вексельные курсы в силу тех же причин превратились из неблагоприятных в благоприятные.

или меньше, чем их эквивалент в 11 флоринов. Для нашей цели будет достаточно определить паритет или в серебре или в золоте.

Если я имею долг в Голландии, то, зная паритет, я знаю также количество наших денег, которое необходимо для погашения этого долга.

Если мой долг составляет 1 100 флоринов и золото не изменилось в стоимости, то на 100 ф. ст. в нашем чистом золоте можно купить столько голландских денег, сколько необходимо для уплаты моего долга. Вывозя поэтому 100 ф. ст. в монете или (что то же самое) уплатив торговцу слитками 100 ф. ст. в монете и возместив ему издержки, связанные с их транспортом, как фрахт и страховка, а также его прибыль, я покупаю у него вексель, который погасит мой долг, он же вывезет слитки, чтобы дать своему корреспонденту возможность уплатить вексель, когда наступит срок платежа.

Эти расходы представляют, таким образом, крайние пределы неблагоприятного вексельного курса. Как бы ни был велик мой долг,—пусть он равняется даже наиболее крупной субсидии, которую когда-либо наша страна давала союзной стране,—все же, пока я могу платить торговцу слитками монетой установленной стоимости, он будет охотно вывозить слитки и продавать мне векселя. Но если я буду платить ему за его вексель неполновесной монетой или обесцененными бумажными деньгами, он не пожелает продать мне свой вексель по этой норме, так как раз монета неполновесна, она не содержит того количества чистого золота или серебра, какое должно содержаться в 100 ф. ст. Торговец слитками должен будет поэтому вывезти дополнительное количество таких испорченных монет, чтобы иметь возможность оплатить мой долг в 100 ф. ст. или их эквивалент в 1 100 флоринов. Если я плачу ему бумажными деньгами, то, не имея возможности послать их за границу, он рассчитает, может ли он на них купить столько золота или серебра в слитках, сколько содержится в той монете, заместителем которой являються бумажные деньги. Если это окажется возможным, то бумажные деньги будут для него так же приемлемы, как монета, если же нет, он будет рассчитывать на дальнейшую премию за свой вексель, равную по своей величине обесценению бумажных денег.

Итак, пока обращающиеся деньги состоят из полновесной монеты или из бумажных денег, разменных по предъявлению на полновесную монету, вексельный курс может быть выше или ниже паритета только на сумму расходов по пересылке драгоценных металлов. Если же в обращении находятся обесцененные бумажные деньги, то вексельный курс неизбежно понизится пропорционально степени их обесценения.

Таким образом, вексельный курс является достаточно точным критерием для суждения о степени порчи обращающихся денег,

происходящей или от обрезывания монеты или от обесценения бумажных денег.

Сэр Джемс Стюарт замечает, что «если бы наша мера длины—фут—была изменена сразу во всей Англии путем увеличения или уменьшения его на соответственную часть его установленной длины, то это изменение можно было бы лучше всего раскрыть путем сравнения нового фута с парижским футом или футом какой-нибудь другой страны, который не подвергся бы никакому изменению.

«Точно так же если бы фунт стерлингов, который является английской денежной единицей, оказался измененным и если бы изменение, которому он подвергся, было трудно определить в силу осложнившихся условий, то лучшим путем для определения этого изменения было бы сравнение прежней и настоящей его стоимости с деньгами других наций, которые не испытали никакого изменения; вексельный курс выполняет это с наибольшей точностью»¹.

Критик «Edinburgh Review», говоря о памфлете лорда Кинга², замечает: «Из того, что наш ввоз всегда состоит частью из слитков, еще не следует, что торговый баланс всегда будет в нашу пользу. Слитки,—говорит он,—представляют товар, спрос на который, как и на всякий другой товар, изменчив и который может войти, как и всякий другой товар, в перечень ввозных или вывозных товаров. Этот вывоз или ввоз слитков не будет воздействовать на движение вексельного курса иным путем, чем вывоз или ввоз каких-нибудь других товаров».

Никто не вывозит и не ввозит слитков, не справившись раньше с уровнем вексельного курса. Только при помощи этого уровня можно определить относительную стоимость слитков в двух странах, между которыми устанавливается вексельный курс, поэтому торговец слитками осведомляется об уровне вексельного курса таким же точно образом, как другие купцы знакомятся с прейскурантом, раньше чем они решают вопрос о вывозе или ввозе других товаров. Если 11 флоринов в Голландии содержат такое же количество чистого серебра, как 20 полновесных шиллингов, то серебряный слиток, равный по весу 20 полновесным шиллингам, никогда не будет вывезен из Лондона в Амстердам, пока вексельный курс находится на уровне паритета или неблагоприятен для Голландии. С вывозом его необходимо сопряжены некоторые расходы и риск, а термин «паритет» как раз и означает, что в Голландии путем покупки векселя и без всяких других издержек можно получить определенное количество серебра в слитках такого же

¹ «Исследование о началах политической экономии», кн. III, гл. II, англ. издание 1878 г., т. I, стр. 534. В другом месте автор говорит: «Вексельный курс является поэтому, по моему скромному мнению, одним из лучших мерил для определения стоимости теперешнего фунта стерлингов» (стр. 570).

² «Мысли об ограничении размена банкнот на звонкую монету», 1803.

веса и чистоты. Кто будет посылать слитки в Голландию с издержками в 3 или 4%, когда, покупая вексель по паритету, он в действительности получает приказ на доставку своему корреспонденту в Голландию слитка такого же веса, какой он готов был послать?

Столь же резонно было бы утверждать, что если цена хлеба в Англии выше, чем на континенте, то хлеб, несмотря на все расходы по его вывозу, будет послан туда, чтобы быть проданным на более дешевом рынке.

Отметив уже выше расстройство, которым подвергается металлическое обращение, я перейду теперь к рассмотрению тех из них, которые хотя и не вызываются испорченным состоянием золотой или серебряной монеты, тем не менее более серьезны по своим конечным результатам.

Наши средства обращения почти целиком состоят из бумажных денег, и нам следует наблюдать за обесценением последних с такой же бдительностью, как за обесценением металлических. а именно это мы упустили из виду.

Парламент, ограничив права Английского банка платить наличными, дал возможность директорам этого учреждения увеличивать или уменьшать по своему произволу количество и сумму банкнот, а так как этим путем были устранены существовавшие прежде препятствия к излишнему выпуску банкнот, то директора приобрели тем самым власть увеличивать или уменьшать стоимость бумажных денег.

Я прослежу существующее зло до самого его источника и докажу наличие его при помощи двух безошибочных критериев, которые я упомянул выше, а именно вексельного курса и цены слитков. Я использую при этом отчет г-на Торнтон о деятельности Английского банка до приостановки размена, чтобы доказать, что Английский банк явно действовал сообразно с тем принципом, признание которого было подчеркнуто самим г-м Торнтоном, а именно, что стоимость банкнот зависит от их количества и что банк устанавливал колебания в их стоимости при помощи только что указанных мною критериев.

Г-н Торнтон говорит: «Когда вексельный курс страны становился иногда столь неблагоприятным, что вызывал существенное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, то директора Английского банка, как это явствует из показаний, данных некоторыми из них перед парламентом, бывали расположены прибегать к уменьшению количества банкнот, как к способу уменьшения или устранения повышения цены золота, *заботясь, таким образом, о безопасности своего учреждения*. Сверх того,—говорит он,—они всегда держались обыкновения соблюдать известные границы при выпуске своих банкнот в силу тех же благоразумных оснований». И в другом месте: «Когда цена, которой ваша монета может достигнуть в чужих странах, такова, что

вызывает искушение вывозить ее из королевства, директора банка естественно уменьшали до некоторой степени количество своих банкнот *из опасения за безопасность своего учреждения*. Уменьшая количество банкнот, они повышают их стоимость, а повышая их стоимость, они повышают также стоимость обращающейся в Англии монеты, которая обменивается на них. Таким образом, стоимость нашей золотой монеты сама приспособляется к стоимости обращающихся банкнот, а последним директора банка придают такую стоимость, какая необходима, чтобы предупредить значительный вывоз; эта стоимость иногда выше, иногда несколько ниже цены, по которой сбывается наша монета за границей).

Итак, сознаваемая Английским банком необходимость обеспечить безопасность своего учреждения всегда предупреждала до издания закона об ограничении оплаты наличными чрезмерно обильные выпуски бумажных денег.

Так, мы находим, что в течение 23-летнего периода до прекращения платежей звонкой монетой в 1797 г. средняя цена золотых слитков составляла 3 ф. 17 шилл. $7\frac{3}{4}$ пенса за унцию, приблизительно на $2\frac{3}{4}$ пенса ниже их монетной цены, а в течение 16 лет, до 1774 г., она никогда не была значительно выше 4 ф. ст. за унцию. Следует вспомнить, что в течение этих 16 лет наша золотая монета пострадала от снашивания и 4 ф. ст. такой стертой монеты не весили поэтому, вероятно, столько, сколько унция золота, на которую они обменивались.

Д-р А. Смит рассматривает всякое постоянное превышение рыночной цены золота над монетной как следствие состояния звонкой монеты. Пока монета сохраняет свой стандартный вес и чистоту, рыночная цена золотых слитков, по его мнению, не может намного превзойти монетную цену.

Г-н Торнтон утверждает, что это не может быть единственной причиной. «Мы испытывали,—говорит он,—в последнее время колебания в наших вексельных курсах и соответствующие изменения на рынке сравнительно с монетной ценой золота, составлявшие не менее 8 или 10%, в то время как состояние нашей монеты во всех отношениях оставалось неизменным». Г-н Торнтон должен был принять во внимание, что в ту пору, когда он писал, Английскому банку нельзя было предъявлять банкноты для обмена на звонкую монету и что именно это являлось той причиной обесценения денег, которой д-р Смит не мог предвидеть. Если бы г-н Торнтон доказал, что в цене золота произошло колебание в 10%, в то время когда банк оплачивал свои банкноты звонкой монетой, и что монета была полновесной, то лишь в этом случае он доказал бы, что д-р Смит трактовал этот важный вопрос недостаточно и неудовлетворительно ¹.

¹ До тех пор пока монеты из обоих металлов являются законным платежным средством и нет никаких запрещений чеканки обоих металлов, превышение рыночной цены над монетной ценой золотых или серебряных слитков

Но так как в настоящее время все препятствия против излишних выпусков Английского банка устранены парламентским актом, запрещающим оплату банкнот наличностью, то директора банка уже не связаны больше «опасениями за безопасность своего учреждения» и могут не ограничивать количество своих банкнот суммой, при которой они сохраняли бы ту же стоимость, что и стоимость монеты, ими представляемой. Соответственно этому мы находим, что золотые слитки поднялись в цене с 3 ф. ст. 17 шилл. 7³/₄ пенс., средней цены их до 1797 г., до 4 ф. ст. 10 шилл., а в последнее время даже до 4 ф. ст. 13 шилл. за унцию.

Итак, мы можем с полным основанием сделать вывод, что разница в относительной стоимости, или, другими словами, падение действительной стоимости банкнот, была вызвана слишком обильным количеством их, которое было выпущено банком в обращение. Та самая причина, которая вызвала разницу в 15—20% в стоимости банкнот в сравнении с золотыми слитками, может привести к возрастанию этой разницы до 50%. Для обесценения, которое может произойти от постоянного увеличения количества бумажных денег, нет никаких пределов. Стимул, который излишние средства обращения дают вывозу монеты, приобрел новую силу, но не может, как прежде, устранить себя сам. Мы имеем в обращении только такие бумажные деньги, которые необходимо ограничиваются пределами нашей страны. Всякое возрастание их количества снижает их стоимость ниже стоимости золотых и серебряных слитков и ниже стоимости денежного обращения других стран.

может быть вызвано изменением в относительной стоимости этих металлов, но вызванное этой причиной превышение рыночной цены над монетной будет сейчас же замечено, так как оно коснется цены только одного из этих металлов. Таким образом, золото было бы равно или ниже монетной цены, когда серебро было бы выше, или серебро было бы равно или ниже своей монетной цены, когда золото было бы выше.

В самом конце 1795 г., когда Английский банк имел в обращении значительно больше банкнот, чем в каком-либо предыдущем или последующем году, т. е. когда уже начались его затруднения и он повидимому отказался от всякого благоразумия в ведении своих дел и сделал своим единственным директором Питта, цена золотых слитков на короткое время возросла до 4 ф. ст. 3 шилл. или 4 ф. ст. 4 шилл. за унцию. Однако директора все же имели некоторые опасения насчет последствий. В докладной записке, посланной Питту, датированной октябрём 1795 г., они констатируют, что «спрос на золото повидимому не очень скоро прекратится» и что «это возбудило сильную тревогу на собрании директоров», и затем замечают: «То обстоятельство, что нынешняя цена золота составляет от 4 ф. ст. 3 шилл. до 4 ф. ст. 4 шилл.* за унцию и наши гинеи покупаются за 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс., ясно показывает, на чем основаны наши опасения; необходимо только указать на эти факты канцлеру казначейства». Следует отметить, что в бюллетене Уайттенголла цена золота ни разу не отмечалась в течение всего года выше его монетной цены. В декабре оно котируется в нем по 3 ф. 17 шилл. 4 пенса.

* Трудно решить, на чем основано это утверждение, так как согласно отчету, представленному недавно в парламент, они покупали повидимому в течение 1795 г. золотые слитки не дороже 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс.

Результат получается такой же точно, к какому привело бы обрезывание нашей монеты.

Если бы от каждой гинеи была отделена $\frac{1}{5}$, то рыночная цена золотых слитков поднялась бы на $\frac{1}{5}$ выше монетной цены. $44\frac{1}{2}$ гинеи (число гинеи, которое весит один фунт и потому называется монетной ценой) уже не весили бы больше один фунт; следовательно только количество их, большее на $\frac{1}{5}$, или около 56 ф. ст., было бы ценою фунта золота, а разность между рыночной и монетной ценой, между 56 ф. ст. и 46 ф. ст. 14 шилл. 6 пенс., была бы мерой обесценения.

Если бы такая неполновесная монета продолжала называться гинеей и если бы стоимость золотых слитков и всех других товаров измерялась в неполновесной монете, то гинея, только что выпущенная из Монетного двора, считалась бы стоящей 1 ф. ст. 5 шилл., и такая сумма была бы дана за нее торговцем-спекулянтном, но при этом произошло бы не увеличение стоимости новой гинеей, а падение стоимости неполновесных гинеи. Это стало бы сейчас же очевидно, если бы было издано распоряжение, позволяющее обращение неполновесных гинеи только по установленному весу и по монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. Это означало бы, что новые и тяжелые гинеи стали бы стандартной мерой стоимости вместо обрезанных и неполновесных гинеи. Последние обращались бы тогда по их настоящей стоимости и назывались бы 17- или 18-шиллинговыми монетами. Точно так же если бы можно было издать теперь постановление, преследующее ту же цель, то банкноты не перестали бы обращаться, но стоили бы не больше, чем стоимость золотого слитка, который можно было бы на них купить. Тогда нельзя было бы сказать, что стоимость гинеи составляет 1 ф. ст. 5 шилл., но банкнота в 1 ф. ст. обращалась бы только по стоимости в 16 или 17 шилл. В настоящее время золотая монета есть только товар, а банкноты—стандартная мера стоимости, но в случае издания такого постановления золотые монеты были бы этой мерой, а банкноты сделались бы рыночным товаром.

«Именно постоянство наших общих вексельных курсов,—говорит г-н Торнтон,—или, другими словами, совпадение монетной цены со слитковой ценой золота, является повидимому настоящим доказательством, что обращающиеся банкноты не испытали обесценения».

Когда стимул к вывозу золота налицо, то, пока Английский банк не платит наличными и золото поэтому не может быть получено по его монетной цене, незначительное количество его, которое может быть получено, будет собираться для вывоза, и банкноты будут продаваться за золото только с вычетом, пропорциональным их излишку. Говоря, однако, что золото продается по высокой цене, мы ошибаемся: не золото, а бумажные деньги изменили свою стоимость. Если мы сравним унцию золота, или 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс.,

с товарами, то окажется, что она находится к ним в таком же отношении, что и прежде, а если этого нет, то это объясняется возросшим обложением или какой-либо другой из тех причин, которые постоянно влияют на их стоимость. Но если мы сопоставим сумму в 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в банкнотах, являющуюся заместителем унции золота, с товарами, то мы обнаружим обесценение банкнот. На любом рынке мира я вынужден расстаться с 4 ф. ст. 10 шилл. в банкнотах, чтобы купить то же самое количество товаров, которое я могу получить за золото, содержащееся в 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. монеты.

Часто утверждали, что гиней в Гамбурге стоит 26 или 28 шилл., но мы очень сильно обманулись бы, если бы сделали на этом основании вывод, что гиней может быть продана в Гамбурге за такое же количество серебра, какое содержится в 26 или 28 шилл. До изменения в относительной стоимости золота и серебра гиней не могла бы быть продана в Гамбурге за столько серебра, сколько содержится в 21 полновесном шиллинге; по нынешней же рыночной цене гиней продается за такую сумму серебряной монеты, которая, будучи ввезена и передана в наш Монетный двор для чеканки, дала бы в нашей стандартной серебряной монете 21 шилл. 5 пенс.¹

И все же несомненно, что то же самое количество серебра покупает в Гамбурге вексель, по которому в Лондоне уплачивается в банкнотах 26 или 28 шилл. Можно ли привести более удовлетворительное доказательство обесценения наших денег?

Говорят, что если бы законопроект, ограничивающий размен, не вошел в силу, то все гиней уплыли бы из страны².

Это, без сомнения, верно, но если бы Английский банк стал уменьшать количество своих банкнот до тех пор, пока стоимость их не возросла на 15%, запрещение размена могло бы быть отменено без всякого опасения, так как не было бы никакого искушения вывозить звонкую монету. Но как бы долго ни откладывалась такая мера, как бы велико ни было обесценение банкнот, Английский банк сможет восстановить платежи наличными лишь при условии, что он сведет количество своих банкнот, находящихся в обращении, до этих пределов.

Все писатели по вопросам политической экономии признают, что закон представляет бесполезный барьер против вывоза гиней; его так легко обойти, что сомнительно, чтобы он удержал в Англии хотя бы на одну гиней больше, чем их осталось бы там без этого закона. Г-н Локк, сэр Джеймс Стюарт, д-р А. Смит, лорд Ливерпуль и г-н Торнтон—все сходятся на этот счет. Последний

¹ Относительная стоимость золота и серебра на континенте почти такая же, как в Лондоне.

² При этом имеют очевидно в виду, что из страны ушли бы все гиней, находящиеся в Английском банке: ведь такого искушения, как 15%, вполне достаточно, чтобы выслать из страны все те гиней, которые могут быть извлечены из обращения.

замечает, что существующее «британское законодательство бесспорно способствует ослаблению и ограничению вывоза гиней, хотя и не может действительно помешать ему: таковой поощряется неблагоприятным торговым балансом, и изданные законы могут разве что слегка сократить его, когда прибыль от вывоза становится очень большой». К тому же, после того как каждая гиней, которая при настоящем положении вещей может быть получена спекулянтom, будет переплавлена и вывезена, последний будет колебаться открыто покупать гиней за банкноты с премией, потому что, хотя такая спекуляция принесет ему значительную прибыль, он навлечет на себя таким путем подозрение. За ним смогут следить и помешать ему осуществить свою цель. Так как наказание, установленное законом, сурово, а искушение для осведомителей велико, то для таких операций необходима тайна. Если можно получать гиней путем одной лишь отсылки банкнот в Английский банк, то закон легко обойти, но если необходимо собирать их открыто, извлекая их при этом из широких кругов обращения, состоящего почти целиком из бумажных денег, то выгода, получаемая при этом, должна быть очень значительна, чтобы кто-нибудь решился пойти на риск быть пойманным с личным.

Если мы примем во внимание, что в течение настоящего царствования было отчеканено гиней на сумму около 60 млн. ф. ст., то мы можем составить себе некоторое представление о размерах, которые должен был принять вывоз золота. Но отмените закон против вывоза гиней, разрешите открыто посылать их из страны, и что может помешать продаже унции стандартного золота в гинейях за такую же хорошую цену в банкнотах, за какую продается унция португальской золотой монеты или унция стандартного золота в слитке, раз известно, что гиней равняется им по своей пробе? И если унция стандартного золота в гинейях будет продаваться на рынке по 4 ф. ст. 10 шилл. за унцию, т. е. по теперешней цене стандартного золота в слитках или по его недавней цене 4 ф. 13 шилл., то какой торговец будет продавать свои товары по одной и той же цене безразлично за золото или банкноты? Если бы цена сюртука составляла 3 ф. 17 шилл. 10¹/₂ пенс., или одну унцию золота, и если бы в то же время унция золота продавалась за 4 ф. 13 шилл. в банкнотах, то можно ли себе представить, чтобы портному было безразлично, заплатят ли ему золотом или банкнотами?

Только потому, что за гинейю можно купить не больше, чем за билет в 1 ф. ст. и 1 шилл., многие колеблются признать, что банкноты подверглись обесценению. То же мнение защищает и «Edinburgh Review», но если моя аргументация правильна, то я доказал, что подобные возражения не имеют основания.

Г-н Торнтон сказал нам, что неблагоприятный торговый баланс объясняет неблагоприятный вексельный курс, но мы уже

видели, что влияние неблагоприятного торгового баланса,—если это выражение точно,—на вексельный курс ограничено и не превосходит вероятно 4 или 5%. Это не может объяснить обесценение в 15 или 20%. Далее г-н Торнтон говорит, и я вполне согласен с ним, что «можно установить как общую истину, что вывоз и ввоз какого либо государства естественно стремятся притти в какой-то мере в соответствие друг с другом, в силу чего его торговый баланс не может быть в течение очень долгого времени либо очень благоприятным, либо очень неблагоприятным. Так вот, низкий вексельный курс далеко не является временным и существовал еще до того, как г-н Торнтон писал это в 1802 г.; с тех пор этот курс падал все ниже, и в данное время он на 15—20% против нас. Следовательно в согласии с собственными принципами г-н Торнтон должен приписать это падение какой-нибудь более постоянной причине, чем неблагоприятный торговый баланс; я не сомневаюсь в том, что каково бы ни было его прежнее мнение, он теперь согласится, что это падение вексельного курса может быть объяснено только обесценением средств обращения.

Нельзя дальше, думается мне, оспаривать, что банкноты подвсегались обесценению. Пока цена золотых слитков составляет 4 ф. ст. 10 шилл. за унцию, или, другими словами, пока любой человек соглашается отдать за 1 унцию золота то, что считается обязательством уплатить почти $1\frac{1}{6}$ унции золота, нельзя утверждать, что 4 ф. 10 шилл. в банкнотах и 4 ф. 10 шилл. в золоте представляют одну и ту же стоимость.

Из унции золота чеканится 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс.; обладая этой суммой, я следовательно имею унцию золота и не буду давать за нее 4 ф. ст. 18 шилл. в золотой монете или в таких банкнотах, которые я могу немедленно обменять на 4 ф. 10 шилл.

Было бы противно здравому смыслу полагать, что рыночная стоимость унции золота может выразиться в этой сумме, если, конечно, цена не определяется в обесцененном мериле.

Если бы цена золота измерялась в серебре, то цена эта могла бы действительно возрасти до 4, 5 или 10 ф. ст. за унцию, и этот факт был бы доказательством не обесценения бумажных денег, а изменения в относительной стоимости золота и серебра. Однако я, думается мне, доказал, что серебро не является стандартной мерой стоимости и потому не может быть мерилом, которым измеряется стоимость золота. Но если бы серебро и было таковым, то поскольку унция золота стоит на рынке $15\frac{1}{2}$ унций серебра, а $15\frac{1}{2}$ унций серебра равняются по весу ровно 80 шилл. и перечекаиваются именно в 80 шилл., унция золота не может быть продана больше, чем за 4 ф. ст.

Таким образом, те, кто утверждает, что серебро есть мера стоимости, окажутся не в состоянии доказать, что увеличение спроса на золото в любом размере, каковы бы ни были его причины, может поднять его цену выше 4 ф. ст. за унцию. Все, что пре-

вышает эту цену, должно быть названо в согласии с их собственными принципами обесценением стоимости банкнот, а из этого следует, что если бы банкноты были представителями серебряной монеты, то унция золота, продающаяся теперь за 4 ф. ст. 10 шилл., продавалась бы за количество банкнот, представляющих $17\frac{1}{2}$ унций серебра, в то время как на слитковом рынке она могла бы быть обменена только за $15\frac{1}{2}$ унций. Иначе говоря, $15\frac{1}{2}$ унций серебра в слитках были бы равны по своей стоимости обязательству Английского банка уплатить *предъявителю* $17\frac{1}{2}$ унций.

Рыночная цена серебра, оцениваемого в банкнотах, составляет в настоящее время 5 шилл. $9\frac{1}{2}$ пенс. за унцию, тогда как монетная цена его равняется только 5 шилл. 2 пенс., из чего следует, что стандартное серебро в 100 ф. ст. стоит больше, чем 112 ф. ст. в банкнотах.

Но банкноты, скажут нам, пожалуй, являются представителями нашей неполноценной серебряной монеты, а не нашего стандартного серебра. Это неверно, потому что закон, который я уже цитировал, объявляет серебро законным платежным средством только для сумм, не превышающих 25 ф. ст., исключая платежи по весу. Если бы банк настаивал на уплате держателю банкноты в 1 тыс. ф. ст. серебряной монетой, он был бы обязан дать ему или стандартное серебро полного веса или же неполновесное серебро равной стоимости за исключением лишь 25 ф. ст., которые банк мог бы выплатить неполновесной монетой. Но 1 тыс. ф. ст., составленная, таким образом, из 975 ф. ст. подвесных денег и 25 ф. ст. неполновесных, стоит больше, чем 1112 ф. ст. по теперешней рыночной стоимости серебряных слитков.

Говорят, что количество банкнот возросло не в большей пропорции, чем этого требовало увеличение нашей торговли, а потому не может быть чрезмерным. Это утверждение было бы трудно доказать, но если бы оно было верно, то, опираясь на него, можно было бы развить только ошибочную аргументацию. Во-первых, повседневный прогресс, который мы совершаем в искусстве экономного потребления средств обращения благодаря усовершенствованию банковских методов, сделал бы чрезмерным то самое количество банкнот, которое было необходимо для того же уровня торговли в прежнее время. Во-вторых, существует постоянное соперничество между Английским банком и провинциальными банками, стремящимися внедрить в оборот свои банкноты в ущерб банкнотам своих соперников, в каждом округе, где учреждены провинциальные банки, а так как число последних более чем удвоилось в течение очень немногих лет, то не вероятно ли, что их деятельность увенчалась успехом и им удалось вытеснить своими банкнотами множество банкнот Английского банка?

Если бы это произошло, то в настоящее время оказалось бы чрезмерным то же самое количество банкнот Английского банка,

которое в прежнее время при менее развитой торговле было едва достаточно, чтобы держать денежное обращение нашей страны на одном уровне с денежным обращением других стран? Нельзя поэтому сделать правильное заключение, исходя из нынешнего количества находящихся в обращении банкнот; я не сомневаюсь, однако, в том, что если бы факты были исследованы, то мы нашли бы, что увеличение количества банкнот и высокая цена золота обычно сопровождали друг друга.

Обычно сомневаются в том, что лишние 2 или 3 млн. банкнот (прибавленные, как предполагают, Английским банком к обращению сверх той суммы, какую оно может легко вынести) могли иметь те последствия, какие им приписывают. Но следует вспомнить, что Английский банк регулирует количество средств обращения всех провинциальных банков, а если Английский банк увеличивает свою эмиссию на 3 млн., то это дает, вероятно, возможность провинциальным банкам увеличить общее обращение Англии больше чем на 3 млн.

Деньги отдельной страны распределяются между различными ее областями на основании тех же правил, на основании которых деньги всего мира распределяются между различными нациями, из которых он состоит. Каждый округ будет удерживать в своем обращении часть денег страны, пропорциональную требованиям его торговли, а следовательно и доле его платежей, в общей торговле всей страны; никакое увеличение количества обращающихся денег не может также иметь места в каком-либо округе, не распространяя свое действие повсюду или не вызывая пропорционального возрастания их количества во всяком другом округе. Именно это обстоятельство поддерживает всегда стоимость провинциальной банкноты на том же уровне, что и стоимость банкнот Английского банка. Если бы в Лондоне, где обращаются только банкноты Английского банка, к количеству их, находящемуся в обращении, был прибавлен 1 млн., то или средства обращения стали бы здесь дешевле, чем в другом месте, или товары стали бы дороже; поэтому из провинции стали бы посылать товары на лондонский рынок, чтобы продать их там по высоким ценам, или, что более вероятно, провинциальные банки использовали бы относительный недостаток средств обращения в провинции и увеличили бы число своих банкнот в той же самой пропорции, в которой это сделал Английский банк, а это означало бы общее, а не частичное воздействие на цены.

Таким же манером, если бы количество банкнот Английского банка уменьшилось на 1 млн., увеличилась бы сравнительная стоимость средств обращения в Лондоне, а цены товаров уменьшились бы. Банкнота Английского банка стоила бы тогда больше, чем провинциальная банкнота, потому что на нее был бы предъявлен спрос с целью купить товары на дешевом рынке; так как провинциальные банки обязаны выдавать банкноты Английского

банка по требованию в обмен на свои собственные, то к ним предъявляли бы спрос на банкноты Английского банка, и это длилось бы до тех пор, пока количество провинциальных банкнот не было бы сведено к той же самой доле, какую оно составляло прежде по отношению к лондонским банкнотам, что вызвало бы в результате соответствующее падение цен всех товаров, на которые банкноты обменивались.

Провинциальные банки могут увеличить количество своих банкнот лишь в том случае, когда необходимо восполнить относительный недостаток средств обращения в провинции, вызванный возросшей эмиссией Английского банка¹. Если бы они попытались сделать это, то то же самое препятствие, которое заставляло Английский банк извлекать часть своих банкнот из обращения, когда он оплачивал их наличными по требованию, вынудило бы провинциальные банки идти по тому же пути. Благодаря возросшему количеству их банкноты потеряли бы в стоимости по сравнению с банкнотами Английского банка, точно так же как банкноты Английского банка потеряли бы в стоимости в сравнении с гинейями, которые они представляют. Они следовательно обменивались бы на банкноты Английского банка до тех пор, пока не сравнялись бы с ними в стоимости.

Английский банк является великим регулятором провинциального бумажно-денежного обращения. Когда он увеличивает или уменьшает количество своих банкнот, провинциальные банки следуют за ним, но ни при каких условиях не могут они увеличить общее обращение, если только Английский банк не увеличит предварительно количество своих банкнот.

Утверждают, что не цена золотых или серебряных слитков, а норма процента является критерием для суждения об избытии бумажных денег, так как если бы последние имелись в слишком обильном количестве, то процент упал бы, а если бы в недостаточном, то повысился бы. По моему мнению, можно доказать с полной очевидностью, что норма процента регулируется не избытием или недостатком денег, а избытием или недостатком той части капитала, которая не состоит из денег.

«Деньги,—замечает д-р А. Смит,—это великое колесо обращения и великое орудие торговли—не являются частью дохода общества, которому они принадлежат, хотя они и составляют подобно всем орудиям торговли часть, и очень ценную часть, капитала; и хотя металлические монеты, из которых они состоят, распределяют в ходе их годичного обращения между всеми людьми доходы, именно им принадлежащие, сами монеты не составляют часть этого дохода».

¹ Они могли бы в некоторых случаях заместить банкноты Английского банка, но это соображение не имеет отношения к вопросу, который мы теперь исследуем.

«Когда мы определяем количество труда, которое может применять оборотный капитал страны, то мы всегда должны принимать во внимание только те части его, которые состоят из продовольствия, сырых материалов и готовых изделий; другая часть, которая состоит из денег и служит только для обращения первых трех, подлежит всегда вычету. Чтобы привести в движение производство, требуются три вещи: сырые материалы, идущие в обработку, орудия для их обработки и заработная плата, или вознаграждение, ради которых выполняется работа. Деньги не представляют ни сырья, идущего в обработку, ни орудия, с которым можно работать, и хотя заработная плата рабочих обыкновенно выплачивается им в деньгах, их действительный доход подобно доходу всех других людей состоит не в деньгах, а в том, что стоит денег, не в металлических монетах, а в том, что можно получить на них»*.

И в других частях своего сочинения Смит доказывает, что открытие копей в Америке, которое в такой большой степени увеличило количество денег, не уменьшило процента за пользование ими, ибо норма процента регулируется прибылью, получаемой при использовании капитала, а не числом или качеством металлических монет, которые употребляются при обращении продуктов этого капитала.

Юм придерживался того же мнения. Стоимость средств обращения каждой страны находится в известном отношении к стоимости приводимых им в обращение товаров. В одних странах это отношение гораздо больше, чем в других, а в некоторых случаях оно изменяется в той же самой стране. Она зависит от быстроты обращения, от степени доверия и объема кредита в деловом мире и больше всего от разумной работы банков. В Англии было принято так много способов экономии в пользовании средствами обращения, что стоимость их в сравнении со стоимостью товаров, которые они приводят в обращение, сведена вероятно (в период доверия¹) к самой небольшой доле, какая только возможна практически. Размеры этой доли определяют различно.

Никакое увеличение или уменьшение количества средств обращения, состоят ли они из золотых, серебряных или бумажных денег, не может увеличить или уменьшить их стоимость выше или ниже этой доли. Если рудники перестают доставлять количество, необходимое для годового потребления драгоценных металлов, то стоимость денег повышается и меньшее их количество будет употребляться в качестве средств обращения. Уменьшение их количества будет пропорционально увеличению их стоимости. Таким же образом, если бы были открыты новые рудники, стоимость

* [«Богатство народов», кн. II, глава II].

¹ Я желал бы, чтобы в дальнейшем для читателя было ясно, что я предполагаю одну и ту же степень доверия и кредита существующей всегда.

драгоценных металлов была бы снижена и большее количество их употреблялось бы для обращения, так что в каждом из этих случаев отношение стоимости денег к стоимости товаров, которые они приводят в обращение, оставалось бы неизменным.

Если бы в то время, когда Английский банк оплачивал свои банкноты наличными по требованию, руководители его захотели увеличить количество банкнот, они оказали бы незначительное постоянное воздействие на стоимость средств обращения, потому что почти такое же количество монеты было бы извлечено из обращения и вывезено.

Если бы Английский банк был освобожден от оплаты своих банкнот звонкой монетой и вся монета была бы вывезена, то всякий излишек его банкнот обесценил бы стоимость средств обращения пропорционально этому излишку. Если бы 20 млн. ф. ст. составляли сумму средств обращения в Англии до приостановки размена и к ним было бы прибавлено 4 млн., то 24 млн. имели бы не большую стоимость, чем имели прежние 20, при условии, что не изменилось бы количество товаров и что не было соответствующего вывоза монеты. Если бы Английскому банку удалось увеличить последовательно добавочную сумму до 50 или 100 млн. ф. ст., то возросшее количество денег было бы поглощено обращением Англии, но во всяком случае обесценилось бы до стоимости 20 млн.

Я не оспариваю, что при выпуске Английским банком на рынок большой добавочной суммы банкнот и отдачи их в ссуду он на известное время повлиял бы на норму процента. Те же самые результаты последовали бы в случае открытия клада из золотых и серебряных монет. Если бы количество их было велико, то собственник клада не был бы в состоянии ссудить металлические деньги, а Английский банк—банкноты по 4% и вероятно даже и выше 3%, но раз это было бы сделано, то ни банкноты, ни металлические деньги не остались бы без употребления в руках заемщиков. Они были бы отправлены на все рынки и всюду приводили бы к повышению цен товаров до тех пор, пока они не были бы поглощены обращением в целом. Только в течение промежутка между моментом эмиссии и моментом ее воздействия на цены могли бы мы заметить изобилие денег; процент держался бы в течение этого времени ниже своего естественного уровня, но как только добавочная сумма банкнот или денег была бы поглощена всеобщим обращением, норма процента снова повысилась бы, и спрос на новые займы снова стал бы таким же настойчивым, как и до дополнительных эмиссий.

Обращение никогда не может быть переполненным. Если бы оно состояло из золота и серебра, то всякое увеличение их количества распространилось бы по всему миру. Если бы оно состояло из бумажных денег, то увеличение их количества распространилось бы только в стране, в которой они выпущены в обращение. Их

влияние на цены было бы только местным и номинальным, так как иностранные покупатели получали бы компенсацию при помощи вексельных курсов.

Предполагать, что какое бы то ни было увеличение эмиссий Английского банка может иметь последствием постоянное понижение нормы процента и удовлетворение спроса всех заемщиков, так что для новых займов уже не будет приложения, или что производительный золотой или серебряный рудник может иметь такое же действие, значит приписывать средству обращения такую силу, которой оно никогда не может иметь. Если бы это было возможно, то банки действительно стали бы весьма могучими механизмами. Создавая бумажные деньги и ссужая их по 3 или 2%, т. е. ниже существующей рыночной нормы процента, банк уменьшил бы промышленную прибыль в том же отношении. И если бы Английский банк был достаточно патриотичен, чтобы ссужать свои банкноты из процента не более высокого, чем необходимо для оплаты расходов по содержанию банка, то прибыль понизилась бы еще более. Ни один народ не мог бы конкурировать с нами иначе, как при помощи подобных же средств, и мы завладели бы торговлей всего мира. К каким только абсурдам не привела бы нас такая теория! Прибыль может быть понижена только в результате конкуренции капиталов, не состоящих из средств обращения. Так как увеличение количества банкнот не прибавляет ничего к этому роду капитала, так как оно не увеличивает ни количество пригодных к вывозу товаров, ни количество наших машин или сырых материалов, то оно не может прибавить что-либо к нашей прибыли, ни понизить процент¹.

Когда кто-либо занимает деньги с целью начать какое-нибудь производство, он занимает их как средство, при помощи которого он может приобрести «сырые материалы, продовольствие и т. д.», необходимые для ведения этого производства. И раз он может не получить необходимого количества материалов и т. п., для него не имеет большого значения, будет ли он вынужден занять 1 тыс. или 10 тыс. монет. Если он займет 10 тыс., то номинальная стоимость продукта его производства будет в 10 раз больше того, что стоил бы этот продукт, если бы для производства его достаточно было 1 тыс. Капитал, действительно употребляемый в стране, необходимо ограничивается потребным количеством «сырых материалов, продовольствия и т. д.» и может быть одинаково произ-

¹ Я признаю уже, что Английский банк, поскольку он дает нам возможность превратить нашу монету в «сырые материалы, продовольствие и т. д.», оказывает услугу нации, так как увеличивает этим путем количество производительного капитала, но я говорю здесь об излишке его банкнот, о том количестве, которое прибавляется к нашему обращению, не вызывая соответствующего вывоза монеты, и которое поэтому снижает стоимость банкнот ниже стоимости металла, содержащегося в монете, которую представляют банкноты.

водительным, даже если бы торговля велась всецело путем непосредственного обмена, хотя в этом случае это было бы достигнуто не с одинаковой легкостью. Последовательные владельцы средств обращения имеют право распоряжения этим капиталом; но как бы ни было обильно количество денег или банкнот, если бы даже оно могло повысить номинальные цены товаров, если бы оно могло распределить производительный капитал в совершенно иных пропорциях, если бы Английский банк, увеличивая количество своих банкнот, мог дать *A* возможность вести часть дела, находившегося прежде в распоряжении *B* и *C*, — все это ничуть не увеличило бы реальный доход и богатство страны. *B* и *C* могут потерпеть убытки, а *A* и банк могут получить барыш, но они выиграют ровно столько, сколько потеряют *B* и *C*. В данном случае произойдет насильственное и несправедливое перемещение собственности, но общество от этого ничего не выиграет.

Вот почему я держусь мнения, что высокая цена фондов не вызывается обесценением нашего денежного обращения. Цена их должна регулироваться общей нормой процента, уплачиваемого за деньги. Если до обесценения я платил за землю 30-кратный доход с нее и 25-кратный за аннуитет в государственных бумагах, то после обесценения я могу дать более значительную сумму на покупку земли, не платя, однако, за нее дохода за большее число лет: ведь продукт земли будет тоже продаваться в результате обесценения за более значительную номинальную стоимость; но так как аннуитет в государственных бумагах будет выплачиваться обесцененными деньгами, то у меня нет никакого основания платить за него после обесценения более значительную номинальную стоимость, чем до обесценения.

Если бы гиней потеряли половину своей настоящей стоимости благодаря обрезыванию, то стоимость каждого товара, так же как и земли, повысилась бы вдвое в сравнении с их настоящей номинальной стоимостью; но так как процент с государственных бумаг уплачивался бы в неполновесных гинейх, то они не испытали бы на этом основании никакого повышения.

Средство, которое я предлагаю против зол нашего денежного обращения, состоит в том, что Английский банк должен постепенно уменьшать количество своих банкнот в обращении до тех пор, пока ему не удастся уравнять стоимость остатка (банкнот) со стоимостью монеты, которую они представляют, или, другими словами, пока цены золотых и серебряных слитков не сравняются с их монетной ценой. Я хорошо знаю, что полное банкротство бумажно-денежных кредитных обязательств сопровождалось бы самыми губительными последствиями для промышленности и торговли и что даже их внезапное ограничение причинило бы столько разорения и нищеты, что было бы в высшей степени нецелесообразно обращаться к такому средству восстановить истинную и справедливую стоимость нашего денежного обращения.

Если бы Английский банк имел в своем распоряжении больше гиней, чем он имеет банкнот в обращении, то он не мог бы, не нанося большого ущерба стране, оплачивать свои банкноты звонкой монетой, в то время как цена золотых слитков продолжала бы значительно превышать их монетную цену и иностранные вексельные курсы были бы для нас неблагоприятны. Излишек нашего денежного обращения был бы обменен в банке на гиней, вывезен и таким образом внезапно извлечен из обращения. Следовательно, прежде чем банк сможет без риска платить наличными за банкноты, следует постепенно извлечь излишек их из обращения. Если это будет сделано постепенно, то будет ощущаться лишь незначительное неудобство, так что если бы этот принцип был открыто признан, то в дальнейшем надо было бы решить, следует ли его осуществить в течение одного года или пяти лет. Я вполне убежден, что мы сможем вернуть наше денежное обращение к его надлежащему состоянию только с помощью этого предварительного шага. Иначе мы рискуем окончательным крахом нашего бумажно-денежного кредита.

Если бы директора Английского банка удерживали количество своих банкнот в разумных пределах, *если бы они действовали согласно тому принципу, который, по собственному их признанию, регулировал их эмиссии тогда, когда они обязаны были оплачивать банкноты звонкой монетой, а именно ограничивали бы число своих банкнот такой суммой, которая не допускала бы превышения рыночной цены золота над монетной, мы не подвергались бы теперь всем бедствиям обесцененного и постоянно изменяющегося денежного обращения.*

Хотя Английский банк извлекает значительные выгоды из настоящей системы, хотя цена его основного капитала почти удвоилась с 1797 г. и дивиденд его пропорционально возрос, я готов допустить вместе с г-ном Торнтоном, что в качестве владельцев денег директора его терпят, как и другие люди, потери от обесценения денежного обращения и что эти потери гораздо более серьезны для них, чем все выгоды, которые они могут получить от обесценения в качестве собственников банковского капитала. Я поэтому оправдываю их от обвинения, что они действуют под влиянием корыстных мотивов, но их ошибки,—если это ошибки,—не менее губительны для общества по своим последствиям.

Чрезвычайные полномочия, которыми они облечены, дают им возможность регулировать по своему произволу цену, по которой те, кто обладает особым родом собственности, называемой деньгами, могут располагать ими. Директора банка переложили на этих держателей денег все тягости максимума. Сегодня им угодно, чтобы 4 ф. ст. 10 шилл. шли за 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс., завтра они могут низвести к той же самой стоимости 4 ф. ст. 15 шилл., а в следующем году 10 ф. ст. будут, может быть, стоить не больше. Насколько, однако, непрочною является собственность, состоя-

пая из денег или аннуитетов, выплачиваемых в деньгах! Какую гарантию имеет государственный кредитор, что проценты по государственному долгу, которые выплачиваются теперь в деньгах, обесцененных на 15%, не будут выплачиваться в дальнейшем в деньгах, потерявших 50%? Для частных кредиторов ущерб не менее серьезен. Долг, заключенный в 1797 г., может быть оплачен теперь суммой, составляющей 85% его величины, и кто может сказать, что обесценение не будет продолжаться дальше?

Следующие замечания д-ра Смита на эту тему столь важны, что я не могу не рекомендовать их серьезному вниманию всех мыслящих людей.

«Повышение номинального достоинства монеты являлось наиболее распространенным средством, при помощи которого фактическое государственное банкротство маскировалось видимостью уплаты долга. Если, например, шестипенсовая монета повышается путем ли парламентского акта или королевского приказа до наименования шиллинга, а 20 шестипенсовых монет до наименования фунта стерлингов, то лицо, которое заняло при прежнем наименовании монеты 20 шилл., или около 44 унций серебра, заплатит при новом наименовании свой долг 20 шестипенсовыми монетами, или несколько меньше чем 2 унциями серебра. Национальный долг размером около 128 млн., почти равный капиталу консолидированного и неконсолидированного долга Великобритании, можно было бы таким путем погасить уплатою 64 млн. наших теперешних денег. На самом деле это была бы фиктивная уплата, и государственные кредиторы недополучили бы по 10 шилл. с каждого фунта, который им должны. Бедствие распространилось бы при этом дальше круга государственных кредиторов—такую же потерю понесли бы и кредиторы каждого частного лица, и не только без какой-либо выгоды для государственных кредиторов, но большей частью со значительными добавочными потерями для последних. Конечно, если бы они были должны значительные суммы другим людям, то они могли бы в некоторой степени компенсировать свои потери, платя своим кредиторам той же монетой, какую заплатило им государство, но в большинстве стран большая часть государственных кредиторов принадлежит к классу богатых людей, которые выступают больше в роли кредиторов, чем должников, по отношению к остальным своим согражданам. Таким образом, фиктивная уплата такого рода, вместо того чтобы уменьшить, в большинстве случаев только увеличивает потери государственных кредиторов и, не принося никакой выгоды обществу, распространяет бедствие на значительное число других невинных людей. Она вызывает общее и чрезвычайно опасное перемещение состояний частных людей, обогащая в большинстве случаев ленивого и расточительного должника за счет трудолюбивого и бережливого кредитора и перенося значительную часть национального капитала из рук тех, кто мог бы увеличить его, в руки тех, кто, веро-

ятно, растратит и уничтожит его. Когда государство оказывается в необходимости объявить себя банкротом, как это бывает и с частным лицом, то честное, открытое и признанное банкротство всегда является мерой, которая наименее позорит должника и меньше всего причиняет вреда кредитору. Честь государства несомненно охраняется весьма плохо, когда для прикрытия позора действительного банкротства прибегают к плутовству такого рода, столь прозрачному и в то же время до такой степени гибельному»*.

Эти замечания д-ра Смита по поводу неполновесной монеты одинаково применимы и к обесцененному бумажно-денежному обращению. Он перечислил только немногие из бедственных последствий, которыми сопровождается порча средств обращения, но он достаточно предостерег нас от попыток прибегать к таким опасным экспериментам. Мы постоянно будем иметь причину сокрушаться, если наша великая страна, имея перед своими глазами все последствия принудительного бумажно-денежного обращения в Америке и во Франции, сохранит систему, чреватую столь многими бедствиями. Будем же надеяться, что она окажется более мудрой. Говорят, правда, что положение в Англии иное, так как Английский банк независим от правительства. Если бы это и было верно, то бедствия чрезмерно обильного обращения давали бы себя чувствовать не менее сильно; но можно спросить, является ли независимым от правительства банк, который ссужает своему правительству суммы, на много миллионов превышающие его капитал и сбережения?

Когда в 1797 г. постановление о приостановке размена банкнот сделалось необходимым, натиск на Английский банк был вызван, по моему мнению, только политической паникой, а не чрезмерным или недостаточным количеством (как предполагали некоторые) его банкнот в обращении¹.

Такова опасность, которой Английский банк подвергается по самой своей природе во всякое время. Никакое благоразумие со стороны его директоров не могло бы, вероятно, отвратить ее, но если бы займы банка правительству были более ограничены, если бы то же самое количество банкнот было выпущено в обращение с помощью дисконта их, то банк был бы по всей вероятности в состоянии продолжать свои платежи до тех пор, пока паника не улеглась бы. Во всяком случае, поскольку должники банка были бы обязаны уплатить свои долги в течение 60 дней—максимальный срок, на который выдаются дисконтируемые банком векселя,—директора могли бы за это время в случае необходимости выкупить все банкноты, находившиеся в обращении. Только благодаря

* [«Богатство народов», кн. 5, глава III].

¹ В этот период цена золота держалась постоянно ниже его монетной цены.

слишком тесной связи между банком и правительством ограничение размена сделалось необходимостью; той же самой причине мы обязаны тем, что это ограничение длится до сих пор.

Во избежание дурных последствий, которые могут сопровождать упорное сохранение этой системы, мы должны все время настаивать на отмене закона об ограничении размена.

Единственная законная гарантия, которой может обладать общество против неосторожности банка, заключается в обязательстве последнего оплачивать банкноты звонкой монетой по предъявлению, а это в свою очередь может быть достигнуто только путем уменьшения количества банкнот, находящихся в обращении, до тех пор, пока номинальная цена золота не понизится до его монетной цены.

Этим я закончу. Я буду считать себя счастливым, если мои слабые усилия привлекут общественное внимание к должному рассмотрению состояния нашего денежного обращения. Я хорошо знаю, что ничего не прибавил к тому запасу сведений, которым просвещали общество многие выдающиеся писатели по этому важному вопросу. У меня не было таких претензий. Моя цель заключалась в том, чтобы внести дух спокойного и беспристрастного анализа в обсуждение вопроса, имеющего огромную важность для государства; пренебрежение им может сопровождаться такими последствиями, которые будет оплакивать каждый друг своей страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Замечания по поводу некоторых мест статьи в «Edinburgh Review», рассматривающей обесценение бумажно-денежного обращения, а также предложения относительно обеспечения обществу средства обращения столь же неизменного, как золото, при весьма умеренной затрате этого металла.

Так как публика потребовала нового издания настоящего памфлета, то я пользуюсь случаем, чтобы рассмотреть замечания, которые сотрудник «Edinburgh Review» сделал мне честь высказать в последнем номере этого журнала и которые относятся к некоторым местам моей работы. Меня побуждает это сделать убеждение, что дискуссия по каждому пункту, связанному с этим важным вопросом, ускорит принятие мер против существующих злоупотреблений и создаст тенденцию к обеспечению нас от опасности повторения их в будущем.

Автор статьи об обесценении денег замечает: «Крупной ошибкой в работе г-на Рикардо является его односторонний взгляд на причины, влияющие на вексельный курс. Он приписывает благоприятный или неблагоприятный вексельный курс *исключительно избыточному* или *недостаточному* денежному обращению и оставляет без внимания изменяющиеся желания и потребности различных народов как первоначальную причину временного перевеса ввоза

над вывозом или вывоза над ввозом». Затем он комментирует место, в котором я утверждаю, что плохой урожай не вызовет вывоза денег, если только деньги не были относительно дешевы в вывозящей стране. Заканчивая свои замечания, автор высказывает свое твердое убеждение в том, что вывоз денег в предполагаемом случае плохого урожая «вызывается не их дешевизной. Вывоз денег не является, как старается нас убедить г-н Рикардо, причиной неблагоприятного баланса, а его следствием. Он не только спасительное средство против избыточного денежного обращения, но порождается как раз причиной, упоминаемой г-ном Торнтоном, — нежеланием нации-кредитора получить большое добавочное количество товаров, ненужных для немедленного потребления, если ее не соблазняет чрезмерная дешевизна их, а также желанием получить золото в слитках—эти деньги торгового мира, не поддаваясь такому соблазну. *Не подлежит никакому сомнению, что, как констатировал г-н Рикардо, ни одна нация не уплатит свой долг драгоценными металлами, если она может сделать это дешевле товарами*; но цены товаров подвержены сильному понижению в случае переполнения рынка, тогда как драгоценные металлы, принятые по всемирному соглашению людей за всеобщее средство обмена и орудие торговли, могут погасить долг самых больших размеров по его номинальной оценке согласно количеству золота, содержащегося в средствах обращения рассматриваемых стран; и какова бы ни была разница в количествах денег и товаров, которые имеют место после начала этих сделок, нельзя ни на минуту усомниться в том, что причину ее следует искать в потребностях и желаниях одной из двух наций, а не в первоначальной избыточности или дефицитности средств обращения в каждой из них».

Критик соглашается со мной, что «ни одна нация не уплатит свой долг драгоценными металлами, если она может сделать это дешевле товарами, но *цены товаров*,—прибавляет он,—*подвержены сильному понижению в случае переполнения рынка*». Конечно, он подразумевает при этом внешний рынок, но в таком случае его слова выражают то самое мнение, которое он старается опровергнуть, а именно: когда товары не могут быть вывозимы так выгодно, как деньги, то будут вывозиться деньги, что является только другим способом сказать, что деньги никогда не будут вывозиться, если в сравнении с другими странами они не являются избыточными по отношению к товарам. Но непосредственно вслед за этим он настаивает на том, что вывоз «драгоценных металлов *есть результат торгового баланса*¹ и порождается причинами, которые могут существовать независимо от излишка или недостатка в

¹ Мы говорим о *торговом балансе*, абстрагируясь от *платежного баланса*. Торговый баланс может быть благоприятен, в то время как платежный баланс неблагоприятен. Только платежный баланс влияет на вексельный курс.

средствах обращения». Эти взгляды, кажется мне, прямо противоречат друг другу. Если, однако, драгоценные металлы могут быть вывозимы из страны в обмен на товары, несмотря на то, что они в вывозящей стране так же дороги, как во ввозящей, то каковы будут последствия такого непредусмотрительного вывоза?

«Сравнительный недостаток в одной стране и излишек в другой,—говорит критик на стр. 343,—не преминут оказать быстрое действие, изменяя направление платежного баланса и восстанавливая то равновесие драгоценных металлов, которое было на время нарушено естественным неравенством нужд и потребностей стран, ведущих между собой торговлю». Было бы очень хорошо, если бы критик сказал, когда именно начнется эта реакция; ведь на первый взгляд кажется, что тот же самый закон, который допускает вывоз монеты из страны, в то время когда она не дешевле, чем в стране, ввозящей ее, может также допустить вывоз ее в такой момент, когда она дороже. Все торговые спекуляции управляются личным интересом, и раз таковой может быть установлен точно и несомненно, то, допустив другое правило поведения, мы не будем знать, где остановиться. Критик должен был бы поэтому объяснить нам, почему ввозящая страна не могла бы лишиться целиком своей монеты и слитков при продолжении спроса на ввозимый товар. Что может при таких обстоятельствах помешать вывозу средств обращения? Критик говорит: потому что «страна с уменьшенным количеством золота была бы очевидно скоро ограничена в своей способности платить драгоценными металлами». Почему скоро? Разве не было им допущено, что «излишек и недостаток средств обращения являются лишь относительными терминами и что обращение страны никогда не может быть чрезмерным» (а следовательно никогда не может быть и недостаточным) «иначе, как по отношению к другим странам»? Разве из всех этих допущений не следует, что если торговый баланс может стать неблагоприятным для страны, хотя бы обращение ее и не было относительно чрезмерным, то не существует все же никакого препятствия для вывоза ее монеты до тех пор, пока в стране остается хоть сколько-нибудь денег. Ведь (вследствие возрастания их стоимости) меньшее количество их будет сразу служить так же хорошо для совершения требуемых платежей, как до этого служила большая сумма? Ряд плохих урожаев может согласно этому принципу лишить страну ее денег, каково бы ни было их количество и хотя бы они состояли исключительно из драгоценных металлов. То соображение, что уменьшение их стоимости во ввозящей стране и увеличение ее в вывозящей вернут деньги в их старый канал, не отвечает на возражение. Когда именно это произойдет? И в обмен на что именно будут они возвращены? Ответ очевиден—на товары. Итак, окончательный результат всего этого вывоза и ввоза денег сводится к тому, что одна страна ввезла бы один товар в обмен

за другой и что монеты и слитки вернулись бы в обеих странах к своему естественному уровню. Можно ли оспаривать, что в стране, где капитал имеется в изобилии, где применяется всяческая экономия в торговле и где конкуренция доведена до крайних пределов, такие результаты не были бы предусмотрены и расходы и хлопоты, сопровождающие эти бесполезные операции, не были бы предотвращены? Можно ли допустить, что деньги посылаются за границу только для того, чтобы сделать их дорогими в одной стране и дешевыми в другой и этим путем обеспечить их возвращение к нам?

Особенно достойно замечания, что предрассудок, который рассматривает монету и слитки как вещи, существенно отличающиеся во всех их операциях от других товаров, укоренился весьма глубоко; так, писатели, прекрасно знакомые с общими истинами политической экономии, сначала приглашают своих читателей рассматривать деньги и слитки только как товары, тоже подчиняющиеся «общему началу предложения и спроса, бесспорно составляющим основание, на котором построена вся надстройка политической экономии», а потом сами забывают эти указания и рассуждают о деньгах и законах, регулирующих их вывоз и ввоз, так, как будто эти законы совершенно отличны от законов, которыми регулируются вывоз и ввоз других товаров. Если бы наш критик говорил о кофе или о сахаре, он отрицал бы возможность вывоза этих товаров из Англии на континент, если только они не дороже там, чем здесь. Тщетно доказывали бы мы ему, что наш урожай был плох и что мы нуждаемся в хлебе. Он настойчиво и уверенно доказывал бы, что, как бы ни была у нас велика нужда в хлебе, для Англии не было бы возможно посылать, а для Франции (к примеру) получать кофе или сахар в обмен на хлеб до тех пор, пока кофе или сахар стоят в Англии больше денег, чем во Франции. Как, сказал бы он, вы считаете возможным для нас посылать ящик кофе во Францию, чтобы продать его там за 100 ф. ст., когда он стоит здесь 105 ф. ст. и когда, посылая 100 ф. ст. из этих 105 ф. ст., мы могли бы одинаково уплатить долг за ввозимую к нам пшеницу? А я говорю ему: считаете ли вы возможным, чтобы мы согласились посылать или Франция согласилась получать (если сделка ведется за ее счет) 100 ф. ст. в деньгах, когда 95 ф. ст., вложенные в кофе и вывезенные нами, будут стоить по прибытии во Франции столько же, сколько 100 ф. ст.? Но во Франции в кофе не нуждаются, рынок там переполнен им,—пусть так, но деньги там нужны еще меньше, и доказательством служит то, что кофе на сумму в 100 ф. ст. будет продан за сумму большую, чем 100 ф. ст. Единственное доказательство относительной дешевизны денег в двух местах, которым мы располагаем, состоит в сопоставлении их с товарами. Товары измеряют стоимость денег таким же образом, как деньги измеряют стоимость товаров. Если поэтому за товары можно получить больше денег в Англии, чем во Франции, мы можем

сказать с уверенностью, что деньги дешевле в Англии и что они вывозятся, чтобы *найти* свой уровень, а не *отступить* от него. Если после сравнения относительной стоимости кофе, сахара, слоновой кости, индиго и всех других экспортных товаров на двух рынках я настаиваю на посылке денег, то какое другое доказательство еще нужно, что в настоящее время деньги являются на английском рынке наиболее дешевым из всех этих товаров по сравнению со всеми иностранными рынками и что следовательно вывоз их наиболее прибылен? Какое еще нужно свидетельство относительного изобилия и дешевизны денег в Англии сравнительно с Францией, чем то, что во Франции за них можно купить больше хлеба, больше индиго, больше кофе, больше сахара, больше всяких экспортных товаров, чем в Англии?

Мне могут, правда, сказать, что предположение моего критика заключается не в том, что кофе, сахар, индиго, слоновая кость и т. д. и т. п. дешевле, чем деньги, но что эти товары и деньги одинаково дешевы в обеих странах, т. е. что 100 ф. ст., посланные в виде денег или вложенные в кофе, сахар, индиго, слоновую кость и т. д. и т. п., будут иметь во Франции одинаковую стоимость. Если бы стоимость всех этих товаров была взвешена с такой точностью, то что побудило бы экспортера послать один товар предпочтительно перед другими в обмен на хлеб, по отношению к которому все они дешевле в Англии? Если он посылает деньги и таким путем нарушает естественный уровень, то критик говорит нам, что в силу увеличения количества денег во Франции и уменьшения их количества в Англии они станут во Франции дешевле, чем в Англии, и их будут вновь ввозить в обмен на товары до тех пор, пока не восстановится этот уровень. Но разве тот же результат не получился бы при вывозе кофе или какого-нибудь другого товара, стоимостью которого по отношению к деньгам одинакова в обеих странах? Разве равновесие между предложением и спросом не было бы нарушено и разве уменьшенная стоимость кофе и т. д. вследствие увеличения его количества во Франции и возросшая стоимость его в Англии вследствие уменьшения его количества не вызвали бы его обратный ввоз в Англию? Некоторые из *таких* товаров могли бы быть вывезены без значительного неудобства, связанного с повышением их цены; но деньги, которые приводят в обращение все другие товары и увеличение или уменьшение количества которых даже в небольшом отношении повышает или понижает цены в чрезвычайной степени, не могут вывозиться без самых серьезных последствий. Тут сказывается следовательно ошибочный принцип нашего критика. Согласно моей системе не представляло бы, напротив, никакой трудности определить способ производить возмещения так, чтобы сохранить относительное количество и относительную стоимость средств обращения двух стран даже в таком крайне невероятном случае, как одинаковая стоимость всех товаров, включая деньги и исключая только хлеб.

Если бы средства обращения Англии состояли целиком из драгоценных металлов и составляли $\frac{1}{50}$ стоимости товаров, которые они приводят в обращение, то все количество денег, которое при предположенных условиях было бы вывезено в обмен на хлеб, составило бы $\frac{1}{50}$ стоимости этого хлеба, на остальную сумму мы вывезли бы товары, и, таким образом, отношения между деньгами и товарами сохранились бы одинаково в обеих странах. Англия вследствие плохого урожая попала бы в положение, о котором говорилось на стр. 29, страны, которая лишилась части своих товаров, а потому нуждается в уменьшенном количестве средств обращения. Денежное обращение, которое прежде соответствовало ее платежам, стало бы теперь избыточным, и деньги сделались бы более дешевыми пропорционально $\frac{1}{50}$ ее уменьшенного производства; вывоз этой суммы восстановил бы следовательно стоимость ее денег до стоимости их в других странах. Итак, мы вполне доказали повидимому, что плохой урожай влияет на вексельный курс только тем, что делает количество обращающихся денег, находившееся до тех пор на надлежащем уровне, чрезмерным. На таком примере полностью подтверждается следовательно принцип, согласно которому причины неблагоприятного вексельного курса всегда могут быть прослежены до относительно чрезмерного обращения.

Если мы можем предположить, что после неблагоприятного урожая, когда представляется случай для необычайно большого ввоза хлеба в Англию, другая нация обладает этим товаром в чрезмерном изобилии, *«но не имеет нужды в каком бы то ни было товаре»*, то мы должны будем, конечно, заключить, что такая нация не будет вывозить свой хлеб в обмен на товары, но она не вывезет его также и за деньги: ведь деньги это такой товар, в котором никакая страна не нуждается абсолютно, а лишь относительно, как признает определенно и сам критик. Такой случай, однако, невозможен, потому что нация, имеющая в своем распоряжении все товары, необходимые для потребления и для удовольствия всех ее жителей, которые имеют на что купить их, не оставит хлеб, превышающий ее возможное потребление, гнить в амбарах. Пока желание накоплять не погасло в груди человека, он будет стремиться реализовать излишек своей продукции над своим потреблением в форме капитала, а это он может сделать, только занимая лично или давая другим с помощью ссуд возможность занимать добавочное число рабочих: доход может быть превращен в капитал только посредством труда. Если доход его состоит из хлеба, он будет расположен обменивать его на топливо, мясо, масло, сыр и другие товары, на которые обычно затрачивается заработная плата, или, что то же самое, он продаст свой хлеб за деньги, уплатит заработную плату своим рабочим деньгами и создаст, таким образом, спрос на те товары, которые могут быть получены из других стран в обмен на излишний хлеб. Таким путем будут воспроизведены товары, имеющие большую стоимость, которые он

сможет употребить тем же путем, умножая собственное богатство и увеличивая богатство и ресурсы своей страны.

Нет большего заблуждения, чем предположение, что *может существовать такая нация, которая не нуждалась бы в каких-нибудь товарах*. Она может обладать в избытке одним или многими товарами, для которых не находит рынка у себя дома. Она может иметь больше сахара, кофе, сала, чем она может потребить или которыми она может распорядиться, но ни одна страна никогда не имела всеобщего перепроизводства всех товаров. Это очевидно невозможно. Если страна обладает всеми предметами, необходимыми для поддержания жизни и для комфорта человека, и если соответствующие доли тех и других соответствуют обычной практике потребления, то, несмотря на изобилие, они всегда найдут рынок сбыта; из этого следует, что раз страна обладает товаром, на который нет спроса дома, она будет стремиться обменять его на другие товары в той пропорции, в которой они потребляются.

Ни одна страна не производит хлеб или какой-либо другой товар с целью реализовать его стоимость в деньгах—случай, предполагаемый или заключающийся в случае, предположенном в статье критика, так как деньги являются наиболее невыгодным объектом, которому может быть посвящен труд человека. Деньги представляют как раз тот товар, который, пока он не обменен снова, никогда не прибавляет ничего к богатству страны; ясно, следовательно, что увеличение их количества так же мало является добровольным актом со стороны какой-либо страны, как и со стороны отдельного индивида. Деньги навязываются им только вследствие их относительно меньшей стоимости в тех странах, с которыми данная страна или данный индивид находятся в сношениях.

Пока страна употребляет в качестве денег драгоценные металлы и не имеет собственных рудников, вполне мыслимо, что она может в значительной степени увеличить количество продуктов своей земли и труда, ничего не прибавляя к богатству, ибо страны, владеющие рудниками, могут добыть в то же самое время такое огромное количество драгоценных металлов, что вынудят промышленную страну увеличить свое денежное обращение на сумму, равную по стоимости всему приросту ее производства. Но при таких условиях добавочное количество денег плюс количество их, находившееся раньше в обращении, не будет иметь большей стоимости, чем первоначальное количество средств обращения. Таким образом, наша промышленная нация станет данницей тех стран, которые владеют рудниками, и будет вести торговлю, в которой она ничего не выигрывает, а все теряет.

Я вовсе не расположен отрицать, что вексельные курсы находятся в состоянии постоянных колебаний по отношению ко всем странам, но, как правило, эти колебания не достигают таких пределов, при которых становится более выгодным делать переводы при помощи слитков, чем посредством покупки векселей. Пока это

так, нельзя оспаривать, что ввоз балансируется вывозом. Изменяющийся спрос всех стран может быть удовлетворен, а вексельные курсы их будут одинаково уклоняться в какой-то степени от паритета, если денежное обращение одной из них чрезмерно или недостаточно в сравнении с остальными. Предположим, что Англия посылает товары в Голландию и не находит там товаров, которые пригодны для английского рынка, или, что то же самое, предположим, что мы можем купить эти товары дешевле во Франции. В этом случае мы ограничиваем свою операцию продажей товаров в Голландии и покупкой других товаров во Франции. Денежное обращение Англии не нарушается какой-либо из этих сделок, так как мы платим Франции векселем на Голландию, и в данном случае не будет ни излишка ввоза, ни вывоза. Однако вексельный курс может быть для нас благоприятен по отношению к Голландии и неблагоприятен по отношению к Франции и будет таковым, если счета не будут балансированы ввозом во Францию товаров из Голландии или из какой-нибудь страны, задолжавшей Голландии. Если такого ввоза не будет, то неблагоприятный вексельный курс может образоваться только благодаря относительноному избытку средств обращения в Голландии в сравнении с количеством их во Франции, и для обеих стран будет более удобно, чтобы оплата векселей производилась путем пересылки слитков. Если баланс установится при помощи пересылки товаров, то вексельный курс между всеми тремя странами будет на уровне паритета. Если он установится при помощи слитков, то вексельный курс между Голландией и Англией будет настолько выше паритета, насколько вексельный курс между Францией и Англией будет ниже паритета, разница же будет равняться расходам по пересылке слитков из Голландии во Францию. Результат был бы тот же, если бы в такой сделке приняла участие любая нация мира. Если бы Англия купила товары у Франции и продала их Голландии, то Франция могла бы купить на такую же сумму товаров у Италии, Италия могла бы это сделать по отношению к России, Россия— по отношению к Германии, а Германия могла бы закупить в Голландии товары на ту же сумму за вычетом лишь 100 тыс. ф. ст. Германии могла бы быть нужна такая сумма в слитках либо для пополнения недостатка средств обращения либо для производства металлической посуды. Все эти разнообразные сделки могли бы быть выполнены посредством векселей за исключением 100 тыс. ф. ст., которые были бы уплачены Голландией из имеющегося у нее излишка монеты или слитков или собраны Голландией в монетах различных стран Европы. Вопреки заявлению критика никто не утверждает, что «плохой урожай или необходимость уплаты субсидии какой-либо стране немедленно и неизменно сопровождались бы необычным спросом на муслины, металлические изделия и колониальные продукты»: ведь те же результаты получались бы и при условии, что страна, платящая субсидию или страдающая

от плохого урожая, принуждена была бы ввозить меньше других товаров, чем она привыкла делать прежде.

Наш критик замечает (стр. 343): «Ошибка того же рода, как та, на которую мы здесь указали, проникла и в другие части памфлета г-на Рикардо и в особенности отличает начало его рассуждений. Он повидимому думает, что если драгоценные металлы были однажды распределены между различными странами земли соответственно их стносительному богатству и торговле, то, поскольку каждая из них одинаково нуждается в том количестве этих металлов, которое она действительно использует, ни одна не будет подвергаться искушению ввозить их или вывозить до тех пор, пока не будет открыт либо новый рудник либо новый банк, или пока не наступит какое-нибудь резкое изменение в их относительном благосостоянии». И затем (стр. 361): «Мы уже обратили внимание на ошибку (допущенную, однако, главным образом г-ном Рикардо и от которой «Доклад о слитках» совершенно свободен), состоящую в том, что г-н Рикардо отрицает существование торгового или платежного баланса, не связанного с каким-нибудь первоначальным излишком или недостатком средств обращения». «Но имеется и *другое положение*, на котором сходятся все исследователи и с которым мы тем не менее не можем согласиться, склоняясь скорее к взглядам меркантилистов на этот предмет. Хотя эти исследователи признают, что слитки иногда перемещаются из одной страны в другую в силу причин, связанных с вексельным курсом, они все же представляют дело так, как будто сделки такого рода играют совершенно незначительную роль. Г-н Гэссисон замечает, что «операции по торговле слитками имеют своим почти единственным источником новые партии металла, которые ежегодно доставляются из рудников Нового Света; эти операции ограничиваются, главным образом, распределением новых партий металла между различными частями Европы. Если бы доставка их совершенно прекратилась, то сделки с золотом и серебром как предметами внешней торговли были бы очень незначительны и весьма кратковременны».

«Г-н Рикардо в своем ответе Бозанкету ссылается на это место с особенным одобрением». Так вот, я не в состоянии выяснить, чем это мнение г-на Гэссисона отличается от высказанного мною прежде и комментированного нашим критиком.

Оба положения в сущности совершенно одинаковы и должны или устоять или пасть вместе. Если «мы признаем, что слитки иногда перемещаются из одной страны в другую в силу причин, связанных с вексельным курсом», то мы не признаем, что это будет происходить до тех пор, пока вексельный курс упадет до пределов, при которых вывоз слитков сделается прибыльным; я держусь того мнения, что если бы он упал так сильно, то лишь в результате дешевизны и избыточности средств обращения, которое имело бы своим почти единственным источником новые партии металла,

ежегодно доставляемые из рудников Нового Света. Таким образом, положение, по которому критик расходится со мной, не *другое*, а то же самое.

Если «хорошо известно, что большинство государств имеет в своих обычных торговых сношениях почти постоянно благоприятный вексельный курс с некоторыми странами и почти постоянно неблагоприятный с другими», то какой другой причине можно приписать это, кроме той, которая была упомянута г-ном Гэскиссоном? «Новым партиям металла, которые ежегодно доставляются (и почти по тому же самому назначению) из рудников Нового Света? Д-р Смит повидимому не отдавал себе достаточного отчета в том могущественном и единообразном воздействии, которое этот поток слитков оказывал на вексельный курс; он был склонен сильно переоценивать употребление слитков при ведении различных окольных отраслей внешней торговли, к которым страна считает необходимым прибегать. В ранних и примитивных торговых сделках между нациями, как и в ранних и примитивных сделках между индивидами, люди мало экономят как деньги, так и слитки; только под влиянием цивилизации и культуры бумажные деньги начинают выполнять при обмене между различными государствами те самые функции, которые они с такой выгодой выполняют при обмене между отдельными лицами в одной и той же стране. Мне кажется, что критик недостаточно осведомлен о тех размерах, в которых осуществляется принцип экономии драгоценных металлов при обмене между нациями. Он повидимому не признает даже всей силы этого принципа и в пределах одной нации: из одного абзаца на стр. 346 читатели могут сделать вывод, что по мнению нашего критика между отдельными областями одной и той же страны происходит частое перемещение средств обращения. Он сообщает нам, что в употреблении всегда имеется и будет иметься известное количество драгоценных металлов, должностное выполнять те же функции при обмене между разными нациями, связанными друг с другом узами торговли, какие деньги одной страны выполняют по отношению к отдаленным друг от друга областям». Какие же функции выполняют деньги данной страны по отношению к отдаленным друг от друга областям?

Я глубоко убежден, что во всем многообразии торговых сделок, которые совершаются между отдаленными друг от друга областями нашего королевства, деньги принимают очень незначительное участие, так как ввоз почти всегда балансируется вывозом¹; доказательством этому служит тот факт, что местные средства обращения отдельных областей (а они не имеют никаких других)

¹ Часть продукта отдельных областей вывозится без всякой компенсации, потому что составляет доход абсентеистов (землевладельцев, живущих постоянно вне пределов данной провинции), но это соображение не может иметь никакого влияния на вопрос о средствах обращения.

редко обращаются на каком-либо значительном расстоянии от того места, где они выпущены.

Мне кажется, что критик соблазнился ошибочной доктриной купцов, согласно которой *деньги могут вывозиться в обмен на товары, хотя бы они и не были дешевле в вывозящей стране*; ведь иначе он никак не мог бы объяснить повышение вексельного курса, которое в некоторых случаях сопровождало увеличение количества банкнот, как это констатировал в докладе, представленном Комитету о слитках, г-н Пирс, бывший прежде заместителем управляющего, а теперь ставший управляющим Английским банком. Критик говорит: «С этой точки зрения, конечно, не легко объяснить улучшение вексельного курса при явно возрастающем выпуске банкнот: случай, имевший место довольно часто, и на котором особенно настаивал заместитель управляющего Английским банком, как на доказательстве, что наш вексельный курс не находится ни в какой связи с состоянием нашего обращения».

Однако эти обстоятельства не абсолютно непримиримы между собою. Г-н Пирс подобно критику «*Edinburgh Review*» повидимому совершенно не понял принципа, выдвинутого защитниками отмены билля о запрещении платежей звонкой монетой. Сторонники отмены вовсе не утверждают, как это им приписывают, что увеличение количества банкнот будет постоянно понижать вексельный курс; по их мнению такой результат получится только в случае избыточного денежного обращения. Остается следовательно рассмотреть, всегда ли увеличение количества банкнот необходимо сопровождается непрерывным ростом количества находящихся в обращении денег; ведь если я покажу отчетливо, что это не так, то объяснить повышение вексельного курса увеличением количества банкнот будет отнюдь не трудно.

Каждый охотно допустит, что, пока в обращении находится большое количество монеты, всякое возрастание количества банкнот, хотя бы на короткое время, понизит стоимость всего денежного обращения, как бумажного, так и золотого. Такое понижение не будет, однако, постоянным, потому что избыток и дешевизна средств обращения понизят вексельный курс и вызовут вывоз части монеты; последний прекратится, как только остаток средств обращения приобретет вновь свою прежнюю стоимость и восстановится паритет вексельного курса. Увеличение количества мелких банкнот приведет, таким образом, в конечном результате к замене одних средств обращения другими, металлического обращения бумажно-денежным, но не будет иметь такого действия, какое имеет подлинное и непрерывное увеличение количества денег, находящихся в обращении¹. Но мы, однако, имеем

¹ Что увеличение количества банкнот ниже 5 ф. ст. должно скорее рассматриваться как замена вывезенной монеты, чем как действительное увеличение средств обращения, это нередко и справедливо утверждают люди, возражающие против аргументации Комитета о слитках; но когда те же самые

в своем распоряжении критерий, с помощью которого мы можем определить относительное количество денег, находившихся в обращении в различные периоды, независимо от банкнот; хотя мы и не можем положиться безусловно на этот критерий, он все же будет достаточно точным для решения обсуждаемого нами теперь вопроса. Этим критерием служит количество банкнот в 5 ф. ст. и выше, находящееся в обращении и сохраняющее всегда, как мы имеем основание считать, некоторую довольно правильную пропорцию ко всей массе средств обращения. Так, если в 1797 г. банкноты этой категории увеличились с 12 до 16 млн., мы можем сделать вывод, что вся масса средств обращения выросла на $\frac{1}{3}$, если области, в которых обращаются банкноты, не расширились и не сократились. Банкноты ниже 5 ф. ст. будут выпускаться по мере того, как металлические деньги извлекаются из обращения и количество их будет увеличиваться дальше, если увеличится также количество банкнот высшего наименования.

Если я прав в этом пункте, т. е. в том, что увеличение количества наших средств обращения связано с увеличением количества банкнот в 5 ф. ст. и выше и никоим образом не может быть объяснено увеличением количества однофунтовых или двухфунтовых банкнот, которые заняли место вывезенных или спрятанных гиней, то я должен целиком отвергнуть расчеты г-на Пирса, ибо последний исходит из предположения, что каждое увеличение количества банкнот этой категории представляет увеличение средств обращения на ту же сумму. Если мы примем во внимание, что в 1797 г. в обращении не было банкнот в 1 и 2 ф. ст., но что их место было целиком заполнено гинейми и что, начиная с этого периода, таких банкнот было выпущено не меньше чем на 7 млн. ф. ст.,—отчасти для того, чтобы занять место вывезенных и спрятанных гиней, отчасти чтобы сохранить пропорцию между средствами обращения для крупных и для мелких платежей,—то мы увидим, к каким ошибкам может привести такое рассуждение. Я не могу придавать записке г-на Пирса, о которой идет речь, никакого значения, поскольку она выступает против мнения, которое я позволил себе высказать, а именно что неблагоприятный торговый баланс, а следовательно и низкий вексельный курс могут во всех случаях быть прослежены до относительно избыточного и дешевого обращения¹. Но если бы рассуждение г-на Пирса не было столь же неверным, как неверны его

джентльмены желают установить свою любимую теорию, согласно которой между количеством средств обращения и нормой вексельного курса нет никакой связи, они не забывают призвать на помощь те самые мелкие банкноты, которые они прежде отвергали.

¹ Мы не думаем отрицать, что внезапное нашествие неприятеля или какое-либо потрясение, делающее владение собственностью в данной стране непрочным, может составить исключение из этого правила, но вексельный курс будет в общем неблагоприятен для стран, находящихся в таких условиях.

факты, то это нисколько не гарантировало бы верности заключений, которые он из них сделал.

Г-н Пирс констатирует, что количество банкнот возросло с января 1808 г. до рождества 1809 г. с $17\frac{1}{2}$ до 18 млн., или на 500 тыс. ф. ст., тогда как вексельный курс на Гамбург упал в течение этого же периода с 34 шилл. 9 грот. до 28 шилл. 6 грот.; следовательно увеличение количества банкнот составляло меньше чем 3%, а падение вексельного курса больше чем 18%.

Но откуда получил г-н Пирс информацию, согласно которой только 18 млн. ф. ст. в банкнотах находилось в обращении к рождеству 1809 г.? Просмотрев все отчеты, которые мне удалось найти относительно количества банкнот в обращении в конце 1809 г., я могу только сделать вывод, что утверждение г-на Пирса неправильно. Г-н Мэшет в своих таблицах дает четыре годичные сводки о числе банкнот. В последней, за 1809 г., он констатирует, что количество банкнот в обращении составляло 19 742 998 ф.ст.

Согласно приложению к «Докладу о слитках» и отчетам, недавно представленным в палату общин, количество банкнот, находившихся в обращении, повидимому, составляло:

12 декабря 1809 г.	19 727 520
1 января 1810 »	20 669 320
7 » 1810 »	19 528 030

В течение многих месяцев до декабря оно не было ниже. Когда я впервые обнаружил эту неточность, я думал, что г-н Пирс мог пропустить в обеих оценках соло-векселя Английского банка, хотя в декабре 1809 г. сумма их не превышала 880 880 ф. ст.; но, заглянув в отчет о числе банкнот в обращении, включающий и соло-векселя Английского банка в январе 1808 г., я нашел, что г-н Пирс показал их в большей сумме, чем я мог где бы то ни было найти: действительно, его оценка превышает цифру, приведенную в отчете Английского банка на 1 января 1808 г., почти на 900 тыс. ф. ст., а это значит, что с 1 января 1808 г. до 12 декабря 1809 г. общая сум мабанкнот возросла с 16 619 240 до 19 727 520 ф. ст.—разница больше чем в 3 млн. ф. ст. вместо 500 тыс., о которых говорил г-н Пирс, и в 2 млн., если справка г-на Пирса верна для какого-нибудь момента в январе 1808 г.

Кроме того, утверждение г-на Пирса, что с января 1803 г. до конца 1807 г. общая сумма банкнот возросла с $16\frac{1}{2}$ до 18 млн. ф. ст.—увеличение на $1\frac{1}{2}$ млн. ф. ст.—преувеличивает по-моему на полмиллиона действительную цифру. Увеличение количества банкнот в 5 ф. ст. и выше, включая соло-вексель банка, не превысило в течение этого периода 150 тыс. ф. ст. Важно подчеркнуть все эти ошибки для того, чтобы те, кто, несмотря на мои аргументы, соглашается в принципе с г-ном Пирсом, увидели бы, что факты не оправдывают в данном случае выводы, которые этот джентльмен извлек из них; в действительности все расчеты, основанные

на каких-либо отдельных данных о сумме банкнот за день или неделю при более высокой или более низкой общей средней, взятой для некоторого более раннего или более позднего периода, мало пригодны для опровержения теории, которая имеет за собой много других доказательств своей истинности. Таковой я считаю теорию, согласно которой неограниченное увеличение денежного обращения, в основе которого не лежит какой-либо определенный стандарт стоимости, может и должно производить постоянное понижение вексельного курса сравнительно со страной, денежное обращение которой имеет в своей основе такой стандарт.

Определив, таким образом, подлинную значимость записки г-на Пирса, я прошу читателя обратить внимание на таблицу, которую я составил на основе данных, приведенных в «Докладе о слитках» и в документах, которые были представлены с того времени палате общин. Я приглашаю читателя сравнить количество обращающихся в стране более крупных банкнот с изменениями в вексельном курсе; я уверен, что он не найдет никакого затруднения в согласовании принципа, защищаемого мною, с действительными рассматриваемыми нами фактами, в особенности если он примет во внимание, что результат увеличения массы средств обращения проявляется полностью не сразу: для получения полного эффекта требуется известный период. Надо также помнить, что повышение или понижение цены серебра в сравнении с ценой золота изменяет относительную стоимость денег в Англии и в Гамбурге и следовательно делает денежное обращение той или другой страны относительно избыточным и дешевым и что тот же самый результат вызывается, как я уже констатировал, богатым или скудным урожаем в нашей стране или в тех странах, с которыми мы ведем торговлю, или, наконец, каким-нибудь другим увеличением или уменьшением их действительного богатства; такие увеличения или уменьшения изменяют отношение между товарами и деньгами, а тем самым и стоимость средств обращения. При наличии таких поправок я опасаясь лишь одного: могут найти, что возражения г-на Пирса следует отвергнуть, не прибегая, однако, к признанию несостоятельности его принципа. Допустить его значило бы установить меркантилистскую теорию вексельного курса и взять на себя ответственность за столь значительный отлив средств обращения, что ему можно было бы противодействовать только накоплением нашей монеты в Английском банке и освобождением директоров его от обязательства уплачивать банкноты звонкой монетой (см. табл. на стр. 74).

Вексельные курсы на Гамбург взяты из «Бюллетеня Ллойда».

Среднее количество банкнот с 1797 до 1809 г. включительно взято в следующей таблице из доклада Комитета о слитках. Вексельные курсы извлечены из таблицы, представленной Монетным двором парламенту. Английский банк представил парламенту три отчета о количестве его банкнот, находившихся в обращении,

Данные, представленные г-ном Пирсом Комитету о слитках ¹

	Общая сумма банкнот (в млн. ф. ст.)	Вексельный курс на Гамбург (в шилл. и гротах)	
27 февраля 1797 г.	8½	35	6
Постепенный рост в 1797 и 1798 гг. до	13	38	0
Март 1799 г.	13½	37	7
После этого периода—крупное торговое расстройство, ввоз больших количеств хлеба, тя- желые субсидии. В связи с этим—понижение вексельного курса на Гамбург, который 2 января 1806 г. упал до . . .	—		
Между концом 1799 г. и концом 1802 г. выпущено увеличенное количество банкнот в 1 и 2 ф. ст., повысившее общую сумму всех банкнот		29	8
	от 13½ до 16½	Колебания векс. курса от 33 ш. 3 гр. до 29 ш. 8 гр.	
С января 1803 г. до конца 1807 г.	от 16½ до 18	Колебания векс. курса от 32 ш. 10 гр. до 35 ш. 10 гр.	
С января 1808 г. до рождества 1809 г.	от 17½ до 18	Падение векс. курса от 34 ш. 9 гр. до 28 ш. 6 гр.	

в 1810 г.: первый—за 7 и 12-е число каждого месяца, второй—понеделно с 19 января до 28 декабря 1810 г. и третий—также понеделно с 3 марта до 29 декабря 1810 г. Средняя сумма банкнот свыше 5 ф. ст., включая соло-векселя Английского банка, составляет:

согласно первому отчету:			
15 706 226 ф. ст.	банкнот ниже 5 ф. ст.	6 560 674 ф. ст.	
согласно второму отчету:			
16 192 110 ф. ст.	» » 5 » »	6 758 895 » »	
согласно третьему отчету:			
16 358 230 ф. ст.	» » 5 » »	6 614 721 » »	
Итого 48 256 566 ф. ст.	банкнот ниже 5 ф. ст.	19 934 290 ф. ст.	
Общая средняя 16 085 522 ф. ст.	» » 5 » »	6 644 763 » »	

¹ В записке г-на Пирса я опустил все, что относится к количеству находящихся в обращении банкнот до отмены платежей наличными, ибо пока публика могла получать звонкую монету в обмен на свои банкноты, вексельный курс мог снижаться под влиянием банковских эмиссий лишь на очень короткое время.

В годы, отмеченные звездочкой, стоимость серебра в сравнении с золотом превышала монетную оценку; в особенности это имело место в 1801 г., когда можно было купить унцию золота за количество серебра, меньшее 14 унций. Монетная оценка давала отношение 1 : 15,07; нынешняя рыночная цена почти 1 : 16.

Средняя сумма банкнот Английского банка, находившихся в обращении в каждом из указанных годов

Годы	Банкноты в 5 ф. ст. и выше, включая соло-векселя банка (в ф. ст.)	Банкноты ниже 5 ф. ст.	Итого банкнот (в ф. ст.)	Высший вексельный курс на Гамбург	Низший вексельный курс на Гамбург
1798	11 527 250	1 807 502	13 334 752	38,2 янв.	37,4 дек.
*1799	12 408 522	1 653 805	14 062 327	37,7 »	31,6 окт.
*1800	13 598 666	2 243 266	15 841 932	32,5 май	31—февр.
*1801	13 454 367	2 715 182	16 169 549	31,8 окт.	29,8 янв.
*1802	13 917 977	3 136 477	17 054 454	34— дек.	32— февр.
1803	12 983 477	3 864 045	16 847 522	35— »	34—янв.
1804	12 621 348	4 723 672	17 345 020	36— июнь	34,8 февр.
*1805	12 697 352	4 544 580	17 241 932	35,8 март	32,9 ноябрь
*1806	12 844 170	4 291 230	17 135 400	34,8 дек.	33,3 янв.
*1807	13 221 988	4 183 013	17 405 001	34,10 март	34,2 сент.
*1808	13 402 160	4 132 420	17 534 580	35,3 июль	32,4 дек.
1809	14 133 615	4 868 275	19 001 890	31,3 янв.	28,6 ноябрь
1810	16 085 522	6 644 763	22 730 285	31,2 июнь	28,6 дек.
1811	—	—	—	26,6 янв.	24—март

В текущем 1811 г. Английский банк представил отчет о сумме своих банкнот за первые 18 дней этого года. Средняя сумма банкнот в 5 ф. ст. и выше, находившихся в обращении в эти 18 дней, включая соло-векселя банка,

составляла	16 286 950 ф. ст.
а банкнот ниже 5 ф. ст.	7 260 575 » »
Всего	23 547 525 ф. ст.

«Если бы,—говорит наш критик,—значительная доля находящихся в обращении денег была взята у праздных людей и у тех, кто живет на постоянные доходы, и передана фермерам, фабрикантам и купцам, то соотношение между капиталом и доходом было бы в значительной степени изменено к выгоде капитала, и в течение короткого времени продукт страны значительно увеличился бы». Верно несомненно, что «*те* объем» денежного обращения увеличивает национальное богатство, а «*иное распределение денег*». Если бы поэтому можно было считать несомненным, что

изобилие, а следовательно и обесценение средств обращения уменьшат потребительную способность праздных и непродуцительных классов и увеличат численность трудолюбивых и производительных, то в результате несомненно увеличилось бы и национальное богатство, ибо то, что прежде расходовалось в качестве дохода, теперь реализовалось бы в форме капитала. Но вопрос состоит в том, произведет ли излишек средств обращения именно такое действие? Не будет ли 1 тыс. ф. ст., сбереженная денежным капиталистом из его дохода и отданная в ссуду фермеру, так же производительна, как если бы она была сбережена самим фермером? Наш критик замечает, что «при каждом новом выпуске банкнот не только возрастает количество средств обращения, но изменяется и распределение всей их массы. Значительная часть попадает в руки тех, кто потребляет и производит, а меньшая—в руки тех, кто только потребляет». Но разве это действительно неизбежно? Автор считает повидимому доказанным, что люди, имеющие определенный доход, должны потреблять его целиком и что ни одна часть его не может сберегаться и ежегодно прибавляться к капиталу. Но это весьма далеко от истинного положения вещей, и я спросил бы: разве денежные капиталисты, сберегая половину своего дохода и помещая его в фонды, т. е. освобождая, таким образом, капитал, который в конечном счете будет использован теми, кто потребляет и производит, не дадут такого же стимула росту национального богатства, какой дало бы обесценение их доходов на 50% путем выпуска банкнот и лишение их всякой возможности сберегать; это имело бы место, несмотря на то, что банк ссужал бы промышленнику сумму банкнот, равную по стоимости уменьшенному доходу денежного капиталиста. Различие, и единственное различие, состоит, мне кажется, в том, что в одном случае процент по денежной ссуде уплачивался бы действительному собственнику имущества, а в другом он был бы в конечном счете уплачен в форме увеличенных дивидендов или премий собственникам Английского банка, которые получили бы возможность присвоить его себе вопреки справедливости. Если бы кредитор банка употребил свои деньги для менее прибыльных операций, чем человек, использовавший сбережения денежных капиталистов, то для страны от этого получился бы чистый убыток. Таким образом, поскольку обесценение средств обращения рассматривается как стимул к производству, оно может дать и положительный результат и отрицательный.

Я не вижу никакого основания, в силу которого такое обесценение должно уменьшить численность праздного и увеличить численность производительного класса общества, а что оно принесет вред; это во всяком случае несомненно, ибо оно должно сопровождаться такой степенью несправедливости по отношению к отдельным лицам, что одно лишь осознание ее вызовет порицание и негодование всех тех, кто не остается равнодушным к справедливости.

С взглядами, изложенными в остальной части статьи, я от души согласен и не сомневаюсь, что старания автора ее будут в самой сильной степени способствовать опровержению массы ошибок и предрассудков, прочно укоренившихся в общественном мнении по этому столь важному вопросу.

Согласно предложению Комитета о слитках Английский банк должен в течение двух лет возобновить платежи металлом по своим банкнотам; но против такой меры нередко возражают, что в случае принятия ее банк будет испытывать значительные трудности в получении необходимого для этой цели количества слитков. Нельзя отрицать, что Английский банк должен благо-разумно собрать большой металлический запас, могущий удовлетворить все предъявленные требования, для того чтобы закон об отмене платежей наличными мог быть отменен. Комитет о слитках установил, что средняя сумма банкнот, находившихся в обращении, включая соло-векселя Английского банка, составляла в 1809 г. 19 млн. ф. ст. В течение того же самого периода средняя цена золота равнялась 4 ф. ст. 10 шилл., превосходя, таким образом, его монетную цену почти на 17%, а это является доказательством обесценения денег почти на 15%. Следовательно уменьшение числа обращающихся в 1809 г. банкнот на 15% должно было бы в согласии с принципами комитета поднять их до паритета и уменьшить рыночную цену золота до 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс.; но до того, как такое уменьшение имело бы место, прекращение действия закона об отмене платежей наличными создало бы непосредственную опасность как для Английского банка, так и для публики. Но, говорят защитники Английского банка, допустим (на самом деле мы этого, конечно, не делаем), что ваши принципы правильны, допустим, что после такого уменьшения количества банкнот стоимость остатка их поднимется настолько, что требовать у банка монету в обмен на банкноты не предоставит ни для кого никакого интереса, так как вывоз слитков не будет приносить никакой прибыли. Какую гарантию имел бы тогда Английский банк против порожденной капризом или злой волей всеобщей практики отказа от пользования мелкими банкнотами и требований гиней в обмен на них? Английский банк должен был бы тогда не только уменьшить обращение своих банкнот на 15% от общей суммы выпусков в 19 млн., не только заготовиться слитками на 4 млн. ф. ст., т. е. на всю сумму остающихся в обращении банкнот в 1 и 2 ф. ст., но и обеспечить себя также средствами для удовлетворения возможных требований оплаты мелких банкнот всех провинциальных банков королевства,—и все это в течение короткого периода—в два года. Следует признать, что могут ли или не могут осуществиться подобные опасения, банку все равно пришлось бы сделать некоторый запас на самый худший случай, и, хотя такое положение создалось бы в результате его собственной опрометчивости, было бы желательно по возможности спасти его от ее

последствий. Если такие же выгоды для публики и такую же гарантию против обесценения денег можно получить с помощью более мягких мероприятий, то нужно надеяться, что все стороны, пришедшие к принципиальному соглашению, соединят свои усилия, чтобы осуществить их. Пусть парламент потребует от Английского банка, чтобы он оплачивал (по требованию) все банкноты выше 20 ф. ст. и только их по собственному выбору золотыми монетами, золотыми стандартными слитками или иностранною монетою (принимая во внимание разницы в пробе) по английской монетной стоимости золота, т. е. по 3 ф. ст. 17 шилл. 16 $\frac{1}{2}$ пенс. за унцию, с тем чтобы эти платежи были возобновлены в срок, указанный Комитетом о слитках.

Привилегия оплаты банкнот вышеуказанными способами может быть продолжена банку на три или четыре года по возобновлении платежей, а если это будет найдено выгодным, то эта мера может быть объявлена постоянной.

При такой системе уровень обесценения денег никогда не упал бы ниже их стандартной цены, так как унция золота и 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс. всегда сохраняли бы одинаковую стоимость. При помощи таких постановлений мы действительно могли бы предупредить извлечение из обращения всей суммы мелких банкнот, необходимых для мелких платежей, так как, не обладая такими банкнотами по крайней мере на 20 ф. ст., никто не мог бы обменять их в банке, и даже в этом случае он получал бы за них не монету, а слитки. Правда, за эти слитки можно было бы получить гинеи на Монетном дворе, но не раньше, чем по истечении нескольких недель или месяцев, причем потеря процентов за это время рассматривалась бы как действительный расход,—расход, на который никто не согласился бы, пока за мелкие банкноты можно было бы купить столько же товаров, сколько и за гинеи, которые они представляют. Другая выгода, связанная с осуществлением этого плана, заключалась бы в предупреждении бесполезной затраты труда, так бесполезно расходовавшегося при системе, господствовавшей до 1797 г., на чеканку гиней, тогда как последние при каждом случае неблагоприятного вексельного курса, какими бы причинами он ни вызывался, отправлялись в тигель и, несмотря на все запрещения, вывозились в форме слитков. Все стороны признают, что такие запрещения были недействительными и что какие бы препятствия ни ставились вывозу монеты, они весьма легко обходились.

Неблагоприятный вексельный курс может быть в конце концов исправлен только путем вывоза товаров (через посредство слитков) или же путем уменьшения размеров бумажно-денежного обращения. Таким образом, легкость, с которой слитки могут быть получены в банке, не может служить возражением против выдвигаемого плана, поскольку такая же степень легкости существовала на деле до 1797 г. и должна существовать при системе плате-

жей банком. Такое возражение не следует вообще выдвигать: ведь теперь никто из тех, кто уделил достаточно внимания проблемам денежного обращения, не сомневается больше не только в том, что закон против вывоза металла в форме ли монеты или в какой-либо другой совершенно недействителен, но что он также неполитичен и несправедлив; будучи невыгоден только для нас, он выгоден для всего остального мира.

Предложенный здесь план объединяет по моему мнению выгоды всех банковских систем, принятых до сих пор в Европе. В некоторых его чертах он представляет аналогию с депозитными банками Амстердама и Гамбурга. Через посредство этих учреждений всегда можно купить у банка слитки по установленной неизменной цене. То же самое предлагается для Английского банка. Но в сундуках иностранных депозитных банков действительно сохраняется столько слитков, сколько в их книгах записано кредитов на деньги банка; соответственно этому налично оказывается большой бездействующий капитал, равный всей сумме торгового обращения. Напротив, в нашем банке будет в наличии сумма банковских денег под названием банкнот в таком размере, в каком этого требуют нужды торговли. В то же время в сундуках банка бездействующий капитал будет храниться лишь в размерах того фонда, который банк будет считать необходимым держать в слитках, чтобы удовлетворять могущий возникнуть на них спрос. Кроме того, следует всегда помнить, что, сокращая выпуск банкнот, банк будет в состоянии уменьшать по своему желанию такой спрос. В подражание Гамбургскому банку, который покупает серебро по установленной цене, для Английского банка необходимо будет установить цену очень немногим ниже монетной цены, по которой он во всякое время покупал бы за свои банкноты золотые слитки, какие ему могут предложить.

Совершенство банковской системы заключается в том, что она дает возможность стране осуществлять свое денежное обращение посредством бумажных денег (всегда сохраняющих свою стандартную стоимость) с возможно меньшим количеством монеты или слитков. Именно к этому и приведет наш план. И при серебряной монете мы имели бы при денежном обращении, основанном на верных принципах, наиболее экономную и наиболее устойчивую денежную систему в мире. Изменения в цене слитков, каков бы ни был спрос на них на континенте или каково бы ни было количество их, поставляемое рудниками Америки, были бы ограничены пределами цен, по которым Английский банк покупает слитки, и монетной ценой, по которой он продает их. Количество обращающихся денег было бы приспособлено к нуждам торговли с наибольшей точностью, и если бы Английский банк был временно настолько неосторожен, что переполнял бы обращение, то сила противодействия, которой обладала бы публика, очень скоро напомнила бы ему о его ошибке. Что касается провинциальных банков, то они,

как и теперь, должны были бы оплачивать свои банкноты по требованию банкнотами Английского банка. Это было бы достаточной гарантией против возможности для этих банков чересчур увеличивать бумажно-денежное обращение.

Не было бы никакого искушения переплавлять монету, и следовательно труд, который так бесполезно затрачивался одними на перечеканку того, что другие считали выгодным переплавлять в слитки, был бы полностью сбережен. Деньги не подвергались бы ни порче, ни разрушению и обладали бы столь же неизменной стоимостью, как само золото,—великая цель, которую поставили себе голландцы и которую они осуществили при помощи системы, очень похожей на ту, которая здесь рекомендуется.

ОТВЕТ
НА
„ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ
ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА
КОМИТЕТА О СЛИТКАХ”

Г-НА БОЗАНКЕТА



ЛОНДОН • 1811





ОТВЕТ

г-ну БОЗАНКЕТУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предварительные замечания.—Возражения г-на Бозанкета на заключения Комитета о слитках в кратком изложении

Вопрос об обесценении наших денег приобрел в последнее время особый интерес и привлек к себе такое живое внимание всех мыслящих людей, что обещает нам самые благоприятные результаты. Мы чрезвычайно обязаны уже теперь Комитету о слитках за наиболее правильное изложение истинных принципов, долженствующих регулировать денежное обращение народов, когда-либо опубликованное в достаточно авторитетной форме в нашей или любой другой стране. Нельзя было бы, однако, ожидать, чтобы столь важная реформа, предлагаемая Комитетом, могла быть осуществлена, не вызывая самой горячей оппозиции, диктуемой ошибочными принципами одних и взглядами, непосредственно вытекающими из интересов других. До сих пор такая оппозиция давала самые лучшие результаты; благодаря ей правильность принципов, изложенных комитетом, была доказана более полно; на арену спора привлекались все новые и новые борцы, и дискуссия ежедневно создавала, таким образом, новых сторонников правого дела. Однако из всех нападений на доклад комитета нападение г-на Бозанкета показалось мне наиболее сильным. Он не ограничился, подобно своим предшественникам, одной только декламацией, и хотя он отказывается от рассуждений и аргументов, он подчеркивает именно те моменты, которые по его мнению являются неопровержимыми доказательствами расхождения теории с прежней практикой. Именно эти доказательства я и предполагаю рассмотреть, и я убежден, что если мне не удастся доказать их полную несостоятельность, то причиной тому будет не несостоятельность защищаемых мною принципов, а недостаточность моих личных способностей. Г-н Бозанкет начинает с того, что использует вульгарное обвинение, которое в последнее время так часто выдвигалось даже в очень высоких сферах против

теоретиков. Он предлагает публике не слушать их умозрительных построений, не подвергнув их предварительно проверке фактами, и он любезно предлагает взять на себя роль руководителя в этом испытании. Если бы наша страна вела до сих пор меновую торговлю и только впервые приступила к установлению системы, при которой денежное обращение облегчает торговые операции, то мы имели бы некоторое основание называть принципы, предлагаемые общественному вниманию, чисто теоретическими; ибо если бы даже они и были продиктованы опытом прошлого, их практические последствия не были бы еще обнаружены. Но раз основные начала давно уже введенного денежного обращения хорошо поняты, раз законы, регулирующие колебания уровня вексельного курса между странами, были известны и наблюдались в течение столетий, то можно ли назвать чисто теоретической систему, которая апеллирует к этим началам и может быть проверенной с помощью этих законов?

Именно такому рассмотрению подвергнут теперь доклад Комитета, и публику приглашают поверить, что принцип, который противники его признают неприступным для теоретических нападков и аргументов, может быть разгромлен путем апелляции к фактам. Нам говорят, что, «как бы смело ни утверждался этот принцип, как бы сильны ни были повидимому доводы разума в его пользу, он в общем неверен и противоречит фактам». Но именно таково испытание, которому я давно уже стремлюсь подвергнуть эту столь важную теорию. Я давно желал, чтобы те, кто отказывается признать принципы, казалось бы санкционированные опытом, либо выдвинули свою собственную теорию для объяснения причин настоящего положения нашего денежного обращения, либо указали факты, расходящиеся по их мнению с теорией, которую я защищаю в силу глубочайшего убеждения.

Таким образом, я чувствую себя весьма обязанным г-ну Бозанкету. Если, как я в том уверен, я сумею опровергнуть его возражения, доказать их полную несостоятельность, убедить его, что именно его положения противоречат фактам и что своими предполагаемыми доказательствами он обязан ошибочному применению принципа, а не несовершенству самого принципа, то я буду с уверенностью ожидать, что он откажется от своих ошибок и станет самым смелым защитником моих взглядов.

Г-н Бозанкет дает такое изложение главных положений Комитета, против которых он собирается возражать:

«1) Что колебания вексельного курса с чужими странами отнюдь не могут превысить в течение сколько-нибудь значительного времени расходы по перевозке драгоценных металлов из одной страны в другую и их страхованию.

2) Что цена золотых слитков отнюдь не может превосходить монетную цену, если только стоимость денег, которыми они оплачиваются, не упала ниже стоимости золота.

3) Что, поскольку о том можно судить по материалам таможенных отчетов о ввозе и вывозе, состояние вексельного курса должно быть особенно благоприятно.

4) Что в течение периода приостановки размена банкнот Английский банк обладает исключительной властью ограничивать обращение банкнот.

5) Что обращение банкнот провинциальных банков зависит от выпусков Английского банка и пропорционально им».

И, наконец, «что количество бумажных денег в настоящее время чрезмерно, что они обесценены в сравнении с золотом и что высокая цена слитков и низкий вексельный курс являются в такой же мере последствиями, как и симптомами этого обесценения».

Так как эти положения во всех существенных пунктах тождественны с теми, которые высказал я и за которые на меня напал г-н Бозанкет, то во избежание необходимости сослаться в одном случае на мнение Комитета о слитках, а в другом — на мое собственное я буду на следующих страницах этой работы рассматривать их только как положение Комитета о слитках, отмечая в каждом отдельном случае каждый оттенок возможного разногласия между моими взглядами и взглядами комитета.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассмотрение данных, приведенных г-ном Бозанкетом и взятых им из истории вексельных курсов

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Вексельный курс на Гамбурге

Первое оспариваемое положение гласит: вексельный курс с другими странами никогда не сможет измениться настолько, чтобы превысить в течение сколько-нибудь значительного времени расходы по перевозке драгоценных металлов из одной страны в другую и по их страхованию.

Можно ли назвать это положение теоретическим взглядом, выдвинутым теперь впервые? Разве оно не было санкционировано работами Юма и Смита? И разве оно не признавалось бесспорным даже практиками?

Г-н... в своем показании перед Комитетом о слитках замечает, что «степень, в какой может упасть вексельный курс, определяется расходами по перевозке слитков плюс соответствующая прибыль за риск, с которым связана перевозка такого рода».

Г-н А. Гольдсמיד не может припомнить, чтобы до приостановки платежей звонкой монетой вексельный курс был когда-либо выше паритета больше чем на 5%.

Г-н Грефюль констатировал, что «с тех пор, как он занимается торговыми делами, он не может припомнить такого периода, пред-

ществовавшего приостановке платежей Английским банком, когда вексельный курс стоял значительно ниже паритета».

То же самое мнение было высказано многими практиками перед Комитетом палаты лордов в 1797 г.

Но, выступая против всех этих мнений, г-н Бозанкет ссылается на факты, которые, как он имеет смелость думать, доказывают неосновательность защищаемой доктрины.

«В течение 1764—1768 гг.—четыре лет, предшествовавших перечеканке, — говорит он, — когда несовершенное состояние монеты вызвало превышение цены золота над его монетной ценой на 2—3%, вексельный курс на Париж был на 8—9% против Лондона и в то же самое время вексельный курс на Гамбург был в течение всего этого периода на 2—6% в пользу Лондона; здесь, таким образом, налицо прибыль в 12—14%, получаемая в мирное время сверх расходов по уплате долга на Париж гамбургским золотом и долженствующая превзойти фактические издержки перевозки на 8—10%. Достойно замечания, что средний вексельный курс на Гамбург, который в 1766 и 1767 гг. был на 5% в пользу Лондона, давал вместе с 2% превышения цены золота над его монетной ценой премью в 7% на ввоз золота в Англию или за вычетом $1\frac{1}{2}\%$ расходов мирного времени чистую прибыль 5%; однако вексельный курс не выправился от этого. И в 1775, 1776 и 1777 гг., после перечеканки, мы снова находим вексельный курс на Париж на уровне 5, 6, 7 и 8% против Лондона в мирное время, когда вдвое меньшей суммы хватило бы, чтобы направить золото в Амстердаме.

А так как 1781, 1782 и 1783 годы были годами войны, то вексельный курс был постоянно на 7—9% в пользу Парижа; в течение этого периода обращавшиеся в нашей стране деньги были обычно золотыми, и Английский банк вынужден был доставлять публике золото по его монетной цене. Мы уже показали, какое незначительное действие произвели драгоценные металлы на выравнивание вексельного курса на Гамбург в течение 1797—1798 гг. Другой пример доставляют нам годы 1804 и 1805, когда вексельный курс на Париж был на 7—9% в пользу Лондона.

В каждом из приводимых здесь случаев уровень колебания вексельных курсов значительно превосходил расходы по пересылке золота из одной страны в другую и в большинстве случаев в несравненно большей степени, чем в настоящее время. Условия тех эпох, — это охотно признает каждый, — были более благоприятны для сношений такого рода, чем в настоящее время, а состояние металлического обращения представляло тогда удобства, каких мы теперь не знаем, и все же при всех этих невыгодах принцип, принятый Комитетом, оказался неприменимым на практике; его нельзя поэтому считать тем солидным основанием, на котором попытались воздвигнуть надстройку излишка и обесценения денег».

Если бы факты были действительно таковы, какими их излагает г-н Бозанкет, я считал бы затруднительным согласовать их с моей теорией. Эта теория считает установленным, что раз в какой-либо отрасли есть возможность реализовать огромные прибыли, то это привлечет к ней достаточное число капиталистов, а благодаря конкуренции между ними их прибыли упадут до общей нормы торгового барыша. Согласно этой теории этот принцип применим в особенности в торговле кредитными бумагами и известен не только одним английским торговцам; его прекрасно понимают и используют к своей выгоде также торговцы кредитными бумагами и слитками в Голландии, Франции и Гамбурге. Хорошо известно, что конкуренция в этой отрасли торговли доводится до самой высокой степени. Неужели г-н Бозанкет предполагает, что теория, которая покоится на таком прочном базисе опыта, может пошатнуться от одного или двух изолированных фактов, недостаточно известных нам? Если бы даже никто не пытался объяснить их, им можно было бы спокойно предоставлять производить на общественное мнение свое естественное влияние.

Но прежде чем допустить, что фактами г-на Бозанкета доказана несостоятельность рассуждений Комитета, мы должны исследовать источник, из которого почерпнуты эти так называемые факты.

Г-н Бозанкет рассказывает нам, что к памфлету г-на Мэшета приложена таблица, показывающая, «1) вексельные курсы на Гамбург и Париж за прошедшие 50 лет и насколько они были в каждом случае выше или ниже паритета.

2) Цену золота в Лондоне и сравнение этой цены с английской стандартной или монетной ценой.

3) Количество банкнот в обращении и размер их предполагаемого обесценения при сопоставлении их с ценою золота».

Точность этих таблиц должна быть признана или доказана, прежде чем выводы, вытекающие из их рассмотрения, могут получить признание; но в данном случае это не так, ибо точность этих таблиц дезавуируется самим г-м Мэшетом, который во втором издании своей брошюры признал ложность принципа, положенного в основу его расчетов, и дал нам новые и исправленные таблицы.

Второе издание памфлета г-на Мэшета сопровождалось следующим примечанием: «В первом издании этой работы я установил паритет вексельного курса на Гамбург в 33 шилл. и 8 гротов и считал паритет фиксированным на этом уровне, но согласно полученным мною с того времени более точным сведениям паритет считается равным 34 шилл. $11\frac{1}{4}$ грота, и в настоящем издании я исхожу именно из этой цифры. Я исправил также ошибку, заключающуюся в том, что я рассматривал паритет как величину фиксированную; так как денежным материалом в Англии является золото, а в Гамбурге—серебро, то между этими странами не может существовать фиксированного паритета, он будет изменяться в зависимости от всех колебаний в относительной стоимости золота и серебра.

Так, например, если 34 шилл. $11\frac{1}{4}$ грота гамбургских денег будут равняться 1 ф. ст., или $\frac{20}{21}$ гиней, при цене серебра в 5 шилл. 2 пенса за унцию, то при падении цены его до 5 шилл. 1 пенса или до 5 шилл. за унцию дело меняется, так как тогда цена 1 ф. ст. золотом, выраженная в серебре, увеличится и тем самым увеличится и цена его, выраженная в гамбургских деньгах.

Поэтому, чтобы найти действительный паритет, мы должны установить, какова была относительная стоимость золота и серебра в то время, когда паритет был фиксирован в 34 шилл. $11\frac{1}{4}$ грота, и какова была их относительная стоимость в то время, для которого мы хотим вычислить паритет.

Например, если бы цена стандартного золота составляла 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. за унцию, а серебра 5 шилл. 2 пенса, то унция золота стоила бы тогда 15,07 унции серебра, что и является их монетным соотношением; 20 наших стандартных шиллингов содержали бы тогда столько же чистого серебра, сколько 34 шилл. $11\frac{1}{4}$ грота; но если бы унция золота стоила 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., а серебра 5 шилл. (как это имело место 2 января 1798 г.), то унция золота стоила бы тогда 15,57 унции серебра. Поэтому, если бы 1 ф. ст. стоил по паритету 15,07 унции серебра, то при действительной стоимости его в 15,57 унции он доставлял бы 3% премии, а 3% премии на 34 шилл. $11\frac{1}{4}$ грота составляют 1 шилл. $\frac{1}{10}$ грота; таким образом, если отношение стоимости золота к стоимости серебра равно 15,57 : 1, то паритет будет равен 36 шилл. $1\frac{1}{10}$ грота.

Вышеприведенное вычисление может быть сделано более понятным, если мы изобразим его следующим образом:

$$15,07 : 34 \text{ ш. } 11\frac{1}{4} \text{ гр.} = 15,57 : 36 \text{ ш. } 1\frac{1}{10} \text{ гр.}.$$

Так как всеми признано, что золото является стандартной мерой стоимости в нашей стране и что серебро выполняет ту же функцию в Гамбурге, то очевидно, что никакие таблицы, исходящие из фиксированного неизменного паритета, не могут быть правильны. Действительный паритет должен изменяться вместе с каждым изменением в относительной стоимости двух металлов.

Имеются, однако, и некоторые возражения против полной точности новых таблиц г-на Мэшета, которые я хочу сейчас привести.

Во-первых, он принял слишком низкий паритет для серебра относительно серебра; он вычислил на основании полученных им сведений, что 20 английских стандартных шиллингов в серебре содержали столько же чистого металла, сколько 34 гамбургских шиллинга и $11\frac{1}{4}$ грота; но из таблицы д-ра Келли («Доклад о слитках», стр. 207) явствует, что как в результате действительной проверки, так и на основе вычисления, 20 шилл. были равны по стоимости 35 шилл. 1 гроту. Разница составляет немного больше чем $\frac{3}{8}\%$, и я отметил ее только потому, что считаю в высшей степени желательной возможность определить в любое время настоящий паритет.

Во-вторых, г-н Мэшет вычислил степень, в которой вексельный курс был выше или ниже паритета, на основании цен, которые он заимствует в «Бюллетене Ллойда». Так вот, эти цены брались неизменно для векселей сроком на $2\frac{1}{2}$ месяца, а так как вексельный паритет устанавливается путем сравнения действительной стоимости монет двух стран, в которых по истечении $2\frac{1}{2}$ месяцев уплата производится одновременно в обеих странах, а не в одной, то для этого периода нужно принять известную компенсацию, которая будет равна приблизительно 1% ¹. Поэтому в таблицах г-на Мэшета следует вычесть из данных графы благоприятного курса на Англию $1\frac{3}{8}\%$.

При всех вычислениях подлинного паритета вексельного курса имелись еще и другие источники ошибок. На некоторые из них мы в дальнейшем укажем. Таким образом, поскольку мы не располагаем всеми необходимыми данными, мы не можем установить с совершенной точностью для того или иного периода размеры действительной разницы между уплатой путем пересылки слитков или путем покупки векселя.

Я готов проверить правильность оспариваемого принципа с помощью переработанных таблиц г-на Мэшета, исправленных указанным образом. Тогда станет ясно, что ни в один период со времени 1760 г. вексельный курс на Гамбург не был больше чем на 7% в пользу Англии за одним только исключением. Наличие этого исключения не удивит читателя, когда он узнает, что оно имело место в достопамятном 1797 г., сейчас же после приостановки Английским банком платежей звонкой монетой. В этот период денежное обращение нашей страны было доведено до особенно низкого уровня, так как количество банкнот в обращении было меньшим, чем в течение предшествовавших 10 лет. Что при таких условиях вексельный курс должен был быть благоприятным для Англии и что следовательно большой ввоз слитков должен был иметь место, это вполне согласуется с принципом Комитета о слитках и подтверждает действительность предложенного им средства улучшить положение. По его мнению причинами теперешнего номинально низкого вексельного курса являются значительно обращение бумажных денег и чрезмерное количество находящихся в обращении денег вообще, и он с уверенностью предсказывает, что уменьшение количества их повысит, как и в 1797 г., вексельный курс и сделает прибыльным ввоз слитков. Что благоприятный вексельный курс вызвал в 1797 г. огромный ввоз золота, может быть

¹ Из показания г-на... перед Комитетом о слитках (приложение, стр. 74) известно, что вексельный курс Гамбурга на Лондон различается в обычное время на 1 фламандский шиллинг от вексельного курса Лондона на Гамбург в виде компенсации за $2\frac{1}{2}$ -месячный срок и комиссию, которая дается за векселя в обоих направлениях. При самых больших трудностях сообщения разница вексельного курса составляла 2 полных фламандских шиллинга..

прекрасно доказано косвенными данными. Сумма иностранного золота, перечеканенного в монету на Монетном дворе его величества, составляла:

В 1795 г. по стоимости	255 721 ф. ст.	11 шилл.	8 пенс.
» 1796 » » »	72 179 »	14 »	11 »
» 1797 » » »	2 486 410 »	» 6 »	0 »
» 1798 » » »	2 718 425 »	» 9 »	0 »
» 1799 » » »	271 846 »	» 12 »	8 »

Но, спросят нас, как смогут люди, утверждающие, что вексельный курс не может оставаться в течение продолжительного времени ни очень благоприятным, ни очень неблагоприятным, объяснить, что вексельный курс на Гамбург был неизменно благоприятен для Англии в течение двух или трех лет?

Это имело место, замечает г-н Бозанкет, в течение 1797 и 1798 гг.; при этом он утверждает, что драгоценные металлы оказали ничтожное влияние на выравнивание вексельных курсов. Из новых таблиц г-на Мэшета (исправленных всюду на $1\frac{3}{8}\%$) явствует, что в течение этих лет вексельный курс был благоприятен для Англии и колебался от 5,6 до 4,3%. Но, по моему разумению, принцип заключается в том, что ни одна страна не может в течение продолжительного времени иметь ни очень благоприятный, ни очень неблагоприятный вексельный курс, потому что предпосылкой их должно быть либо сильное увеличение запаса денег и слитков в одной стране, либо сильное уменьшение этого запаса в другой, а это приведет к нарушению того равновесия в стоимости обращающихся денег различных стран, к установлению которого имеется естественная тенденция.

Это утверждение верно вообще в применении к вексельному курсу любой страны, но оно неверно, если мы принимаем во внимание только уровень ее вексельного курса с одной страной. Возможно, что ее вексельный курс с какой-либо одной страной может быть постоянно неблагоприятен вследствие продолжающегося спроса на слитки; но это отнюдь не доказывает, что ее запас денег и слитков уменьшается, если только ее вексельный курс с другими странами не является также неблагоприятным. Она может ввозить с севера слитки, которые она вывозит на юг, она может собирать их из стран, где они относительно обильны, для стран, где они относительно редки или где в силу определенных причин на них имеется особенный спрос, но из этого отнюдь нельзя еще сделать категорического вывода, что ее собственный запас денег снизится ниже его естественного уровня. Испания, например, как крупный импортер слитков из Америки никогда не может иметь неблагоприятного вексельного курса со своими колониями, а поскольку она должна распределять получаемые ею слитки между различ-

ными нациями мира, она редко может иметь благоприятный вексельный курс со странами, с которыми она ведет торговлю¹.

Применяя эти принципы к состоянию нашего вексельного курса на Гамбург в 1797 и 1798 гг., мы увидим, что если наш вексельный курс был постоянно благоприятен для Англии, то это было не результатом того, что обыкновенно называется торговым балансом. Гамбург был поставлен в необходимость платить нам в золотых и серебряных слитках не потому, что он был нашим должником по балансу ввезенных им товаров, а потому что он мог выгодно вывозить слитки таким же путем, как и всякий другой товар, вследствие необычного спроса на этот товар в Англии. Этот спрос вызывался двумя причинами: во-первых, необычно низким уровнем нашего денежного обращения, во-вторых, вывозом серебра в Азию Ост-Индской компанией.

Мы уже видели, что вследствие первой из этих причин и благодаря огромному количеству гиней, извлеченному в этот период из обращения робкими людьми с целью образования запасов, иностранное золото, перечеканенное в гиней в течение этих лет, составило сумму не меньшую чем 5 200 тыс. ф. ст. Итак, тут был налицо спрос на золото, не имевший прецедента в истории Монетного двора; уже сам по себе этот спрос был более чем достаточным объяснением как высокого вексельного курса, так и продолжительности срока, в течение которого он держался. Это—практическая иллюстрация правильности принятой нами вполне удовлетворительной теории.

К этому, однако, следует прибавить спрос на серебряные слитки, явившийся следствием вывоза его Ост-Индской компанией. Из отчета, представленного Комитету о слитках (№ 9), явствует, что все количество иностранной серебряной монеты, вывезенной компанией за собственный счет, а также за счет частных лиц, доходило:

В 1795 г. до	151 795 унций
» 1796 » »	290 777 »
» 1797 » »	962 780 »
» 1798 » »	3 565 691 »
» 1799 » »	7 287 327 »

С этого времени вывоз серебра в Ост-Индию значительно уменьшился и теперь почти совершенно прекратился. Итак, оказывается, что высокий вексельный курс сопровождался необычайно большим ввозом слитков и что, когда спрос на них прекратился, вексельный курс вернулся к своему естественному уровню. Из дальнейшего

¹ Г-н Гэссиссон прекрасно показал характер тех немногих сделок,—сравнительно немногих,—которые производятся с помощью слитков, и заметил, что эти сделки ограничиваются, главным образом, распределением продукта рудников между различными странами, в которых употребляются и золото, и серебро.

рассмотрения таблицы следует, что по мере увеличения количества банкнот вексельный курс понижался и в 1801 г. был больше чем на 11% против Англии; в то же самое время цена золотых слитков поднялась до 4 ф. ст. 6 шилл., т. е. превышала больше чем на 10% монетную цену¹.

Следует признать, что с сентября 1766 г. до сентября 1767 г. вексельный курс был постоянно в пользу Англии на 7,4—6,8%, а с этого периода до сентября 1768 г. он в общем продолжал быть благоприятным больше чем на 3%. Но какие обстоятельства в положении Европы могли тогда сделать выгодной для Англии роль агента по закупке в Гамбурге слитков для какой-либо другой страны? Это—вопрос, которым в данное время заниматься не стоит, но я вполне убежден, что если бы мы знали все обстоятельства, сюда относящиеся, то могли бы дать удовлетворительное объяснение этому явлению.

Но объяснено ли оно или нет, оно ничего не доказывает в пользу теории г-на Бозанкета (ибо и г-н Бозанкет также имеет свою теорию, не хуже чем Комитет); оно только доказывает, что драгоценные металлы могут продолжаться ввозиться из одного места и в то же время вывозиться в другое, а теория Комитета не только допускает это, но и требует. Чтобы сказать что-либо в пользу теории г-на Бозанкета, следует доказать, что драгоценные металлы ввозились постоянно в большем количестве, чем вывозились, и не из одного только места, а из всех мест, взятых в совокупности.

Следующие соображения объясняют в известной степени явления, которые ввели в заблуждение г-на Бозанкета: таблицы г-на Мэшета вычислены на основе сравнения стоимости серебра по отношению к золоту в слитках. Так вот, цена золота в слитках обычно ниже цены золота в монете на 2 или 3 шилл. за унцию,

¹ Лорд Кинг дал удовлетворительное объяснение большой длительности благоприятного вексельного курса нашей страны с Гамбургом, указав на то обстоятельство, что Ост-Индская компания представляла спрос на серебряные слитки для своих поселений на Востоке. Г-н Блэк критикует в своем последнем сочинении то, что он называет «ошибочными взглядами» лорда Кинга на этот предмет, и замечает, что «вывоз слитков, как и всякого другого товара, стимулируется наличием такой разницы между действительными ценами на этот товар в каких-либо двух местах, которая делает прибыльной их перевозку; подобный случай имеет нередко место при вексельном паритете». Это—такой случай, сказал бы я, который никогда не имеет места при вексельном паритете. Кто будет посылать слитки из Гамбурга в Лондон с расходом в 4 или 5%, пока вексельный курс сохраняет свой паритет, если при помощи векселя он может получить то же самое количество слитков в Лондоне без всяких расходов?

Я рад констатировать, что мнение, сходное с тем, которое я высказал, разделяется г-ном Бозанкетом (стр. 12): «В случае неблагоприятного платежного баланса понижение вексельного курса должно необходимо достигнуть этой границы (расходы по пересылке и страхованию драгоценных металлов из одной страны в другую), прежде чем баланс может быть восстановлен путем вывоза золота».

и следовательно если бы ввозимое золото было предназначено для реэкспорта, то действительный паритет колебался бы на 2—3% в зависимости от того, положено ли в основу вычисления золото в монете или золото в слитках¹.

Если деньги нужны для нашего собственного обращения, то я не возражаю против вычисления действительного паритета вексельного курса на основе сравнения относительной стоимости серебра чужой страны со стоимостью стандартных золотых слитков в нашей стране; но в этом случае к сумме расходов, связанных с перевозкой серебра, следует прибавить проценты, которые потеряет покупатель золота, пока это золото будет оставаться на Монетном дворе, куда оно поступит для чеканки. Значительная часть всего золота в слитках направляется в естественном порядке на какой-нибудь из европейских монетных дворов, ибо золото может приносить своему собственнику процент только в форме монеты. Сравнивая поэтому стоимость денег одной страны со стоимостью слитков в другой, мы не должны упускать из виду ту небольшую добавочную стоимость, которую монета имеет в сравнении со слитками во ввозящей стране. Так, если бы гамбургский купец был должен 1 ф. ст. английскому и вывоз бы в Англию столько серебра, сколько нужно чтобы купить количество золота, содержащееся в 1 ф. ст., он не был бы в состоянии погасить свой долг, пока золото не было бы перечеканено в монету. Следовательно при сравнении относительной выгоды покупки векселя или пересылки слитков он должен будет ввести в расчет в добавление ко всем другим расходам и проценты, которые ему придется платить своему кредитору до тех пор, пока он не получит монеты.

Эту потерю Комитет о слитках определил в 1%.

Если эти принципы верны, то в таблицах г-на Машета следует вычесть из благоприятных гамбургских вексельных курсов на 1% больше, чем мы уже установили, в том случае, когда слитки требуются для нашей собственной монеты, и от 2 до 3%—когда они требуются для обратного вывоза. Необходимо также заметить, что стоимость золота по отношению к серебру постоянно изменяется во всех странах, хотя всегда стремится во всех же стра-

¹ Вычисления г-на Машета считают доказанным, что относительная стоимость золота и серебра была одинакова в обеих странах и что золото и серебро были одной и той же категории, т. е. в слитках. Но ведь иностранец решает, вывезти ли ему золото в нашу страну или совершить свой платеж при помощи векселя, главным образом на основе стоимости золота в монете; цена золота в монете в Англии должна обязательно войти в его калькуляцию. Из приложения № 6 к «Докладу о слитках» видно, что сделки с континентом в золоте ограничиваются в большинстве случаев золотом в монете. За 15 месяцев, окончившихся мартом 1810 г., вся сумма золота в слитках, проданная частными дельцами и прошедшая через Слитковое отделение Английского банка, не превысила по своей стоимости 60 867 ф. ст., тогда как продажа золота в монете составила за тот же период сумму в 683 067 ф. ст.

нах к равенству, и что высокая рыночная цена слитков является лучшим доказательством обесценения наших денег, чем низкий вексельный курс¹.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Вексельный курс на Париж

Рассмотрев возражения г-на Бозанкета против заключений Комитета, поскольку они касаются вексельного курса на Гамбург, я перейду теперь к рассмотрению явлений, противоречащих по его мнению защищаемому мною принципу и относящихся к вексельному курсу между нашей страной и Парижем.

При рассмотрении вексельного паритета с Гамбургом мы имели дело с ясным и простым принципом его исчисления. Другое дело — вексельный паритет с Парижем. Трудность проистекает из следующего: Франция, так же как и Англия, имеет в обращении два металла — золото и серебро, из которых каждый одинаково является законным платежным средством.

В прежде опубликованной мною работе я старался объяснить принципы, на основе которых устанавливается по моему мнению стандартная мера стоимости в стране, где в обращении находятся оба металла и оба являются при этом законным платежным средством.

Лорд Ливерпуль предполагал, что золото стало стандартной мерой стоимости в нашей стране лишь благодаря капризному предпочтению, которое народ отдавал золоту, но по моему мнению легко доказать, что это произошло благодаря тому, что отношение рыночной стоимости серебра к стоимости золота превзошло отношение, установленное монетным уставом. Принцип этот не только целиком допускается, но и очень хорошо иллюстрируется его лордством.

Монетный двор чеканит из унции золота 3 ф. 17 шилл. $10\frac{1}{4}$ пенс. золотой монеты и такое же количество серебряной монеты из 15,07 унции серебра. Что же побуждает тогда Английский банк или частное лицо отправлять на Монетный двор унцию золота предпочтительно пред 15,07 унции серебра для чеканки из нее монеты, раз оба металла одинаково пригодны для погашения долга в размере 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{4}$ пенс.? Единственным аргументом является тут выгода. Если 15,07 унции серебра могут быть куплены меньше чем за унцию золота, монета будет чеканиться

¹ Я прочел в небольшой французской брошюрке «Sur l'institution des Principales Banques de l'Europe» («Об учреждении главных европейских банков»), что Гамбургский банк был однажды принужден прекратить свои платежи потому, что выдал слишком много ссуд под золотые слитки. Я тщетно старался узнать, в котором году это случилось, но очевидно, что обстоятельство такого рода должно было иметь некоторое влияние на вексельный курс; вполне возможно следовательно, что это произошло в 1766 или 1767 г.

из серебра, а если унция золота может быть получена меньше чем за 15,07 унции серебра, то на Монетный двор будет посылаться золото.

В первом случае мерой стоимости станет серебро, во втором — золото, а так как относительная стоимость этих металлов подвержена постоянным изменениям, то золото или серебро могут становиться попеременно стандартной мерой стоимости. Со времени перечеканки серебряной монеты в царствование короля Вильяма унция золота почти неизменно имела меньшую стоимость, чем 15,07 унции серебра, а поэтому, начиная с этого периода, золото было мерой стоимости в нашей стране. В 1798 г. чеканка серебряной монеты была запрещена законом. Пока этот закон остается в силе, золото обязательно должно быть стандартной мерой стоимости, каковы бы ни были изменения в относительной стоимости обоих металлов¹.

Металл, который является стандартной мерой стоимости, будет также регулировать паритет вексельного курса с чужими странами, потому что только в нем или в бумажных деньгах, представляющих этот металл, будут оплачиваться векселя.

Во Франции в обращении также находятся оба металла, и оба являются законным платежным средством на любую сумму. Относительная стоимость золота и серебра в монетах Франции составляла до революции 15 : 1 («Доклад Комитета о слитках», приложение № 59), а в данное время 15,5 : 1; но мы знаем из письма г-на Грефюля Комитету о слитках (№ 56), что в 1785 г. произошло изменение в числе луидоров, которое чеканилось из одной марки² золота, а именно оно увеличилось с 30 до 32. Следовательно до 1785 г. золото должно было оцениваться на французском Монетном дворе по отношению к серебру, как 14 : 1. В силу тех же оснований, по которым функция меры стоимости в Англии переходила от золота к серебру и от серебра к золоту, это могло бы иметь место и во Франции. При падении отношения стоимости золота к стоимости серебра ниже 14 : 1 золото сделалось бы стандартной мерой стоимости во Франции, и следовательно уровень вексельного курса с Англией измерялся бы путем сравнения стоимости

¹ Комитет о слитках, так же как и г-н Гэскиссон, рассматривает золото как стандартную меру стоимости на основании закона, изданного в 39-м году настоящего царствования (1799 г.), в силу которого серебро не может быть законным платежным средством для сумм, превосходящих 25 ф. ст., исключая лишь уплату по весу, считая по 5 шилл. 2 пенса за унцию. Но этот закон не помешал бы чеканке серебра в те периоды, когда цена его была ниже его монетной цены, а следовательно и ниже его монетной стоимости по отношению к золоту. Так, например, в 1798 г., когда цена серебра составляла 5 шилл. за унцию, а отношение рыночной стоимости серебра к стоимости золота — 1 : 15,57 и когда поэтому было выгодно перечеканивать серебро в монету, новая серебряная монета, только что покинувшая Монетный двор, была бы законным платежным средством на любую сумму.

² Т. е. 8 унций золота.—*Ред.*

золотых монет обеих стран. Если бы это отношение было выше 14 : 1 и ниже 15,07 : 1, то мерой стоимости в Англии стало бы золото, а во Франции—серебро, и вексельный курс определялся бы соответственно. Паритет был бы тогда установлен путем сравнения цены золота Англии с ценой серебра Франции. При повышении же рассматриваемого отношения выше 15,07 : 1 серебро стало бы мерой стоимости в обеих странах. Вексельный курс определялся бы тогда в серебре. Но после 1785 г., когда монетная оценка обоих металлов была изменена во Франции и стала почти одинаковой с такой же оценкой в Англии, паритет вексельного курса определялся бы в обеих странах или в золоте или в серебре.

Я уже заметил, что для того чтобы сравнить размер отклонения вексельного курса от паритета с расходами по пересылке драгоценных металлов из одной страны в другую, недостаточно доказать, что такая торговля была бы прибыльна. Мы должны также принять во внимание цену слитков в стране, в которую их пересылают, или сумму расходов, которые потребуются, чтобы доставить слитки для перечеканки в монету. В нашей стране за чеканку монеты не взимается пошлины. Если унция золота и серебра доставляется на Монетный двор, то обратно получается унция отчеканенной монеты. Следовательно единственное неудобство, которое может испытать импортер слитков, получая вместо английских денег слитки из-за границы, заключается в отсрочке, связанной с их пребыванием на Монетном дворе. Эту потерю Комитет о слитках определил в 1%. Таким образом, 1% представляет естественный перевес стоимости английской монеты над слитками при условии, что монета полновесна и что излишка денег не наблюдается. Но во Франции пошлина за чеканку монеты составляет по данным д-ра Смита не меньше чем 8%, не считая потери процентов за время нахождения слитков на Монетном дворе. Согласно его же авторитетному заявлению из этого не возникало значительных неудобств¹. Следовательно унция золотой или серебряной монеты стоила во Франции на 8% больше, чем унция золота или серебра в слитках. Из этих фактов следует, что слитки могли ввозиться во Францию лишь при условии возможности получить не только прибыль, равную расходам по их ввозу, но и дальнейшую прибыль в 8%, так как паритет вексельного курса

¹ Уже после того как это было написано, мне попалось извлечение из «Moniteur» за 1803 г., из которого явствует, что пошлина за чеканку во Франции составляла:

В 1726 г.	на золото	$7\frac{9}{16}\%$	на серебро	$7\frac{4}{11}\%$
» 1729 » » »	»	$5\frac{3}{16}\%$	»	$5\frac{7}{16}\%$
» 1755 » » »	»	$4\frac{1}{16}\%$	»	$3\frac{1}{11}\%$
» 1771 » » »	»	$1\frac{4}{7}\%$	»	$2\frac{7}{9}\%$
» 1785 » » »	»	$2\frac{8}{17}\%$	»	—

А в 1803 г. эта пошлина была установлена в $\frac{1}{3}\%$ для золота и в $1\frac{1}{2}\%$ для серебра.

вычисляется не на основе стоимости, по которой монета обращается в данное время, но на основе ее внутренней стоимости как слитка¹.

Чтобы сделать это более очевидным, предположим, что вексельный курс на Лондон был в 1767 г., как сообщает нам г-н Бозанкет, на 8% в пользу Франции, что вексельный курс на Гамбург был в это же время на 6% в пользу Лондона и что расходы по пересылке золота из Гамбурга в Париж составляли не больше чем $1\frac{1}{2}\%$. Не будет ли дешевле на $12\frac{1}{2}\%$, спрашивает г-н Бозанкет, уплатить долг в Париже, посылая золото из Гамбурга², чем пересылая вексель? Я отвечаю: нет, потому что когда золото прибудет в Париж, оно должно быть перечеканено в монету или продано как слиток. Если оно будет перечеканено в монету, то придется уплатить Монетному двору 8%, если оно будет продано как слиток, то продажная цена его будет на 8% ниже его монетной цены³. Если все остальные расчеты правильны, то прибыль упадет с $12\frac{1}{2}\%$ до $4\frac{1}{2}\%$. Но они неправильны, так как в силу уже указанных причин имеются еще и другие вычеты.

¹ Только до тех пор пока денежное обращение Франции держалось на надлежащем уровне, цена золота могла оставаться на 8% ниже его монетной цены, точно так же как цена золота могла и продолжала оставаться ниже его монетной цены в Англии. Денежное обращение Англии скорее превышало свой уровень, в то время когда золото стоило 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс., так как 4 пенса за унцию не представляют достаточной компенсации за время пребывания на Монетном дворе. Из этого следует, таким образом, что защищаемый здесь принцип только тогда сохраняет свою полную силу, когда денежное обращение не является избыточным.

² Так как средством обращения в Гамбурге является серебро, то английский кредитор может послать из Гамбурга в Париж только серебро, а не золото.

³ «Во Франции при чеканке удерживается пошлаина в 8%, которая не только покрывает расходы по чеканке, но и дает правительству небольшой доход. В Англии же, где чеканка ничего не стоит, находящаяся в обращении монета никогда не может стоить дороже слитка, содержащего такое же количество металла. Во Франции труд, затрачиваемый на чеканку, поскольку вы платите за него, увеличивает стоимость монеты, точно так же как и стоимость изделий из золота и серебра. Поэтому известная сумма французских денег, содержащая определенное весовое количество чистого серебра, стоит больше, чем сумма английских денег, содержащая такое же весовое количество чистого серебра, и для приобретения ее требуется слиток больших размеров или большее количество других товаров. Следовательно, хотя находящаяся в обращении монета обеих этих стран одинаково близка к стандартам, установленным их монетными дворами, на определенную сумму английских денег нельзя получить соответствующую сумму французских денег, содержащую одинаковое количество унций чистого серебра, а значит и вексель на такую сумму во Франции. Если за такой вексель уплачивается не больше добавочных денег, чем требуется для покрытия издержек по чеканке во Франции, то действительный курс между обеими странами может держаться на уровне паритета; их дебет и кредит могут взаимно покрывать друг друга, хотя бы вычисленный курс был значительно в пользу Франции. Если же за вексель уплачивается меньше этой суммы, действительный курс может быть в пользу Англии, тогда как вычисленный—в пользу Франции» («Богатство народа», кн. 4, глава III).

Исходя из этих принципов, можно, по моему мнению, сказать, что вексельный курс на Париж был в пользу Англии в течение значительной части четырехлетия, с 1764 до 1768 г., и во все другие периоды, указанные г-ном Бозанкетом.

Я не могу удержаться здесь от следующего замечания: нельзя не изумляться серьезной уверенности британского купца в том, что вывоз золота из Гамбурга в Париж мог давать в мирное время в течение четырех лет чистую прибыль, составлявшую после покрытия расходов $10\frac{1}{2}\%$ — $12\frac{1}{2}\%$. Вследствие быстрых оборотов такая прибыль дала бы возможность всякому, занятому этим делом, реализовать больше чем 100% в год на вложенный капитал и к тому же в такой отрасли торговли, где малейшие колебания подстерегаются группой людей, деловая проницательность которых вошла в пословицу, и где конкуренция доведена до крайних пределов. Сравнить отчеты о гамбургских и парижских вексельных курсах и не видеть, что эти отчеты неправильны, что рассматриваемые факты не могут быть такими, какими их излагают,— все это приличествует человеку, который придает значение только фактам и не ставит ни во что теорию. Такие люди вряд ли могут проанализировать собранные ими факты. Они легковжны и притом по необходимости, ибо не имеют никакого критерия проверки. Эти два ряда якобы фактических данных (с одной стороны, данные гамбургской биржи, с другой—парижской) абсолютно несовместимы и опровергают друг друга. Что такие факты могут быть выдвинуты для опровержения теории, разумность которой установлена,— есть печальное доказательство власти предрассудка над весьма просвещенными умами.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Предполагаемый факт существования в Америке премии на английские деньги.—Благоприятный вексельный курс на Швецию

Ближайший пункт, по поводу которого я хочу сделать несколько замечаний, впервые был упомянут г-ном Грефюлем и теперь вновь выдвигается г-ном Бозанкетом. Я говорю о премии, которая, как утверждают, дается в Америке звонкими долларами за обесцененные деньги Англии. Я изучал это явление с величайшим вниманием, и мне кажется очевидным, во-первых, что цена, которая названа была премией в 9%, даваемой за вексель на Англию, была в действительности основана на учете в $3\frac{1}{4}\%$, и, во-вторых, что при такой цене оплата векселя обходится дешевле, чем при вывозе долларов, на которые он был куплен.

Паритет вексельного курса с Америкой оценивается в долларах и составляет 4 шилл. 6 пенс. за 1 долл.; следовательно, 444,4 долл. должны содержать столько же чистого серебра, сколько 100 ф. ст. Но это не так. Согласно монетному уставу Америки американский доллар должен весить 17 драхм 8 гранов, т. е.

на $8\frac{1}{2}$ гранов ниже, чем английское стандартное серебро; следовательно, стоимость американского доллара в нашем стандартном серебре составляет 4 шилл. $3\frac{3}{4}$ пенса. Согласно этой стоимости 463,7 долл. представляют действительный паритет для 100 ф. ст. в нашей английской серебряной монете, но мы сравниваем американские доллары с английским фунтом стерлингов, который есть золото, следовательно, подлинный паритет за 100 ф. ст. при той относительной стоимости доллара и золота, какой она была в мае 1809 г., в период, о котором идет речь, составлял 500 долл. Так вот, за вексель в 100 ф. ст. на Лондон, купленный на доллары в Америке по наиболее высокому курсу в этом году, т. е. по 109, платилось не больше чем 484 долл.; его покупали, следовательно, на $3\frac{1}{4}\%$ ниже действительного паритета¹.

Следует вспомнить, что законы об эмбарго соблюдались в это время строжайшим образом, что капитаны пакетботов обязаны были до получения разрешения отправиться в путь дать присягу, что они не имеют на борту никакой звонкой монеты и что в одном случае один из этих капитанов был вынужден выгрузить обратно на берег металлические деньги, которые он контрабандным путем захватил с собою на борт своего судна. В то же время тариф страхования был непомерно высок, и премия в 8% уплачивалась тем немногим судам, которые нарушали эмбарго, причем страховщики были, кроме того, гарантированы от потерь, которые причинила бы им конфискация судов американским правительством. Так вот, 8% страховки помимо комиссии, фрахта и других расходов вместе с $3\frac{1}{4}\%$ действительного учета купленного векселя составят, быть может, вместе немногим меньше, чем та потеря стоимости, которой подверглось тогда наше бумажно-денежное обращение, так что наши обесцененные банкноты покупались не с премией за звонкие доллары, а с учетом и по их настоящей стоимости.

Но нам говорят, что вексельный курс на Швецию благоприятен для Англии и что деньги Швеции регулируются точно таким же образом, как наши, так как Английский банк не выпускает звонкой монеты, когда вексельный курс становится неблагоприятным. Несомненно, что в обоих случаях имеется совершенно одинаковое положение и что в силу этого сходны и получающиеся результаты и обесценение обеих денежных систем требует одного и того же лекарства. Этим лекарством является уменьшение количества обращающихся денег или путем вывоза монеты или путем уменьшения количества банкнот. Если вексельный курс на Швецию благоприятен, как уверяют, на 24% для Лондона, то это

¹ Вес находящегося в обращении американского доллара согласно показанию Вильямса не больше 17 драхм 6 гранов, а это сделало бы настоящий паритет несколько ниже, чем 4 шилл. $3\frac{1}{2}$ пенса; согласно же книге Ида (Ede) «О монетах» вес американского доллара на 11 гранов ниже его стандартного веса и содержит не больше чистого серебра, чем 4 шилл. $2\frac{1}{4}$ пенса английской стандартной серебряной монеты.

только доказывает, что излишек бумажных денег, неразменных на звонкую монету, в Швеции пропорционально больше, чем в Англии¹.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Рассмотрение положения Комитета о слитках относительно паритета вексельного курса

Я рассмотрел каждый действительный или мнимый факт, выдвинутый г-ном Бозанкетом по вопросу о вексельном курсе с целью доказать неверность принципа, признаваемого Комитетом, согласно которому вексельный курс с другими странами никогда не сможет измениться настолько, чтобы в течение продолжительного времени превзойти расходы по пересылке и страхованию драгоценных металлов. Я доказал, что заключение, к которому хотел бы привести нас автор, не поддерживается приводимыми им фактами, из которых ни один, по моему мнению, не противоречит принципу Комитета; теперь я позволю себе подчеркнуть ошибку в самом докладе,— ошибку, на которой г-н Бозанкет основывает свое мнение, гласящее что можно вполне спокойно отсрочить всякое улучшение положения.

«Итак,—говорит г-н Бозанкет,—признавая полностью все принципы, принятые Комитетом, и правильность их применения к настоящему случаю, я все же констатирую, что в момент представления доклада и за три месяца до того вексельные курсы были почти на 2% ниже естественного предела своего падения».

«Мы, вероятно, придем к заключению, что вопрос как практический вопрос национального значения может быть совершенно отложен, что нет по меньшей мере никакой необходимости принимать поспешные меры, если даже после всестороннего исследования общая правильность суждений Комитета будет признана».

Когда уже всем стало ясно, что вексельный курс находится в состоянии крайнего упадка, нам говорят, что попытка принудить Английский банк платить звонкой монетой сопровождалась бы самыми опасными последствиями, что мы должны ждать, пока вексельный курс станет более благоприятным; когда же предполагается, что вексельный курс повысился на 2%, нас опять приглашают погодить, потому что это уже больше не вопрос национального значения. При таком способе рассуждения можно найти повод откладывать ad infinitum возобновление платежей Английским банком. Я твердо

¹ Однако прежде чем допустить, что вексельный курс с Швецией благоприятен для Лондона на 24%, мы должны знать, являются ли золото и серебро одинаково законным платежным средством в Швеции. Если это так, то по какой относительной стоимости оцениваются оба металла на шведском Монетном дворе? Я подозреваю, что частично этот благоприятный вексельный курс может быть объяснен возрастанием отношения стоимости золота к стоимости серебра.

надеюсь, что никто не будет прислушиваться к таким ложным доводам, что мы, наконец, откроем глаза на опасности, окружающие нас, что мы будем исследовать вопрос хладнокровно и решать его мужественно.

Принцип, на основе которого составлены новые таблицы г-на Мэшета, был полностью принят Комитетом и совершенно правильно и отчетливо установлен им в докладе (стр. 10)¹: «Если одна страна пользуется золотом как главной мерой стоимости, а другая—серебром, то установить между ними паритет за какой-либо определенный период можно только принимая в расчет относительную стоимость золота и серебра в течение этого периода».

Более того. В своих стараниях найти действительный паритет между нашей страной и Гамбургом Комитет постоянно сообразовался с этим принципом, как это явствует из вопросов, предложенных г-ну... («Доклад», стр. 73). Г-н... также вполне признавал этот принцип, и все же, когда ему предложили «указать, каким образом он применяет эти общие идеи к установлению паритета вексельного курса, скажем, между Англией и Гамбургом», он ответил: «Беря золото по монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. и беря его в Гамбурге по той же цене, которую мы называем его паритетом и которая составляет 96 банковских стиверов за дукат, и считая 55 унций стандартного золота равными 459 дукатам, мы получаем паритет вексельного курса в 34 шилл. 3¹/₂ фламандских грота за фунт стерлингов: один дукат содержит 23¹/₂ карата чистого золота».

Здесь все же не сказано ни слова о рыночном отношении стоимости золота к стоимости серебра, и единственное сведение, которое мы получаем из этого ответа, состоит в том, что 34 шилл. 3¹/₂ грота в фламандской золотой монете равняются фунту стерлингов золотом; это вычисление совпадает до ¹/₂ грота с расчетом д-ра Келли («Доклад», № 59). Если бы человек, купивший в Лондоне вексель на 34 шилл. 3 грота, мог получить в Гамбурге 34 шилл. 3 грота в золотых деньгах, это могло бы действительно быть названо паритетом, но он может только получить 34 шилл. 3 грота в серебре, а при 8% они не стоят столько, сколько 34 шилл. 3 грота в золотой монете. Вопрос, предложенный Комитетом, заключался в действительности в следующем: какая сумма гамбургских денег содержит такое же количество чистого серебра, какое может быть куплено за фунт стерлингов золотом?

В то время когда составлялся доклад, ответ был бы: 37 шилл. 3 грота фламандских денег. Таким образом, 37 шилл. 3 грота были бы тогда подлинным паритетом. Если бы Комитет произвел свой расчет по такому паритету, а не по паритету в 34 шилл. 3 грота, то он не утверждал бы в своем докладе, что вексельный курс на Гамбург был неблагоприятен для Англии не более чем на 9%, тогда как эта

¹ [Вероятно, опечатка: цитируемое место имеется на стр. 22—23].

цифра составляла почти 17%, и г-н Бозанкет не имел бы удобного случая заметить, что, признавая рассуждение Комитета правильным, он все же считает зло не столь большим, чтобы немедленное вмешательство было необходимо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рассмотрение выдвинутых г-ном Бозанкетом фактов, якобы опровергающих заключение о том, что более высокий уровень рыночной цены слитков, чем их монетная цена, доказывает обесценение денег

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Отрицание упомянутого заключения молчаливо предполагает невозможность переплавки или вывоза английской монеты,—невозможность, которую никто не отрицает

Следующее предложение Комитета, правильность которого г-н Бозанкет оспаривает, он формулирует таким образом: «Цена золотых слитков никогда не может превысить монетной цены золота, если только стоимость денег, в которых они оплачиваются, не упала ниже стоимости золота». Но это—неточная формулировка принципа, установленного Комитетом. Будучи правильно сформулирован, этот принцип не утверждает, что золото как товар не может подняться в цене выше своей стоимости в монете, но что такое превышение не может продолжаться долго, ибо возможность превратить монету в слитки скоро выравнивает их стоимость. Вот слова Комитета: «Ваш Комитет держится мнения, что в условиях здорового и нормального состояния британского денежного обращения, основой которого является золото, никакое возрастание спроса на золото из других частей света, как бы он ни был велик или какими бы причинами он ни вызывался, не может иметь своим последствием основательное повышение рыночной цены золота здесь в течение *значительного периода времени*». Чтобы сделать это положение совершенно очевидным, по моему мнению, нужно только прибавить, что закон, запрещающий превращение золотой монеты в золотые слитки, не может успешно осуществляться.

Я мог бы поэтому ожидать, что всякий, кто отрицает правильность этого положения, стал бы доказывать, что закон вполне осуществляет задачи, для которых он был издан, и сослался бы на различные авторитеты, чтобы оправдать защищаемый им взгляд, но было бы трудно отыскать авторитеты, которые могли бы его подтвердить. Со времени Локка и до настоящих дней никто, насколько мне известно, не отрицал этот факт. Все писатели безоговорочно признают, что никакие уголовные наказания

не могут помешать переплавке монеты, если ее стоимость как слитка становится выше ее стоимости как монеты.

Локк называет закон, запрещающий переплавку и вывоз монеты, «законом, изданным для обнесения кукушки изгородью». Смит замечает, что «никакие меры предосторожности со стороны правительства не могут помешать переплавке». Кроме того, мы имеем на этот счет авторитетные показания людей практики.

В 1795 г., когда цена золота повысилась до 4 ф. ст. 3 шилл. или 4 ф. ст. 4 шилл. за унцию, директора Английского банка, ознакомив г-на Питта с этим фактом, заметили, что «возможность покупки наших гиней по 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. за унцию ясно доказывает основания наших опасений; необходимо только констатировать эти факты перед канцлером казначейства». В чем же заключались эти опасения, как не в том, что начнется наплыв требований на золотую монету с целью переплавки ее в слитки? В ответ на вопрос (Комитета палаты лордов в 1797 г.): «Если бы теперь была проведена новая чеканка монеты, то полагаете ли вы, что большее количество ее было бы переплавлено и вывезено частным образом?» г-н Ньюлэнд тоже заявил: «Это зависит целиком от цены слитков». В том же Комитете г-на Ньюлэнда спросили также: «Что труднее: предупредить фабрикацию фальшивых денег или переплавку и вывоз монеты, когда вывозить ее выгодно?» Ответ: «Я теряюсь в догадках, каким образом вы можете помешать тому или другому».

Это—только немногие из мнений, которые можно привести в подтверждение того факта, что монета переплавлялась в слитки, как только цена слитков поднималась выше цены монеты. Я, однако, приведу в заключение мнение самого г-на Бозанкета. Говоря о Комитете, он замечает: «Он ничего не говорит о цене слитков, возвращения которых, несомненно, следует ожидать, если Английский банк будет достаточно контролировать вексельный курс, хотя Локк и многие другие писатели доказали с полной ясностью, что монета какой-либо страны может быть удержана в ней только при условии, что общий баланс—торговый и платежный—не неблагоприятен для нее». А при предположении низкого вексельного курса что может лишит нас нашей монеты, кроме повышения ее стоимости в форме слитков? Кто вывозил бы монету, если бы слитки могли быть куплены по их монетной цене? Ясно, что только более высокая стоимость монеты, превращенной в слитки, является причиной ее переплавки и вывоза.

Но Комитет не удовлетворился простым констатированием положения, которое является почти самоочевидным; он апеллировал к фактам и установил с полной четкостью, что за 24 года со времени перечеканки монеты золотые слитки в стандартных брусках не продавались по более высокой цене, чем 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. за унцию, за исключением одного года—с мая 1783 г. по май 1784 г., когда цена их была 3 ф. ст. 18 шилл. за унцию. В самом деле, из письма директоров Английского банка г-ну Питту, написанного

в октябре 1795 г.,—именно на этот документ ссылается в своем докладе Комитет,—мы узнаем, что золотые слитки тогда продавались по такой высокой цене, как 4 ф. ст. 3 шилл. или 4 ф. ст. 4 шилл. за унцию. Г-н Ньюлэнд сообщил также Комитету палаты лордов в 1797 г., что Английский банк был нередко вынужден покупать золото дороже его монетной цены, а в одном случае за незначительное количество, которое его агент достал в Португалии, он уплатил даже по 4 ф. ст. 8 шилл. за унцию¹.

Таковы единственные факты, которыми пользуется г-н Бозанкет, чтобы опровергнуть рассматриваемый принцип. Цены, неизвестные публике, не зарегистрированные ни в одном бюллетене, уплаченные к тому же корпорацией, не отличающейся хорошим ведением своих дел, выставляются как подлинные рыночные цены; исключения такого рода должны опровергать взгляды, основанные на правильной теории, поддерживаемые людьми практики и подтверждаемые опытом.

Имеется ли какое-нибудь показание, удостоверяющее, что эти цены держались хотя бы в течение одной недели? Если мы обратимся к преискуранту, то мы найдем, что в июне 1795 г. золото котировалось в 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс.; в декабре оно снова котировалось в 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс., а в промежуточные четыре месяца нет ни одной котировки. Считает ли г-н Бозанкет возможным, чтобы цена золота могла долго оставаться на уровне 4 ф. ст. 4 шилл., в то время когда золото можно было получить, переплавляя монету, по 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс.? Придержи-

¹ Это произошло, повидимому, в 1795 г. и по всей вероятности в октябре, когда Английский банк платил за золото, как утверждает г-н Ньюлэнд, по 4 ф. ст. 8 шилл. за унцию. Спрошенный в Комитете палаты лордов, когда это было, он ответил: «Мне кажется, что банк платил около 4 ф. ст. 8 шилл. за унцию золота около двух лет тому назад; его было лишь незначительное количество, и закупка скоро прекратилась по причине такой цены. Банк в то время считал удобным получить золото из Португалии, а его агент не мог получить его там дешевле, чем по 4 ф. ст. 8 шилл.»

Показания г-на Ньюлэнда были даны 28 марта 1797 г.

Отнюдь не вероятно, что Английский банк часто покупал иностранное золото выше его монетной цены, в то самое время когда он мог получать золото в брусках, не подлежащее вывозу, по сравнительно более дешевой цене. Он мог льстить себя надеждой, что, не покупая английского золота, он уменьшит соблазн переплавлять гинеи, в то же время его уменьшившиеся запасы требовали пополнения его сундуков. Это мнение всецело подтверждается при рассмотрении отчета, приводимого в приложении № 19 к «Докладу о слитках», из которого следует, что с 1797 по 1810 г. стоимость золота, перечеканенного в монету на Монетном дворе его величества, составляла 8 960 113 ф. ст., из которых только 2 296 056 ф. ст. были вычеканены из английского золота, остаток же—из иностранного; оказывается также, что с 1804 г. из иностранного золота было вычеканено 1 402 542 ф. ст. и ни одной гинеи из британского. В течение всего этого периода рыночная цена иностранного золота была выше цены английского. Не представляется ли поэтому вероятным, что Английский банк, являющийся единственным импортером золота для Монетного двора, руководился политикой примерно такого рода, о какой я говорю выше?

вається ли он такого хорошего мнения о самоотречении и добродетели всех классов общества? И если да, то почему же им не доверяют теперь? Чем оправдывается прекращение платежей звонкой монетой? Тем, что в противном случае при существующем вексельном курсе и существующей цене золота было бы выгодно вывозить и переплавлять монету, и нам грозила бы опасность, что каждая гиней покинет страну! Но когда вы говорите нам, что слитки не имеют никакой связи с монетой, что «нет никакой точки соприкосновения между английским и иностранным золотом», то выходит, что совершенно нечего опасаться особого стремления обладать монетой с чьей бы то ни было стороны, так как для одних только целей обращения банкноты столь же, если не больше, удобны.

«Если бы,—говорит г-н Бозанкет,—спрос на иностранное золото был в какой-либо период очень велик и переплавка и вывоз гиней, в каком бы изобилии они ни имелись, могли бы быть действительно предупреждены какими-либо мерами, то цена иностранного золота, выраженная в английском золоте, могла бы удвоиться, и все же внутренняя стоимость гиней не уменьшилась бы».

Я мог бы применить к этому «если бы» г-на Бозанкета то же самое замечание, которое он сделал по поводу этого слова, когда оно было употреблено Комитетом: «Ваше «если бы»—великий миротворец». Но приведенное выше высказывание его не относится к делу: закон не может быть осуществлен в действительности. Следовательно замечание это совершенно бесполезно с точки зрения занимающего нас вопроса.

Если бы, однако, закон мог быть действительно осуществлен, он сопровождался бы жесточайшей несправедливостью. Почему держатель унции золота в монете не мог бы пользоваться теми же выгодами от возрастания стоимости его собственности, как и держатель унции нечekanенного золота? Только потому, что на его золоте имеется штамп, он вынужден следовательно терпеть все неудобства от *падения* стоимости золота вследствие ли открытия новых рудников или в силу других обстоятельств и не получать никаких выгод, которые могут явиться следствием *возрастания* этой стоимости? Эта несправедливость по отношению к отдельным лицам не была бы возмещена ни малейшей выгодой для общества, так как вывоз монеты, если бы он был вполне дозволен, всегда прекращался бы при повышении стоимости наших денег до их настоящей слитковой стоимости, а это и есть как раз та стоимость, которой всегда определяется уровень стоимости денег всех стран.

Такова и была вопреки закону стоимость наших денег до проведения Акта об ограничении платежей звонкой монетой Английским банком и некоторое время спустя. Она неизбежно снова установилась бы на таком уровне, если бы этот в высшей степени неполитичный (*impolitic*) закон был отменен. Поднимите стоимость ваших денег до ее надлежащего уровня, и вы можете быть

уверены, что удержите их. Нет худшей политики, чем та, которая принудительно заставляет один миллион, например, выполнять функции, для которых вполне достаточны 800 тыс. ф. ст.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Последствия, которые вытекают бы из предположения, что денежное обращение других стран (за исключением Англии) уменьшилось бы или увеличилось наполовину

Предположим, что денежное обращение всех стран совершается лишь с помощью драгоценных металлов и что доля их, которой владеет Англия, составляет 1 млн.; предположим дальше, что половина всех находящихся в обращении денег всех стран, за исключением Англии, была бы внезапно уничтожена, — могла ли бы Англия в таком случае продолжать удерживать у себя 1 млн., которым она владела до тех пор? Не стало ли бы ее денежное обращение относительно чрезмерным по сравнению с другими странами? Если бы, например, квартал пшеницы стоил как во Франции, так и в Англии столько же, сколько унция чеканенного золота, то нельзя ли было бы купить во Франции квартал пшеницы за полунцию, в то время как в Англии он продолжал бы соответствовать по стоимости одной унции?¹ Могли бы мы при таких условиях помешать с помощью каких угодно законов ввозу пшеницы или какого-либо другого товара (ибо все товары будут одинаково затронуты) в Англию и вывозу золотой монеты из Англии? Если бы мы могли это сделать и вывоз слитков был бы свободен, то золото могло бы повыситься в цене на 100%; по той же самой причине, если бы 35 фламандских шиллингов в Гамбурге имели раньше такую же стоимость, как и фунт стерлингов, то теперь ту же стоимость имели бы 17¹/₂ шилл. Если бы количество обращающихся денег удвоилось только в Англии, последствия были бы те же самые.

Предположим теперь обратный случай: денежное обращение всех других стран остается без изменения, тогда как в Англии оно сокращается наполовину. Если бы чеканка монеты на Монетном дворе производилась в теперешнем размере, то не уменьши-

¹ Что товары повышаются или понижаются в цене пропорционально возрастанию или уменьшению количества денег, я считаю фактом, который не может быть опровергнут. Раз г-н Бозанкет допускает воздействие открытия рудника на цены, то он следовательно не питает на этот счет таких сомнений, как управляющий Английским банком. Когда последнего спросили: «Полагаете ли вы, что очень значительное уменьшение количества обращающихся денег не будет иметь тенденции увеличить в какой угодно степени их относительную стоимость по сравнению с товарами и что значительное увеличение их количества не будет иметь никакой тенденции увеличить цену товаров, обмениваемых на такие средства обращения», он ответил: «Это — предмет, относительно которого имеется много различных мнений; я не считаю себя компетентным дать определенный ответ».

лись ли бы здесь цены товаров в такой степени, что их дешевизна привлекла бы иностранных покупателей, и не продолжалось ли бы это до тех пор, пока соответствующие отношения между денежным обращением различных стран не были бы восстановлены?

Если бы последствия уменьшения количества денег ниже его естественного уровня были таковы,—а что они были бы именно такими, это признают все наиболее известные писатели по вопросам политической экономии,—то может ли быть справедливым утверждение, что возрастание или уменьшение количества денег не имеют никакого отношения ни к вексельным курсам, ни к цене слитков?

Так вот, бумажные деньги, неразменные на звонкую монету, ничем не отличаются в своих свойствах от металлических средств обращения при условии, что закон против вывоза строго выполняется.

Предположим теперь, что первый случай имел место в такой период, когда наши средства обращения состояли целиком из бумажных денег: разве вексельные курсы не упали бы и цена слитков не возросла бы именно так, как я об этом говорил, и разве наши деньги не были бы обесценены, поскольку они уже не имели бы больше на мировых рынках той же стоимости, как слитки, которые они должны представлять? Факт обесценения было бы невозможно отрицать, сколько директора Английского банка ни уверяли бы публику, что они учитывали только надежные векселя, основанные на сделках *bona fide*, как бы они ни утверждали, что в принудительном порядке они никогда не выпускали в обращение ни одной банкноты, что количество денег не больше, чем оно было всегда, и только соответствует нуждам торговли, которая возросла, а не уменьшилась¹, что цена золота, которая здесь вдвое больше, чем его монетная стоимость, столь же высока или выше за границей,—как это можно доказать, послав унцию золота в Гамбург и переслав обратно выручку при помощи векселя, оплачиваемого в Лондоне банкнотами,—и что возрастание или уменьшение количества банкнот отнюдь не могло оказать какое-либо действие на вексельные курсы или на цену слитков. Все это за исключением послед-

¹ Английский банк не мог бы отстаивать тогда на основании собственных принципов то в высшей степени ошибочное мнение, согласно которому норма процента могла бы испытать при чрезмерном выпуске банкнот изменение на денежном рынке и вызвать тем самым их обратный приток в банк, ибо в предположенном нами случае при значительном уменьшении наличного количества денег во всем мире Английский банк должен был бы утверждать, что норма процента в общем возросла и он может поэтому увеличить свои выпуски. Если после основательного разбора этого вопроса д-ром Смитом необходимы еще дальнейшие аргументы, чтобы доказать, что норма процента управляется целиком отношением размеров капитала к возможности его применения и вполне независима от изобилия или редкости денег, то эта иллюстрация может, по моему мнению, дать их.

него могло быть верно, и все же будет ли кто-либо отрицать факт обесценения наших денег? Могут ли симптомы, которые я перечислил, происходить от какой-либо другой причины, кроме относительной избыточности нашего денежного обращения? Можно ли восстановить уровень нашего денежного обращения до слитковой стоимости каким-либо другим путем, кроме уменьшения количества денег, которое подымет их стоимость до уровня денежного обращения других стран, или же увеличения количества драгоценных металлов, которое понизит уровень денежного обращения других стран до нашего?

Почему Английский банк не хочет сделать опыт, уменьшив количество своих банкнот на 2 или 3 млн. ф. ст. в течение хотя бы такого краткого периода, как три месяца? Если бы это не оказало никакого воздействия на цену слитков и на вексельные курсы, то друзья Английского банка могли бы сказать с торжеством, что принципы, защищаемые Комитетом о слитках, были дикими фантазиями теоретиков, занимающихся лишь умозрениями.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Незначительное повышение цены на золото на континенте вызвано только изменением в отношении стоимости серебра к стоимости золота

Но, говорят нам, цена золота поднялась на континенте даже больше, чем здесь, потому что когда она равнялась в нашей стране 4 ф. ст. 12 шилл. за унцию, то в Гамбурге за последнюю можно было получить 4 ф. ст. 17 шилл.—разница в $5\frac{1}{2}\%$. Это утверждение так часто повторялось и до такой степени ошибочно, что вполне уместно уделить ему некоторое внимание.

Когда отношение стоимости золота к стоимости серебра равнялось 15,07 : 1, а унцию золота можно было купить в этой стране за 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., то на континенте ее можно было продать за такую же почти сумму, как здесь, или за 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в серебряной монете.

В Гамбурге, например, мы получили бы в уплату за унцию золота 136 фламандских шиллингов 7 гровов, так как это количество серебряной монеты содержит такое же количество чистого металла, как 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в нашей стандартной серебряной монете.

С тех пор в нашей стране золото повысилось в цене на 18%, и теперь унция золота стоит 4 ф. ст. 12 шилл., причем говорят, что 4 ф. ст. 12 шилл., которые платятся за него, не обесценены. А так как за границей повышение цены золота было на $5\frac{1}{2}\%$ больше, чем у нас, цена его должна быть там на $23\frac{1}{2}\%$ выше, чем тогда, когда оно продавалось за 137 шилл. 7 гровов. Мы поэтому могли бы ожидать, что мы получим за него теперь в Гамбурге 167 фламандских шиллингов. Но как обстоит дело в действительности? За

унцию золота, которую, как нам говорят, можно продать в Гамбурге за 4 ф. ст. 17 шилл., в действительности дают не больше, чем 140 шилл. 8 гровов, что составляет увеличение только на 3%, да и его продавец получает благодаря повышению стоимости золота по отношению к серебру, которая вместо 15,07 : 1 составляет теперь около 16 : 1. Правда, когда унция золота продавалась в Гамбурге за 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс., или за их эквивалент 136 шилл. 7 гровов, денежное обращение Англии еще не было обесценено; таким образом, на эту сумму можно было купить лишь вексель, подлежащий уплате в Лондоне в банкнотах на 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс. Но так как денежное обращение Англии теперь обесценено и фунт оценивается на гамбургской бирже в 28 или 29 фламандских шиллингов вместо 37—действительной стоимости фунта стерлингов, то за 140 шилл. 8 гровов, или за сумму на 3% большую, чем 136 шилл. 7 гровов, теперь можно купить вексель на сумму 4 ф. 17 шилл. в банкнотах, подлежащий оплате в Лондоне. Итак, золото повысилось в цене в Гамбурге не больше чем на 3%, но стоимость денег в Англии понизилась по сравнению с их стоимостью в Гамбурге на 23 $\frac{1}{2}$ %.

Для дальнейшего доказательства правильности моего утверждения, что не золото повысилось в цене на 16 или 18% на мировом рынке, а обесценились лишь бумажные деньги, в которых в Англии измеряется цена золота, я приведу здесь также таблицу низших цен на золото в Гамбурге, Голландии и Англии в 1804 г. и высших цен на него в каждой из этих стран в 1810 г., на основании которой мы сможем установить действительный рост цены золота, измеряемой в деньгах каждой страны. Эта таблица была доставлена Комитету о слитках г-ном Грефьюлем и занумерована в докладе под № 56.

Низшая цена

Гамбург	1804 г. . . .	97 $\frac{3}{8}$
Голландия	1804 » . . .	392 $\frac{1}{4}$
Англия	1804 » . . .	4 ф. ст.

Высшая цена

Гамбург	1810 г. . .	401	что дает увеличение на	3 $\frac{3}{4}$ %
Голландия	1810 » . .	406 $\frac{7}{16}$	»	»
Англия	1810 » . .	4 ф. ст. 13 шилл.	»	»

Так вот, в Гамбурге и в Голландии, где мы имеем серебряное денежное обращение, цена золота может повыситься не только на 3%, но и на 30%, и это не будет служить доказательством обесценения денег, это доказывает только увеличение стоимости золота по отношению к серебру. Но в Англии, где цена золота измеряется в золотой монете или в банкнотах, представляющих эту

монету, каждое повышение на 1% доказывает само по себе наличие *депрессии*¹ соответствующих размеров для монеты или для бумажных денег. Это замечание в одинаковой степени применимо к факту, который упоминается г-ном Бозанкетом и на который он, повидимому, сам обратил внимание, а именно, что цена золота изменялась в Гамбурге в течение двух лет не меньше чем на 8%.

Между ценою стандартных золотых брусков и ценою золотой монеты, приведенной к английскому стандарту, имеется—это признают все—разница, обусловленная тем, что монета является более ходким товаром на континенте²; я не могу поэтому согласиться с выводами, к которым приходит г-н Бозанкет, сопоставляя записки г-на Грефюля (№ 58) с приложением к докладу № 60. Необходимо прежде установить, являются ли цены золота, приводимые в этих документах (а данные их не вполне совпадают), ценами на золото в монете или на золото какой-нибудь другой категории и всегда ли цена золота в нашей стране, взятая для различных периодов, была ценой золота одного и того же качества.

Г-н Бозанкет замечает, что «из расчета, представленного Комитету г-ном Грефюлем, явствует, что весной 1810 г. унция золота английского стандартного веса стоила в Гамбурге 4 ф. ст. 17 шилл.—цена его составляла в это время 101 при вексельном курсе в 29 шилл. Читатель должен вспомнить, что здесь, как я уже объяснил, речь идет о 4 ф. ст. 17 шилл. в банкнотах. Но я не могу признать это утверждение совершенно точным. Экспортер унции золота, купленной здесь за 4 ф. ст. 12 шилл., ждал бы по меньшей мере 3 месяца, прежде чем он получил бы 4 ф. ст. 17 шилл.; при продаже золота в Гамбурге уплата за него совершается при помощи векселя на 2½ месяца, так что, принимая в расчет проценты за это время, экспортер в действительности получил бы прибыль лишь в 4¼%; но так как согласно имеющимся показаниям расходы по пересылке золота в Гамбурге составляют 7%, то уплата с помощью векселя обошлась бы дешевле на 2¼%.

Допустим далее, что г-н Бозанкет совершенно точен в своей констатации, что цена золота в нашей стране составляла в течение июня, июля, августа и сентября 1809 г., а также и весной 1810 г. 4 ф. ст. 12 шилл. и что в том и в другом случае такая цена уплачивалась за золото одного и того же качества; все же его заключение, согласно которому при вывозе золота в течение указанных месяцев 1809 г. можно было получить прибыль в 5½% за вычетом и всех расходов, не подтверждается фактами. «Если при 101 и 29,—замечает г-н Бозанкет,—вывоз золота отсюда

¹ Г-н Бозанкет отмечает, что этот термин имеет в высшей степени теоретический характер, но я считаю его безусловно правильным и позволяю себе поэтому употребить его, следуя примеру Комитета.

² См. примечание на стр. 104.

в Гамбург давал прибыль в $5\frac{1}{4}\%$, то из этого следует, что при $104\frac{1}{2}$ (цены в Гамбурге в июне, июле, августе и сентябре 1809 г.) и 28 шилл. получалась прибыль в $12\frac{1}{2}\%$; иначе говоря, за вычетом расходов по пересылке покупка здесь золота по 4 ф. ст. 12 шилл. за унцию была на $5\frac{1}{2}\%$ более дешевым способом уплаты, чем вексель, выданный по текущему курсу». Но я уже показал, что при вексельном курсе в 29 и цене золота в Гамбурге в 101 покупка золота была более дорогим средством уплаты, чем выдача векселя по $2\frac{3}{4}\%$; следовательно при 28 шилл. и $104\frac{1}{2}$ покупка его обошлась бы дешевле только на $4\frac{1}{2}\%$.

Эти факты доказывают, что в июне, июле, августе и сентябре 1809 г., пока вексельный курс на Гамбург равнялся 28 шилл. и золото стоило $104\frac{1}{2}$, действительный вексельный курс был в пользу Гамбурга, тогда как весной 1810 г. он был настолько неблагоприятен, что не мог даже покрыть расходы, связанные с ввозом золота.

Что касается повышения цены золота в Гамбурге при неизменном вексельном курсе, то именно его и следовало бы естественно ожидать, раз соответствующее повышение цены золота имело место в нашей стране. По мере того как английские деньги обесцениваются в сравнении с золотом, они будут стоить меньше шиллингов в Гамбурге, если только возрастание стоимости золота в Гамбурге не будет противодействовать обесценению, делая золотой фунт стерлингов более дорогим.

В то же время вексельный курс испытывал бы влияние всех колебаний в стоимости обесцененного фунта стерлингов до тех пор, пока цена золота в Гамбурге оставалась бы неизменной.

«Из отчета Слиткового отделения Английского банка, напечатанного в приложениях к докладу (№ 7 и 8),—говорит г-н Бозанкет,—явствует, что общая сумма золотых слитков, ввезенных и депонированных в Слитковом отделении банка в 1809 г., составляла по своей стоимости только 520 225 ф. ст. и что в течение того же периода стоимость золота, выданного из Слиткового отделения, достигла 805 568 ф. ст., из которых только 592 ф. ст. не подлежали вывозу.

Размеры ввоза золота следовательно таковы, что при сравнении их с размерами экспорта и импорта и количеством находящихся в обращении денег предположение об относительной редкости золота оправдывается; превышение же выдачи его над ввозом представляет достаточное свидетельство необычного спроса».

Факт, на котором настаивает автор, не имеет, пожалуй, сам по себе большого значения с точки зрения обсуждаемого нами вопроса, но мне кажется, что выводы, сделанные г-ном Бозанкетом из материалов тех отчетов, на которые он ссылается, отнюдь не оправдываются.

Превышение выдачи над ввозом никоим образом не является доказательством необычного спроса, как это видно из следующего

примечания к приложению № 7, из которого г-н Бозанкет берет более крупную из двух приведенных сумм.

«Примечание. Вышеприведенная сумма относится к золоту, которое прошло через Слитковое отделение за вышеуказанный период в результате продаж и покупок, совершенных частными лицами, но *которое могло пройти* через Слитковое отделение, более чем один раз, поскольку сведения о том, откуда продавец получил свое золото, вообще отсутствуют».

Ввезенное золото, указанное в приложении № 8, действительно депонировано импортерами из-за границы и могло быть получено только однажды. Помимо этого возражения эти приложения не являются материалами, подлежащими сравнению, так как № 7 составлен 18 апреля 1810 г., а № 8—30 марта 1810 г.

«Эти факты имеют значение,—продолжает г-н Бозанкет,—с точки зрения непосредственного сопоставления суммы ввезенного или выданного золота с суммой бумажно-денежного обращения, причем последнее предполагается обесцененным на основании данных о возросшей цене слитков. Прибавка в 12 пилл. на унцию составляет для всего количества золота, выданного в течение года, около 200 тыс. унций—120 тыс. или 130 тыс. ф. ст.; это считается несомненным симптомом обесценения 30 или 40 млн. бумажных денег (вероятное количество нашего бумажно-денежного обращения) на 12 или 13%. Вскоре нам вероятно скажут, будто стоимость банкнот возросла потому, что бумага, на которой они печатаются, стала несколько дороже, чем прежде».

Стоимость банкноты определяется не числом сделок, которые могут быть совершены при продаже или покупке золота, но действительной сравнительной стоимостью банкноты по отношению к стоимости монеты, заместителем которой она считается.

Считается, что государственный банк может принудительно ввести в обращение бумажные деньги, хотя наш Английский банк не может этого сделать, а раз это так, то каким образом мог бы г-н Бозанкет вычислить обесценение таких банкнот с принудительным обращением, не прибегая к сравнению их стоимости со стоимостью слитков? Необходимо, по его мнению, установить, какое количество золота было предметом сделок в течение года,—100 унций или 1 млн.? Если золото не является критерием, при помощи которого измеряется обесценение, то что служит таким критерием? Пока купля гинеи с премией является уголовным преступлением, мы повидимому не располагаем тем единственным критерием, который удовлетворял бы наших противников, а именно наличием двух цен товаров: одной—в гинеях и другой—в банкнотах. Впрочем, даже и в этом случае они, возможно, утверждали бы, что стоимость гинеи поднялась в силу недостатка золота за границей.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ошибка, приписываемая теории Локка о перечекалке монеты в 1696 г.

Г-н Бозанкет правильно замечает, что теория Локка близка к теории, распространенной в наше время. Локк категорически утверждал, что унция серебра в монете не может стоить меньше, чем унция серебра того же стандарта в слитках. Комитет также утверждает теперь, что при нормальном состоянии британского денежного обращения унция золота в слитках не может в течение сколько-нибудь продолжительного времени стоить больше, чем 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., или унция золотой монеты; но ведь ни то, ни другое мнение до сих пор не было еще найдено неправильным. Последствия, которые ожидалось от перечекалки в царствование короля Вильяма, не были реализованы, но не потому, что тогда следовали теории Локка, а, наоборот, потому, что ей не следовали. Перечекалка не удалась не потому, что Локка нельзя было убедить в том, что «стоимость серебряных слитков стала больше, чем их стандартная или монетная цена» (что и невозможно, поскольку цена серебряных слитков измерялась в серебряной монете), а потому, что его предложения не были приняты.

Локк предложил, чтобы серебряная монета была единственным утвержденным законом эталоном денежного обращения и чтобы гинеи принимались для всех платежей по их слитковой стоимости. При такой системе на гинею отразились бы все изменения в относительной стоимости золота и серебра; она могла в одно время стоить 20 шилл., а в другое — 25 шилл.; но в противность принципам Локка стоимость гинеи сначала была определена в 22 шилл., а потом в 21 шилл. 6 пенс., тогда как ее слитковая стоимость была значительно ниже этой цены¹. В то же время именно потому, что золото было оценено чересчур высоко, серебряная монета принималась в обращение по более низкой стоимости, чем ее слитковая стоимость. Можно было ожидать, таким образом, что золотая монета удержится в обращении, а серебряная исчезнет. Если бы стоимость обращающихся гинеи понизилась до их действительной рыночной стоимости в серебре, вывоз серебряной монеты немедленно прекратился бы. В действительности именно такая мера и была в конце концов принята в 1717 г., когда сэр И. Ньютон, тогда заведующий Монетным двором, был осведомлен о положении дел; он написал в своем отчете, что «главная причина вы-

¹ Можно было бы сказать, что, несмотря на запрещение законом принимать гинеи больше чем по 21 шилл. 6 пенс., они были, однако, объявлены законным платежным средством только с 1717 г., и поэтому ни один кредитор не был обязан принимать их в погашение долга по этой норме. Но если бы правительство принимало их по такой стоимости в уплату налогов, то это привело бы почти к таким же результатам, как объявление их парламентским актом законным платежным средством.

воза серебряной монеты заключалась в том, что гинея, которая принималась по 21 шилл. 6 пенс., стоила в общем не больше 20 шилл. 8 пенс. соответственно рыночной стоимости золота по отношению к серебру, хотя в отдельных случаях стоимость ее изменялась». «Он предложил тогда, чтобы стоимость гинеи была уменьшена на 6 пенс., что должно было уменьшить соблазн вывозить и переплавлять серебряную монету, но признал, однако, что стоимость гинеи должна быть уменьшена на 10 или 12 пенс., для того чтобы стоимость золота по отношению к серебряной монете была в Англии именно такой, какая диктуется ходом торговли и движением вексельных курсов в Европе»¹. Те же результаты получились бы без вмешательства правительства, если бы относительная стоимость золота и серебра на рынке изменилась таким образом, что совпала бы с отношениями, установленными в монетном уставе.

Говоря о перечекалке монеты в 1696 г., лорд Ливерпуль высказывает совершенно другое мнение, чем г-н Бозанкет. Будучи очень далек от признания, что эта мера «обрекла нацию на разочарование и неудобства, от которых мы страдаем и до сих пор, и на невыгодный расход почти в 3 млн. ф. ст.», он замечает, что «как ни была велика эта тягота, потери, которые как правительство, так и народ нашего королевства несли непрестанно до тех пор, пока закончена была перечекалка, оправдывали почти всякий расход, который мог быть произведен для их устранения».

Г-н Бозанкет не совсем прав, говоря на стр. 34, что цена серебра никогда не была ниже его монетной цены со времени перечекалки в царствование короля Вильяма. Согласно таблицам г-на Мэшета цена серебра упала в 1793 и 1794 гг. до очень низкого уровня в 5 шилл. 1 пенс, а в 1798 г.—до 5 шилл., что послужило поводом для издания закона, мною же упомянутого и запрещающего чеканку серебряной монеты².

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рассмотрение возражений г-на Бозанкета против утверждения, что платежный баланс был в пользу Великобритании

Итак, я рассмотрел все моменты, которым г-н Бозанкет придает большое значение в противоположность мнению Комитета, полагающего, что «только путем сравнения рыночной и монетной цены слитков можно установить факт обесценения средств обращения». Тем самым я доказал, надеюсь, что нет никакого другого критерия, который помог бы нам судить о здоровом или больном состоянии нашего денежного обращения. Теперь я перейду к рас-

¹ Письмо лорда Ливерпуля королю.

² После того как эти строки поступили в набор, я имел случай видеть второе издание работы г-на Бозанкета, в которой эта неточность исправлена.

смотрению следующего оспариваемого положения Комитета о слитках, утверждающего, что, «поскольку можно вывести заключение из таможенных отчетов о ввозе и вывозе, состояние вексельного курса должно быть особенно благоприятно».

Г-н Бозанкет потратил немало труда на просмотр многочисленных документов, стараясь доказать, что при оценке баланса вывоза Комитет не только ошибся на сумму в 7 500 тыс. ф. ст., но сделал еще другие более крупные ошибки и что на деле в противоположность малообоснованному мнению Комитета положение вексельного курса не только не было благоприятным для нашей страны в течение прошлого года, а, наоборот, действительная сумма платежного баланса в пользу стран континента была необычно велика.

Поскольку я стремлюсь защищать лишь принцип Комитета и поскольку эти факты отнюдь не существенны для проверки его принципов, я не буду входить в рассмотрение правильности утверждений ни Комитета, ни г-на Бозанкета, но сразу же сделаю ему уступку, признав действительными все факты, на которые он ссылается, как бы ни было ему трудно доказать действительность их.

Что платежный баланс был против нашей страны, это, мне кажется, совершенно бесспорно. Положение реального вексельного курса достаточно доказывает это, так как оно безошибочно указывает, из какой страны привозятся слитки. Было бы, однако, не бесполезно для тех, кто желает полностью разобраться в этом трудном вопросе, чтобы г-н Бозанкет сообщил нам, какие средства имелись в нашем распоряжении для уплаты очень значительного неблагоприятного баланса, на котором он настаивает. Думает ли он, что этот баланс был выплачен при помощи наших золотых запасов? Держим ли мы обычно без употребления такое большое количество слитков, что мы можем платить такие балансы из года в год?

Так как мы не имеем собственных рудников, то, если мы в данное время не имеем слитков, мы должны покупать их в чужих странах, но для этой цели банкноты бесполезны. Если бы цена золота составляла в банкнотах 4 или 10 ф. ст. за унцию, мы все же не получили бы ни малейшей прибавки к нашему запасу слитков, так как она может быть получена только путем вывоза товаров. Если мы получаем слитки, например, из Америки, мы должны покупать их за товары. В этом случае, принимая во внимание всю торговлю страны, мы уплатим свой долг в Европе путем вывоза товаров в какую-нибудь другую часть света, и платежный баланс, как бы ни был он велик, должен быть в конечном счете оплачен продуктом труда народа нашей страны. Векселя никогда не погашают долгов одной страны другой; они дают возможность кредитору Англии получить в том месте, где он живет, известную сумму денег от должника Англии; с их помощью совершается только перемещение долга, а не погашение его.

Что спрос на золото (если мы допустим, что наш кредитор согласен принять в уплату только золото) может вызвать повышение его стоимости, этого никто не отрицает. Если бы в силу этого товары стали чрезвычайно дешевы, то это было бы естественным следствием такой причины. Но каким образом может повышение цены золота в банкнотах вызвать приток его, предполагая даже, что в Англии имеется запас золота?

Продавца нельзя обмануть повышением номинальной стоимости; для него имеет весьма малое значение, будет ли он продавать свое золото по 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. или по 4 ф. ст. 12 шилл. за унцию, если только каждая из этих сумм может доставить ему товары, на которые он намеревается в конце концов обменять свое золото. Если, таким образом, банкноты на сумму в 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. будут равны по своей стоимости 4 ф. ст. 12 шилл. (поскольку речь идет о возможности получить за них определенные товары), то продавец может очевидно получить столько же золота при одной цене, сколько и при другой. Можно ли теперь отрицать, что, уменьшив количество банкнот, мы увеличим их стоимость? А если это так, то как может уменьшение количества банкнот помешать нам получить то же самое количество золота для погашения нашего внешнего долга, какое мы получаем теперь по номинальной и фиктивной цене как в своей стране, так и за границей?

«В такое время,—говорит г-н Бозанкет,—когда мы были *вынуждены* получать хлеб даже от нашего врага без малейшей оговорки в пользу нашего собственного производителя и платить нейтральным державам за его доставку, г-н Рикардо уверял нас, что экспорт слитков и товаров в уплату за хлеб, который мы могли бы вывозить сами, сводится целиком к вопросу о прибыли и что если мы отдаем хлеб в обмен за товары, то это—дело нашего выбора, а не необходимости. В то время как мы принимаем меры против голода, он говорит нам, что мы не ввозили бы больше товаров, чем вывозим, если бы мы не имели излишка денег в обращении».

Г-н Бозанкет рассуждает так, как будто нация коллективно, как единое целое, ввозила хлеб и вывозила золото. Он говорит, что она была вынуждена поступать так только под влиянием голода, забывая при этом, что ввоз хлеба даже в предполагаемом случае есть акт отдельных лиц и управляется теми же мотивами, что и другие отрасли торговли. Какова та степень *принуждения*, которое практикуется, чтобы заставить нас получать хлеб от нашего врага? Я предполагаю, что нас толкает к этому только нужда в этом товаре, которая делает его выгодным предметом ввоза; но если это не вынужденная, а добровольная сделка между двумя нациями, какой она несомненным образом является в действительности, то я продолжаю утверждать, что даже если бы у нас свирепствовал голод, золото не отдавали бы Франции в обмен на хлеб, если бы вывоз золота не был связан с выгодой для экс-

портера, если бы он не мог продать хлеб в Англии за большее количество золота, чем то, которое он должен был заплатить за него.

Разве г-н Бозанкет или любой купец, которого он знает, стал бы ввозить хлеб в обмен на золото на каких-либо других условиях? А если ни один импортер не сделал бы этого, то как мог бы хлеб быть ввезен в страну, если бы золото или какой-нибудь другой товар не были здесь дешевле? Поскольку же речь идет об этих двух товарах, не указывают ли эти сделки совершенно ясно, что золото дороже во Франции, а хлеб дороже в Англии?

Не находя в изложении г-на Бозанкета ничего, что могло бы заставить меня изменить свое мнение, я должен продолжать думать, что именно выгода и только выгода определяет вывоз золота, точно так же как она регулирует вывоз всех других товаров; г-н Бозанкет поступил бы хорошо, если бы, прежде чем назвать это мнение столь экстравагантным, привел в доказательство этого хотя бы подобие аргумента; он не повредил бы также своему делу, если бы объяснил в 1810 г. причины, в силу которых он отстаивает принцип, выдвинутый Торнтоном в 1802 г. и подвергнутый сомнению в 1809 г.

Слитки не вывозились бы, если бы мы не ввозили их раньше с этой целью или если бы в силу некоторых условий нашего внутреннего обращения они не стали бы дешевле и менее полезны для нас. Если Миланские декреты¹, эмбарго, законы, запрещающие сношения и т. д., оказывают воздействие на вывоз товаров, то они также влияют на их ввоз, так как никакая страна не может долго продолжать свои покупки, если она не продает также сама; это в особенности относится к Англии, которая вследствие избытка бумажных денег изгнала из своего обращения всякий след драгоценных металлов.

«Если обращающиеся деньги обесценены ниже стоимости золота,—сообщает нам г-н Бозанкет,—то это обесценение является положительным, а не относительным, и все вексельные курсы должны одинаково чувствовать его влияние» (стр. 20). Совершенно верно, и поэтому, если бы г-н Бозанкет мог показать, что вексельный курс был благоприятен для Англии *хотя бы с какой-нибудь одной страной в мире*, деньги которой полновесны и не обесценены, то он с полным успехом опроверг бы мнение Комитета.

Некоторые серьезные авторы придерживаются, по моему мнению, за последнее время неправильного взгляда на вывоз денег и на действие, которое оказывает на цену слитков увеличение количества обращающихся денег за счет бумажного обращения.

¹ Рикардо имеет в виду так называемый Миланский декрет Наполеона, изданный в 1807 г. и распространяющий запрещение торговать товарами, ввезенными из английских доминионов (изданное в 1806 г.), на английские товары.—*Ред.*

Г-н Блэк замечает: «Все известные мне писатели по вопросам политической экономии убеждены повидимому в том, что при отклонении вексельного курса от паритета бóльшем, чем на сумму расходов по пересылке слитков, последние немедленно исчезают. Ошибка эта возникла благодаря недостаточно четкому различию между влиянием *реального* и *номинального* вексельного курса». Он посвящает затем много страниц доказательству, что при всяком увеличении бумажного обращения цена слитков поднимается в таком же отношении, как и цена других товаров, даже при условии, что значительная часть обращающихся денег является деньгами из драгоценных металлов, а так как иностранные вексельные курсы будут номинально понижены в такой же степени, то вывоз слитков не будет приносить никакой выгоды. Это же мнение защищается г-м Гэскиссоном (стр. 27).

«Если бы денежное обращение страны состояло частью из золотых и частью из бумажных денег и размеры денежного обращения удвоились бы путем увеличения количества бумажных денег, то воздействие этого удвоения на цены внутри страны было бы такое же, как и в предыдущем случае» (повышение цен товаров). «Но так как в силу этого увеличения размеров денежного обращения золото как *товар* не сделалось бы более обильным в данной стране, чем в других частях мира, то стоимость его по отношению к другим товарам осталась бы без изменения; цена его, опять-таки в качестве товара, возросла бы в том же отношении, как и цена других товаров, хотя в форме монеты, *наименование* которой фиксируется законом, оно могло бы обращаться только согласно этому *наименованию*».

Таким образом, когда количество бумажных денег увеличивается в какой-либо стране, то в силу этого начинается вывоз золотой монеты оттуда; это происходит не потому, что золото как *товар* стало в этой стране более изобильным и менее дорогим по отношению к другим товарам, а благодаря тому обстоятельству, что стоимость его как средства обращения осталась без изменения, в то время как его цена в обращении возросла вместе с ценами всех других товаров».

Я вполне согласился бы с этими авторами в том, что стоимость золота как экспортного товара подвергалась бы именно такому воздействию, о каком они говорят, при условии, что обращение целиком состояло бы из бумажных денег; никакое повышение не имело бы, однако, места в цене слитков вследствие увеличения количества бумажных денег, если бы денежное обращение было или целиком металлическим или состояло частью из золотых, частью из бумажных денег.

При увеличении размеров денежного обращения, состоящего частью из золотых, частью из бумажных денег, путем увеличения числа последних стоимость всех обращающихся денег уменьшилась бы или, другими словами, цены товаров повысились бы и в

золотой монете и в бумажных деньгах. На тот же самый товар можно было бы купить после увеличения количества бумажных денег большее число унций золотой монеты, потому что он обменивался бы теперь на большее количество денег. Однако эти джентльмены не оспаривают факта превращения монеты в слитки, несмотря на закон, запрещающий это. Не следует ли из этого, что стоимость золота в монете и стоимость золота в слитках быстро приближались бы к совершенному равенству? Итак, если товар будет продаваться вследствие эмиссии бумажных денег за большее количество золотой монеты, то он будет также продаваться и за большее количество золота в слитках. Было бы поэтому неправильно сказать, что относительная стоимость золотых слитков и товаров будет одинаковой как после, так и до увеличения количества бумажных денег.

Уменьшение стоимости золота в сравнении со стоимостью товаров вследствие выпусков бумажных денег в стране, где золотые деньги составляют часть денежного обращения, имеет в первое время место только в этой стране. Если бы такая страна представляла собой остров и не вела никаких торговых сношений с какой-либо другой страной, то это уменьшение в стоимости золота продолжалось бы до тех пор, пока спрос на золото для промышленных целей не извлек бы из обращения всю золотую монету, и только тогда стало бы заметным обесценение бумажных денег по сравнению с золотом, каково бы ни было количество их в обращении.

Как только золото было бы извлечено из обращения целиком, а спрос на продукты промышленности продолжался бы, стоимость золотых денег поднялась бы выше стоимости бумажных, и стоимость золота по отношению к другим товарам вскоре стала бы такой, какой она была до увеличения размеров денежного обращения путем выпуска бумажных денег. Рудники доставили бы тогда требуемое количество золота, и бумажно-денежное обращение продолжало бы постоянно обесцениваться. Но в продолжение промежутка времени до полного извлечения золота рудники такой страны, если бы она их имела, не могли бы эксплуатироваться по причине низкой стоимости золота, которая снизила бы прибыль на капитал, вложенный в рудники, ниже уровня прибыли других торговых предприятий. Но как только такое равенство прибыли установилось бы, снабжение золотом стало бы таким же регулярным, как прежде. Таковы были бы последствия большого выпуска бумажных денег в стране, не имеющей сношений с какой-либо другой.

Но если бы предполагаемая страна имела подобно Англии сношения со всеми другими странами, то любой избыток денег, находящихся там в обращении, был бы парирован вывозом звонкой монеты, а если бы этот избыток не превосходил того количества обращающейся монеты, какое может быть легко собрано людьми, обходящими закон, то обесценение денег отнюдь не имело бы места.

Предположим, что Англия имеет 1 тыс. унций золота в форме слитков и 1 тыс. унций в форме монеты и что в то же время ее вексельный курс на чужие страны сохраняет свой паритет, другими словами, что стоимость золота за границей точно такая же, как у нас, и следовательно золото нельзя было бы ни вывозить, ни вывозить с выгодой.

Предположим, кроме того, что Английский банк выпустил бы в это время банкноты в таком количестве, которое представляло бы еще 1 тыс. унций золота, и что они не были бы разменны на звонкую монету. Если бы слитки сохранили при этом ту же стоимость, что и до выпуска бумажных денег (а именно это и отстаивают наши авторы), то каким образом можно было бы вывезти хотя бы одну гинею? Кто возьмет на себя труд и риск посылать гинеи на континент, чтобы продавать их там по их слитковой стоимости, в то время как стоимость слитков у нас была бы так же высока, как прежде, и следовательно так же высока, как и цена, по которой гинеи продаются за границей? Не стала ли бы монета переплавляться и продаваться как слиток внутри страны, до тех пор пока стоимость слитков у нас не уменьшилась бы по отношению к стоимости их в других странах, а следовательно и по отношению к стоимости товаров у нас, настолько, чтобы оправдать расходы по перевозке? Или, другими словами, до тех пор пока вексельный курс не понизился бы до цены, при которой такие расходы оплачивались бы? При такой цене вся 1 тыс. унций исчезла бы сразу; если же какая-нибудь часть их удержалась бы в обращении, она имела бы не меньшую стоимость, чем золотые слитки того же веса. Я все время рассматриваю закон как не имеющий никакого действия на предотвращение вывоза, но если бы было доказано, что закон может строго выполняться, то этот аргумент был бы одинаково применим при условии, что увеличение размеров денежного обращения было сделано в золотой монете, а не в бумажных деньгах.

Итак, прежде всего становится очевидным, что при увеличении размеров денежного обращения, состоящего частью из золота и частью из бумажных денег, путем увеличения числа последних цена золотых слитков не обязательно увеличится в такой же степени, как цены других товаров; во-вторых, ясно, что такое увеличение вызовет угнетение не только номинального, но и реального вексельного курса, и поэтому золото будет вывозиться.

Но вернемся к г-ну Бозанкету. Он замечает, что «три предположения», т. е. те, которые я комментировал, «были повидимому выдвинуты Комитетом, так же как и теми авторами, на чьи теории его доклад опирался, с целью добиться признания обесценения бумажных денег нашей страны; такая аргументация является необходимой следствием невозможности объяснить иначе депрессию вексельных курсов и повышение цены слитков. Она может быть поэтому названа отрицательной».

Поскольку дело касается меня как одного из авторов, привлеченных к ответу, г-н Бозанкет ошибается: третье предположение никогда не выдвигалось мною. Будет ли платежный баланс за или против нашей страны, это, по моему мнению, имеет очень мало значения для доказательства защищаемой мною теории. Будет ли часть нашего вывоза или часть нашего ввоза состоять из золота, это отнюдь не изменяет проблему; слишком хорошо известно, что наши деньги не оцениваются ни нами самими, ни иностранцами по их слитковой стоимости. И почему наши деньги упали ниже этой стоимости в большей мере, чем в Америке, Франции, Гамбурге, Голландии и т. д.? Ответ заключается в том, что ни одна из этих стран не имеет бумажных денег, неразменных на звонкую монету по требованию держателя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Разбор аргумента, приводимого г-ном Бозанкетом в доказательство, что Английский банк не имеет власти вводить принудительное обращение банкнот

Перейдем теперь к обсуждению четвертого положения, которое гласит, что «Английский банк в течение периода приостановки размена банкнот обладает исключительно ему принадлежащей властью ограничивать их обращение».

Трудно решить, считает ли г-н Бозанкет, что даже и принудительное бумажно-денежное обращение может иметь следствием понижение вексельного курса; ведь он так уверенно утверждает, что нет никакой связи между вексельным курсом и количеством банкнот. Если бы Английский банк стал действительно государственным банком в том смысле, в котором г-н Бозанкет кое-где употребляет этот термин, если бы этот банк авансировал все деньги, потребные для государственных расходов в течение года, если бы он повысил количество своих банкнот с 20 млн. до 50 млн., то разве не было бы правильно сказать, что он вводит принудительным порядком бумажное обращение? И разве следствием такого принудительного обращения бумажных денег не явилось бы обесценение банкнот, увеличение цены слитков и падение иностранных вексельных курсов? Разве эти последствия не имели бы место и в том случае, если бы правительство гарантировало банкноты Английского банка и никто не сомневался бы в том, что они в конечном счете будут оплачены? Разве чрезмерное количество денег в обращении не привело бы уже само по себе к их обесценению? Или, может быть, можно утверждать, что никакое изобилие бумажных денег не может вызвать их обесценение при условии, что их последующий выкуп обеспечен? Такое экстравагантное предположение вряд ли будет, по-моему, поддерживаться кем-нибудь; следует поэтому признать, что обесценение может возникнуть в результате

одного только изобилия банкнот, как бы ни были велики фонды тех, кто их выпускает. А так как симптомы, характерные для принудительного бумажного обращения, в настоящее время слишком резко бросаются в глаза, чтобы их можно было отрицать, так как они не могут быть объяснены как-либо иначе ни теоретически, ни путем апелляции к опыту, то не оправдываются ли наши подозрения в том, что Английский банк при его теперешних правах отнюдь не лишен власти вводить принудительное обращение банкнот, хотя его друзья стараются нас уверить в противном? Употребляя, однако, слова «принудительное обращение», мы не намереваемся обвинять Английский банк в том, что он не принимает теперь тех мер осторожности, какие обычно соблюдаются им при выпуске своих банкнот; мы думаем только, что закон о приостановке размена дает ему возможность держать в обращении гораздо большее количество банкнот (принимая во внимание то количество монеты, которое могло бы находиться в обращении), чем он мог бы удерживать без этого закона. Именно эта добавочная сумма производит, по моему мнению, такое действие, как если бы она была навязана публике государственным банком. Утверждение, что банкнот выпускается не больше, чем этого требуют нужды торговли, не имеет никакого веса, потому что сумма, требующаяся для этой цели, не может быть определена. Торговля ненасытна в своих требованиях; при одном и том же объеме она может использовать 10 млн. или 100 млн. средств обращения; это количество зависит целиком от их стоимости. Если бы рудники были в 10 раз более производительны, торговля тех же размеров использовала бы в 10 раз больше денег. Г-н Бозанкет признает это, но отрицает аналогию между выпусками банка и продукцией нового золотого рудника.

По этому вопросу г-н Бозанкет делает следующие замечания:

«Г-н Рикардо уподобил Английский банк в период прекращения им платежей, поскольку речь идет о результатах его эмиссий, золотому руднику, продукт которого, брошенный в обращение сверх достаточного уже количества обращающихся денег, является избыточным, причем последствием этого является признанное обесценение стоимости уже имеющихся денег, или, другими словами, повышение цен товаров, на которые они обычно обмениваются. Но г-н Рикардо не остановился на обстоятельстве, весьма существенном для такого сравнения: он не указал, *почему* открытие золотого рудника произвело бы такое действие. Оно произвело бы его потому, что собственники рудника выпустили бы золото для каких угодно надобностей без всякого обязательства вновь отдать за него держателям равную стоимость, иначе говоря, без какого бы то ни было желания или даже возможности изъять из обращения и уничтожить то, что ими выпущено. Мало-помалу, по мере того как выпуски возрастают, они превосходят нужды обращения; золото как золото не приносит своему держателю никакого бары-

ша; он не может съесть его, он не может в него одеться; чтобы сделать его полезным, он должен обменять его или на предметы, которые приносят непосредственную пользу, или на такие, которые производят доход. Спрос на товары и на недвижимую собственность, а следовательно и цены их, выраженные в золоте, возрастают и будут продолжать возрастать, пока рудник продолжает доставлять продукцию. При предположенных мною условиях такие результаты даст одинаково и выпуск золота из рудника и бумажных денег государственным банком. Все это я определенно допускаю, но во всем этом нет ни одного пункта аналогии с эмиссиями Английского банка.

Принцип, на основании которого Английский банк выпускает свои банкноты, это—принцип займа. Каждая банкнота выпускается по требованию какого-нибудь лица, которое становится должником банка на эту сумму и дает обеспечение, что вернет эту банкноту или другую одинаковой стоимости в определенный и не слишком отдаленный срок, причем платит процент соответственно установленному сроку этого займа».

Предположим теперь, что золотой рудник действительно является собственностью Английского банка, что он даже расположен на территории последнего, что банк сам ведет добычу золота, которое он отдает для перечековки в монету, и что при учете векселей или выдаче ссуд правительству он выпускает вместо банкнот одни только гинеи. Существовал ли бы в таком случае какой-нибудь другой предел для его выпусков, кроме истощения производительности рудника? А разве условия изменятся оттого, что рудник будет собственностью короля, торговой компании или отдельного лица? Для одного случая г-н Бозанкет допускает, что стоимость денег упадет, и я полагаю, что он допускает также, что падение ее будет прямо пропорционально возрастанию их количества.

Что сделал бы с золотом собственник рудника? Либо оно будет использовано им самим так, что даст доход, либо найдет в конце концов дорогу в руки тех, кто его таким образом использует. Это—его естественное назначение; оно может пройти через руки 100 или 1 тыс. лиц, но в конце концов оно будет использовано только таким образом. Так вот, если рудник удвоил бы количество денег, он понизил бы их стоимость в таком же отношении, и спрос на них увеличился бы вдвое. Купец, который прежде нуждался в займе в 10 тыс. ф. ст., будет теперь нуждаться в 20 тыс. ф. ст., и для него имеет весьма малое значение, будет ли он попрежнему брать займы 10 тыс. ф. ст. в Английском банке и 10 тыс. у тех, в чьих руках деньги очутились бы в конечном счете, или же получать все 20 тыс. ф. ст. займы от Английского банка. Аналогия кажется мне полной и не допускающей спора. Выпуски неразменных бумажных денег регулируются тем же самым принципом и будут сопровождаться теми же самыми последствиями, как если бы банк был собственником рудника и ничего не выпускал, кроме золота. Как бы ни уве-

личилось количество добываемого золота, сумма займов увеличится в том же отношении вследствие его обесценения; это правило одинаково верно и для бумажных денег. Если деньги достаточно обесценены, то нет такого количества их, которое не могло бы быть поглощено обращением. Будет ли при этом Английский банк сам покупать на свои банкноты товары или он будет учитывать векселя тех, кто использует для этой цели его банкноты, это не составит ни малейшей разницы.

Если допустить вместе с г-ном Бозанкетом, что обращением может быть поглощена только определенная сумма, но не большая, то это привело бы к тем результатам, о каких он говорит; но я отрицаю, что в наличии имелась бы добавочная сумма, которая тщетно искала бы выгодного применения и которая, раз такое не могло быть найдено, необходимо вернулась бы в Английский банк в уплату за уже дисконтированный вексель или помешала бы поступлению запроса на денежный аванс на эту сумму.

Если бы деньги могли сохранять свою стоимость, в каком бы количестве они ни выпускались, то результаты могли бы быть именно такими; но так как по мере поступления излишка денег в обращение начинается их обесценение, то добавочная сумма нашла бы себе применение, а это удержало бы ее в обращении.

Посмотрим теперь, какой результат могло бы дать учреждение банка с прочным кредитом в стране, где денежное обращение полностью металлическое.

Такой банк стал бы учитывать векселя или выдавать ссуды правительству, как это делает Английский банк; если же принцип, на котором настаивает г-н Бозанкет, правилен, то банкноты этого банка необходимо возвращались бы к нему сейчас же после того, как они были выпущены, ибо поскольку металлическое обращение такой страны было и до этого вполне достаточным для ее торговли, добавочное количество денег какого бы то ни было размера не могло бы быть использовано. Это, однако, противоречит как теории, так и практике. Эмиссии Английского банка обесценивали бы, так же как и теперь, не только находящиеся в обращении деньги, но одновременно и стоимость слитков, как я старался объяснить это на стр. 119; это в свою очередь создало бы искушение для их вывоза; уменьшение же количества обращающихся денег снова восстановило бы их стоимость. Английский банк выпустил бы еще больше банкнот, и это привело бы к тем же последствиям; но такого излишка, который побудил бы держателя банкнот вернуть их Английскому банку в уплату за заем, отнюдь не получилось бы, если бы закон против вывоза денег действительно выполнялся. Деньги требовались бы потому, что было бы выгодно вывозить их, а не потому, что они не могли бы быть поглощены обращением. Предположим, однако, наличие таких условий, при которых деньги не было бы выгодно вывозить: предположим, что все европейские страны пользуются для нужд своего обращения только

драгоценными металлами и что каждая из них в одно и то же время учреждает банк на тех же основаниях, на каких существует Английский банк, — могли ли бы они или не могли прибавить каждая к металлическому обращению известную часть бумажных денег? Могли ли бы они или не могли бы удерживать их постоянно в обращении? Если бы могли, то и вопроса не было бы; тогда можно было бы сделать прибавку к уже вполне достаточному обращению, не вызывая обратного притока банкнот в Английский банк в уплату по векселям, срок которых наступил. Но если мне скажут, что этого нельзя было бы сделать, то я апеллировал бы к опыту и попросил бы объяснить мне, каким путем банкноты возникли первоначально и как именно они удерживаются постоянно в обращении.

Мне было бы трудно проследить во всех ее разветвлениях аналогию между первоначальным учреждением банка, открытием рудника и настоящим положением Английского банка, однако я вполне уверен, что если бы принцип, выдвигаемый директорами последнего, был правилен, то ни одна банкнота не могла бы держаться permanently в обращении, открытие же американских рудников не могло бы прибавить ни одной гиней к денежному обращению Англии. Дополнительное золото нашло бы согласно этой системе обращение уже адекватным, и ничего нельзя было бы к нему присоединить.

Отказ дисконтировать какие-нибудь другие векселя, кроме выданных для сделок *bona fide*, был бы столь же мало действителен в деле ограничения денежного обращения; ведь если бы даже директора Английского банка имели возможность различать те векселя, которые никоим образом нельзя принимать, в обращении все же могло бы попасть более значительное количество бумажных денег не по сравнению с нуждами торговли, а по сравнению с тем, что могло бы остаться в каналах обращения, не вызывая обесценения. Хорошо известно, что одна и та же 1 тыс. ф. ст. может в течение дня совершить 20 сделок *bona fide*. Они могут быть уплачены за судно, продавец же судна может уплатить ими своему фабриканту канатов, этот в свою очередь может уплатить их русскому купцу за пеньку и т. д. и т. д. А так как каждая из этих сделок была сделкою *bona fide*, то каждый из участников мог бы выписать вексель, и Английский банк мог бы согласно установленному им правилу дисконтировать все эти векселя. Таким образом, для совершения платежей, для которых достаточно было 1 тыс. ф. ст. наличными, в обращение попало бы 20 тыс. ф. ст. Мне известно, что мнение г-на Бозанкета как будто подтверждается приводимым им взглядом д-ра Смита. Однако этот талантливый автор заявляет в различных местах своего труда и за несколько страниц от той, которую цитирует г-н Бозанкет, что «все бумажные деньги разных категорий, какие только могут беспрепятственно обращаться в какой-нибудь стране, не могут никогда превысить стоимость золота и серебра, место которых они занимают или которые, пред-

полагая, что торговля сохраняет прежние размеры, обращались бы, если бы бумажных денег не было»¹.

Такому испытанию мы не должны подвергать наше денежное обращение. Если бы при его теперешних размерах оно состояло из золота и серебра, то никакие законы, как бы строги они ни были, не могли бы удержать этих металлов в обращении; часть их переплавлялась бы и вывозилась до тех пор, пока денежное обращение не было бы сведено к надлежащему уровню, а раз такой уровень был бы достигнут, то стало бы столь же невозможно заставить кого-либо вывозить золото и серебро. В этом случае мы уже больше не слышали бы ни о неблагоприятном для нас платежном балансе, ни о необходимости вывозить золото в возмещение за хлеб. Что последствия были бы именно таковы, в этом не могут сомневаться люди, знакомые с сочинениями д-ра Смита. Но если бы это было иначе, если бы континентальная Европа приняла почти невозможную абсурдную политику покупать еще больше таких товаров, которых она имеет уже слишком много, то какие плохие последствия могло бы это иметь для нас, даже если бы наше денежное обращение было сведено к тому уровню, на котором оно находилось до открытия Америки? Разве это не было бы для нас национальным выигрышем? Поскольку при тех размерах торговли обращение совершалось бы при помощи меньшего количества золота, благоприятный баланс мог бы с выгодой быть использован для получения более полезных и более нужных для производства товаров. И если бы бумажное обращение было сокращено в таком же отношении, то разве прибылью, которую получает теперь Английский банк, не могли бы воспользоваться те, кто имеет больше прав на нее?

Тот факт, что Английский банк не расположен учитывать векселя,—факт, упоминаемый г. Бозанкетом,—весьма благоприятен для публики, ибо невозможно сказать, до каких размеров могло теперь дойти количество банкнот, если бы не задержка такого рода. Право же, все, уделившие хоть сколько-нибудь внимания этому вопросу и познакомившиеся с принципами, которыми руководствовались по их собственному признанию директора Английского банка в деле регулирования своих эмиссий, должны удивляться, что наше денежное обращение держалось в таких умеренных границах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Замечания об основах пошлины за чеканку

Хотя д-р Смит и высказывался в пользу небольшой пошлины за чеканку монеты, он вполне отдавал себе, однако, отчет в том, какое зло связано с большой пошлиной.

¹ [«Богатство народов», кн. 2, гл. II].

Пределы, выше которых нельзя подымать пошлину за чеканку с выгодой для страны, это—действительные расходы по переработке слитков в монету. Если пошлина за чеканку превышает эти расходы, то для фальшивомонетчиков увеличивается выгода от подделки монеты, даже если бы они фабриковали монету законного веса и стандарта. Однако даже и в этом случае, поскольку увеличение количества находящихся в обращении денег выше действительных требований торговли уменьшает их стоимость, промысел фальшивомонетчиков должен будет прекратиться, если стоимость монеты превышает стоимость слитков не больше, чем на сумму расходов по выработке первой. Если бы публика могла быть гарантирована от таких незаконных увеличений количества обращающихся денег, то не было бы такой высокой пошлины за чеканку, какой правительство не могло бы потребовать с выгодой для себя: ведь чеканная монета превышала бы настолько же стоимость слитков. Если бы пошлина за чеканку составляла 10%, цена слитков была бы по необходимости на 10% ниже монетной, а если бы пошлина составляла 50%, то стоимость монеты превышала бы стоимость слитков также на 50%. Итак, оказывается, что, хотя слиток данного веса никогда не может превысить по стоимости монету данного веса, последняя может превысить по стоимости слиток данного веса на всю сумму пошлины за чеканку, как бы велика ни была последняя, при условии, что имеется действительная гарантия против возрастания количества денег путем подделки монеты незаконными средствами. Оказывается также, что если такая гарантия не может быть дана, то промысел фальшивомонетчика прекратится, как только он увеличит количество монеты в такой степени, что уменьшит ее стоимость по сравнению со слитками на всю сумму действительных расходов по чеканке. Что эти принципы правильны, может быть доказано путем анализа тех условий, при которых банкнота получает стоимость. Банкнота не имеет большей внутренней стоимости, чем клочок бумаги, на котором она отпечатана. Она может быть рассматриваема как денежная единица, пошлина за чеканку которой так огромна, что доходит до полной ее стоимости; однако если публика достаточно защищена против ересчур большого возрастания количества таких банкнот, являющегося результатом либо неосмотрительности со стороны эмиссионеров либо проделок фальшивомонетчиков или подделывателей, то при обычных торговых операциях банкноты должны сохранять свою стоимость.

Пока такие деньги держатся внутри известных пределов, им как средствам обращения может быть придана любая стоимость: 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. могут иметь стоимость унции золотого слитка, т. е. стоимость, по которой они были первоначально выпущены, или же низведены до стоимости полуунции; если бы Английский банк, их выпустивший, имел исключительную привилегию поставлять деньги, которые чеканятся на Монетном дворе,

то 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. его банкнот могли бы приобрести стоимость 1, 2, 3 или любого числа унций золотого слитка.

Стоимость таких денег должна зависеть исключительно от их количества; в предположенном же нами случае Английский банк имел бы власть ограничивать не только количество бумажных денег, но также и металлических.

Я уже старался прежде показать, что до учреждения банков драгоценные металлы, употребляемые в качестве денег, необходимо распределялись между различными странами света в таком отношении, какого требовали размеры их торговли и платежей; какова бы ни была стоимость слитков, употребляемых для целей денежного обращения, одни и те же требования и нужды всех стран помешали бы увеличению или уменьшению количества денег, предоставленного каждой из них, при условии, что отношение между размерами торговли отдельных стран не подверглось изменению, сделавшему необходимым иное разделение слитков; Англия или какая-нибудь другая страна может заменить для нужд денежного обращения металл бумагой, но стоимость таких бумажных денег может быть регулирована количеством сохранившей свою слитковую стоимость монеты, которая находилась бы в обращении, если бы не было бумажных денег.

С этой точки зрения бумажно-денежное обращение какой-нибудь отдельной страны представляет металл определенного веса, который при не изменившихся размерах торговли и платежей не может быть ни увеличен, ни уменьшен: 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. в монетах или в бумажных деньгах могут представлять унцию золотого слитка или же в силу какого-нибудь внутреннего мероприятия 4 ф. ст. 13 шилл. могут делать то же самое, но действительный вес слитков, представляемых ими, всегда останется одним и тем же при одних и тех же условиях торговли и платежей.

Предположим, что доля Англии составляет 1 млн. унций. Если бы в силу закона, который может быть осуществлен на практике, $1\frac{1}{2}$ млн. унций в монете могли бы быть пущены в обращение принудительным порядком или удержаны в обращении путем недопущения всякой переплавки или вывоза монеты или если бы при помощи закона о приостановке размена Английский банк был бы в состоянии сохранить в обращении такое количество бумажных денег, которое представляет $1\frac{1}{2}$ млн. унций золота в монете, то эти $1\frac{1}{2}$ млн. унций имели бы в обращении не большую стоимость, чем 1 млн. унций; следовательно $1\frac{1}{2}$ унции золота в монете или банкноты, которые представляли бы эту сумму, купили бы не больше каких-либо товаров, чем унция золота в слитках. Если бы, с другой стороны, правительство взимало пошлину за чеканку в размере 50% или если бы эмиссии Английского банка были чрезвычайно ограничены и он пользовался бы при этом исключительным правом чеканки монеты, так что вся сумма его банкнот не превзошла бы того количества их, которое должно представлять

$\frac{1}{2}$ млн. унций золота по монетной цене, то эти $\frac{1}{2}$ млн. унций стоили бы в обращении столько же, сколько стоили 1 млн. унций в первом случае и $1\frac{1}{2}$ млн. во втором.

Из этих принципов следует, что возможно лишь одно обесценение денег—то, которое происходит от их излишка. Как бы испорчена ни была монета, она всегда будет сохранять свою монетную стоимость, т. е. будет обращаться по внутренней стоимости металла, который она должна содержать, если только количество ее не чрезмерно; поэтому предположение, что гинеи в 5 драхм и 8 гранов не могут обращаться вместе с гинеями в 5 драхм или меньше, представляет ошибочную теорию. Поскольку общее количество их может быть так ограничено, что и те и другие могут на деле обращаться по стоимости, равной 5 драхмам 10 гранам, не будет никакого искушения извлекать ни ту, ни другую из обращения; было бы, напротив, прямой выгодой удержать их в обращении. На практике, правда, более тяжелые экземпляры лишь в редких случаях избегли бы плавильного тигля, но это происходило бы целиком вследствие увеличения количества таких денег: вследствие обильных эмиссий Английского банка или благодаря притоку фальшивых денег, которые были бы брошены в обращение искусными фальшивомонетчиками.

Наши серебряные деньги обращаются теперь по стоимости, которая превышает их слитковую стоимость, потому что, несмотря на прибыль, получаемую поддельвателями, они пока что не поступают в обращение в достаточном изобилии, для того чтобы повлиять на их стоимость.

Именно этим принципом объясняется также тот факт, что в эпоху, предшествовавшую перечекалке 1696 г., цена слитков не поднялась так высоко, как можно было ожидать при тогдашней степени порчи денег; их количество не возросло в том отношении, в каком ухудшилось их качество.

Из этих принципов следует также, что в стране, в которой золото есть мера стоимости (и в которой закон не ставит никаких препятствий вывозу), цена золотых слитков никогда не может превысить их монетную цену, что первая никогда не может упасть ниже второй больше, чем на сумму расходов чеканки, и что эти изменения зависят целиком от того, насколько снабжение монетой или бумажными деньгами соответствует объему торговли страны; другими словами, ничто не может поднять стоимость слитков даже до их монетной цены, кроме излишка находящихся в обращении денег. Разумеется, если какая-нибудь сила в государстве пользуется привилегией увеличивать по своему произволу количество бумажных денег и имеет в то же время законное право не платить по своим банкнотам, то только произвол выпускающих может определить предел роста цены золота.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Рассмотрение возражений г-на Бозанкета против положения, согласно которому эмиссии Английского банка регулируют эмиссии провинциальных банков

Следующее положение, которое г-н Бозанкет старается опровергнуть, содержит формулировку мнения Комитета о слитках о том, что «обращение банкнот провинциальных банков зависит от эмиссий Английского банка и пропорционально им».

Истинность этого принципа подтверждается также авторитетом многих людей практики. Г-на Бозанкета преследует повидимому особое несчастье, так как только немногие из отобранных им положений Комитета о слитках не опираются на авторитет людей практики, о чьих мнениях по этим вопросам он говорит с такой почтительностью. Что колебания вексельного курса не могут в течение сколько-нибудь продолжительного времени выходить за пределы, установленные Комитетом, таково было и есть мнение способнейших людей практики.

Что при нормальной системе денежного обращения цена слитков не может быть в течение продолжительного времени выше их монетной цены, это было также полностью подтверждено деятелями того же круга. Рассматриваемое нами теперь положение было также санкционировано ими. Г-н Гэскиссон уже ссылался на авторитет управляющего Английским банком, который в своем показании Комитету сделал следующее заявление (стр. 127): «Если провинциальные банки не регулируют свои выпуски согласно принципам Английского банка, то они могут выпустить чрезмерное количество банкнот; но, по моему мнению, как только этот излишек делается сколько-нибудь ощутимым, он будет исправлен своим собственным действием, ибо держатели таких банкнот немедленно вернут их обратно банкам, когда увидят, что благодаря чрезмерной эмиссии стоимость этих банкнот упала или может упасть ниже их паритета. Таким образом, хотя равновесие может быть слегка и временно нарушено, значительная или постоянная чрезмерность эмиссий все же не может иметь места; в силу природы вещей количество банкнот, находящихся в обращении, должно всегда находить свой предел в общественных потребностях».

Г-н Джилъкрест из Шотландского банка заявил Комитету, что «если бы Английский банк сократил свои эмиссии, то шотландские банки сочли бы, разумеется, необходимым уменьшить свои». «Эмиссии Английского банка,—заметил он,—вливают на эмиссии шотландских банков следующим образом: если шотландские банки выпускают больше банкнот, чем они должны были бы это сделать, принимая во внимание размер эмиссий Английского банка, они будут вынуждены выдавать векселя на Лондон по более низкому вексельному курсу» (стр. 114, приложение). Г-ну Томпсону, про-

винциальному банкиру и члену Комитета, был задан вопрос: «Каким критерием руководствуются теперь провинциальные банки при регулировании выпусков бумажных денег?» Ответ: «Критерием изобилия или недостатка банкнот». «Значит их эмиссии находятся в известном соотношении с эмиссиями Английского банка?» Ответ: «По моему мнению, да».

«Комитет,—замечает г-н Бозанкет,—не установил, в каком смысле он употребляет термин «излишек обращающихся денег»; поэтому,—продолжает он,—я предполагаю, что этот термин употребляется в докладе в том смысле, в котором им пользуется д-р Смит: он означает количество большее, чем то, какое может быть быстро поглощено или использовано денежным обращением страны». А в другом месте он говорит: «Так как этот факт не *очевиден* (я имею в виду, что бумажных денег имеется больше, чем страна может быстро поглотить или использовать), то *onus probandi*, казалось бы, лежит во всяком случае на Комитете».

Однако Комитет употребляет, по моему мнению, термин «излишек» не в этом смысле. При таком значении его излишка вообще не может быть, раз Английский банк не платит звонкой монетой, потому что торговля страны может легко использовать и поглотить любую сумму, которую этот банк может послать в обращение. Именно потому, что г-н Бозанкет понимает так слово «излишек», он и думает, что обращение не может быть чрезмерным только потому, что торговля страны не может легко использовать его. По мере того как фунт стерлингов обесценивается, нужда в номинальном количестве фунтов будет возрастать, и ни одна часть большей суммы не будет излишней в большей мере, чем прежде была меньшая сумма. Итак, под словом «излишек» Комитет должен подразумевать разницу в объеме обращения, т. е. разницу между суммой фактически находящихся в обращении денег и той суммой их, которая находилась бы в обращении, если бы фунт стерлингов снова вернулся к своей слитковой стоимости. Это различие имеет гораздо больше значения, чем это кажется с первого взгляда, и г-н Бозанкет был хорошо осведомлен о том, что я употреблял этот термин именно в этом смысле. Он был настолько обязателен, что уточнил мое мнение в том месте, где оно казалось неясным; он сделал это весьма искусно и вполне понял смысл, в котором я употребил слова «излишнее обращение». Он замечает по поводу этого места (стр. 86): «Если эта интерпретация будет принята, то станет почти бесполезно устанавливать наличие излишка бумажных денег и исследовать причины его; мы должны будем удовольствоваться тогда тем, что признаем факт его существования на основании его последствий: внимание наше должно быть направлено на то, чтобы установить обесценение или повышение цены товаров, произведенное и вызванное исключительно лишь возрастанием количества средств обращения». Я признаю совершенно безоговорочно, что, пока держится высокая цена слитков и низкий вексельный курс и пока наше

золото не испорчено, факт нахождения в обращении лишь на 5 млн. ф. ст. банкнот вовсе не служит для меня доказательством, что наше обращение не обесценено. Поэтому если мы говорим об излишке банкнот, мы имеем в виду ту часть суммы эмиссий Английского банка, которая может обращаться при данных условиях, но не могла бы оставаться в обращении, если бы деньги сохраняли свою слитковую стоимость. Когда мы говорим об излишке денег, выпущенных в обращение в провинции, мы имеем в виду ту часть суммы провинциальных банкнот, которая не может быть поглощена обращением потому, что эти банкноты подлежат обмену на банкноты Английского банка и в то же время обесценены ниже стоимости последних.

Это различие является, мне кажется, ответом на возражение г-на Бозанкета, заявляющего: «Но разве из этого следует, что провинциальные банкноты, выпущенные в чрезмерном количестве, не встретят препятствий, раз в обращении находится уже больше банкнот, чем страна может поглотить и использовать? Если допустить,—а как можно это отрицать?—что цены товаров должны всюду повышаться или падать пропорционально возрастанию или уменьшению количества денег, которое приводит их в обращение, то не должно ли возрастание количества лондонских денег увеличить цены товаров лишь в Лондоне, если только часть этих денег не может быть использована в провинциальном обращении? И наоборот, не должно ли такое повышение иметь место только для провинциальных цен, если возросло количество денег, выпущенных в обращение в провинции, и если бы они не были разменны на лондонские деньги или не могли бы обращаться в Лондоне?» Если бы случай, о каком говорит г-н Бозанкет, был возможен, если бы увеличилось только лондонское денежное обращение и лондонские банкноты не имели бы хождения в провинции, тогда мы имели бы вексельный курс на провинцию таким же манером, как мы имеем его на Гамбург или Францию; существование такого вексельного курса показывало бы, что лондонские бумажные деньги обесценены по сравнению с провинциальными.

Предположим, что каждый провинциальный банк защищен специальным законом о приостановке размена от обязательства платить по своим банкнотам какими-нибудь другими деньгами, кроме своих собственных банкнот, и что эти банкноты могут обращаться только в границах именно данных округов; они были бы тогда обесценены в сравнении со слитками в той же мере, в какой их количество превосходило бы количество денег со слитковой стоимостью, которое обращалось бы в этих округах, если бы банки не были защищены такими законами. Банкноты одного банка могут быть обесценены на 5%, другого—на 10%, третьего—на 20% и т. д. Но так как закон о приостановке размена распространяется только на Английский банк, а все другие банкноты размениваются на банкноты последнего, то провинциальные банкноты отнюдь не могут быть выпущены в большей пропорции, чем банкноты лон-

донского банка. Г-н Бозанкет думает, что я «обязан был сначала доказать, что возрастанию общего количества банкнот за счет провинциальных банкнот и *vice versa* мешает нечто физически непреодолимое, а затем уже утверждать, что возрастание количества банкнот Английского банка может вызвать соответствующее возрастание количества провинциальных банкнот».

Из того, что я уже сказал, явствует, по моему мнению, что если не физически, то во всяком случае *абсолютно* невозможно, чтобы увеличение количества банкнот Английского банка не сопровождалось увеличением числа провинциальных банкнот или же обесценением стоимости первых в сравнении с последними, разве что лондонские банкноты проникли в обращение в такие места, куда их прежде не допускали.

Но каким образом это осуществляется? Каким образом эмиссии Английского банка вызывают возрастание провинциального обращения? Об этом рассказал нам г-н Джилькрист. Возьмите случай, обратный тому, который он предположил, и дело будет обстоять следующим образом: если Английский банк увеличит свои эмиссии, то провинциальные банки будут иметь возможность увеличить свои; так как в Лондоне цены товаров повысились, а в провинции остались без изменения, там появится нужда в деньгах для покупки на более дешевом рынке; для этой цели потребуются векселя на провинцию, которые будут поэтому продаваться с премией, или, другими словами, банкноты Английского банка будут обесценены ниже стоимости провинциальных денег. Спрос на такие векселя прекратится, как только провинциальное денежное обращение будет поднято до уровня лондонского или же лондонское денежное обращение опустится до уровня провинциального.

Я не мог думать, что такой ясный принцип будет поставлен под вопрос: стоимость нашего золотого обращения определяла прежде стоимость фунта стерлингов по всей Англии. Если золото становилось обильным вследствие открытия новых рудников и большее количество денег находилось поэтому в обращении в Лондоне, то пропорциональное увеличение их количества должно было бы иметь место и в провинции, чтобы сохранилось равенство цен. Банкноты Английского банка выполняют теперь ту же самую функцию, и если количество их увеличивается, то либо провинциальное денежное обращение должно также вобрать в себя дополнительное количество их, либо провинциальные банки должны увеличить пропорционально свои эмиссии. Нетрудно решить, какой выбор сделают провинциальные банки при этих условиях.

Комитет установил, что «если бы где-нибудь в провинции был выпущен излишек бумажных денег, в то время как лондонское обращение не выходило бы из должных пропорций, то мы имели бы дело с местным возрастанием цен лишь в данном округе, цены же

Лондона остались бы такими же, как и прежде; владельцы же провинциальных бумажных денег предпочтут делать покупки в Лондоне, где товары стали дешевле, и потому вернут эти провинциальные банкноты банкиру, который выпустил их, и потребуют от него банкноты Английского банка или векселя на Лондон; таким образом, поскольку излишек провинциальных бумажных денег будет предъявлен выпустившему их банку для обмена на банкноты Английского банка, количество последних необходимо ограничивает количество провинциальных банкнот вполне действительным способом».

Г-н Бозанкет спрашивает: «Действительно ли одно вытекает из другого? Допуская правильность приведенного рассуждения при предположении, что провинциальные банкноты действительно оплачивались банкнотами Английского банка, применимо ли оно при допущении, что они оплачивались векселями на Лондон, раз оплата последних имеет, как мы уже показали, мало связи с банкнотами?» Безусловно, да. Предположим, что излишек провинциальных банкнот составляет 1 тыс. ф. ст. и вследствие этого эмитционеру предъявят требование на 1 тыс. ф. ст. в банкнотах Английского банка, каковые и будут посланы в Лондон для покупки товаров; разве в этом случае 1 тыс. ф. ст. не будет прибавлена к лондонскому обращению, тогда как провинциальное будет уменьшено на 1 тыс. ф. ст.? Предположим теперь, что вместо тысячефунтовой банкноты Английского банка держателю провинциальных банкнот будет выдан вексель на Лондон, что будет в такой же мере отвечать его желанию произвести покупку в Лондоне; так как вексель есть только приказ находящемуся в Лондоне *A* уплатить в Лондоне же *B*, то лондонское денежное обращение останется без изменения, а провинциальное уменьшится на 1 тыс. ф. ст.

Таким образом, единственная разница состоит тут в том, что в первом случае 1 тыс. ф. ст. была прибавлена к лондонскому обращению, в последнем же оно сохраняло прежние размеры. Но разве провинциальный банкир, уменьшивший в результате выплаты тысячефунтовой банкноты Английского банка депозит, который он считает необходимым иметь для безопасности своего учреждения, не дает своему корреспонденту поручение послать ему банкнот Английского банка на сумму в 1 тыс. ф. ст. путем ли продажи билетов казначейства или каким-либо другим способом?

«Если товары дешевле в Ливерпуле, чем в Лондоне, я предпочту купить их там; если же я имею слишком много банкнот, я пошлю их в Ливерпуль для уплаты» при условии, что они имеют там хождение. В последнем случае в Ливерпуле, как и в Лондоне, увеличится количество обращающихся денег; отнюдь не невероятно, однако, что ливерпульский банкир найдет случай убедить своих сограждан, что его банкнота так же хорошо отвечает их намерениям, как

и банкнота Английского банка¹; он постарается поэтому приобрести последние в обмен на свои и пошлет их в Лондон, и, таким образом, обращение Ливерпуля увеличится в результате выпусков Английского банка. Поэтому г-н Бозанкет ошибается, когда замечает, что «Английский банк может ограничить, но отнюдь не может увеличить хотя бы на один шиллинг обращение ливерпульских банков». Так как Комитет «считает аксиомой, что бумажные деньги провинциальных банков представляют надстройку, воздвигнутую на базе бумажных денег Английского банка», то г-н Бозанкет спрашивает, где Комитет узнал это. «Он узнал от г-на Стэкки,—продолжает г-н Бозанкет,—крупного и опытного банкира в Сомерсетшире, что его банк регулирует свои эмиссии резервами, которые он имеет в Лондоне для платежа по этим эмиссиям и которые состоят из государственных фондов, билетов казначейства и других ликвидных обеспечений; при этом он не придает особого значения количеству имеющихся среди них банкнот Английского банка или звонкой монеты, хотя он всегда держит известное количество и тех и других для уплаты по случайным требованиям. Каким же образом может это показание подтвердить мнение, согласно которому банкноты Английского банка порождают провинциальные банкноты или же ограничивают их количество?»

По моему мнению, можно доказать, что увеличение эмиссии Английского банка побудило бы г-на Стэкки или другого провинциального банкира увеличить размер своих эмиссий, даже если бы он держал в резерве именно те обеспечения, которые он перечислил. Вследствие изменения цен в Лондоне на провинциальные банкноты возник бы такой спрос, что провинциальный банкир мог бы получить в обмен на свои банкноты векселя на Лондон. На выручку от этих векселей он мог бы получить еще большую сумму государственных фондов, билетов казначейства и т. д. На этой увеличенной таким образом базе он мог бы расширять и надстройку.

Комитет не мог предположить, что Шотландский банк, сокращая в 1763 г. свое обращение путем выдачи 40-дневных векселей на Лондон, в действительности депонировал банкноты в первую очередь в руках своих лондонских корреспондентов. Если бы дело обстояло так, он мог бы сразу же выкупить свои банкноты, платя по ним в Шотландии банкнотами Английского банка, но это было не так. Шотландский банк находился в положении, описанном г-ном Стэкки: он имел те или иные обеспечения в Лондоне и уполномочил своих корреспондентов превратить их в деньги для

¹ Комитет задал г-ну Стэкки следующий вопрос: «Разве не в ваших интересах как банкира сдерживать обращение банкнот Английского банка и разве вы не пересылаете с этой целью в Лондон все банкноты Английского банка, которые вы можете получить сверх той суммы, каковую вы считаете разумным держать в ваших сундуках как депозит?» Ответ: «Несомненно».

своевременной оплаты векселей. Здесь происходил перевод денег от *A* к *B* в Лондоне, шотландские же банкноты извлекались из обращения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рассмотрение взглядов г-на Бозанкета, согласно которым единственной причиной повышения цен было не чрезмерное обращение, а неурожайные годы и налоги

Установив, как он думает, недостаточность аргументов Комитета о слитках, выдвигаемых с целью доказать, что эмиссии Английского банка были чрезмерны, г-н Бозанкет приводит положительные аргументы, доказывающие, что эти эмиссии не были чрезмерны. Сущность его аргументов заключается в том, что причиной повышения цен являются годы неурожая и возросшие налоги. Для поддержки своего мнения он приводит цитату из работы д-ра Смита. Но эта цитата говорит, по моему мнению, в пользу моего взгляда на предмет.

«Государь,—говорит д-р Смит,—который повелел бы, чтобы известная часть налогов уплачивалась бумажными деньгами того или иного рода, мог бы придать таким путем некоторую стоимость этим бумажным деньгам даже если бы срок их окончательной оплаты и погашения полностью зависел от его усмотрения. Если бы банк, выпустивший эти бумажные деньги, постоянно заботился о том, чтобы количество их было всегда несколько меньше того числа их, какое легко могло бы быть использовано этим путем, спрос на эти деньги мог бы сильно возрасти; они стали бы тогда давать некоторую премию или продаваться на рынке по цене несколько более высокой, чем соответствующее количество золотой и серебряной монеты, взамен которой они были выпущены»¹.

Если же, спрашивает г-н Бозанкет, годовая сумма налогов далеко превосходит сумму банкнот, то как могут быть на основе этого принципа обесценены бумажные деньги? Но где д-р Смит говорит о годичной сумме налогов? С таким же правом можно было бы утверждать, что сумма бумажных денег должна быть сопоставлена с суммой налогов за два или три года. По моему разумению, д-р Смит полагает, что если количество бумажных денег не превышает той суммы, какая может быть затрачена полностью исключительно на уплату налогов, то деньги не будут обесценены. Он никогда не мог бы отстаивать то экстравагантное положение, какое приписывает ему г-н Бозанкет. Чтобы проверить наше бумажно-денежное обращение с помощью критерия

¹ «Богатство народов», кн. 2, гл. 11.

д-ра Смита, следовало бы доказать, что сумма ежедневно уплачиваемых налогов равна всей сумме банкнот, находящихся в обращении. Если же принять то толкование положения д-ра Смита, какое дает г-н Бозанкет, то, поскольку сумма всех платежей в казначейство составляет теперь 76 805 440 ф. ст., не может быть ни излишка банкнот, ни обесценения их до тех пор, пока сумма их не превысит указанную сумму. Но кто же, прочитав рассматриваемое место, мог бы думать, что таково было действительное значение слов д-ра Смита?

Когда г-н Бозанкет говорил о премии, которая давалась за банкноты, я полагал, что он имеет в виду премию в золоте или серебре, иначе я не представляю себе премии, но г-н Бозанкет повидимому думает, что премия за банкноты дается в бумажных деньгах, еще более обесцененных, чем сами банкноты: в билетах казначейства или в банкирских чеках. Так вот, оба эти обеспечения, подлежащие уплате в течение определенного срока в банкнотах, могут в известных случаях иметь меньшую стоимость, чем банкноты, которые требуются для немедленного использования, что в достаточной степени объясняет отдаваемое им предпочтение. Ассигнат, обесцененный на 50%, также мог бы приносить такую премию, о какой говорит г-н Бозанкет.

Одно из соображений, которое г-н Бозанкет сообразовал представить своим читателям в доказательство весьма незначительного увеличения фактического числа банкнот по сравнению с операциями, которые совершаются с их помощью, заключается в том, что сумма находящихся в обращении денег возросла с 1793 г. на 3 млн. ф. ст., тогда как сумма платежей одному только правительству возросла больше чем на 60 млн.

В этом расчете совершенно опущено увеличение провинциального денежного обращения. В дальнейшем я постараюсь доказать также, что из этих данных отнюдь не вытекает необходимости какого-либо увеличения денежного обращения в связи с огромным увеличением суммы выплаченных налогов, если, конечно, в течение того же самого времени не имел места рост торговли и промышленности.

В данный же момент для меня будет достаточно отметить, что если бы г-н Бозанкет привел сравнительные данные за время от 1793 по 1797 г., он, возможно, нашел бы основание усомниться в правильности своей теории. В течение этих четырех лет должно было иметь место значительное добавление к налогам, и поэтому согласно принципам г-на Бозанкета должно было бы иметь место также и добавление к денежному обращению, чего на деле повидимому не было. Вряд ли вероятно, чтобы к числу имевшихся в обращении монет сделано было какое-либо очень значительное добавление; напротив, усиленная чеканка монеты в 1797 и 1798 гг. показывает, что металлическое обращение в 1797 г. находилось на необычайно низком уровне. Из отчета же, представленного

Комитету палаты лордов, явствует, что сумма банкнот в обращении

доходила в 1793 г. до . . .	11 451 180 ф. ст.
и колебалась в 1796 г. от . . .	10 713 460 » »
до . . .	9 204 500 » »

а в 1797 г. общая средняя не превышала даже после приостановки размена суммы 1793 г.

Сумма банкнот, бывших в обращении в 1803 г., равнялась почти 18 млн. ф. ст. В 1808 г. она была не больше, и все же никто не станет отрицать, что за эти пять лет наши налоги и расходы должны были значительно увеличиться. Итак, оказывается, что можно сделать значительные добавления к сумме налогов страны без соответствующего увеличения количества обращающихся денег.

Г-н Бозанкет обвиняет Комитет в том, что последний не обратил достаточного внимания на влияние налогов на цены товаров; это обвинение предполагает также, что Комитет приписал повышение цен товаров исключительно обесценению денег. Комитет действительно полностью заслуживал бы порицания, если бы он ублаживал наш народ надеждой, что реформа денежного обращения могла бы понизить цены товаров до того уровня, на котором они находились до введения закона о приостановке размена.

Действие, произведенное на цены обесценением, было определено весьма точно, оно сводится в итоге к разнице между рыночной и монетной ценой золота. Унция золота в монете, говорит Комитет, не может иметь меньшую стоимость, чем унция золота в слитках того же стандарта, поэтому покупатель хлеба имеет право получить такое же количество этого товара за унцию золота в монете, или за 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., какое он может получить за унцию золота в слитках. Если же 4 ф. ст. 12 шилл. в бумажных деньгах имеют стоимость не большую, чем унция золота в слитках, то цены повысились для покупателя фактически на 18% благодаря тому, что покупка его была совершена на бумажные деньги, а не на монеты, имеющие слитковую стоимость. 18% составляют поэтому увеличение цен товаров, вызванное обесценением бумажных денег. Всякое повышение цены сверх этого может быть объяснено влиянием налогов, увеличившимся недостатком товаров или какой-нибудь другой причиной, которая может показаться удовлетворительной тем, кто любит заниматься такого рода исследованиями.

Теория, которую выдвинул г-н Бозанкет по вопросу о налогах и том действии, которое они оказывают на сумму обращающихся денег, в высшей степени любопытна и доказывает, что даже практические деятели поддаются иногда искушению покинуть трезвый путь практики и опыта и заняться самыми дикими умозрительными построениями и самыми химерическими фантазиями.

Г-н Бозанкет замечает, что имеются две причины увеличения цен в Великобритании после введения закона о приостановке размена: «1) Изменившееся положение хлебной торговли и вызван-

ный этим недостаток хлеба в 1800 и 1801 гг. 2) Рост налогов со времени начала войны в 1793 г.».

Я охотно допускаю, что недостаток хлеба и расходы, с которыми связан был ввоз его, могли вызвать некоторое повышение цен товаров. Но можно ли считать самоочевидным положением, или, как г-н Бозанкет выражается, аксиомой политической экономии, что налоговое обложение вызывает повышение цен товаров на всю сумму взимаемых налогов? Вытекает ли из факта увеличения налогов с 1793 г. на колоссальную сумму в 48 млн. ф. ст., что вся эта сумма пошла на повышение цен товаров и что следовательно один только этот факт объясняет повышение всех цен 1793 г. на 50%? Следует ли из этого факта, что каждый человек за исключением лишь денежного капиталиста имеет власть вознаграждать сам себя за налоги, которые он платит?

Разве не безразлично, идет ли, например, речь о налогах на предметы потребления, или же о налогах такого типа, как подоходный налог, прямые налоги и еще двадцать других, какие можно привести? Разве все они имеют тенденцию поднимать цены товаров? И разве каждый налогоплательщик, кроме денежного капиталиста, в состоянии сбросить с себя налоговое бремя? Если бы рассматриваемый аргумент был правилен, то оказалось бы, что вся тяжесть обложения падает исключительно на денежных капиталистов и что вся сумма ежегодного увеличения налогов с 1793 г., доходящая теперь до 53 млн. ф. ст., должна была быть взята из их карманов. При такой норме обложения налоги должны были бы превышать их доход, поскольку они превышают проценты на национальный долг. Я не могу считать теорию такого рода очень правильной, но если бы она была верна, то она не внушала бы владельцам денежного капитала слишком большую любовь к этому роду собственности. При допущении правильности этого принципа войны никогда не вели бы к обеднению и источники налогового обложения никогда не иссякали бы.

Мне, наоборот, представляется убедительно ясным, что ни подоходный налог, ни прямые налоги, ни многие другие не затрагивают ни в малейшей степени цен товаров.

В каком действительно несчастном положении очутился бы потребитель, если бы ему пришлось платить повышенные цены за товары, необходимые для его комфорта, после того как его покупательные средства были значительно сокращены налогом!

При справедливом обложении подоходный налог оставил бы каждого члена общества в том же самом относительном положении, в каком он его застал. Расходы каждого человека должны быть уменьшены на сумму его налога, и если бы продавец хотел освободить себя от бремени налога, повышая цену своих товаров, то покупатель на этом же самом основании желал бы купить их дешевле. Эти противоположные друг другу интересы настолько точно уравновешивали бы друг друга, что цены не подверглись бы

никаким изменениям. Эти же замечания можно применить к прямым и ко всем другим налогам, которые не являются налогами на отдельные товары. Но если бы налог действовал неравномерно, если бы он особенно тяжело падал на одну отрасль промышленности или торговли, то прибыль упала бы в этой отрасли ниже общего уровня торговой прибыли и те, кто вложил в нее капитал, либо покинули бы ее для более прибыльной, либо повысили бы цены товаров, которые они продают, до такого уровня, при котором они получали бы такую же прибыль, как в других отраслях торговли.

Налоги на товары несомненно повысят цены обложенных товаров на всю сумму налога. Цену таких товаров можно рассматривать как распадающуюся на две части: первая—это их первоначальная и естественная цена, а вторая—налог за право потреблять их. Если бы, далее, этот налог взимался с товара, потребление которого каждым индивидом находилось в точном соотношении с его доходом, то повысилась бы только цена обложенного товара; но если бы между потреблением и доходом не было такого соотношения, то те, кто платил бы больше, чем свою долю, потребовали бы более высокую цену и за товар, который они продают, а если бы они получили ее, то общество было бы поставлено в то же самое относительное положение, в каком оно находилось прежде.

Если бы вместо обложения товара налогом каждый индивид платил за товар не больше, чем его первоначальную цену, но должен был бы уплатить правительству всю сумму налога сразу за разрешение потреблять этот товар, то действие налога было бы точно таким же, как действие прямых налогов; лишь частичное повышение цен некоторых товаров имело бы место, чтобы компенсировать несправедливость, которая, несмотря на лучшие пожелания законодателей, должна сопровождать каждый налог.

Согласно оценке г-на Бозанкета цены товаров были фактически увеличены с 1793 г. на 48 млн. благодаря налоговому обложению, причем эта надбавка достаточно объясняет повышение цен, и для объяснения этого явления не приходится ссылаться на обесценение находящихся в обращении денег. Но если вышеизложенный взгляд на действие налогов правилен, то эта оценка исходит из ошибочной теории, не подтверждаемой ни доводами разума, ни прямой вероятностью.

Но из вышеприведенных данных г-н Бозанкет делает еще следующий вывод: так как стоимость товаров повысилась с 1793 г. на 48 млн. ф. ст., а денежное обращение увеличилось только на 3 млн. ф. ст., то это увеличение не может быть названо чрезмерным¹.

¹ Если мы прибавим к этим 3 млн. ф. ст. рост провинциального обращения и будем помнить об экономии в использовании средств обращения, о которой так дельно и ясно говорил сам г-н Бозанкет, то, по-моему, даже если все факты, на которых настаивает г-н Бозанкет, верны, количество денег в обращении все же возросло в ненадлежащей пропорции.

Хотя в предыдущем изложении я и сделал г-ну Бозанкету уступку, допустив, что некоторые из наших налогов приведут к росту цен товаров, из этого не обязательно следует все же, что для обращения этих товаров потребуется больше денег.

Сумма денег, которая получается правительством в форме налогов, берется из фонда, который был бы затрачен иначе на предметы потребления.

Пропорционально возрастанию налогов должны уменьшаться расходы народа. Если мой доход составляет 1 тыс. ф. ст. и правительство требует от меня 100 ф. ст. налогов, у меня останется только 900 ф. ст. для затрат на те предметы насущной необходимости и комфорта, какие нужны для потребления моего семейства. Если правительство берет 200 ф. ст., мне останется для этой цели только 800 ф. ст. А так как сумма денег, фактически расходуемая правительством и мною, не может превышать 1 тыс. ф. ст., то дополнительного количества средств обращения, по моему мнению, не потребуется, хотя бы налоги составляли 50% дохода каждого человека. Если бы был введен налог на хлеб и вследствие этого возросла бы заработная плата рабочих, то налог мог бы действительно упасть на тех, кто потребляет продукт труда человека. Для этих потребителей не представляло бы существенного различия, если бы они сразу уплатили всю сумму такого налога казначейству или если бы налог направился через обходный канал, в который он тогда попал бы.

Для этого не потребовалось бы какой-нибудь дополнительной суммы. Правительство получало бы ежедневно часть налогов независимо от того, уплачивались ли бы они сборщику акцизов или сборщику налогов; расходы его в одном случае были бы точно так же велики, как и в другом. Какую бы сумму ни расходовало правительство, расходы народа уменьшились бы на такую же сумму; то же самое количество товаров обращалось бы и того же самого количества денег было бы вполне достаточно для обращения этих товаров.

Все это верно при предположении, что люди достаточно разумны или достаточно богаты, чтобы уплачивать все налоги из своего годового дохода, и не поддаются искушению или не вынуждены уменьшить свой капитал для удовлетворения требований правительства. Если бы, однако, капитал уменьшился, то уменьшилась бы и совокупная сумма всех производимых товаров, а если бы количество денег, которое было прежде необходимо для обращения товаров, оставалось тем же, то увеличилось бы отношение их числа к числу товаров; таким образом, можно было бы ожидать, что товары повысятся в цене. Мы не должны забывать, однако, что количество денег в стране регулируется их стоимостью, а так как их стоимость в этом случае уменьшилась бы, то количество их стало бы относительно излишним по сравнению с деньгами других стран и излишек был бы вследствие этого вывезен.

Когда мы говорим о недостатке хлеба и вытекающем из него повышении цен, то при этом обычно делается естественный вывод, что так как стоимость хлеба удвоилась, то для его обращения нужно двойное количество денег; но этот вывод отнюдь не является ни очевидным, ни необходимым. Если бы двойное количество денег было действительно нужно, то в наличии имелось бы то же количество хлеба, продающегося по удвоенной против обычной цене, но ведь именно потому, что налично имеется уменьшенное количество хлеба, удвоилась бы его цена.

Если торговля страны расширяется, иначе говоря, если путем сбережений она в состоянии увеличить свой капитал, то такая страна потребует добавочного количества средств обращения, но при всяких условиях средства обращения должны удержать свою слитковую стоимость. Таков единственный верный критерий, с помощью которого мы можем установить, что количество обращающихся денег не чрезмерно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Рассмотрение мнения г-на Бозанкета, согласно которому возобновление платежей звонкой монетой сопровождалось бы вредными последствиями

В заключение г-н Бозанкет высказывает убеждение, что возобновление платежей звонкой монетой будет сопровождаться весьма вредными последствиями и что он не ждет никакого улучшения в вексельных курсах или падения цены слитков от сокращения количества обращающихся денег, если только не уменьшится наш ввоз и не увеличится вывоз.

А для меня, наоборот, совершенно ясно, что сокращение количества банкнот понизит цену слитков и улучшит вексельный курс, ничуть не нарушая регулярности нашего теперешнего вывоза и ввоза. Это сокращение не даст нам возможности вывозить или ввозить золото каким-нибудь иным способом, кроме того, которым мы пользуемся теперь. Наши сделки с иностранцами будут совершенно такими же, что и раньше, но мы будем обладать более дорогой монетой того же наименования. Вместо того чтобы получать в Гамбурге кредит под обесцененный фунт стерлингов, за который можно купить только 104 грана золота по цене в 28 фламандских шиллингов, мы могли бы, восстановив наш фунт стерлингов до его настоящей слитковой стоимости, т. е. до $123\frac{1}{4}$ грана, иметь кредит по цене в 34 шилл. Однако разница в 6 шилл., которая, таким образом, окажется в нашу пользу, будет только видимой и номинальной выгодой. Нет большей ошибки, чем предположение, что в этом заключалась бы какая-нибудь реальная выгода.

Если бы путем уменьшения количества банкнот мы повысили бы их стоимость настолько, что она поднялась бы выше стои-

мости золотых слитков, мы могли бы тогда вызвать действительное изменение вексельного курса; мы нарушили бы существующее равновесие ввоза и вывоза и вызвали бы ввоз слитков, или, говоря на языке купцов, мы имели бы благоприятный торговый баланс.

Если бы взгляд г-на Бозанкета на наши дела был правилен, наши перспективы были бы очень мрачны. Вынужденные иметь постоянно большие расходы за границей, для того чтобы «ввозить» товары, без которых мы не можем обходиться и в обмен на которые принимается только золото, мы почти могли бы вычислить срок, когда это состязание должно кончиться вследствие недостатка этого наиболее существенного товара. Для платежного баланса в том огромном размере, как его вычисляет г-н Бозанкет, в нашей стране нехватило бы золота и на один год, и если бы за наши товары нигде нельзя было бы купить его, то как безнадежно должно было бы быть наше положение!

Что касается меня, то я, однако, не имею таких опасений. Я убежден, что наши заграничные расходы не оплачиваются ни золотом, ни векселями, что они всегда оплачиваются продуктом труда и промышленности нашего народа.

Я смотрю с беспокойством только на слепую приверженность нашей теперешней системе денежного обращения—системе, которая постепенно истощает наши ресурсы. Если, говоря словами Комитета, неудобства и бедствия этой системы не будут устранены, то в непродолжительном времени практика убедит в необходимости их устранения всех тех, кто пока еще сомневается в их существовании; но если даже их прогрессивный рост менее вероятен, то достоинство и честь парламента требуют, чтобы он не разрешал дольше, чем это требуется повелительной необходимостью, существование в нашей великой торговой стране такой системы денежного обращения, в которой отсутствует естественное сдерживающее начало или контроль; последние должны удерживать стоимость денег на определенном уровне и обеспечивать благодаря постоянству общего стандарта стоимости справедливость и доверие к денежным договорам и обязательствам, принятым одними людьми по отношению к другим.

Можем ли мы позволить себе надеяться, что работа, так удачно начатая просвещенным Комитетом, является залогом завершения ее через мудрость парламента?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уже после того как предшествующие страницы были посланы в печать, я прочитал дополнительные замечания г-на Бозанкета, приведенные в приложении ко второму изданию его брошюры. Я ограничусь только немногими соображениями по поводу них.

Во-первых, из того, что я уже сказал, можно видеть, что я отрицаю правильность всех вычислений г-на Бозанкета, касающихся

вексельного курса на Гамбург. Эти вычисления сделаны на основе неизменного вексельного паритета, тогда как подлинный паритет, на основе которого они должны были бы быть сделаны, подвергается всем изменениям, которые испытывает относительная стоимость золота и серебра. Отношение стоимостей этих двух металлов падало, начиная с 1801 г., не меньше чем на $6\frac{1}{2}\%$ ниже установленного монетным уставом и подымалось на 9% выше его, поэтому вычисления, сделанные на основе указанного принципа, могут приводить к ошибкам, доходящим до $15\frac{1}{2}\%$. Во-вторых, попытка сослаться на тот факт, что увеличение или уменьшение количества банкнот не неизменно сопровождалось падением или повышением вексельного курса, или повышением или падением цены слитков, отнюдь не дает еще аргумента против теории, которая допускает, что спрос на средства обращения подвергается постоянным колебаниям; последние могут иметь место в силу возрастания или уменьшения размеров капитала и торговли или же в силу большей или меньшей легкости, с которой в разное время совершаются платежи благодаря изменению степени доверия и кредита; словом, теория эта предполагает, что одна и та же общая сумма торговых сделок и платежей может требовать различных количеств средств обращения. Количество банкнот, которое в одно время может быть чрезмерным в том смысле, как я понимаю этот термин, и которое вследствие этого может быть обесценено, будет в другое время едва достаточно для платежей, которые должны быть сделаны, не говоря уже о влиянии временного повышения стоимости банкнот над стоимостью слитков, которые эти банкноты представляют. Будет поэтому бесполезно признавать или отрицать правильность оснований, на которых построено сделанное г-ном Бозанкетом вычисление количества находящихся в обращении провинциальных бумажных денег. Эти факты не имеют, по моему мнению, отношения к занимающему нас предмету. Будет ли бумажно-денежное обращение составлять 25 или 100 млн. ф. ст., я считаю одинаково достоверным, что оно чрезмерно, ибо я не знаю никаких других причин, кроме чрезмерности его или же недостатка доверия к выпускаемым бумажным деньгам (какового в настоящее время, конечно, не существует), которые могли бы вызвать те последствия, свидетелями которых мы были в течение значительного времени ¹.

¹ Г-н Бозанкет замечает, что я неправильно употребляю слова «продолжительное время» по отношению к низкому курсу банкнот, потому что таблицы г-на Машета не показывают, чтобы очень неблагоприятный вексельный курс держался в течение более одного года в период, предшествовавший моему выступлению, т. е. до декабря 1809 г. Когда-то мы считали год *значительным временем*, если речь шла о снижении курса банкнот; но так как я постоянно утверждал, что высокая цена слитков есть наиболее надежный критерий для доказательства обесценения и так как цена золота не была ниже монетной его цены около 10 лет, то я полагаю, что правильность моего заключения не может быть оспариваема тем, кто исходит из защищаемых мною принципов.

Г-н Бозанкет облек выводы, которые он желает сделать из последних сообщенных им фактов, в форму четырех проблем, решение которых он считает невозможным на основе принципов Комитета. Я уже доказал, надеюсь, что факты, приводимые г-ном Бозанкетом, несколько не доказывают тех положений, которые он основывает на них, и я думаю, что дать решение формулированных им самим проблем в полном соответствии с принципами Комитета будет отнюдь не трудно.

Первая проблема гласит: «Падение вексельного курса от среднего уровня в 6% в нашу пользу в 1790—1795 гг. до 3% ниже паритета в 1795—1796 гг. при одинаковой сумме банкнот, разменных на звонкую монету по предъявлению, в 11 млн. ф. ст. и среднее повышение вексельного курса до 11% выше паритета в 1797—1798 гг. при увеличении числа находящихся в обращении и не подлежащих размену банкнот до 13 млн. ф. ст.»

Читатель заметит, что эта проблема уже получила свое решение в нашей работе. Вексельные курсы установлены неправильно, и никто не отрицает, что они могут повышаться и падать в силу многих причин.

Было уже доказано, что спрос на золото для Монетного двора и на серебро для Ост-Индии в 1797 и 1798 гг. оказал свое естественное действие на вексельный курс и не был уравновешен экстравагантным выпуском бумажных денег. Золото требовалось для пополнения опустевших сундуков Английского банка; оно поэтому не было пущено в обращение, дополнительный же выпуск в 2 млн. ф. ст. банкнотами послужил только для заполнения пустоты, которая была вызвана припрятыванием металлических денег. Итак, в течение этих лет не было действительного увеличения денежного обращения.

Вторая проблема гласит: «Падение вексельного курса на 6% ниже паритета и повышение стоимости золота на 9% выше монетной цены в 1800 и 1801 гг. при сумме банкнот, чуть ли не превышающей 15 млн. ф. ст., с одной стороны, и повышение вексельных курсов на 3% выше паритета в среднем за шесть лет—с 1803 по 1808 г.—при цене золота, почти равной монетной цене, и росте обращения до 17—18 млн. ф. ст.—с другой».

Не говоря уже о влиянии изменяющихся размеров торговли и кредита, следует еще вспомнить, что пока наше обращение состояло частью из золота и частью из бумажных денег, действие возросшей эмиссии банкнот как на вексельный курс, так и на цену слитков выправлялось после достаточного промежутка времени вывозом монеты. Этот ресурс с некоторого времени потерян для нас.

Третья проблема: «Падение вексельного курса с 5% выше паритета в июле 1808 г. до 10% ниже паритета в июне 1809 г., причем сумма банкнот оставалась в обоих случаях на одинаковом уровне», легко решается. Я не могу найти документ, на основе которого г-н Бозанкет утверждает, что количество банкнот было

одинаково в июле 1808 г. и июне 1809 г., но даже допуская правильность этого утверждения, можно ли делать эти периоды объектами для сравнения? Один период следует непосредственно за выплатой дивидендов, другой период предшествует этой выплате также непосредственно. В январе и июле 1809 г. увеличение числа банкнот после выплаты дивидендов было не меньшим, чем на сумму в 2 450 тыс. ф. ст., а в январе следующего года—на 1 878 тыс. ф. ст.

Я не склонен утверждать, что эмиссии одного дня или одного месяца могут произвестись какое-нибудь действие на иностранные вексельные курсы; возможно, что для этого требуется более продолжительный период; для того чтобы такие последствия сказались, безусловно необходим некоторый промежуток времени. Те, кто оспаривает принцип Комитета, никогда не принимают этого во внимание. Они заключают, что эти принципы ошибочны на том основании, что действие их не проявляется немедленно. Но что говорят факты об обращении банкнот в 1808 и 1809 гг.? Об их количестве в 1808 г. имеется только три отчета, представленные Комитету о слитках. Сравним их с отчетами за тот же самый период в 1809 г., тогда, думаю мне, читатели согласятся со мною, что факты скорее подтверждают принципы Комитета, чем расходятся с ними:

	Сумма банкнот в 1808 г.		Сумма банкнот в 1809 г.
1 мая	47 491 900	1 мая	18 646 880
1 августа	17 644 670	1 августа	49 811 330
1 ноября	17 467 170	1 ноября	49 949 290

Теперь перейдем к четвертой проблеме: «Постепенно повышавшаяся цена товаров в продолжение американской войны, когда денежное обращение было золотым, а также в продолжение шести лет—с 1803 по 1808 г., когда вексельный курс был для нас благоприятен». Но кто же оспаривал, что имеются и другие причины, вызывающие повышение цены товаров, кроме обесценения денег? Положение, которое я отстаиваю, заключается в следующем: если такое повышение сопровождается постоянным ростом цены того металла, который является стандартом денежного обращения, то деньги обесцениваются на всю сумму этого повышения. В продолжение американской войны повышение цен товаров не сопровождалось каким-либо повышением цены слитков и потому не было вызвано обесценением денег.

Теперь нам в первый раз приходится усомниться в том, действительно ли принципы Комитета, против которых г-н Бозанкет так энергично высказывается во всей своей работе, расходятся с его собственными принципами. Нам говорят теперь, что не теория ошибочна, но что «факты должны быть установлены, прежде чем можно строить рассуждение на их основании», и что «значение этих фактов несколько не уменьшилось бы, даже если бы мы без

всяких оговорок признали правильность выдвинутых принципов». Находится ли это заявление в согласии с выводами г-на Бозанкета? Комитет слитков выдвигает определенные принципы, и если они правильны, то они доказывают факт обесценения средств обращения. Ваши принципы вполне приемлемы, и разум повидимому подтверждает их, говорит г-н Бозанкет, но вот факты, которые доказывают, что они несовместимы с прошлым опытом; а дальше он цитирует Пэли: «Когда математику предлагается теорема, то он должен первым делом проверить ее на простом примере; если она дает ошибочный результат, он уверен, что в ход доказательства этой теоремы вкрались какие-нибудь ошибки». «Публика должна поступить таким же образом с докладом и подвергнуть его теории испытанию фактами». Может ли в таком случае г-н Бозанкет продолжать настаивать, что «значение того, что он предложил вниманию публики на предыдущих страницах, несколько не уменьшилось бы даже в случае безоговорочного признания правильности выдвинутых принципов»?

Если считать, с одной стороны, что правильна теория Комитета, а с другой—что правильны факты г-на Бозанкета, то какой отсюда следует вывод? Или что г-н Бозанкет согласен с Комитетом или что его факты не имеют никакого отношения к вопросу. Можно сделать еще и другой вывод, который я не имею никакого намерения приписывать г-ну Бозанкету: что, с одной стороны, может существовать теория, а с другой—факты; и теория и факты вполне верны и все же не согласуются друг с другом.

Если, следуя критерию д-ра Пэли, надо проверить теорию Комитета на простом факте, то г-н Бозанкет может проверить ее на тысяче фактов и все же найдет, что она точно соответствует фактам. Если бы он употребил свой досуг и свои способности на то, чтобы обнаружить ее применимость к тысячам случаев, в которых она подтверждается, вместо того чтобы вылавливать те два или три случая, которые ей как будто противоречат, и принимать их с восторженным легковерием, он вероятно пришел бы к более правильным заключениям.

Г-н Бозанкет ставит под вопрос точность следующего положения г-на Гэскиссона: «Если одна часть денежного обращения страны (при условии, что она состоит из денег, являющихся или по их прямому назначению или фактически законным платежным средством соответственно их наименованию) обесценена, то и вся совокупность обращения, бумажного или металлического, *должна* одинаково подвергнуться обесценению».

Указанный г-м Бозанкетом факт, что «чрезвычайное обесценение серебряной монеты в царствование короля Вильяма не обесценило золота и что, напротив, за гинею, стоившую 21 стандартный шиллинг, обычно давали 30 шилл.», не доказывает, что принцип, выдвинутый г-м Гэскиссоном, находится в противоречии с опытом, потому что золото не было тогда ходячей монетой;

оно не было законным платежным средством ни *по прямому назначению*, ни *фактически*; оно не было также оценено публичной властью по определенной стоимости; при всех платежах оно принималось как слиток определенного веса и пробы. Если бы оно не могло приниматься по закону больше чем за 21 шилл. неполновесной серебряной монеты, то, оставаясь в форме монеты, оно было бы обесценено в той же мере, как и 21 шилл., на которые оно обменивалось бы. Если бы гиней рассматривались в настоящее время как товар и не было бы закона, запрещающего их вывозить или переплавлять, они могли бы приниматься во всех платежах по 24 или 25 шилл., тогда как банкноты продолжали бы сохранять свою теперешнюю стоимость.

Не *противоречит авторитету* и следующий принцип г-на Гэскиссона, с которым не согласен г-н Бозанкет: «если бы количество золота в стране, денежное обращение которой состоит из золота, возросло бы в каком-либо отношении, количество же других товаров, а также спрос на них остались бы прежними, то стоимость любого данного товара, измеряемая в монете этой страны, поднялась бы в том же отношении». Г-н Гэскиссон вовсе не ставит под вопрос, как это предполагает г-н Бозанкет, истинность принципа, выдвинутого Адамом Смитом и гласящего, что «рост количества драгоценных металлов, имеющий место в какой-либо стране благодаря росту ее богатства, не имеет тенденции уменьшить их стоимость»; он говорит только, что если количество драгоценных металлов увеличивается в какой-либо стране, в то время как ее богатство не растет или же количество ее товаров не увеличивается, то стоимость золотой монеты такой страны уменьшится, или, другими словами, товары повысятся в цене. Сам г-н Бозанкет признал в своей аргументации, относящейся к руднику, что результат был бы именно таков. Однако против этого места книги г-на Гэскиссона я имею возражение, потому что он прибавляет, что при предложенных условиях имел бы место рост цены товаров (стр. 5), «хотя к количеству монеты не было бы фактически сделано никакой прибавки». Я считаю совершенно бесспорным положение, гласящее, что если ни товары, ни спрос на них, ни количество денег, которое приводит их в обращение, не испытывают увеличения или уменьшения, то цены должны оставаться неизменными, какое бы количество золота или серебра ни имелось в такой стране в форме слитков¹. Вряд ли необходимо оговаривать здесь, что такой случай совершенно гипотетичен и фактически невозможен. В стране, деньги которой сохраняют свою стандартную стоимость, нельзя увеличить количество слитков, не вызывая увеличения количества денег.

¹ При этом подразумевается, что по моему предположению ни возрастание, ни уменьшение *доверия* не влияют на уменьшение или возрастание стоимости монеты.

Признаюсь, я был немало удивлен следующим положением, выдвинутом г-м Бозанкетом; я не сомневаюсь, что оно должно было возбудить такое же изумление у многих его читателей. Он утверждал на протяжении всей своей книги, что банкноты не были обеспечены по сравнению с золотой монетой, что повышение цены золота могло иметь место, и в некоторых случаях действительно имело, даже и тогда, когда наше денежное обращение состояло частью из золота и частью из бумажных денег, разменных на золото по предъявлению держателя; он даже отрицал, что между золотом для вывоза и золотом в монете имелась какая-либо точка соприкосновения и что именно вследствие недостатка такого контакта цена его возросла. А теперь г-н Бозанкет серьезно говорит нам, что, «применяя к этому вопросу наиболее испытанные теории, он склоняется к мысли, что, с тех пор как новая система платежей Английского банка была вполне установлена, золото фактически *не* было больше мерой стоимости. Банкноты,—утверждает он,—стали несомненно с 1797 г. торговой мерой и расчетной монетой». Именно с этой точки зрения он и рассматривает «положение о цене золота, к которому люди относятся с таким доверием»; для него это—один из тех принципов, которые он признает, но не решается применять на практике. Не мое дело исследовать, будут ли директора Английского банка или иные люди, так уверенно заявлявшие, что даже при признании золота стандартом они все же не считают его высокую цену доказательством обесценения денег, довольны такого рода защитой, сдающейся по основным положениям, отстаиваемым Комитетом. Что золото уже больше не является на практике стандартом, которым регулируется наше денежное обращение, это истина. В этом-то и состоит основание для жалоб Комитета (и всех, кто выступал с тех же позиций) на несовершенство теперешней системы.

Держатель денег пострадал, поскольку не существует стандартной оценки, с помощью которой он может защищать свою собственность. С 1797 г. он потерял уже 16%, и у него нет никакой гарантии, что в ближайшее время его потери не составят 25, 30 или даже 50%. Кто согласится быть держателем денег или ценных бумаг, проценты на которые выплачиваются в деньгах на таких условиях? Нет такой жертвы, на которую не согласился бы человек, являющийся держателем такой собственности, чтобы обеспечить себе какой-нибудь доход на будущее, пока такая система признается. В этих немногих словах г-н Бозанкет сказал столь же много в пользу отмены закона о приостановке размена, сколько говорили все писатели, все теоретики с тех пор, как началась дискуссия по этому вопросу. Итак, значит г-н Бозанкет допускает, что мы не имеем больше никакой стандартной меры, раз золото перестало быть ею? Послушаем, что он говорит. «Если банкнота в 1 ф. ст. есть *наименование*, то что же, спрашивается, является стандартом?»

«Вопрос этот нелегко разрешить, но принимая во внимание, какую большую долю всего обращения составляют сделки между правительством и публикой, такой стандарт вероятно можно установить на основе этих сделок. Представить себе, что стандартом стоимости банкноты в 1 ф. ст. может быть процент с 33 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. в трехпроцентных фондах, это повидимому не более трудно, чем понять связь этого стандарта с металлом, который исчез из обращения и стоимость годового запаса которого даже как товара не составляет и $\frac{1}{20}$ части годовых расходов правительства в чужих странах».

Итак, мы *имеем* теперь стандарт для банкноты в 1 ф. ст. Это — процент с 33 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. в трехпроцентных фондах. В каких же деньгах выплачивается этот процент? Потому что именно *они* должны быть стандартом. Держатель 33 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. в фондах получает в банке однофунтовую банкноту. Таким образом, согласно теории практического человека единственной стандартной мерой, с помощью которой можно измерить обеспечение банкнот, являются банкноты.

Из боченка рома отлили 16% и вместо рома влили воду. Каким способом пытается г-н Бозанкет вскрыть фальсификацию? С помощью образчика фальсифицированной жидкости, взятой из того же боченка!

Нам говорят дальше, что «если Английский банк действительно владеет большим запасом золота или имеет его хотя бы на 6 или 7 млн., то лучшее употребление, которое можно сделать из него, это изъять все банкноты ниже 5 ф. ст. и не выпускать больше банкнот этой категории».

Каким образом могли бы банкиры и фабриканты производить свои мелкие платежи, если бы золото, частично выпущенное таким образом в обращение, вывозилось и переплавлялось при современном вексельном курсе и цене слитков? Если бы Английский банк не выпускал мелких банкнот и банкиры и фабриканты не могли бы получать гинеи за крупные, они вынуждены были бы совершенно прекратить такие платежи. Чем больше я размышляю об этом предмете, тем больше убеждаюсь, что против этого зла не существует другого верного средства, кроме уменьшения количества банкнот.



ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ПОЛЬЗУ ЭКОНОМНОГО
И УСТОЙЧИВОГО ДЕНЕЖНОГО
ОБРАЩЕНИЯ, А ТАКЖЕ
ЗАМЕЧАНИЯ
О ПРИБЫЛИ
АНГЛИЙСКОГО БАНКА,
ПОСКОЛЬКУ ОНА СВЯЗАНА
С ИНТЕРЕСАМИ ГОСУДАРСТВА
И СОБСТВЕННИКОВ
КАПИТАЛА БАНКА.



второе издание



ЛОНДОН
1816



ВВЕДЕНИЕ

В ближайшую сессию парламента будут обсуждаться следующие важные вопросы, касающиеся Английского банка:

1. Должен ли Английский банк платить по своим банкнотам звонкой монетой по требованию держателей?

2. Должно ли быть внесено какое-либо изменение в условия соглашения, заключенного в 1808 г. между правительством и Английским банком по вопросу об управлении делами национального долга?

3. Какое вознаграждение получит публика за громадные суммы вкладов, из которых Английский банк извлекает прибыль?

Первый из этих вопросов значительно превосходит по своему значению остальные, но по вопросу о денежном обращении и законах, которыми оно должно регулироваться, было написано уже так много, что я не стал бы беспокоить читателя дальнейшими замечаниями на эти темы, если бы не считал, что мы могли бы с большой пользой установить более экономный способ производства наших платежей. А чтобы объяснить этот способ, необходимо дать предварительно краткое изложение некоторых основных начал, составляющих законы денежного обращения, и защитить их от некоторых из выдвигаемых против них возражений.

Хотя значение двух остальных вопросов не столь велико, однако в эпоху, когда на наши финансы производится такое давление, когда экономия так важна, они все же заслуживают серьезного внимания со стороны парламента. Если по рассмотрении вопроса мы увидим, что услуги, оказываемые Английским банком публике, оплачиваются слишком расточительно и что эта богатая корпорация накопила сокровище, которому нет равного,— и притом в большей его части за счет общества, а также благодаря небрежности и снисходительности правительства,—то можно надеяться, что теперь будет заключено лучшее соглашение. Обеспечивая Английскому банку справедливое вознаграждение за ответственность и хлопоты, с которыми сопряжено управление публичным предприятием, это соглашение будет в то же время служить гарантией против хищнического распоряжения общественными ресурсами.

Следует, мне думается, признать, что война, которая так тяжело ложилась на плечи почти всех классов общества, сопровождалась для Английского банка невиданными барышами, причем доходы этой корпорации возрастали пропорционально росту тягот и трудностей всего общества.

Прекращение Английским банком платежей звонкой монетой, явившееся последствием войны, позволило ему повысить количество выпущенных им в обращение банкнот с 12 до 28 млн. ф. ст. и освободило его в то же время от всякой необходимости иметь сколько-нибудь значительный депозит в звонкой монете и в слитках, т. е. ту часть его актива, из которой он не извлекает никакой прибыли.

Война увеличила, кроме того, непогашенный государственный долг, находящийся в ведении Английского банка, с 220 до 830 млн. ф. ст.; таким образом, несмотря на уменьшение процента вознаграждения, он получит в этом году за управление делами по долгу 277 тыс. ф. ст.¹, тогда как в 1792 г. вся его получка по счету долга составляла 99 800 ф. ст.

Войне Английский банк обязан также и увеличением суммы правительственных вкладов. В 1792 г. эти вклады составляли, вероятно, меньше 4 млн. ф. ст. В 1806 г. и после этого года они, как известно, превосходили в общем 11 млн. ф. ст.

Нельзя, мне думается, сомневаться в том, что все услуги, которые Английский банк оказывает государству, могли бы быть выполнены государственными служащими в государственных учреждениях, организованных для этой цели, что дало бы уменьшение или сбережение расходов почти на $\frac{1}{2}$ млн. ф. ст. ежегодно.

В 1786 г. государственные контролеры высказали мнение, что управление делами государственного долга, доходившего тогда до 224 млн. ф. ст., могло бы обходиться правительству меньше чем в 187 ф. ст. 10 шилл. с миллиона. При долге в 830 млн. ф. ст. Английский банк получает 340 ф. ст. с миллиона с первых 600 млн. и 300 ф. ст. с миллиона с остальных 230 млн.

Против методов работы Английского банка по управлению публичным предприятием нельзя по справедливости сделать никаких возражений; знание дела, систематичность, точность отличают каждое его отделение, и мало вероятно, чтобы в этих частностях можно было произвести какие-нибудь изменения, которые могли бы считаться улучшением.

Поскольку государство связано с Английским банком существующим соглашением, возражения будут выдвигаться против всякого изменения в этом отношении. Как бы ни была, по моему мнению, несоответственно мала компенсация, полученная государством от Английского банка за возобновление его хартии в то время и при тех обстоятельствах, при каких размеры этой ком-

¹ См. приложение III.

пенсации были установлены, я не стану отстаивать необходимость пересмотра договора; я позволил бы Английскому банку пользоваться без всяких препятствий всеми плодами такой неосмотрительной и неравной сделки.

Но соглашение, заключенное с банком в 1808 г. относительно управления делами национального долга, не принадлежит, по моему мнению, к соглашению того же типа, и каждая сторона свободна теперь аннулировать его. Соглашение не было заключено на определенный период и не находится в необходимой связи с продолжительностью хартии, составленной за восемь лет перед этим. Находясь в соответствии с положением вещей, существовавшим в эпоху его заключения, или с таким положением, какого можно было ждать в течение ближайших лет после его заключения, оно не имеет уже больше обязательной силы. Именно такое заявление делает г-н Персиваль в следующем месте своего письма Английскому банку, датированного 15 января 1808 г. и написанного в связи с принятием шкалы вознаграждения за управление делами долга, предложенной Английским банком: «Под таким впечатлением,— говорит г-н Персиваль,— я весьма склонен принять предложения банка в менее существенных частях соглашения и поэтому соглашусь на шкалу вознаграждения, предложенную им за управление делами государственного долга, *поскольку оно относится к теперешним условиям или к таким, наступления которых можно ожидать в течение ближайшего времени*». Так как с тех пор прошло восемь лет и непогашенный долг увеличился за это время на 280 млн. ф. ст., то будет ли справедливо утверждать, что аннулировать это соглашение или предложить ввести в него изменения, диктуемые переживаемым временем и новыми условиями, не во власти ни той, ни другой стороны ни теперь, ни потом?

Я очень многим обязан г-ну Гренфеллу; в этой части рассматриваемой проблемы я только повторяю его аргументы и утверждения, почти ничего не прибавляя от себя. Я старался поддержать и своими слабыми силами дело, которое он уже так искусно защищал в парламенте и в котором, как я надеюсь, его дальнейшие выступления увенчаются успехом.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬЗУ ЭКОНОМНОГО И УСТОЙЧИВОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Причины, обуславливающие единообразие орудия обращения, обуславливают и его доброкачественность

Все писатели по вопросу о деньгах согласны, что постоянство стоимости орудия обращения представляет в высшей степени желательную вещь; поэтому всякое улучшение, которое может способствовать продвижению к этой цели, уменьшая число при-

чин изменений стоимости денег, должно быть принято. Но нет возможности выработать такой план, который сохранял бы за деньгами абсолютно неизменную стоимость, потому что стоимость денег будет всегда подвергаться тем же изменениям, каким подвергается стоимость товара, принятого за денежный стандарт.

Пока драгоценные металлы продолжают оставаться стандартом нашего денежного обращения, деньги необходимо должны испытывать те же изменения в стоимости, что и эти металлы. Именно сравнительная устойчивость стоимости драгоценных металлов в течение относительно продолжительных периодов была вероятно причиной предпочтения, отдаваемого им во всех странах в качестве стандартной меры, которой измеряется стоимость других предметов.

Только то денежное обращение может рассматриваться как совершенное, которое имеет неизменную стандартную меру, никогда не отходит от нее и используется с осуществлением самой крайней экономии.

В числе преимуществ бумажного обращения перед металлическим далеко не последним следует считать ту легкость, с которой могут быть изменены его размеры, когда этого требуют нужды торговли и временные условия; оно дает возможность осуществить желательную цель—сохранять за деньгами, поскольку это вообще осуществимо, неизменную стоимость—верным и дешевым способом.

Количество металла, употребляемого в какой-либо стране, имеющей металлическое обращение, в качестве денег при совершении платежей, или количество металла, заместителем которого являются бумажные деньги, если последние употребляются в обращении частью или целиком, должно зависеть от трех обстоятельств: во-первых, от стоимости металла, во-вторых, от суммы или стоимости платежей, подлежащих погашению, и, в-третьих, от степени экономии, осуществляемой при совершении этих платежей.

Стране, где стандартом стоимости является золото, требуется по меньшей мере в 15 раз меньше этого металла, чем требовалось бы ей серебра, если бы она им пользовалась, и в 900 раз меньше, чем требовалось бы ей меди, если бы она употребляла медь; ведь стоимость золота относится к стоимости серебра, как 15 : 1, а к стоимости меди, как 900 : 1. Если бы наименование фунта стерлингов было дано определенному специфическому весу этих металлов, то в одном случае потребовалось бы в 15 раз больше этих фунтов, а в другом—в 900 раз, независимо от того, употреблялись ли бы в качестве денег сами металлы или же они были бы заменены частично или полностью бумажными деньгами. И если страна неизменно употребляет в качестве стандарта один и тот же металл, то требующееся ей количество денег будет находиться в обратном отношении к стоимости этого металла. Предположим, что этим металлом является серебро и что в силу возросшей трудности раз-

работки рудников серебро удвоилось бы в стоимости, — в этом случае для использования его в качестве денег потребовалась бы только половина прежнего количества; но если бы все денежное обращение осуществлялось при помощи бумажных денег, стандартом которых являлось бы серебро, то для поддержания их на уровне слитковой стоимости количество их также должно было бы быть уменьшено вдвое. Таким же путем можно показать, что если бы серебро снова стало дешевле в сравнении со всеми другими товарами, то потребовалось бы удвоенное количество его, чтобы приводить в обращение то же самое количество товаров. Если в какой-нибудь стране число торговых сделок вырастает благодаря росту ее богатства и промышленности, то при неизменной стоимости слитков и одинаковой экономии в использовании денег стоимость последних повысится в силу более интенсивного использования их; она будет неизменно оставаться выше стоимости слитков, если только количество денег не увеличится либо вследствие введения в обращение добавочных бумажных денег, либо благодаря покупке слитков для перечековки их в монету. Больше товаров будет покупаться и продаваться, но по более низким ценам; таким образом, то же самое количество денег будет адекватно возросшему числу сделок, ибо деньги будут приниматься в каждой сделке по более высокой стоимости. Итак, стоимость денег не зависит целиком от их абсолютного количества, но от их количества по отношению к платежам, которые они должны совершать; одни и те же последствия будут обусловлены любой из двух следующих причин: увеличением степени использования денег на $\frac{1}{10}$ или уменьшением на $\frac{1}{10}$, же их количества; и в том и в другом случае стоимость их повысится на $\frac{1}{10}$.

Причиной увеличения количества денег при нормальном состоянии денежного обращения всегда является повышение их стоимости сравнительно со стоимостью слитков; только при таких условиях открывается возможность либо для выпуска дополнительного количества бумажных денег, что всегда приносит прибыль тем, кто их выпускает, либо для извлечения прибыли из отправки слитков на Монетный двор для перечековки их в монету.

Сказать, что деньги имеют большую стоимость, чем слитки или принятый стандарт, значит сказать, что слитки продаются на рынке ниже монетной цены золота, поэтому слитки можно покупать, перечековывать в монету и выпускать как деньги с прибылью, равной разнице между рыночной и монетной ценой золота. Монетная цена его равняется 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. Если же благодаря росту богатства покупается и продается большое количество товаров, то первым следствием этого будет повышение стоимости денег. Теперь не 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. металлических денег будут равны по стоимости унции золота, а 3 ф. ст. 15 шилл., поэтому на каждой унции золота, отправленной на Монетный двор для перечековки в монету, можно получить прибыль в 2 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. Однако это не может долго продолжаться, ибо добавоч-

ное количество денег, которое таким путем введено в обращение, понизит их стоимость; уменьшение же количества имеющихся на рынке слитков также имело бы тенденцией поднять стоимость их до уровня стоимости монеты; в силу одной или обеих этих причин полное равенство их стоимости не замедлило бы восстановиться.

Итак, оказывается, что если бы увеличение размеров денежного обращения происходило за счет монеты, то стоимость как слитков, так и денег была бы по крайней мере временно выше, чем прежде, даже и после того, как количество тех и других достигло бы прежнего уровня. Это обстоятельство, хотя оно часто и неизбежно, создает значительные неудобства, влияя на все прежде заключенные договоры. Но от этих неудобств можно полностью избавиться путем выпуска бумажных денег; поскольку тогда не будет возникать добавочный спрос на слитки, их стоимость будет оставаться неизменной, стоимость же новых бумажных денег, так же как и старых, будет соответствовать стоимости слитков.

Следовательно, кроме всех других преимуществ, какие дает употребление бумажных денег, надлежащее регулирование их количества обеспечивает неизменность стоимости средств обращения, в которых совершаются все платежи, в такой степени, какая не может быть достигнута никакими другими средствами.

Поскольку стоимость денег и сумма платежей остаются без изменения, количество требующихся денег должно зависеть от степени экономии, осуществляемой в их использовании. Если платежи производятся чеками на банкиров, то деньги лишь списываются с одного счета и приписываются к другому, причем размеры таких операций могут составлять ежедневно миллионы, банкнот же или монеты употребляется тогда очень мало или совсем не употребляется; но если это не так, то денег потребуется значительно больше, или, что то же самое по своим последствиям, то же количество денег будет обращаться по значительно возросшей стоимости и будет поэтому адекватно дополнительной сумме платежей.

Итак, всякий раз, когда купцы перестают питать доверие друг к другу и воздерживаются от сделок в кредит или принятия в уплату чеков, банкнот или векселей, возникает большой спрос на деньги, все равно, бумажные или металлические. Преимущество бумажно-денежного обращения, если оно установлено на правильных началах, состоит в том, что добавочное количество бумажных денег может быть быстро введено в обращение, не вызывая какого-нибудь изменения в стоимости всех обращающихся денег по сравнению со слитками или с каким-нибудь другим товаром. При системе же металлического обращения добавочное количество денег не может быть введено в обращение так быстро; когда же оно в конце концов налицо, то стоимость всех находящихся в обращении денег, а также и слитков, уже повышена.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

*Использование какого-нибудь товара в качестве стандарта стоимости.—
Рассмотрение возражений против такой возможности*

Во время недавней дискуссии по вопросу о слитках совершенно справедливо утверждали, что, для того чтобы деньги были вполне совершенным орудием обращения, они должны обладать абсолютно неизменной стоимостью.

Но, кроме того, говорили также, что наши деньги стали таким орудием благодаря закону о приостановке размена, так как с помощью этого закона мы мудро разжаловали золото и серебро как стандарт наших денег. Указывали также, что изменение стоимости банкноты в 1 ф. ст. в зависимости от изменения стоимости определенного количества золота было на деле, да и должно было быть не большим, чем в зависимости от изменения стоимости всякого другого товара. Идея денежного обращения без специфической стандартной меры была, мне кажется, впервые выдвинута сэром Джемсом Стюартом¹, но никто не смог еще до сих пор предложить какой-нибудь критерий, с помощью которого мы могли бы удостоверить неизменность стоимости таких денег. Те, кто поддерживал это мнение, не видели, что стоимость таких денег не только не была бы неизменной, но была бы, наоборот, подвержена величайшим колебаниям; они не видели также, что единственной целью введения постоянного стандарта стоимости является регулирование количества, а тем самым и стоимости средств обращения и что без такого стандарта они испытывали бы все колебания, на которые их осудили бы невежество или интересы тех, кто их выпускает.

Указывали, правда, что о стоимости средств обращения можно судить не по отношению ее к стоимости одного товара, а к стоимостям массы товаров. Но допустим, хотя такое допущение и невозможно, что эмиссионеры бумажных денег согласны регулировать количество обращающихся денег при помощи такого критерия. Они, однако, не имели бы все же возможности сделать это; вспомним, что товары постоянно изменяются в стоимости по отношению друг к другу и что при наличии такого изменения невозможно установить, какой товар увеличился в стоимости, какой уменьшился; нужно следовательно признать, что предлагаемый критерий совершенно бесполезен.

Стоимость некоторых товаров повышается в результате налогового обложения, редкости сырого материала, из которого они выделяются, или в силу каких-либо других причин, увеличивающих трудность их производства. Наоборот, стоимость других

¹ Работы сэра Джемса Стюарта по вопросу о монете и деньгах весьма поучительны; приходится поэтому удивляться, что он мог разделять вышеуказанное мнение, находящееся в таком прямом противоречии с общими началами, которые он пытался установить.

уменьшается вследствие усовершенствования машин, лучшего разделения труда, более высокого искусства рабочего, большего изобилия сырого материала и вообще большей легкости производства. Чтобы определить стоимость обращающихся денег при помощи предложенного критерия, было бы необходимо сравнить ее последовательно со стоимостью тысяч товаров, обращающихся в обществе, учитывая действие, которое могло быть произведено на стоимость каждого из них вышеуказанными причинами. Сделать это очевидно невозможно.

Предположение, что рассматриваемый критерий был бы полезен на практике, возникает в силу непонимания разницы между ценой и стоимостью.

Цена товара—это его меновая стоимость, выраженная только в деньгах.

Стоимость же товара измеряется количеством всех других вещей, на которые он обычно обменивается.

Цена товара может подняться, в то время как стоимость его падает, и vice versa. Цена шляпы может повыситься с 20 до 30 шилл., но на 30 шилл. нельзя получить столько чая, сахара, кофе и всяких других вещей, сколько их можно было получить прежде на 20 шилл., следовательно нельзя их получить столько за шляпу. Таким образом, стоимость шляпы понизилась, хотя цена ее повысилась.

Нет ничего легче, как установить изменение цены, нет ничего труднее, как установить изменение стоимости; ясно, что без неизменной меры стоимости, а такой не существует, невозможно установить с какой-либо достоверностью или точностью изменение стоимости.

Шляпа может обмениваться на меньшее количество чая, сахара и кофе, чем прежде, но в то же самое время она может обмениваться на большее количество металлических изделий, обуви, чулок и т. д. Разница же в сравнительной стоимости этих товаров может возникнуть либо при неизменной стоимости одного из них и увеличении, хотя и в различной степени, стоимости двух других, либо при неизменной стоимости первого и понижении стоимости двух других, либо, наконец, при одновременном изменении стоимости всех трех товаров.

Если мы говорим, что стоимость должна измеряться удовлетворением, которое собственник товара может получить благодаря обмену его, то мы так же мало в состоянии измерить стоимость, ибо два человека могут извлечь очень различные степени удовлетворения из владения одним и тем же товаром. В вышеуказанном примере стоимость шляпы покажется упавшей тому, кто получал удовлетворение от приобретения чая, кофе и сахара, и повысившейся тому, кто предпочитает получить обувь, чулки и металлические изделия.

Итак, товары вообще не могут стать стандартом для регулирования количества и стоимости денег; хотя общепринятый стан-

дарт, а именно золото и серебро, тоже имеет некоторые неудобства, порождаемые теми изменениями их стоимости, которым они подвергаются в качестве товаров, эти неудобства в действительности совершенно ничтожны в сравнении с теми, которые мы испытывали бы, если бы приняли рекомендуемый план.

Когда золото, серебро и почти все другие товары поднялись в течение последних 20 лет в цене, то, вместо того чтобы объяснить это повышение, хотя бы частично, падением стоимости бумажных денег, защитники теории абстрактного денежного обращения всегда находили какое-нибудь другое достаточное основание для изменения цен. Золото и серебро поднялись в цене потому, что их было мало, а спрос на них был очень велик, так как надо было оплатить колоссальные армии, тогда комплектовавшиеся. Другие же товары повысились в цене потому, что они были обложены налогами непосредственно или косвенно, или потому, что благодаря ряду неурожайных лет и трудностям ввоза значительно повысилась стоимость хлеба, согласно же разбираемой теории это неизбежно должно повысить цены товаров. По мнению авторов этой теории, единственными вещами, стоимость которых не изменилась, были банкноты; последние являются поэтому исключительно пригодными для измерения стоимости всех других вещей.

Если бы повышение цен составляло 100%, то и в этом случае можно было бы отрицать, что средства обращения имеют какое-либо отношение к этому повышению; оно могло бы опять-таки быть приписано тем же причинам. Аргумент этот несомненно надежен, потому что его нельзя опровергнуть. Когда изменяется относительная стоимость двух товаров, нет возможности сказать с достоверностью, повысилась ли стоимость одного или упала стоимость другого, так что если бы мы ввели у себя деньги, не имеющие определенного стоимостного стандарта, то обесценению их не было бы никакого предела. Притом же обесценение и не могло бы быть доказано, так как всегда можно было бы утверждать, что товары повысились в стоимости, деньги же не понизились.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Стандарт стоимости денег и его несовершенство.—Падение стоимости денег ниже стандартной, не уравновешиваемое подъемом ее выше стандарта.—Последствия таких колебаний.—Соответствие стоимости бумажных денег стандарту обязательно

При наличии металлического денежного стандарта стоимость денег подвергается только таким изменениям, какие испытывает стандарт как таковой; но против таких изменений не существует никакого средства, и последние события показали, что в течение периодов войны, когда золото и серебро употребляются для содержания огромных армий вдали от родины, подобные изменения гораздо более значительны, чем это вообще допускалось. Само допущение показывает только, что золото и серебро не являются такой

хорошей стандартной мерой стоимости, как это предполагалось до сих пор, ибо сами они подвергаются большому изменению, чем это желательно по отношению к стандартной мере. И все-таки они представляют лучший из всех известных нам стандартов. Если бы можно было найти какой-нибудь другой товар, стоимость которого менее изменчива, он мог бы по праву быть принят за будущий стандарт наших денег при условии, что он имел бы все другие качества, делающие его пригодным для этой цели. Но пока эти металлы остаются стандартом, обращающиеся деньги должны соответствовать ему в своей стоимости; каждый раз, когда такое соответствие нарушается и рыночная цена слитков подымается выше их монетной цены, деньги, находящиеся в обращении, обесценены. Это положение не встретило возражений и не может быть оспариваемо.

Много неудобств проистекает от употребления в качестве стандарта наших денег двух металлов, поэтому в течение долгого времени люди спорили о том, какой из них—золото или серебро—закон должен объявить главным или единственным стандартом денег. В пользу золота можно сказать, что большая стоимость его при меньшем объеме делает его в высшей степени удобным стандартом в богатой стране; однако именно это качество подвергает его стоимость большому изменению в периоды войны или широко распространяющегося нарушения коммерческого доверия; в такие периоды золото нередко собирается и накапливается в виде сокровища. Это обстоятельство может быть выдвинуто как аргумент против его употребления. Единственным возражением против применения серебра в качестве стандарта является его объем, который делает его непригодным для крупных платежей, требующихся в богатой стране; но это возражение полностью устраняется при замещении серебра бумажными деньгами как общим средством обращения страны. Серебро к тому же имеет более постоянную стоимость вследствие того, что и спрос на него и предложение его более регулярны; поскольку же все чужие страны регулируют стоимость своих денег стоимостью серебра, совершенно несомненно, что в качестве стандарта серебро в общем предпочтительнее золота и должно постоянно применяться для этой цели.

Можно, быть может, *представить* себе лучшую систему денежного обращения, чем та, которая существовала у нас до издания последних законов, сделавших банкноты законным платежным средством; однако, до тех пор пока закон признавал определенный стандарт стоимости денег, пока Монетный двор был открыт всякому, кто приносил туда золото и серебро для перчеканки в монету, предел падения стоимости денег определялся только падением стоимости драгоценных металлов. Если бы золото сделалось так же изобильно и дешево, как медь, банкноты неизбежно обесценились бы в той же мере и все те, чья собственность состоит целиком из денег,—как, например, держатели билетов казначей-

ства, лица, учитывающие купеческие векселя, держатели государственных фондов или владельцы ипотек, получающие все свои доходы от аннуитетов, и многие другие,—испытывали бы все бедствия обесценения. Будет ли тогда справедливо утверждать, что при повышении стоимости золота и серебра стоимость денег должна быть удержана на прежнем уровне принудительным путем с помощью аппарата законодательства, тогда как для предупреждения падения стоимости денег при падении стоимости золота и серебра не принимаются и никогда не принимались какие-нибудь меры? Раз владелец денег подвергается всем неудобствам, связанным с падением стоимости его собственности, то он должен также пользоваться выгодами от повышения ее стоимости. Если бумажно-денежное обращение без стоимостного стандарта представляет улучшение, то следует доказать, что это так, и отказаться тогда от стандарта; но нельзя сохранять такое бумажное обращение только в ущерб и никогда к выгоде класса лиц, владеющих одним из тысяч обращающихся в обществе товаров, из которых, кроме денег, ни один не подчинен подобной необходимости.

Лица, имеющие право выпуска бумажных денег, должны регулировать свои эмиссии, руководствуясь исключительно ценой слитков, а не количеством выпущенных ими в обращение бумажных денег. Это количество не может быть ни слишком велико, ни слишком мало до тех пор, пока деньги сохраняют такую же стоимость, какую имеет принятый стандарт. Деньги должны, наоборот, стоить скорее *больше*, чем слитки, ибо это дало бы компенсацию за маленькую отсрочку, длянущуюся до возвращения денег на Монетный двор в обмен на слитки. Эта отсрочка эквивалентна незначительной пошлине за чеканку; чеканные же деньги или банкноты, представляющие их, должны быть в своем естественном и совершенном состоянии ровно настолько же дороже слитков. Английский банк терпел в прежнее время значительные потери, потому что не обращал должного внимания на этот принцип. Он снабжал страну всей необходимой для нее чеканной монетой и следовательно покупал на свои банкноты слитки, чтобы отправлять их на Монетный двор для перечеканки. Если бы, ограничивая количество банкнот, он удерживал их на несколько более высоком уровне стоимости, чем стоимость слитков, то благодаря дешевизне своих закупок он покрывал бы все расходы по куртажу и очистке металла, включая справедливое вознаграждение за отсрочку на Монетном дворе.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Способ довести английское денежное обращение до возможного совершенства

В ближайшую сессию парламента снова будет обсуждаться вопрос о денежном обращении. Вероятно тогда будет установлен срок для возобновления платежей звонкой монетой, а это заста-

вит Английский банк уменьшить количество выпускаемых бумажных денег до такого предела, при котором стоимость их будет соответствовать стоимости слитков.

Хорошо регулируемое денежное обращение является огромным усовершенствованием в торговых сношениях, и я очень сожалел бы, если бы предрассудки побудили нас вернуться к менее полезной системе. Введение драгоценных металлов в качестве денег можно поистине рассматривать как один из наиболее важных шагов в деле усовершенствования торговли и ремесл цивилизованной жизни; но не менее верно также, что с развитием знания и науки мы делаем новое открытие: изгнание драгоценных металлов из той области, где они использовались с такой выгодой в течение менее просвещенного периода, является дальнейшим усовершенствованием.

Если бы Английский банк был снова призван оплачивать свои банкноты звонкой монетой, то последствием этого было бы значительное уменьшение прибыли банка без соответственного выигрыша для какой-либо другой части общества. Если бы те, кто пользуется банкнотами достоинством в 1, 2 или даже 5 ф. ст., могли бы пользоваться вместо них по желанию гинейми, то нет никакого сомнения в том, что именно они предпочли бы; таким образом, чтобы удовлетворить простую прихоть, весьма дорогое средство обращения заменило бы менее ценное.

Наряду с потерями Английского банка, которые должны рассматриваться как потери для общества, так как общее богатство (wealth) составляется из индивидуальных богатств (riches), государство должно было бы производить бесполезные расходы на чеканку, и при всяком падении вексельного курса гиней переплавлялись и вывозились бы.

Обеспечить население от всяких других изменений стоимости денег, кроме тех, которым подвергается стандартный денежный материал, и в то же время удовлетворять впредь нужды обращения с помощью наименее дорогого средства его значит довести наше денежное обращение до последней степени совершенства. Мы пользовались бы всеми выгодами такого совершенного денежного обращения, если бы на Английский банк была возложена обязанность выдавать в обмен на банкноты не гиней, а слитки золота или серебра установленной Монетным двором пробы и цены. Благодаря этому падение курса банкнот ниже стоимости слитков сопровождалось бы немедленным ограничением их количества. Чтобы предупредить повышение цены банкнот выше стоимости слитков, следовало бы также обязать банк выдавать банкноты в обмен на золото стандартной пробы по цене в 3 ф. ст. 17 шилл. за унцию. Чтобы избавить банк от всякой лишней работы, количество золота, которое может быть истребовано в обмен на банкноты по монетной цене, т. е. по 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. за унцию, или количество золота, которое может быть продано банку

по цене в 3 ф. ст. 17 шилл., не должно быть меньше 20 унций. Другими словами, Английский банк был бы обязан покупать любое количество предлагаемого ему золота, если оно не меньше 20 унций, по 3 ф. ст. 17 шилл. за унцию¹ и продавать любое количество его, какое у него могли бы потребовать, по 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. за унцию. Так как Английский банк имеет возможность регулировать количество своих банкнот, он не будет испытывать никаких неудобств благодаря такому постановлению.

Самая полная свобода должна быть предоставлена в то же время для вывоза и ввоза всякого вида слитков. Операции со слитками были бы очень немногочисленны, если бы Английский банк регулировал свои ссуды и эмиссии, руководствуясь критерием, о котором я так часто упоминал, а именно ценой слитков стандартной пробы, и не считаясь с абсолютным количеством банкнот, находящихся в обращении².

Цель, которую я имею в виду, была бы в значительной мере достигнута, если бы Английский банк был обязан выдавать в обмен на предъявляемые ему банкноты слитки установленной цены и пробы, хотя в то же время он не был бы обязан покупать любое количество предлагаемых ему слитков по определенной цене, особенно если Монетный двор оставался бы открытым для чеканки монеты по требованию частных лиц; ведь предлагаемая мною мера ставит себе лишь одну цель: устранить отклонения стоимости денег от стоимости слитков больше, чем на ничтожную разницу между ценами, по которым Английский банк продавал и покупал бы золото. Она, таким образом, приблизила бы нас к тому постоянству стоимости денег, которое считается столь желательным.

Если бы Английский банк сократил произвольно количество своих банкнот, стоимость их повысилась бы и золото, повидимому,

¹ Цена в 3 ф. ст. 17 шилл., о которой говорится в тексте, конечно, цена произвольная. Можно было бы, пожалуй, привести доводы в пользу небольшого повышения или небольшого понижения ее. Назвав цену в 3 ф. ст. 17 шилл., я хотел только дать иллюстрацию к общему положению. Цена должна быть фиксирована таким образом, чтобы продавец золота предпочел скорее продать его Английскому банку, чем отправить на Монетный двор для чеканки.

То же самое замечание относится и к выбранному мною минимуму в 20 унций. Могут найтись основания для установления минимума в 10 или 30 унций.

² Я уже отметил, что, по моему мнению, серебро является самым лучшим стандартом наших денег. Если бы оно было признано таковым законом, Английский банк был бы обязан покупать или продавать только серебряные слитки. Если бы денежным стандартом было исключительно золото, Английский банк должен был бы продавать и покупать только золото; но если оба металла продолжают считаться стандартами, каковыми они и являются в настоящее время по закону, то Английский банк должен был бы иметь право решать, какой металл он будет давать в обмен на свои банкноты; на серебро же следовало бы установить цену несколько ниже той, по которой он не имел бы права отказываться от покупки серебра.

понижилось бы в своей стоимости ниже того уровня, по которому Английский банк должен был покупать его согласно моему предложению. В этом случае золото могло бы быть отправлено на Монетный двор. Превратившись в монету и будучи введено в обращение, оно понизило бы стоимость денег, и последняя снова соответствовала бы установленному уровню. Все это сопровождалось бы, однако, ббльшим риском, стоило бы дороже и совершилось бы не так легко, как с помощью предложенного мною способа, против которого Английский банк ничего не может возразить, так как ему гораздо выгоднее снабжать обращение банкнотами, чем обязать других снабжать его монетой.

При такой системе и таком регулировании денежного обращения Английский банк никогда не испытывал бы никаких затруднений, кроме тех, которые возникают при чрезвычайных условиях, когда паника охватывает всю страну и каждый стремится иметь драгоценные металлы, как наилучшее орудие для реализации или сокрытия имущества. Против такой паники банки не имеют гарантии *ни при какой системе*. Они подвержены ей по самой своей природе, так как ни в Английском банке, ни в стране никогда не может быть такого количества металлических денег или слитков, какое имеют право потребовать владельцы денег данной страны. Если бы все они в один и тот же день истребовали свои вклады у банкиров, то даже в несколько раз большее количество банкнот, чем то, которое находится теперь в обращении, оказалось бы недостаточным для удовлетворения этих требований. Причиной кризиса 1797 г. именно и была паника такого рода, а не, как тогда предполагалось, большие ссуды, которые Английский банк выдал в ту пору правительству. Ни Английский банк, ни правительство не заслуживали в то время порицания. Неосновательные опасения пугливой части общества распространились с быстротой эпидемии и вызвали натиск на этот банк. Этот натиск все равно имел бы место, если бы даже Английский банк не выдавал никаких ссуд правительству и имел вдвое больший капитал. Если бы Английский банк продолжал платить звонкой монетой, то паника вероятно улеглась бы раньше, чем истощилась его металлическая наличность.

Если принять во внимание те взгляды, которыми руководились директора Английского банка при выпуске бумажных денег, то следует признать, что они пользовались своими полномочиями довольно сдержанно. Они очевидно применяли свои собственные принципы с величайшей осторожностью. В силу существующих законов они имеют право увеличить или уменьшить размеры денежного обращения, во сколько раз они считают нужным, без какого-либо контроля; такое право не должно быть предоставлено ни государству, ни кому-либо в государстве; если увеличение или уменьшение количества обращающихся денег зависит только от воли тех, кто имеет право выпуска их, то исчезает всякая гаран-

тия постоянства их стоимости. Что Английский банк имеет возможность сократить обращение до минимальных размеров, не будут отрицать даже те, кто вместе с директорами его считают, что последние не имеют власти бесконечно увеличивать количество обращающихся денег. Лично я вполне убежден в том, что Английский банк не желал, да и не имел никакой выгоды воспользоваться своею властью в ущерб интересам публики; однако, представляя себе те вредные последствия, которые могут быть вызваны внезапным и сильным сокращением обращения, равно как и сильным увеличением его, я могу только отнестись с порицанием к той легкости, с какой государство вооружило этот банк такой страшной прерогативой.

Неудобства, которым подвергались провинциальные банки до приостановки размена банкнот, были, должно быть, временами очень велики. Во все тревожные моменты или в период ожидания тревоги они были вынуждены скапливать гинеи, чтобы быть готовыми ко всяким могущим возникнуть требованиям. В этих случаях провинциальные банки получали гинеи у Английского банка в обмен на крупные банкноты и поручали их доставку в провинцию за свой счет и риск какому-нибудь доверенному агенту. Выполнив функцию, для которой они предназначались, гинеи возвращались обратно в Лондон и по всей вероятности опять попадали в Английский банк, если только они не испытали такой потери в весе, которая ставила их ниже законного стандарта.

Если бы предлагаемый нами план оплаты банкнот слитками был принят, то необходимо было бы или распространить ту же самую привилегию на провинциальные банки или сделать банкноты Английского банка законным платежным средством. В последнем случае не требовалось бы никакого изменения в законодательстве о провинциальных банках, так как они были бы обязаны, точно так же как и теперь, выдавать по востребованию банкноты Английского банка в обмен за свои.

Экономия, которая получалась бы вследствие этого, была бы очень значительна: гинеи не теряли бы части своего веса от трения, которому они подвергаются во время своих непрерывных странствований, а кроме того, были бы сбережены расходы по их пересылке. Но гораздо большие выгоды дало бы снабжение как провинциального, так и лондонского денежного обращения, особенно поскольку речь идет о мелких платежах, таким дешевым орудием его, как бумага, вместо дорогостоящего золота. Таким образом, страна получила бы прибыль, какую можно было бы извлечь при производительном использовании капитала, равного сбереженной сумме. Мы, конечно, не имели бы никакого основания отказать от такой безусловной выгоды, если только нам не были бы указаны какие-нибудь специфические неудобства, которыми могло бы сопровождаться пользование более дешевым орудием обращения.

Много и дельно писали у нас о выгодах, которые дает стране свобода торговли, предоставляющая каждому человеку возможность использовать свои таланты и свой капитал, как ему кажется лучшим, не будучи стесненным никакими запретами. Аргументация, выдвигаемая в защиту свободы торговли, настолько неотразима, что она с каждым днем завоевывает все новых последователей. Я с удовольствием наблюдаю продвижение этого великого принципа в той среде, где можно было ожидать самой упорной приверженности к старым предрассудкам. В представленных парламенту петициях об отмене хлебных законов выгоды ничем не ограниченной свободы торговли были признаны вообще всеми. Никто, однако, не сделал этого так хорошо, как суконщики из Глостершира; убеждение их в нецелесообразности ограничений так велико, что они выразили готовность отказаться от всяких ограничений, могущих иметь место по отношению к их промышленности. Это—принципы, которым можно только желать самого широкого распространения и самого всеобщего применения на практике. Если, однако, чужеземные народы недостаточно просвещены, чтобы принять эту либеральную систему, и захотят по-прежнему сохранять свои запрещения и чрезмерные пошлины на ввоз наших товаров и фабрикатов, то пусть Англия подаст им хороший пример, воспользовавшись сама выгодами свободной торговли; вместо того чтобы отвечать на их запрещения такими же стеснениями, пусть она как можно скорее избавится от всяких следов нелепой и вредной политики.

Денежная выгода, которая явилась бы результатом свободной торговли, очень скоро склонила бы другие государства ввести ту же систему; пройдет немного времени, и все увидят, что путь ко всеобщему процветанию—это возможность для каждой страны найти естественным путем наиболее выгодное применение для ее капитала, ее талантов и ее трудолюбия.

Но как бы выгодна ни оказалась свобода торговли, приходится допустить, что имеются некоторые—очень немногочисленные—исключения, когда вмешательство правительства может принести благодетельные последствия. Г-н Сэй, показав в своем прекрасном труде по политической экономии все выгоды свободы торговли, замечает¹, что вмешательство государства оправдывается только в двух случаях: во-первых, для предупреждения обмана и, во-вторых, для удостоверения факта. Если дело касается испытаний, которым должны подвергаться практикующие врачи, то вмешательство государства отнюдь не является неуместным, ибо для благополучия народа необходимо, чтобы факт приобретения этими врачами известной суммы знаний о болезнях человеческого тела был установлен и удостоверен. То же самое может быть сказано о пробе, пометку о которой правительство делает на изде-

¹ «Economie politique», I, I, ch. 17.

лиях из драгоценных металлов и монете; оно таким образом предупреждает обман и избавляет от необходимости производить при каждой покупке и продаже сложный химический процесс. Та же самая цель имеется в виду при проверке чистоты лекарств, продаваемых дробистами и аптекарями. Во всех этих случаях предполагается, что покупатели не имеют или не могут приобрести достаточные знания для предохранения себя от обмана; правительство вмешивается, чтобы сделать за них то, чего они не в состоянии сделать сами для себя.

Но если общество нуждается в защите против плохой монеты, которая может быть навязана ему при незаконной примеси лигатуры, т. е. в защите, которая при употреблении металлических денег дается правительственной пометкой о пробе, то во сколько раз более необходима такая защита, когда бумажные деньги образуют всю, или почти всю, совокупность средств обращения данной страны? Разве со стороны правительства не непоследовательно использовать свою власть для защиты общества от потери 1 шилл. в гинее и ничего не предпринимать для защиты его от потери всех 20 шилл. в банкноте достоинством в 1 ф. ст.? Для банкнот, выпускаемых Английским банком, правительством дается гарантия, так что весь капитал банка, составляющий свыше $11\frac{1}{2}$ млн. ф. ст., должен будет погибнуть раньше, чем держатели его банкнот пострадают от неосторожности, которую он может совершить. Почему тот же принцип не применяется по отношению к провинциальным банкам? Какое возражение может быть сделано против предъявления тем, кто берет на себя обязательство снабжать публику средствами обращения, требования представить правительству адекватное обеспечение выполнения взятых ими на себя обязанностей? Поскольку люди пользуются деньгами, все они являются участниками торговли; те, чьи привычки и занятия мало приспособлены для изучения механизма торговли, вынуждены все же пользоваться деньгами, хотя они совершенно не умеют установить солидность различных банков, банкноты которых находятся в обращении. Таким образом, мы видим, что люди, имеющие ограниченный доход, — женщины, рабочие и ремесленники всякого рода, — несут часто тяжелые потери от банкротств провинциальных банков, ставших в последнее время более частыми, чем когда-либо прежде. Я отнюдь не намереваюсь судить с пристрастием тех, кто причинил столько разорения и нужды средним и низшим классам народа; однако и самые снисходительные люди должны признать, что в обычной банковской практике неизбежно допускается очень много злоупотреблений, раньше чем банк, обладающий даже весьма умеренными фондами, вынужден отказаться от выполнения своих обязательств; для большинства такого рода банкротств можно, я думаю, установить, что их участники виновны в преступлениях гораздо более тяжелых, чем простое неблагоразумие и неосторожность.

Против этих-то неудобств и надо защитить общество, требуя от каждого провинциального банка вручения правительству или назначенным для этой цели особым уполномоченным депозита, состоящего из билетов государственного займа или других правительственных обязательств и находящегося в определенном отношении к сумме эмиссий данного банка.

Нет никакой необходимости слишком подробно входить во все детали этого плана. Штемпельные марки могут выдаваться на сумму выпускаемых банкнот, как только внесен требуемый депозит; в течение года могут быть установлены определенные сроки, когда все обеспечение или часть его возвращается банку, если он докажет путем ли возвращения погашенных штемпельных марок или каким-либо иным удовлетворительным способом, что банкноты, на которые обеспечение было выдано, не находятся уже больше в обращении.

Ни один солидный провинциальный банк не станет возражать против такой регламентации; напротив, она по всей вероятности будет для него в высшей степени желательна, так как устраним конкуренцию тех, кто имеет в настоящее время так мало оснований выступать против него на рынке.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

*Обычаи, создающие большое количество неудобств для торговли.—
Средства, предлагаемые против них*

Однако и после всех усовершенствований, какие можно осуществить в нашей системе денежного обращения, остается все же одно временное неудобство, которое публика будет испытывать, как это было и до сих пор, при больших выплатах дивидендов государственным кредиторам, производимых раз в три месяца,—неудобство, которое часто давало себя сильно чувствовать и против которого, по моему мнению, легко найти средство.

Национальный долг принял такие колоссальные размеры и проценты, которые выплачиваются по этому долгу раз в три месяца, составляют такую большую сумму, что одна только приемка денег от главных сборщиков налогов и последующее уменьшение количества денег в обращении как раз в периоды, предшествующие выплате процентов по государственному займу, в *январе, апреле, июле и октябре*, порождают на неделю или больше самую острую нужду в средствах обращения. Благодаря разумным мероприятиям и по всей вероятности неограниченному учету векселей как раз в то время, когда эти деньги поступают в казначейство, и принятию мер для получения значительных сумм сейчас же после выплаты дивидендов Английский банк несомненно значительно уменьшил неудобства для торговой части общества. Несмотря

на это, все, кто знаком с денежным рынком, хорошо знают, что в упомянутые мною периоды чувствуется крайне острая нужда в деньгах. Билеты казначейства, которые обыкновенно продаются с премией в 5 шилл. на 100 ф. ст., продаются в такое время настолько ниже их номинальной цены, что путем покупки их и перепродажи после выплаты дивидендов можно получить прибыль в размере 15—20%. Далее разница между ценою билетов государственного займа за наличные и ценою их при уплате через неделю или две доставляет в это время людям, могущим ссудить деньги, прибыль, превосходящую даже прибыль, получаемую от вложения денег в покупку билетов казначейства. Эта острая нужда в деньгах часто сменяется после выплаты дивидендов таким же большим изобилием, так что в течение некоторого времени деньги эти трудно использовать.

Весьма высокое совершенство, которого достигла наша система экономии в употреблении денег, благодаря различным банковским операциям, скорее усугубляет специфическое зло, о котором я говорю, ибо при сокращении количества находящихся в обращении денег в результате усовершенствованных способов производства наших платежей извлечение 1 или 2 млн. ф. ст. из этой сокращенной суммы становится гораздо более серьезным по своим последствиям, так как составляет большую долю всей совокупности обращающихся денег.

Никаких разногласий не может, я полагаю, существовать по вопросу о неудобствах, которым подвергаются промышленность и торговля вследствие такой периодической нужды в деньгах. Но такое единодушие не будет, может быть, иметь места по отношению к средству, которое я хочу теперь предложить.

Пусть Английский банк будет уполномочен правительством выдавать владельцам билетов государственного займа дивидендные свидетельства за несколько дней до того, как главные сборщики налогов обязаны будут произвести уплату по своим балансам в казначейство.

Пусть эти свидетельства будут оплачивать по предъявлении совершенно так же, как теперь.

Пусть день оплаты этих дивидендных свидетельств банкнотами устанавливается совершенно так же, как и в настоящее время.

Если бы день оплаты мог быть назначен при самой выдаче дивидендных свидетельств или до нее, это было бы гораздо удобнее.

Наконец, пусть эти свидетельства принимаются в казначействе от главных сборщиков налогов или от всякого другого лица, которое должно произвести платежи в казначействе, точно так же как принимаются банкноты; лица же, расплачивающиеся этими свидетельствами, должны соглашаться на учет их за то число дней, которое пройдет прежде, чем наступит срок платежа по ним.

Если бы такой план был принят, то не могло бы ощущаться ни особого недостатка в деньгах до выплаты дивидендов, ни особенного изобилия их после нее. Количество денег, находящихся в обращении, не подвергалось бы ни увеличению, ни уменьшению в связи с выплатой дивидендов. Благодаря стимулу личной заинтересованности значительная часть этих свидетельств неминуемо нашла бы свою дорогу в руки тех, кто должен производить платежи в казну, а от них попала бы в казначейство. Таким образом, значительная часть платежей правительству и платежей правительства по государственным займам производились бы без вмешательства банкнот или денег, и нужда в деньгах для этих целей, так жестоко ощущаемая теперь торговыми классами, действительно предупреждалась бы.

Те, кто хорошо знаком с системой экономии, принятой теперь в Лондоне всеми банками, легко поймут, что предложенный здесь план представляет собой только распространение этой системы экономии на группы платежей, к которым она до сих пор не применялась. Для них было бы совершенно излишне приводить еще дальнейшие аргументы в пользу плана, с выгодами которого при других банковских операциях они уже хорошо знакомы.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

Услуги, оказываемые Английским банком государству, оплачиваются чрезмерно высоко.—Средство, предлагаемое против этой переплаты

Г-н Гренфелл привлек недавно внимание парламента к вопросу, имеющему большое значение для финансовых интересов общества. В эпоху, когда налоги, вызванные беспримерными трудностями и расходами войны, ложатся таким тяжелым бременем на народ, столь очевидный ресурс, как указанный им, наверное не останется в пренебрежении.

Из документов, приложенных к предложениям, сделанным г-ном Гренфеллом в парламенте, явствует, что Английский банк имел в своем распоряжении в течение многих лет сумму государственных денег в среднем не меньшую, чем 11 млн. ф. ст., на которую он получал 5%. Единственным вознаграждением, полученным государством за выгоды, извлекаемые так долго Английским банком из его средств, был заем в 3 млн. ф. ст. на срок с 1806 по 1814 г., т. е. на восьмилетний период, из 3% и дальнейший заем в 3 млн. ф. ст., беспроцентный; Английский банк согласился предоставить последний государству в 1808 г. до истечения шестимесячного срока со дня заключения окончательного мирного договора, а в силу акта, принятого во время последней сессии парламента, он был продлен, оставаясь беспроцентным, до апреля 1816 г.

С 1806 до 1816 г., в течение десятилетнего периода, Английский банк получал барыш в 5% ежегодно на 11 млн. ф. ст., что

составляет	5 500 000 ф. ст.
В продолжение того же периода государство получило следующее вознаграждение: разницу между 3 и 5%, или 2% годовых, на 3 млн. ф. ст. в течение восьми лет, что составляет. . . .	480 000 » »
С 1808 до 1816 г. государство пользовалось беспроцентным займом в 3 млн. ф. ст., что при 5% в год составило бы в течение восьми лет .	1 200 000 » »
Итого	4 680 000 ф. ст.
Баланс в пользу банка	3 820 000 » »

Итак, Английский банк получил за 10 лет 3820 тыс. ф. ст., или по 382 тыс. ф. ст. в год, состоя банкиром государства, тогда как все расходы, с которыми связана деятельность соответствующего отделения банка, не превосходят 10 тыс. ф. ст. в год.

В 1807 г., когда эти выгоды были впервые отмечены Комитетом палаты общин, многие сторонники Английского банка, а также г-н Торнтон, один из директоров банка, который был тогда управляющим его, указывали, что барыши банка находятся в соответствии с количеством его банкнот, находящихся в обращении, и что из государственных депозитов банк не извлекал никакой выгоды, кроме лишь возможности удерживать в обращении более значительное количество банкнот. Это заблуждение было полностью разоблачено Комитетом.

Если бы аргумент г-на Торнтона был правилен, то Английский банк вообще не извлекал бы никакой выгоды из депозитов государственных сумм, так как эти депозиты не дают ему возможности удерживать в обращении более значительное количество банкнот.

Предположим, что до поступления в Английский банк каких бы то ни было государственных депозитов сумма его банкнот, находившихся в обращении, составляла 25 млн. ф. ст. и что из обращения их банк извлекал прибыль. Предположим далее, что правительство получило 10 млн. ф. ст. налогов банкнотами и депонировало их в Английский банк в форме бессрочного вклада. Количество обращающихся банкнот немедленно понизилось бы до 15 млн. ф. ст., но прибыль банка оставалась бы точно такой же, как и раньше. Хотя теперь в обращении находилось бы только 15 млн. ф. ст., банк получал бы прибыль с 25 млн. Если же он снова увеличил бы после этого размеры обращения до 25 млн. ф. ст., затратив 10 млн. на учет векселей, на покупку билетов казначейства или авансируя на год платежи по займам держателей временных заемных свидетельств, то разве он не прибавил бы к своим обычным прибылям проценты с 10 млн. ф. ст. даже при условии, что количество выпущенных им в обращение банкнот не было ни разу поднято выше 25 млн.?

Утверждение, что рост суммы государственных вкладов дает Английскому банку возможность увеличить количество его банкнот, находящихся в обращении, не подтверждается ни теорией, ни опытом. Если мы посмотрим, как совершался рост таких вкладов, то увидим, что никогда он не был так значителен, как в период с 1800 по 1806 г., а между тем за это время количество находившихся в обращении банкнот в 5 ф. ст. и выше совершенно не увеличилось. Напротив, с 1807 по 1815 г., когда сумма правительственных вкладов несколько не возросла, количество банкнот в 5 ф. ст. и выше увеличилось на 5 млн. ф. ст.

Ничто не может дать такого полного представления о прибылях Английского банка, получаемых им от правительственных вкладов, как доклад, представленный Комитетом государственных расходов в 1807 г. В докладе говорится:

«В показаниях, относящихся к этой части вопроса, признается, что банкноты, выпускаемые Английским банком, дают прибыль, но повидимому предполагается, что правительственные вклады приносят ее лишь постольку, поскольку они имеют тенденцию увеличивать количество банкнот; ваш же Комитет вполне убежден, что как вклады, так и банкноты одинаково дают и обязательно должны давать прибыль.

Фонды банка, представляющие собою источники прибыли и являющиеся мерой суммы, которую он может ссужать (за одним только вычетом: по счету наличности и слитков), могут быть подразделены на три рубрики.

Во-первых, суммы, полученные от владельцев банка в качестве капитала, вместе с прибавленными к нему сбережениями.

Во-вторых, суммы, полученные от лиц, держащих свою наличность в банке. Эта сумма состоит из балансов счетов по вкладам как правительства, так и частных лиц. В 1797 г. этот фонд со включением всех балансов частных лиц составлял всего 5 130 140 ф. ст., а одни только правительственные вклады составляют уже в настоящее время сумму в 11—12 млн. ф. ст., включая банкноты, депонированные в казначействе¹.

В-третьих, суммы, получаемые взамен банкнот, пущенных в обращение. Первоначально за каждую банкноту должна была даваться соответствующая стоимость, и эта стоимость, получаемая, таким образом, за банкноты, составляет часть общего фонда, отдаваемого займа под проценты. Держатель банкноты ничем не

¹ Некоторые из моих читателей могут не так понять слова «включая банкноты, депонированные в казначействе». Это—банкноты, которые никогда не пускаются в обращение, они также не включаются никогда в представляемые банком отчеты. Они называются в казначействе специальными банкнотами и представляют простые свидетельства (даже не имеющие формы банкнот) об уплате банку казначейством денег, которые ежедневно получают в последнем учреждении. Они представляют следовательно документ на часть правительственных вкладов, помещенных в Английском банке.

отличается по существу от лица, которому банк должен по балансу его счета. Оба они являются кредиторами банка: один из них владеет банкнотой, которая представляет свидетельство о долге, причитающемся ему, другой имеет свидетельство о внесении вклада в банк. *Вся сумма, постоянно отдаваемая в долг под проценты, должна находиться в точном соответствии с общей суммой всех трех фондов за вычетом стоимости наличности и слитков*¹.

Каждое слово этого заявления, по моему мнению, неопровержимо, и принцип, сформулированный Комитетом, дал бы нам непогрешимый ключ к определению чистой прибыли Английского банка, если бы мы знали сумму его сбережений, — его наличность, его слитки, его ежегодные расходы, а также и другие данные о нем нам хорошо известны.

На обороте отчета банк показал, в каких обязательствах были инвестированы эти фонды. За исключением наличности и слитков, а также небольшой суммы в штемпельных марках, все они приносили банку проценты и прибыль.

Из приведенного выше извлечения видно, что в 1807 г. сумма правительственных вкладов составляла от 11 до 12 млн. ф. ст., в то время как в 1797 г. сумма правительственных и частных вкладов составляла всего 5 130 140 ф. ст. Основываясь на этом отчете, г-н Персиваль обратился к Английскому банку от имени государства, требуя участия последнего в добавочной прибыли из этого источника в форме ли ежегодных платежей или беспроцентного займа. После непродолжительных переговоров получен был беспроцентный заем в 3 млн. ф. ст., подлежащий уплате через шесть месяцев после окончательного заключения мира.

Доклад отмечает также непомерное вознаграждение, уплаченное Английскому банку за управление делами национального долга. Государство платило в тот период за это последнее из расчета 450 ф. ст. с миллиона. Комитет установил также, что добавочное вознаграждение за управление делами долга составило в течение десятилетия, закончившегося в 1807 г., благодаря увеличению национального долга больше 155 тыс. ф. ст.; тогда как «количество должностных лиц, фактически занимавшихся этим делом, увеличилось всего лишь на 137 человек, расход на их содержание возрос вероятно с 18 449 до 23 290 ф. ст. в год,

¹ В 1797 г. Английский банк определял состояние своего баланса следующим образом:

Банкноты в обращении	£ 640 000 ф. ст.
Правительственные и частные вклады	5 130 140 » »
Добавочный капитал	3 826 890 » »
	<hr/>
	17 597 030 ф. ст.

На обороте отчета банк показал, в каких обязательствах были инвестированы эти фонды. За исключением наличности и слитков, а также небольшой суммы в штемпельных марках, все они приносили банку проценты и прибыль.

а прибавка к другим постоянным расходам равнялась, должно быть, $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ этой суммы».

После этого доклада с Английским банком было заключено новое соглашение о ведении дел по национальному долгу.

На каждый миллион должно было уплачиваться 450 ф. ст. при условии, что непогашенная капитальная сумма долга превышала 300 млн. ф. ст., но была ниже 400 млн.

На каждый миллион уплачивалось 340 ф. ст., если капитальная сумма превышала 400 млн. ф. ст., но была ниже 600 млн.

На каждый миллион уплачивалось 300 ф. ст. по той части государственного долга, которая превышала 600 млн. ф. ст.

Кроме всех этих доходов Английскому банку уплачивают 800 ф. ст. с миллиона за взимание платежей по займам, 1 тыс. ф. ст. за каждый договор о лотерее и 1 250 ф. ст. с миллиона, или $\frac{1}{8}\%$, за взимание налогов с прибыли, доставляемой имуществом, профессиями и торговлей. Это соглашение с тех пор остается в силе.

Теперь приближается срок, когда деятельность Английского банка подвергнется рассмотрению в парламенте и когда соглашение, касающееся правительственных вкладов, будет закончено уплатой беспроцентного займа в 3 млн. ф. ст., заключенного в 1808 г. Трудно найти следовательно более удобный момент для того, чтобы указать на чрезмерные выгоды, которые были предоставлены Английскому банку по условиям договора, заключенного между ним и г-ном Персивалем в 1808 г. В этом, мне кажется, и состояла главная цель г-на Гренфелла: он хочет привлечь внимание парламента не только к добавочным выгодам, полученным Английским банком со времени соглашения 1808 г., но и к самому соглашению, в силу которого государство платит в настоящее время и платило очень долго в той или иной форме огромные суммы за совершенно неадекватные услуги.

Г-н Гренфелл думает, вероятно, и если это так, то я от души соглашаюсь с ним, что прибыль в 382 тыс. ф. ст. в год (сумма, в какой исчисляются доходы Английского банка от правительственных вкладов за десятилетие, как это указано нами выше—стр. 172—173) значительно превышает справедливое вознаграждение, которое государство должно платить банку за выполнение им простых обязанностей банкира. Это особенно верно, если принять во внимание, что в добавление к этой сумме Английскому банку выплачивается теперь еще 300 тыс. ф. ст. в год за управление делами национального долга, займов и т. д. и сверх всего он пользовался со времени возобновления своей хартии огромной дополнительной прибылью от замещения находившихся в обращении частей металлических и частью бумажных денег полностью бумажными. Эта добавочная прибыль не принималась во внимание в 1800 г., когда было заключено соглашение, ни парламентом, даровавшим эту хартию, ни Английским банком, получившим

ее. Последний может быть при этом лишен значительной части этой добавочной прибыли в случае отмены закона, освободившего Английский банк от оплаты звонкой монетой своих банкнот. При таких условиях следует, по моему мнению, признать, что г-н Персиваль отнюдь не получил в 1808 г. для государства все, на что оно имело право рассчитывать; принимая же во внимание всем известные взгляды канцлера казначейства на право государства участвовать в добавочной прибыли Английского банка, получаемой им от правительственных вкладов, можно надеяться, что теперь мы будем отстаивать условия соглашения более соответствующие интересам государства.

Правда, вышеуказанные суммы, хотя и уплаченные государством, не представляют чистой прибыли Английского банка; из них приходится сделать еще вычет на расходы по той части аппарата банка, которая предназначена исключительно для ведения государственных дел, но эти расходы вероятно не превышают 150 тыс. ф. ст. в год.

Комитет государственных расходов констатировал в 1807 г. в своем докладе палате общин, что «число клерков, которым Английский банк поручал исключительно или главным образом ведение государственных дел, составляло в

1786 г.	243
1796 »	313
1807 »	450

Их оклады колеблются, как полагают, между 120 и 170 ф. ст. в среднем на одного служащего; принимая, что они равны 135 ф. ст.—сумме, превышающей оклады служащих в Южноокеанской компании, общая сумма составит 60 750 ф. ст.

При 150 ф. ст. 67 500 » »
 » 170 » » 76 500 » »

Каждая из двух последних сумм была бы достаточна для организации пенсионного фонда.

Очень умеренное жалование,—продолжает доклад,—получаемое управляющим, заместителем управляющего и директорами, доходит до 8 000 ф. ст.

Случайные расходы могут быть оценены приблизительно в 15 000 » »

Расходы по дополнительным постройкам и ремонту — приблизительно в 10 000 » »

Судебные расходы и потери от мошенничеств и подлогов — приблизительно в 10 000 » »

43 000 ф. ст.

Оклады клерков по самой высокой оценке 76 500 » »

Итого 119 500 ф. ст.

Итак, по самой высокой оценке Комитета расходы по ведению государственных операций составляли в 1807 г., включая всю сумму жалования директоров, случайные расходы, расходы на

дополнительные постройки и ремонт, а также судебные расходы и убытки от мошенничеств и подлогов, 119 500 ф. ст.

Комитет констатировал также, что увеличившиеся расходы Английского банка по управлению государственными операциями составляли по истечении периода в 11 лет (с 1796 по 1807 г.) около 35 тыс. ф. ст. в год при долге, возросшем до 278 млн. ф. ст., т. е. из расчета 126 ф. ст. на миллион. С 1807 г. до настоящего времени непогашенный долг, которым ведаёт банк, возрос приблизительно с 550 млн. ф. ст. почти до 830 млн., или на сумму около 280 млн.,—немногим больше, чем с 1796 по 1807 г.; поэтому, считая опять-таки по 126 ф. ст. с миллиона, аналогичные расходы составили бы тут 35 тыс. ф. ст. Но «так как норма расходов уменьшается по мере расширения масштаба деятельности», я определяю их в 30 500 ф. ст., что вместе с расходами за 1807 г. в 119 500 ф. ст. подымет всю сумму расходов по управлению государственными операциями до 150 тыс. ф. ст. Государственные контролеры пришли в 1786 г. к заключению, что 187 ф. ст. 10 шилл. с миллиона достаточно, чтобы оплатить расходы по управлению делами долга в 224 млн. ф. ст. Расчет, который я только что сделал, дает около 180 ф. ст. с миллиона на долг в 830 млн. ф. ст., что представляет вполне достаточное вознаграждение, если принять во внимание, что долг, как таковой, растет совсем в ином отношении, чем работа, которую вызывает управление его делами.

Итак, предполагая, что расходы составляют около 150 тыс. ф. ст., чистая прибыль, получаемая Английским банком в текущем году от всех его сделок с государством, составит следующую сумму:

Вознаграждение за управление делами национального долга за год, оканчивающийся 1 февраля 1816 г. ¹ . . .	254 400 ф. ст.
За внимание платежей по займам, считая по 800 ф. ст. с миллиона, всего с 36 млн. ф. ст.	28 800 » »
То же за налоги с лотерей	2 000 » »
Средняя прибыль от правительственных вкладов ²	382 000 » »
Вознаграждение за внимание налога на собственность . .	3 480 » »
	<hr/>
	670 680 ф. ст.
Расходы по управлению государственными операциями . .	150 000 » »
	<hr/>
Чистая прибыль банка, уплаченная государством	520 680 ф. ст.

Из этой громадной суммы 382 тыс. ф. ст. доставляются по всей вероятности одними только вкладами; расход этот мог бы быть сбережен для нации, если бы правительство взяло управление этим делом в собственные руки; для этого оно должно было бы

¹ Это вознаграждение вычислено с той суммы долга, какой она была в феврале 1815 г.; с тех пор она увеличилась больше чем на 5 млн. ф. ст. См. приложение.

² См. стр. 172—173.

иметь в своем распоряжении общее казначейство, на которое каждый департамент мог бы выдавать векселя точно так же, как выдают их теперь на Английский банк; иначе говоря, оно должно инвестировать 11 млн. ф. ст.—сумму, какую составляют повидимому в среднем вклады в билетах казначейства и часть какой может быть продана на рынке, если бы в силу каких-нибудь непредвиденных обстоятельств вклады упали ниже этой суммы.

Предложенные г-ном Гренфеллом резолюции¹, относительно которых парламент выскажется в ближайшую сессию, дают краткое резюме фактов, содержащихся в приложенных к его предложению документах, и заканчиваются следующим заключением: «Палата общин рассмотрит в ближайший срок выгоды, извлекаемые Английским банком как из управления делами национального долга, так и из общей суммы балансов государственных денег, остающихся в распоряжении банка, а по истечении срока ныне действующих обязательств заключит с ним такое соглашение, которое будет соответствовать как интересам государства, так и правам, кредиту и устойчивости Английского банка».

Г-н Мэллиш, управляющий Английским банком, также внес свои резолюции на рассмотрение ближайшей сессии парламента. Эти резолюции² признают правильность всех фактов, указанных г-ном Гренфеллом; они упоминают также об одной или двух незначительных услугах, которые Английский банк оказывает государству, одну без вознаграждения³, а другую за меньшее вознаграждение, чем то, какое следовало бы заплатить обыкновенному сборщику налогов. Однако восьмая и девятая резолюции

¹ См. приложение.

² См. там же.

³ Услуга без вознаграждения заключалась в вычислении вычетов из каждого дивидендного свидетельства налогов на собственность.

Другая состояла во взимании взносов у тех, кто платил налог на собственность непосредственно банку, за что последний получал 1 250 ф. ст. с миллиона, или $\frac{1}{8}$ %.

Если бы сборщик налогов ходил из дома в дом за получением этих денег, то он получал бы за это вознаграждение в 5 пенс. с 1 ф. ст., что обошлось бы государству в 58 007 ф. ст. вместо 3 480 ф. ст., уплачиваемых Английскому банку.

Быть может, ни одна часть операций Английского банка не может выполняться с большей легкостью, чем эта последняя, которую особо подчеркивает его правление. Мне кажется, что она отнюдь не оплачивается ниже нормы, а, наоборот, слишком щедро.

Экономия, получаемая государством, состоит на деле в том, что деньги сосредоточиваются в одном центре и их не приходится собирать в разных местах. Но Английский банк повидимому считает, что мерой, которой он измеряет степень умеренности своих требований, является скорее экономия, которую он доставляет своему клиенту, а не справедливое вознаграждение за его собственные хлопоты и расходы. Что скааало бы правление банка об инженере, который, определяя расходы по сооружению паровой машины, принял бы в расчет не стоимость труда и материалов, необходимых для ее сооружения, а стоимость труда, который эта машина предназначена сберечь?

содержат экстраординарную претензию—они повидимому ставят под вопрос право правительства требовать от Английского банка *после погашения займа в 3 млн. ф. ст. в 1816 г.* и вплоть до 1833 г., когда истекает срок его хартии, какую бы то ни было компенсацию за выгоды, извлекаемые банком из правительственных вкладов, или заключить какое-либо новое соглашение относительно размеров вознаграждения, получаемого Английским банком за управление делами национального долга. Эти резолюции гласят:

«8. Закон, изданный в годы 39 и 40-й царствования Георга III, отд. 28, статья 13, постановляет: в течение срока действия хартии Английский банк будет пользоваться всеми привилегиями, прибылями, преимуществами, барышами и выгодами всякого рода, которыми он ныне обладает и пользуется при выполнении им каких-либо операций для государства или по его поручению.

Впредь до возобновления его хартии Английский банк будет использован в качестве государственного банка, который держит у себя наличность всех главных департаментов, получающих государственные доходы, а также ведает и производит государственные расходы и т. д.

9. По истечении срока соглашения, действующего в настоящее время между государством и Английским банком, может оказаться уместным рассмотреть выгоды, извлекаемые банком из его сделок с государством с целью принятия соглашения, соответствующего началам справедливости и доверия, которые должны господствовать во всех сделках между государством и Английским банком»¹.

Что Английский банк указывает теперь на невозможность для

¹ Со времени выхода в свет первого издания этой работы первый лорд казны и канцлер казначейства предложил Английскому банку продлить срок аванса в 3 млн. ф. ст., который подлежал уплате в апреле ближайшего года, еще на два года без процентов, а также авансировать правительству сумму в 6 млн. ф. ст. из 4% на двухлетний неизменный срок и продлить этот срок еще на три года при условии уплаты с шестимесячным предувещанием, сделанным в любое время между 10 октября какого-нибудь года и 5 апреля последующего за ним либо лордами казначейства Английскому банку, либо последним их лордствам. Это предложение было принято общим собранием владельцев капитала Английского банка, созванным 8 февраля для обсуждения его.

На этом общем собрании я обратился с просьбой дать мне некоторые разъяснения о судьбе правительственных вкладов по истечении двухлетнего срока и отметил с одобрением, что Английский банк отступил от своего требования, сформулированного им в вышеприведенных резолюциях и настаивавшего, как мне казалось, на *праве* банка хранить правительственные вклады, не платя за это никакого вознаграждения. Г-н Мэллиш, управляющий Английским банком, возразил на это, что я совершенно не понял смысла этих резолюций, и выразил уверенность, что если я снова внимательно прочту их, то смогу убедиться, что из них нельзя сделать такого вывода. Я рад, что Английский банк отрицает всякое намерение лишить государство выгоды, которой сам он пользовался со времени доклада Комитета государственных расходов; я сожалею, однако, что авторы резолюций выразились так неясно, что последние произвели на меня и других совершенно иное впечатление. Мне все же кажется, что резолюции считают привилегию быть

государства предъявлять к банку благодаря его хартии какие-либо требования об участии в выгодах, приносимых правительственными вкладами и притом *впервые* после всего, что произошло с 1800 г.,—это действительно кажется странным.

Хартия Английского банка была возобновлена в 1800 г. на 21 год со времени истечения ее срока в 1812 г., следовательно срок ее действия окончится теперь не ранее 1833 г. Но с 1808 г. банк не только не заявлял претензии на получение полностью всех выгод, приносимых правительственными вкладами, но еще ссудил в 1806 г. правительству 3 млн. ф. ст. до 1814 г. из 3%, а в 1808 г.—еще 3 млн. ф. ст. до окончания войны без процентов; в последнюю же сессию парламента заем в 3 млн. ф. ст. был продлен без процентов до *апреля* 1816 г. Эти займы были предоставлены именно на основе роста сумм правительственных вкладов.

Комитет государственных расходов, касаясь в своем уже упомянутом мною докладе (1807 г.) займа в 3 млн. ф. ст., предоставленного государству в 1806 г. из 3%, замечает: «Но эта сделка весьма существенна с другой точки зрения: она показывает, что соглашение, заключенное в 1800 г., не рассматривалось ни теми, кто вел переговоры со стороны государства, ни самими директорами Английского банка как барьер против дальнейшего участия государства в прибылях во всех случаях роста прибылей, извлекаемых банком из правительственных вкладов и такого положения государства, при котором *это требование* сделалось бы на тех же основаниях *рациональным и целесообразным*». А каким языком говорил г-н Персиваль в то самое время, когда в результате этого доклада он потребовал и получил заем в 3 млн. ф. ст. до окончания войны? В своем письме управляющему и заместителю управляющего Английским банком, датированном *11 января* 1808 г., он говорит: «Я считаю необходимым заметить, что предложение ограничить срок аванса, сделанного в форме займа и ежегодных взносов в казначейство, периодом длительности настоящей войны и еще 12 месяцами после ее окончания отнюдь не следует понимать как признание мною отсутствия у государства права требовать по истечении этого периода каких-либо выгод от отдаваемых на хранение банку правительственных вкладов; мое предложение следует понимать просто как меру, в силу которой и правительство и банк будут оба иметь возможность выработать новое соглашение, когда обстоятельства в дальнейшем изменятся и вероятно повлияют на размеры государственных средств, находящихся в распоряжении банка».

19 января предложения г-на Персиваля были представлены собранию директоров в более официальной форме; на этот раз они

государственным банкиром закрепленной за Английским банком на срок действия его хартии в силу весьма важных соображений и признают уместным приступить к пересмотру имеющегося соглашения лишь по истечении срока его действия.

заканчиваются следующим образом: «Подраумеется также, что в течение периода, на который этот аванс выдан банком, не будет предложено никакого изменения в общем ходе дел между банком и казначейством и не будет принято никакого постановления, в силу которого суммы, направляемые в настоящее время на основании закона в банк, могли бы быть оттуда изъяты». Предложения эти были рекомендованы к принятию собранием директоров собранию владельцев капитала и были приняты 21 января без всяких прений.

В своем обращении к Английскому банку в *ноябре* 1814 г., относящемся к продлению срока займа в 3 млн. ф. ст., который истекал между 17 декабря следующего года и *апрелем* 1816 г., г-н Ванситтарт употребляет следующие слова: «Но я просил бы понять меня вполне точно: я не отступаю от оговорки, сделанной покойным г-м Персивалем в его письме к управляющему и заместителю управляющего Английским банком от 11 января 1808 г., — оговорки, с помощью которой он предостерегает против возможности каких-либо лжетолкований, могущих лишить государство права требовать по истечении срока, на который был заключен заем, участия в будущих выгодах от продолжения хранения в банке правительственных вкладов в прежнем или большем размере. Вообще я вполне присоединяюсь к взглядам, которые защищал г-н Персиваль в имевшей тогда место дискуссии».

Английский банк не сделал как будто никаких возражений на эти замечания. Было созвано общее собрание владельцев, и заем в 3 млн. ф. ст. был продлен до *апреля* 1816 г.

Со стороны Английского банка было бы очевидно весьма нелюбезно настаивать теперь на том, что соглашение 1800 г. исключает для государства право требовать какое-либо вознаграждение за выгоды, извлекаемые банком от роста правительственных вкладов за последний период; ведь правительство столько раз настаивало на праве участия, и право его каждый раз признавалось собранием директоров.

В дополнение к этим убедительным фактам справка об основаниях для соглашения о возобновлении хартии, изложенных детально г-ном Торнтоном в его показании перед Комитетом государственных расходов в 1807 г.¹, покажет нам еще лучше, что Английский банк не имеет никакого права прикрываться своей хартией, отказываясь допустить государство к участию в прибылях, выросших вследствие увеличения суммы правительственных вкладов.

Следует вспомнить, что г-н Торнтон был в 1800 г. управляющим Английским банком, что он был представителем последнего в переговорах с г-ном Питтом о возобновлении хартии и что в действительности именно у него зародилась мысль о возобновлении

¹ См. «Доклад», стр. 104.

хартии за столь продолжительный срок до истечения ее действия. Г-н Торнтон сказал Комитету, что единственная сумма государственных денег, из которых банк извлекал прибыль и о которых он и г-н Питт говорили с целью определения вознаграждения, следующего государству за продление срока исключительных привилегий, были деньги, внесенные в банк для уплаты растущих дивидендов и для трехмесячных эмиссий за счет комиссаров по погашению национального долга.

Первую из этих сумм г-н Торнтон оценивает в среднем в 2 500 000 ф. ст.¹ А из недавно опубликованного отчета следует, что вторая доходила до 615 842 » »
3 115 842 ф. ст.

Г-н Торнтон категорически заявляет, что остальные государственные счета составляли ничтожную сумму, что «вероятное увеличение суммы денег по счетам различных департаментов правительства не принималось в расчет» и что «такое увеличение не было принято во внимание и в связи с ним не было принято никаких мер».

Таким образом, даже представитель Английского банка признает, что вероятное увеличение государственных счетов не было принято во внимание при определении денежного вознаграждения государству за продление исключительных привилегий банка; а если так, то как может теперь банк утверждать с каким-нибудь на то правом, что прибыль, извлекаемая из этих увеличенных вкладов, «которые не были предусмотрены и в связи с которыми не было принято никаких мер», принадлежит по праву исключительно банку и что государство не имеет ни права участвовать в них, ни взять назад свои вклады из банка, чтобы использовать их так, как оно находит более целесообразным?

Следует отметить, что в своем вышеупомянутом показании г-н Торнтон заявил, что все другие государственные счета, кроме двух вышеприведенных, представляют ничтожную сумму; но из отчетов, представленных в последнюю сессию парламенту, явствует, что в 1800 г., к которому относится показание г-на Торнтон и в котором была возобновлена хартия Английского банка, государственные вклады всех категорий в последний составляли до 6 200 тыс. ф. ст., т. е. превосходили всю сумму, указанную г-ном Торнтоном, на 3 млн. ф. ст., а 3 млн. ф. ст. он вряд ли назвал бы, если бы знал этот факт, «ничтожной суммой».

Таким образом, наличие такого значительного дополнительного вклада не было принято во внимание г-н Торнтоном и Питтом в то время, когда велись переговоры о возобновлении хартии,

¹ Из отчета, представленного парламенту в последнюю сессию, явствует, что сумма билетов казначейства и банкнот, вложенных казначейством на текущий счет, доходила в среднем в течение года, оканчивающегося *мартом* 1800 г., до 3 690 тыс. ф. ст.

и ни одна часть вознаграждения, которое получало тогда государство, не соответствовала этому наличию. А если так, то существование значительных правительственных вкладов в 1800 г. не только не дает банку права удерживать в свою пользу всю прибыль, приносимую теперь еще ббльшими вкладами, но по справедливости заставляет его быть особенно щедрым во всяком новом соглашении, которое он мог бы заключить с государством; это дало бы ему возможность дать возмещение за столь долго получавшуюся им прибыль, которой, надо полагать, он не получал бы, если бы все факты были полностью известны и приняты во внимание в то время, когда устанавливались условия возобновления его хартии.

Но факты эти, были ли они известны или нет, не могли иметь большого значения с точки зрения г-на Торнтон, уверявшего столь решительно, что прибыль Английского банка не возрастала вместе с увеличением суммы правительственных вкладов и что банк выигрывает от этого увеличения лишь потому, что благодаря им он мог увеличить количество банкнот, выпускаемых им в обращение.

Не прискорбно ли видеть, что такая великая и богатая корпорация, как Английский банк, выказывает желание увеличить свои накопления при помощи незаконных барышей, вырванных из рук переобремененного народа? Не следовало ли скорее ожидать, что благодарность за полученную хартию и за непредвиденные выгоды, которые она принесла с собой,—те премии и увеличенные дивиденды, которые банк уже получил, и то большое неделимое сокровище, которое хартия дала ему, кроме того, возможность накопить,—побудит банк добровольно предоставить государству всю прибыль, извлекаемую им из использования 11 млн. ф. ст. государственных денег? Сделать это, вместо того чтобы выражать желание лишиться государство и той малой части этой прибыли, которою оно пользовалось в течение немногих лет?

Когда в 1807 г. обсуждался вопрос о процентном отчислении в пользу Английского банка в оплату за управление делами национального долга, г-н Торнтон сказал, что «в сделке, заключаемой между государством и банком, следует по его убеждению требовать лишь справедливое вознаграждение за хлопоты, риск и фактические потери, а также за большую ответственность, связанную с выполнением таких обязанностей».

Как могло статься, что язык директоров банка в настоящее время так сильно изменился? Вместо того чтобы требовать лишь справедливое вознаграждение за хлопоты, риск и фактические потери, они стараются лишиться государство даже того неадекватного вознаграждения, которое оно получало до этого; они апеллируют теперь впервые к своей хартии для защиты своего права держать у себя государственные деньги и пользоваться всей прибылью, которая может быть извлечена из них без предоставления самого ничтожного вознаграждения государству.

Если бы хартия действительно связывала государство в такой мере, как это утверждает банк, то от крупного публичного предприятия, владеющего такой выгодной монополией и так тесно связанного с государством, можно было ожидать более благожелательной политики по отношению к своим великодушным благодетелям.

До последней сессии парламента Английский банк пользовался также особыми льготами при исчислении той суммы, которую он вносил взамен гербового сбора. В 1791 г. он платил 12 тыс. ф. ст. в год вместо всех гербовых сборов с векселей или с банкнот. В 1799 г., после повышения гербового сбора, эта сумма была увеличена до 20 тыс. ф. ст.; новое повышение в 4 тыс. ф. ст., поднявшее эту сумму до 24 тыс. ф. ст., было введено взамен гербового сбора с банкнот ниже 5 ф. ст., которые банк начал тогда выпускать в обращение. В 1804 г. гербовый сбор, установленный в 1799 г. для банкнот ниже 5 ф. ст., был увеличен не меньше чем на 50%, был также значительно повышен сбор с банкнот более высокого достоинства; но хотя сумма находящаяся в обращении банкнот ниже 5 ф. ст. возросла с $1\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ млн. ф. ст., а сумма банкнот более высокого достоинства также возросла, сумма, уплачиваемая банком вместо гербового сбора, увеличилась только с 24 тыс. до 32 тыс. ф. ст. В 1808 г. произошло дальнейшее повышение ставок гербового сбора на 33%, и отступная сумма повысилась тогда с 32 тыс. до 42 тыс. ф. ст. В том и в другом случае рост этой суммы не соответствовал даже повышению ставок гербового сбора, увеличение же количества банкнот, выпущенных банком в обращение, совершенно не было учтено.

В последнюю сессию парламента при дальнейшем повышении ставок гербового сбора был впервые установлен принцип, согласно которому сумма, уплачиваемая Английским банком взамен гербового сбора, должна находиться в определенном отношении к количеству его банкнот, находящихся в обращении. В настоящее время она определяется следующим образом: исходя из средней суммы банкнот, находившихся в обращении в предшествующие три года, банк должен платить 3 500 ф. ст. с миллиона безотносительно категорий или стоимости банкнот, из которых состоит вся находящаяся в обращении сумма их.

Средняя сумма банкнот, находившихся в обращении в течение трех лет, заканчивающихся 5 апреля 1815 г., равнялась 25 102 600 ф. ст., и с этой средней банк будет теперь платить около 87 500 ф. ст.

В следующем году средняя будет взята за три года, оканчивающиеся в апреле 1816 г., и если она будет отличаться от предыдущей, то общая сумма гербового сбора будет изменена соответственно.

Если бы в настоящее время мы шли тем же путем, что и в 1804 и 1808 гг., то Английский банк должен был бы платить даже с доба-

вочным гербовым сбором только 52 500 ф. ст. Таким образом, для государства была бы сбережена сумма в 35 тыс. ф. ст. в год благодаря тому, что парламент принял, наконец, принцип, который следовало принять еще в 1799 г.; пренебрежение к этому принципу причинило государству убыток, а следовательно доставило банку прибыль на сумму вероятно не меньшую, чем в 500 тыс. ф. ст.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

Прибыль и сбережения Английского банка.—Их ненадлежащее использование.—Предлагаемое средство

Я до сих пор рассматривал прибыль Английского банка с точки зрения интересов государства и старался показать, что она значительно превышала тот уровень, какой могло гарантировать справедливое внимание к правам и интересам банка. Я хочу теперь заняться его прибылью с точки зрения интересов владельцев капитала банка; с этой целью я постараюсь установить базу для исчисления его прибыли и установить точно, как велики в настоящее время его накопленные сбережения. Если бы мы знали в точности расходы Английского банка и сумму наличности и слитков, которые он мог иметь на руках в тот или иной период, мы имели бы возможность сделать соответствующее вычисление, в максимальной степени приближающееся к истине.

Прибыль Английского банка получается из источников, которые хорошо известны. Она происходит, как это уже было показано, из процентов на правительственные и частные вклады, из процентов на сумму его банкнот, находящихся в обращении, за вычетом суммы наличности и слитков, из процентов на его капитал и сбережения, из вознаграждения, получаемого им за управление делами национального долга, из прибыли от сделок со слитками и от уничтожения его банкнот. Все это вместе составляет валовую прибыль банка, из которой следует вычесть лишь его расходы, гербовый сбор и налог на собственность, чтобы установить его чистую прибыль.

В графу расходов должны быть включены все издержки, связанные с управлением делами национального долга, а также издержки, вызываемые ведением собственных дел банка. При оценке первой группы расходов я уже изложил основания, в силу которых они по-моему не могут превосходить 150 тыс. ф. ст. Что касается ведения дел национального долга, то Комитет государственных расходов констатировал, что в 1807 г. этим было занято 450 клерков; число их могло вероятно возрасти в настоящее время до 500—600 человек.

Насколько мне известно, наиболее авторитетные парламентские деятели установили также, что во всех отделах Английского банка

имелось около 1 тыс. клерков; следовательно если 500 из них были заняты исключительно работой по государственным операциям, то операциями самого банка должно было быть занято 500 человек. Предположим теперь, что расходы должны находиться в некотором постоянном отношении к числу работающих клерков; тогда если расход в 150 тыс. ф. ст. соответствует штату в 500 клерков, занятых работой по государственным операциям, то мы можем считать, что такой же расход приходится на остальных 500 клерков; следовательно все расходы банка, включая комиссии всякого рода, составляют в настоящее время около 300 тыс. ф. ст.¹

Однако хотя теперь и расходуется такая значительная сумма, эти расходы должны были возрастать постепенно с 1797 г., когда все расходы банка составляли вероятно не больше половины теперешних. Прежде всего количество банкнот, находившихся в обращении, увеличилось с 1797 г. с 12 млн. до 28 млн. ф. ст., но расходы, связанные с их обращением, выросли не в том же отношении, а увеличились по меньшей мере в отношении 1 : 10.

Сумма банкнот достоинством в 5 ф. ст. и выше увеличилась с 12 млн. до 18 млн., и если бы средняя стоимость банкнот всех категорий свыше 5 ф. ст. не превосходила 15 ф. ст., то находящиеся в обращении 12 млн. ф. ст. состояли бы из 800 тыс. банкнот, а 18 млн. ф. ст.—из 120 тыс. банкнот, что дает увеличение в отношении 1 : 1,5; но 9 млн. банкнот ниже 5 ф. ст., находящиеся теперь в обращении, были все выпущены после 1797 г., и если они состоят из 5 млн. банкнот в 1 ф. ст. и 2 млн. банкнот в 2 ф. ст., то 7 млн. банкнот были прибавлены к обращению позднее; таким образом, все число банкнот увеличилось с 1797 г. с 800 тыс. до 8 200 тыс., или в отношении 1 : 10; при этом расходы, связанные с их выпуском, в 10 раз больше, чем прежде, ибо эти расходы пропорциональны числу, а не общей сумме стоимости банкнот. Весьма вероятно также, что банкноты достоинством в 1 и 2 ф. ст., которые так непрерывно используются в обращении, возобновляются гораздо чаще, чем банкноты более высокой стоимости.

Далее государственный долг, которым ведает Английский банк, более чем удвоился с 1797 г., и расходы соответствующего отделения должны были значительно увеличиться. Эти расходы

¹ Мне было указано, что в моих вычислениях недостаточно принимаются во внимание потери банка от сомнительных долгов, вызываемые случайным учетом малонадежных векселей. Мне говорили, что потери, возникающие таким путем, часто весьма значительны. С другой стороны, мне сообщают, что прибыль банка от частных вкладов, которых я не принял в расчет, должна быть значительна, так как Ост-Индская компания и многие другие общественные предприятия держат свою наличность в Английском банке.

Из прибыли банка следует также вычесть потери, причиненные Аслеттом, и расходы на содержание военной охраны. Для моей аргументации не имеет значения то обстоятельство, что добавочный капитал банка составляет не 13, а только 12 или 11 млн. ф. ст. — *Прим. ко второму изданию.*

возросли с 1796 г., как это уже вычислено, с 84 500 ф. ст. до 150 тыс., или на 65 500 ф. ст.¹

Правительственные вклады также увеличились с 1797 г. по меньшей мере вдвое. Из всего этого я имею право сделать вывод, что расходы Английского банка в 1797 г. не могли превышать 150 тыс. ф. ст. и что они возрастали постепенно, начиная с этого периода, причем приросты составляли примерно 7 тыс. или 8 тыс. ф. ст. ежегодно.

Следующий вопрос, подлежащий рассмотрению, это—вопрос о количестве наличности и слитков в Английском банке; такие данные никогда еще не опубликовывались во всеобщее сведение. Именно эти данные, а также данные об учтенных банком векселях были и являются единственно важными фактами, которые банк скрыл от публики в достопамятный 1797 г. В отчете, представленном парламенту, банк заявлял, что его наличность и слитки, а также учтенные векселя и банкноты составляли в совокупности на 26 февраля 1797 г. сумму в 4 176 080 ф. ст. Он представил также шкалу дисконтов с 1782 по 1797 г. и шкалу наличности и слитков в банке за тот же период. Сравнив эти таблицы друг с другом и с некоторыми разделами показаний, данных банком перед парламентским Комитетом, один тонкий калькулятор полностью открыл секрет, который банк хотел скрыть. Согласно его таблице наличность и слитки в банке упали 26 февраля 1797 г. до минимального размера в 1 227 тыс. ф. ст., тогда как сумма, составлявшая по мнению самого банка достаточную наличность, должна была быть не меньше 4 млн. ф. ст.; такого размера она никогда не достигала после *декабря* 1795 г., хотя до этого года она превышала его иной раз вдвое.

В течение одного или двух лет после прекращения платежей наличными Английский банк должен был употребить большие усилия, чтобы восполнить свои запасы наличности и слитков, так как он отнюдь не был уверен в том, что снова не должен будет платить по своим банкнотам звонкой монетой. Действительно из отчетов, представленных парламенту Монетным двором, видно, что количество золота, перечеканенного в монету в 1797 и 1798 гг., равнялось по своей стоимости сумме весьма немногим меньшей чем 5 млн. ф. ст.²

¹ Комитет государственных расходов исчислил эти расходы для 1807 г. в 119 500 ф. ст. и констатировал, что увеличение с 1796 по 1807 г. составило около 35 тыс. ф. ст.

² Тайный комитет доложил парламенту, что сумма наличности и слитков, имевшаяся в Английском банке в *ноябре* 1797 г., увеличилась по своей стоимости больше чем в пять раз в сравнении с уровнем ее *25 февраля* 1797 г. Он констатировал также, что лондонские банкиры и купцы, которые в силу парламентского акта имели право требовать наличными $\frac{3}{4}$ любого вклада от 500 ф. ст. и выше, внесенного ими в Английский банк после *25 февраля* 1797 г., в действительности потребовали в *ноябре* 1797, г. только около $\frac{1}{11}$.

Какова бы ни была, однако, сумма наличности и слитков, которую Английский банк приобрел в первые два года после прекращения платежей наличными, вполне возможно, что капитал его, начиная с этого периода, уменьшался; он не имел ведь никакого побуждения хранить большую сумму столь непроизводительного капитала, будучи вполне уверенным, что держатели банкнот не станут предъявлять требований на гинеи и что, прежде чем от него вновь потребуют платы звонкой монетой, у него вполне хватит времени для приготовления надлежащего запаса драгоценных металлов. Итак, принимая во внимание все указанные обстоятельства, нельзя считать возможным, чтобы банк увеличил свой запас слитков после крупных чеканок монеты в 1797 и 1798 гг.; весьма вероятно, однако, что этот запас значительно сократился.

Следовательно при оценке прибыли Английского банка, поскольку размеры ее зависят от запасов наличности и слитков, я имею полное основание считать ее более значительной после 1797 и 1798 гг., так как с этого времени банк естественно держал меньшую часть своего капитала в такой непроизводительной форме, а большую следовательно в билетах казначейства или коммерческих акцептах—обязательствах, которые приносят проценты, а потому дают прибыль. В среднем за все 18 лет, с 1797 по 1815 г., сумма наличности и слитков Английского банка не могла достигать большей величины, чем 3 млн. ф. ст., хотя вероятно в течение первого года или первых двух лет она доходила до 4 или 5 млн. ф. ст.

Если же принять все эти условия за предпосылки исчисления, нетрудно будет определить прибыль банка с 1797 г. до настоящего времени, поскольку все факты, необходимые для такого вычисления, известны нам за исключением двух, о которых я только что говорил, т. е. суммы расходов и суммы наличности и слитков; они, однако, не могут сильно отличаться от вычисленных мною сумм.

Произведя расчеты на такой основе, мы находим, что, как это явствует из отчетов, напечатанных в приложении, прибыль и добавочный капитал Английского банка составляли после уплаты всех дивидендов и премий в течение ряда лет следующие суммы (см. табл. на стр. 190).

Если по данным отчетов, на которые я сослался, можно подумать, что я слишком низко оценил расходы Английского банка, то, с другой стороны, можно также указать, что я не принимал во внимание возможную прибыль от вкладов частных лиц. Эти вклады могут быть не очень значительны, так как Английский банк не предоставляет частным лицам такие же льготы, какие дают им другие банкиры. Однако известная прибыль может быть извлечена из этого источника, так же как и из утери и уничтожения банкнот, которые, как это можно предполагать, не включаются спустя некоторое время в сумму, находящуюся в обращении. На покупке серебра и монеты для перечеканки с лажем Английский банк

Год, начинающийся с января	Добавочный капитал (в ф. ст.)	Прибыль после уплаты дивидендов и премий (в ф. ст.)	Дивиденды и премии вместе (в %)
1797 г.	3 826 890	89 872	7
1798 »	3 916 762	533 621	7
1799 »	4 450 383	¹	17
1800 »	3 941 228	611 981	7
1801 »	4 553 209	116 038	12
1802 »	4 669 247	460 509	9½
1803 »	5 129 756	765 859	7
1804 »	5 895 615	306 794	12
1805 »	6 202 409	346 335	12
1806 »	6 548 744	368 008	12
1807 »	6 916 752	581 274	10
1808 »	7 498 026	385 865	10
1809 »	7 883 891	470 760	10
1810 »	8 354 651	651 483	10
1811 »	9 006 134	722 188	10
1812 »	9 728 322	739 867	10
1813 »	10 468 189	809 786	10
1814 »	11 279 975	1 081 649	10
1815 »	12 359 624	1 066 625	—
1816 »	13 426 249	—	—

должен в общем иметь выигрыш, так как стоимость монеты с лажем на рынке обычно ниже той, какую она имела в момент выпуска ее в обращение.

Помимо того Английский банк получает в действительности больше чем 5% за свои деньги, ибо билеты казначейства, принося 3¼ пенса в день, дают в год 5 ф. ст. 6 шилл. 5¼ пенса процентов; при учете же векселей процент немедленно вычитается, употребляется как капитал и сейчас же начинает давать прибыль. Здесь следует отметить, что в течение части того времени, для которого произведены эти расчеты, билеты казначейства приносили в виде процента только 3¼ пенса в день, что составляет 4 ф. ст. 10 шилл. ¼ пенса в год, т. е. несколько меньше 5%.

В *марте* 1801 г., когда между владельцами капитала Английского банка была распределена премия в 5% в пятипроцентных бумагах морского министерства, г-н Тирней сказал в палате общин, что «при расследовании деятельности Английского банка палатой общин в 1797 г. добавочная прибыль рассматривалась кое-чем как обеспечение для выполнения обязательств Английского банка перед государством». Г-н Сэмюэль Торнтон, тогда управляющий банком, ответил на это, что «он может заверить почтенного члена, что гарантия для государства не уменьшится по сравнению с 1797 г. вследствие разделения суммы в 582 120 ф. ст. согласно решению общего собрания 19-го числа текущего месяца, ибо и за вычетом

¹ В этом году имелся убыток в 509 155 ф. ст.

этой суммы добавочная прибыль банка была в настоящее время больше, чем она была в 1797 г.»¹

Рассмотрение отчета, данного в приложении, покажет, что, уплатив все дивиденды и премии владельцам, Английский банк накопил в апреле 1801 г. сбережений на сумму в 3 945 109 ф. ст., превышающую сбережения 1797 г. на 118 219 ф. ст.; это увеличение не находится в противоречии с декларацией г-на Торнтона и подтверждает, таким образом, правильность основы, на которой произведены эти вычисления².

Рассматривая приведенные в приложениях отчеты за следующие годы, мы убедимся, что, начиная с 1801 г., прибыль Английского банка превышала ежегодный дивиденд, выплаченный владельцам, и что в 1815 г. добавочная прибыль за один только этот год должна была достигать до 1 066 625 ф. ст., так что банк мог бы выплатить в этом году дивиденд не в 10, а в 19%.

Оказывается также, что даже при умеренно хорошем ведении дел Английского банка он должен иметь теперь накопленный фонд не меньше чем в 13 млн. ф. ст., который директора банка до сих пор не распределяют между владельцами вопреки совершенно точному языку парламентского акта.

Имея такой накопленный фонд, Английский банк мог бы распределять стопроцентные премии, не затрагивая своего постоянного капитала; если же он мог бы и впредь получать такую же прибыль, как теперь, за вычетом только 523 208 ф. ст. ежегодно, то в случае предложения распределить проценты (за вычетом подоходного налога) на добавочный капитал он все же имел бы в своем распоряжении нераспределенный между владельцами доход в 542 тыс. ф. ст., а это дало бы ему возможность увеличить постоянный дивиденд с 10 до 14 $\frac{1}{2}$ % в дополнение к премии в 100%.

¹ Обращение Эллардайса к владельцам Английского банка. Приложение II.

² Отчеты, приведенные в приложении, составлены с января по январь. Премия, о которой идет речь, была выплачена в апреле 1811 г. Чистая прибыль Английского банка за весь 1801 г. составляла 1 526 019 ф. ст., следовательно: за квартал, оканчивающийся в *апреле*, прибыль могла составить 381 504 ф. ст.
 таковая сумма, будучи прибавлена к добавочному капиталу, имевшемуся на *январь* 1801 г. и равному 4 553 209 » »
 доводит общую сумму добавочного капитала на *апрель* 1801 г. перед уплатой дивидендов и премий до 4 934 713 » »
 за вычетом же полугодичного дивиденда в 3 $\frac{1}{2}$ %, или 407 484 ф. ст.
 и премии в 5%, или 582 120 » » 989 604 » »
 добавочный капитал на *апрель* 1801 г. составит 3 945 109 » »
 и превзойдет добавочный капитал 1797 г., равный. . . . 3 826 890 » »
 на 118 219 ф. ст.

Если бы банк распределил между владельцами только премию в 75%, то он удержал бы за собой добавочный капитал, превышающий капитал 1797 г., и мог бы согласно приведенному выше предположению располагать нераспределенным доходом в 673 тыс. ф. ст.; он мог бы следовательно увеличить свой постоянный дивиденд с 10 до $15\frac{1}{2}\%$ в дополнение к премии в 75%.

Нельзя, однако, ожидать, что в мирное время Английский банк будет располагать такими же возможностями наживать барыши, как во время войны, и владельцы его должны приготовиться к значительному сокращению своего ежегодного дохода. Размеры этого сокращения будут зависеть от нового соглашения, которое должно теперь быть заключено между Английским банком и правительством, от суммы будущих правительственных вкладов и от условий, на которых восстановление платежей звонкой монетой может быть проведено в жизнь. Очевидно, что если план, который я рекомендую в четвертом отделе настоящей работы, будет принят, то прибыль Английского банка с последней статьи не понизилась бы существенно.

Предполагая, однако, что сокращение ежегодного дохода банка вследствие падения его прибыли по всем указанным статьям составит не меньше 500 тыс. ф. ст., прибыль банка будет все же достаточна для уплаты нынешнего постоянного дивиденда в 10% даже и после выдачи владельцам банковского капитала премии в 100%; если мои вычисления правильны, прибыль банка после уплаты владельцам годичного дивиденда в 10% составила бы за год, оканчивающийся

1 января 1816 г.	1 066 625 ф. ст.
за вычетом же процентов, получаемых теперь с 11 642 400 ф. ст., которые предлагается распределить, исключая лишь налог на собственность, и составляющих	523 908 ф. ст.
и потерь, полученных в результате заключения мирного договора, составляющих	500 000 » » 1 023 908 » »
остается ежегодный излишек в	42 717 ф. ст.

Если бы вместо премии в 100% владельцам была выдана премия только в 50%, то ежегодная добавочная прибыль банка составила бы после уплаты дивиденда в 10% 304 671 ф. ст., т. е. такую же сумму, какую дало бы непрерывное увеличение дивиденда на $2\frac{1}{2}\%$; если бы премия совсем не выплачивалась, сбережения же рассматривались бы как часть капитала Английского банка, то годичная добавочная прибыль его составляла бы после уплаты 10% дивиденда 566 625 ф. ст.—сумму, весьма близкую к той, какую дало бы непрерывное увеличение дивиденда на 5%.

Эти расчеты основаны на предположении, что налог на собственность будет продолжать существовать, а он составляет ежегодно

для банка расход более чем в 200 тыс. ф. ст. и следовательно равен с избытком сумме, дающей дивиденд в $1\frac{3}{4}\%$.

Но директора Английского банка обязаны, по моему мнению, распределить добавочную прибыль между владельцами при всяких условиях, ибо закон категорически предписывает такое распределение, и сопротивляться этому не было бы мудрой политикой.

Достопочтенный г-н Бувери, внесший на последнем собрании Английского банка предложение, чтобы владельцам представлен был отчет о добавочном капитале, вполне правильно доказывал, что закон относительно распределения прибыли был вероятно установлен законодательной властью по следующим мотивам: были приняты во внимание возможности накопления по сложным процентам, а также опасности, которые могут возникнуть для конституции или страны вследствие того, что какая-либо корпорация может сконцентрировать в своих руках миллионные сокровища. Если бы прибыль Английского банка оставалась и впредь на своем теперешнем уровне и к выплачиваемому теперь дивиденду в 10% не было бы сделано никакой прибавки, то накопление добавочной прибыли в течение 40 лет дало бы банку свободный фонд более чем в 120 млн. ф. ст. Поэтому законодательная власть вполне мудро постановила, что «все прибыли, барыши и выгоды, получаемые от времени до времени названной корпорацией благодаря ведению ею государственных дел, должны (за вычетом лишь сумм, идущих на оплату вышеназванного управляющего и расходов по ведению дел компании) передаваться от времени до времени в распоряжение всех, состоящих в данное время членами названной корпорации, согласно установленному проценту и пропорционально части, доле и интересу в общем и главном капитале названной компании Английского банка».

Те, кто защищал на последнем общем собрании директоров банка, обвиненных в отступлении от линии поведения, предписанной законом, рекомендовали увеличить капитал банка, полагая, что накопленные сбережения могут быть с выгодой употреблены для этой цели.

Говорят, что директора банка высказываются в пользу этого плана.

Если бы эта мера была правильной, то сумма, на которую должен быть увеличен капитал, должна была быть определена теперь же; владельцы должны были бы получить отчеты о размерах их накопленного фонда, а мнение их о целесообразности такого использования его должно было быть принято во внимание; следовало бы, наконец, получить санкцию парламента.

Однако Английский банк не ждал осуществления ни одного из этих условий; в действительности он в течение ряда лет присоединял ежегодно добавочную прибыль к своему капиталу, не определяя ни суммы, присоединяемой в данное время, ни той, которую предстоит присоединить; он делал это, не представляя

владельцам никаких отчетов, не спрашивая их мнения, и не только без санкции парламента, но и вопреки прямому смыслу закона, сюда относящегося.

Но если бы Английский банк выполнил все эти условия, то была ли бы эта мера сама по себе целесообразна? И имеют ли основания, приводимые в защиту ее, а именно расширение деятельности банка и то, что она направлена к обеспечению одинаково и банка и государства, достаточный вес, чтобы оправдать принятие этой меры?

Операции и доход банка зависят, как уже было указано прежде, от размера совокупного фонда, который банк может пустить в дело, а этот фонд получается из трех источников: суммы банкнот в обращении за вычетом только наличности и слитков, суммы правительственных и частных вкладов и размера той части капитала банка, которая не отдана в ссуду правительству. Однако только два первых фонда дают банку действительную прибыль, так как прибыль, получаемая на добавочный капитал и равняющаяся всего 5%, могла бы быть получена так же легко каждым владельцем на свою долю этого капитала как при самостоятельном распоряжении ею, так и при объединении всех долей в единый фонд. Если бы владельцы присоединили к капиталу банка 10 млн. ф. ст. из своей индивидуальной собственности, то доход банка возрос бы, правда, на 500 тыс. ф. ст., или на 5% с 10 млн. ф. ст., но владельцы ничего не выиграли бы от такой комбинации. Однако, если бы 10 млн. ф. ст. были присоединены к сумме банкнот и могли бы постоянно оставаться в обращении или если бы правительственные и частные вклады возросли на 10 млн. ф. ст., то не только *доход* банка возрос бы на 500 тыс. ф. ст., но также и его *действительная прибыль*; эта последняя выгода получилась бы целиком от того, что банк действует как объединенная компания, и иным способом не могла бы быть получена.

Именно в этом заключается существенная разница между банком и всеми другими предприятиями: банк никогда не был бы учрежден, если бы он получал прибыль только от использования собственного капитала; действительная польза от банка получается лишь тогда, когда он пускает в ход чужой капитал. Другие предприятия нередко получают, наоборот, огромную прибыль, затрачивая только свой собственный капитал.

Но если этот аргумент правилен по отношению к добавочному капиталу, который должен быть собран путем взимания новых сумм с владельцев, то он также верен по отношению к капиталу, не распределенному между ними.

Итак, для увеличения *прибыли* владельцев банка увеличение его капитала не является ни необходимым, ни желательным.

Такое увеличение *нисколько* не упрочит и безопасности банка, так как от него ни при каких условиях нельзя требовать больше чем оплаты его банкнот и правительственных и частных вкладов,

поскольку именно эти статьи составляли всегда всю совокупность его долгов. Когда его наличность и слитки уже выданы, остающиеся у него обязательства, состоящие из коммерческих акцептов и билетов казначейства, должны быть по меньшей мере равны сумме его долгов. Эти обязательства не могут быть ни при каких условиях недостаточными, даже без *какого-либо* добавочного капитала, за исключением лишь случая, когда банк потерял все, что составляет его возрастающий дивиденд; но и в этом случае он не мог бы попасть в бедственное положение, если бы, конечно, с него не потребовали в это же время оплаты каждой банкноты, находящейся в обращении, и выдачи всех имеющихся у него вкладов, как правительственных, так и частных.

Не против такого ли непредвиденного случая владельцев призывают принять меры? И поступают так, несмотря даже на тот факт, что при этих почти невозможных условиях банк имел бы неприкосновенный фонд в 11 686 тыс. ф. ст., который ему должно принадлежать?

Увеличились ли бы гарантии для государства? В одном отношении да. Если бы банк не имел другого капитала, кроме того, который он ссудил правительству, он должен был бы потерять в своих операциях весь этот капитал, или больше чем 11½ млн. ф. ст., раньше чем государство могло бы пострадать; но если бы капитал банка удвоился, он мог бы потерять 23 млн. ф. ст., прежде чем кто-либо из его кредиторов пострадал бы. Может быть, сторонники увеличения капитала банка утверждают, что они желают охранить государство от последствий потери всего капитала банка?

Остается рассмотреть, увеличилась ли бы способность банка платить по своим банкнотам звонкой монетой вследствие увеличения его капитала. Способность банка платить по своим банкнотам звонкой монетой должна зависеть от отношения между количеством имеющейся в его распоряжении звонкой монеты и вероятным спросом на нее для уплаты по банкнотам; и в этом отношении его платежеспособность не может быть увеличена, так как он может и теперь, *если ему угодно*, иметь запас звонкой монеты, не только равный сумме всех его банкнот, находящихся в обращении, но и всей совокупности правительственных и частных вкладов, большего от него нельзя требовать ни при каких обстоятельствах. Но прибыль банка зависит по существу от незначительности запасов наличности и слитков; все искусство банковского дела состоит в умении поддерживать наивозможно более обширное обращение с помощью наименьшей возможной суммы фондов, сохраняемой в форме не приносящих прибыли наличности и слитков. Количество банкнот в обращении ни в малейшей степени не зависит от суммы капитала, находящегося во владении эмитсионеров банкнот, но от количества денег, требующегося для обращения страны, а оно, как я пытался прежде показать, регули-

руется стоимостью денежного стандарта, суммой платежей и экономией, реализуемой при совершении этих платежей.

Итак, единственный результат увеличения капитала Английского банка заключался бы в том, что оно дало бы последнему возможность ссужать правительству или купцам те фонды, которые иначе были бы ссужаемы отдельными членами общества.

Английский банк производил бы больше операций, он накоплял бы больше коммерческих акцептов и билетов казначейства и увеличил бы даже свой доход, но прибыль владельцев не была бы ни больше, ни меньше, если бы рыночная норма процента на деньги составляла 5% и операции банка производились бы с той же экономией. Владельцы безусловно терпели бы убытки, если бы индивидуально они могли использовать свои доли этого капитала в торговле или иным образом с большей прибылью.

Но в противоположность парламентскому акту банк не только отказывается произвести распределение своей накопленной прибыли, он столь же решительно отказывается сообщить владельцам размеры этой прибыли; и это несмотря на то, что статуты обязывают его, «чтобы дважды в год созывалось общее собрание и заседали с целью рассмотреть *общее состояние и положение корпорации* и распределить дивиденды *со всей совокупности и отдельных частей* дохода и прибыли с основного капитала и фондов этой корпорации и ее оборотов между различными собственниками и владельцами соответственно их различным паям и долям».

Если бы закон хранил на этот счет молчание, директора Английского банка были бы, по моему мнению, обязаны указать, какое специфическое зло может явиться следствием гласности, прежде чем отказываться от представления собственникам отчета о положении дел.

Это в действительности единственная гарантия собственников против злоупотребления доверием, оказываемым ими директорам.

Ведь не всегда делами банка управляют такие люди, какие являются в настоящее время членами правления и против которых не существует и тени подозрения.

Без отчетов, без распределения прибыли и без всякого другого доказательства наличия накопленного фонда, кроме всем известного факта увеличения источников, из которых получается прибыль банка! И все это длится в течение более чем десятилетнего периода! Какую же гарантию имеют владельцы против проникновения коррумпции в управление банком?

Щекотливое положение тех, кому доверено управление миллионными оборотами, было бы несовместимо с требованием неограниченного доверия к ним и полной уверенности в них лично без определенных к тому оснований. И все же единственный ответ, который дали директора на предложение, сделанное на последнем общем собрании,—дать отчет о прибылях банка,—состоял в том, что они сочли бы принятие такого предложения выражением им недоверия и порицанием их действий.

Все присутствующие отрицали такое намерение и все-таки, как это ни странно, от директоров нельзя было добиться другого ответа.

Опубликование отчетов необходимо не только как гарантия против *коррупции* в управлении банком, но также и для того, чтобы дать владельцам банковского капитала уверенность, что дела банка ведутся *умело*. С 1797 г. не было представлено ни одного отчета о положении банка, и даже в этом году он был сделан лишь по специальному требованию, притом парламенту, а не владельцам капитала банка. Каким же образом могут владельцы знать, действительно ли директора использовали—при тех благоприятных условиях, в которые был поставлен Английский банк, — все предоставленные им возможности для применения с наибольшей выгодой доверенных им фондов?

Разве не желательно, чтобы владельцы имели время от времени возможность удостовериться в том, осуществлены ли их справедливые ожидания и ведутся ли их дела умело, а также и честно? Если бы обычай предъявлять владельцам все отчеты всегда осуществлялся на практике, то директора, управлявшие Английским банком в 1793, 1794 и 1795 гг., могли бы, пожалуй, получить порицание за плохое ведение дел: они ведь все время держали в своих сундуках сумму наличности и слитков, обычно большую, чем $\frac{3}{4}$, и редко меньшую всей суммы банкнот, находившихся в обращении. Им, возможно, заявили бы, что такое расточение ресурсов банка свидетельствует о весьма ограниченном знакомстве с принципами, которыми должно регулироваться бумажно-денежное обращение¹.

В 1797 и 1801 гг. эти неправильности в поведении руководства банка возбудили внимание независимого владельца Эллардайса. В своем блестящем памфлете о деятельности Английского банка он с большой силой и талантом характеризовал противозаконное поведение банка. Мнение его было поддержано мистером, а ныне сэром Джемсом Мансфильдом, которого автор просил указать, каким путем можно заставить директоров Английского банка представить владельцам отчет о положении дел. Сэр Джемс Мансфильд высказал следующее мнение:

«Я полагаю, что на общих полугодных собраниях *каждый* владелец имеет *право* требовать от директоров и что последние *обязаны* представлять все отчеты, книги и документы, необходимые для того, чтобы владельцы имели возможность судить о состоянии и положении корпорации и ее фондов и определить, какой дивиденд должен быть выплачен. Правильный путь, которому должны следовать лица, обращающиеся ко мне за советом, чтобы

¹ Я считаю возможным заимствовать данные о наличности и слитках в банке за вышеупомянутые годы из расчетов, на которые я уже ссылался на стр. 118. Я не вижу никакого основания сомневаться в том, что они в общем правильны.

добиться представления отчетности, таков: известное число уважаемых владельцев должно сразу же сделать управляющему Английским банком и другим директорам его заявление о том, что на ближайшем общем собрании они потребуют представления всех необходимых книг, отчетов и документов; когда же такое собрание будет созвано, они должны присутствовать на нем и требовать этого представления. Если они этого не добьются, я советую им сделать немедленно или через несколько дней после общего собрания заявление управляющему банком о созыве нового общего собрания, каковое заявление должно быть сделано по меньшей мере девятью членами, владеющими каждый не меньше 500 ф. ст. капитала банка. Если управляющий Английским банком откажется созвать такое общее собрание, то в таком случае девять членов, обратившихся к нему с требованием созыва последнего, могут сами созвать его в порядке, указанном в хартии банка; будет ли это собрание созвано управляющим банком или девятью членами, я советую им, как только оно будет созвано, обратиться в суд королевской скамьи с просьбой о приказе управляющему и директорам представить этому собранию все необходимые книги, отчеты и документы.

Джеймс Мансфильд.

Темплъ: 9 марта 1801 г. »

Следуя этому мнению, г-н Эллердайс внес в ближайшее общее собрание, состоявшееся 19 марта 1801 г., письменное требование о представлении отчетов. Он несомненно имел намерение идти дальше тем путем, который ему рекомендовал сэр Джеймс Мансфильд, но вскоре после этого он умер, и ни один владелец не требовал больше представления отчетов с того времени до последнего общего собрания в декабре. Достоинно замечания, что на общем собрании 19 марта 1801 г., когда было внесено и отвергнуто предложение г-на Эллердайса, весьма неожиданным для владельцев образом была вотирована премия в 5% в пятипроцентных бумагах морского министерства. Первое предложение о представлении отчетов было внесено г-ном Эллердайсом на общем собрании 14 декабря 1797 г., в марте же 1799 г. была выдана премия в 10% в пятипроцентных бумагах 1797 г. Между декабрем 1797 г. и мартом 1801 г. г-н Эллердайс не вносил, насколько я знаю, предложений такого рода на общих собраниях банка.

Итак, начиная с 1797 г., владельцы находились в полной неизвестности о состоянии дел Английского банка. В продолжение 18 лет директора молча занимались своим доходным промыслом; они возможно считают теперь, что именно такой путь лучше всего соответствует интересам банка, в особенности поскольку предстоят переговоры с правительством, и было бы, пожалуй, лучше, чтобы сумма накопленного банком фонда осталась неизвестной. Но в последнее время общественное внимание было привлечено к деятельности Английского банка, и вопрос о его прибылях широко

обсуждается и разбирается. Гласность была бы теперь вероятно скорее полезна, чем вредна для банка, так как об его прибылях были опубликованы сильно раздутые слухи, которые могут возбудить экстравагантные ожидания и которые можно лучше всего парировать на основе официальных данных. Кроме того, Английский банк сохраняет свою хартию еще в течение ближайших 17 лет, и государство не может в течение этого времени лишить его самой прибыльной части его операций. Если бы, разумеется, срок хартии истекал, то правительство могло бы поставить под вопрос целесообразность политики, которая позволяет торговой компании пользоваться всеми выгодами, связанными с делом снабжения большой страны бумажными деньгами. Изучив опыт других государств, правительство настойчиво стремилось бы сохранить эту власть в своих руках; оно вероятно полагало бы, что в свободной стране можно найти иной способ получения государством столь значительных выгод помимо той или иной формы контроля со стороны министров. Можно считать, что бумажные деньги дают возможность получать пошлину за чеканку, равную всей их меновой стоимости; но пошлина за чеканку во всех странах принадлежит государству, следовательно при наличии гарантии их размена, предложенной мною в предыдущей части этой работы, и назначении комиссаров, ответственных только перед парламентом, государство, сделавшись единственным эмитционером бумажных денег как в столице, так и в провинции, может обеспечить стране чистый доход не меньше чем в 2 млн. ф. ст. Впрочем, Английский банк гарантирован от подобной опасности до 1833 г.; вот почему гласность целесообразна со всех точек зрения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I¹

Таблица, показывающая суммы, которые государство платило ежегодно с 1797 до 1815 г. за управление делами британских, ирландских, германских и португальских займов:

Год, начинающийся 5 января	Ф. ст.	Шилл.	Пенс.	Год, начинающийся 5 января	Ф. ст.	Шилл.	Пенс.
1797	162 431	5	3	1806	292 127	9	10
1798	212 592	1	5	1807	297 757	16	1
1799	218 190	17	0	1808	210 549	2	7
1800	238 294	3	8	1809	222 775	2	4
1801	236 772	45	8	1810	217 825	13	5
1802	263 105	14	6	1811	228 349	16	0
1803	247 538	11	0	1812	223 705	12	5
1804	267 786	19	7	1813	238 827	17	7
1805	271 911	11	9	1814	242 263	14	7

¹ Данные таблицы взяты из «Ежегодника финансов», напечатанного по постановлению палаты общин. Они включают не только суммы, уплачен-

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Таблица, показывающая суммы, которые Английский банк получал ежегодно с 1797 до 1815 г. за взимание взносов по займам¹:

Год, начинающийся с Михайлова дня	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы	Год, начинающийся с 5 января	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
1796	20 506	3	4	1805	11 683	19	7
1797	27 410	0	4	1806	18 130	16	3
				1807	16 115	16	8
				1808	12 650	18	7
				1809	8 400	0	0
Год, начинающийся с 5 января				1810	11 680	0	0
1799	16 115	6	8	1811	14 705	0	0
1800	12 489	15	5	1812	19 031	14	0
1801	39 080	17	11	1813	21 639	8	9
1802	23 538	12	3	1814	42 200	0	0
1803	9 609	10	0				
1804	—	—	—				

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Общая сумма непогашенного консолидированного долга Великобритании и Ирландии со включением займов для германского императора и принца-регента Португалии, подлежащих уплате в Великобритании, составляла на 1 февраля 1815 г. согласно отчетам, представленным

Парламенту	727 767 421 ф. ст. 2 шилл. 5 ³ / ₄ пенса
Заем Ост-Индской компании	3 929 561 » » 0 » 0 »

Итого . . . 731 696 982 ф. ст. 2 шилл. 5³/₄ пенса

ные Английскому банку, но также и казначейству и Южноокеанской компании. Сумма, уплачиваемая ежегодно Южноокеанской компании, составляет теперь около 14 560 ф. ст. В 1797 г. она равнялась 14 657 ф. ст. Сумма, уплачиваемая казначейству, доходила до 6 760 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс., к 1807 г. она постепенно снизилась до 2 485 ф. ст., а теперь не уплачивается, кажется, совершенно.

Начиная с 1810 г. Английский банк получал также вознаграждение за управление пожизненными аннуитетами, начиная с 1812 г. он получал около 1 200 или 1 300 ф. ст. ежегодно за управление делами займа в 2¹/₂ млн. ф. ст., выпущенного для Ост-Индской компании и не вошедшего в эту таблицу.

¹ Эта таблица взята из отчета, представленного парламенту 19 июня 1815 г.

Долги, заключенные с 1 февраля по 1 августа 1815 г. 87 448 402 ф. ст. 16 ш. 0 п.

Долги, уплаченные с 1 февраля по 1 августа 1815 г. 41 099 166 ф. ст. 0 ш. 0 п. 76 349 236 ф. ст. 16 шилл. 0 пенсов

Остаток непогашенного консолидированного долга на 1 августа 1815 г. 808 046 218 ф. ст. 18 шилл. 5³/₄ пенса

Вознаграждение за управление этим долгом составляло:

Долг			Оплата по управлению			
Ф. ст.	Шилл.	Пенсы	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы	
15 233 484	13	11	Капитал Южно-Океанской компании и аннуитеты; уплачено компании . .	14 560	4	11
41 686 000	0	0	Долг Английскому банку	5 898	3	5
600 000 000	0	0	по 340 ф. ст. с 1 млн.	204 000	0	0
181 126 734	4	6 ² / ₄	» 300 » » » 1 »	54 338	0	5
808 046 218	18	5 ³ / ₄				
2 795 340	0	0	Пожианенные аннуитеты899	5	0
39 735 898	6	8	за аннуитеты с 25-летним сроком на сумму 1 589 435 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс.	11 920	15	4
850 577 457	5	1 ³ / ₄		291 616	9	1
За вычетом вышеуказанной суммы, уплаченной Южноокеанской компании				14 560	4	11
Вознаграждение Английскому банку за управление национальным долгом на 1 августа 1815 г.				277 056	4	2

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Среднее количество банкнот Английского банка, включая и его соло-векселя, находившиеся в обращении в каждом из последующих лет

Годы	Банкноты в 5 ф. ст. и выше, включая соло-векселя	Банкноты ниже 5 ф. ст.	Итого
1797	10 095 620	1 096 100	11 191 720
1798	11 527 250	1 807 502	13 334 752
1799	12 408 522	1 653 805	14 062 327
1800	13 598 666	2 243 266	15 841 932
1801	13 454 367	2 715 182	16 169 549
1802	13 917 977	3 136 477	17 057 454
1803	12 983 477	3 864 045	16 847 522
1804	12 621 348	4 723 672	17 345 020
1805	12 697 352	4 544 580	17 241 932
1806	12 844 170	4 291 230	17 135 400
1807	13 221 988	4 183 013	17 405 001
1808	13 402 160	4 132 420	17 534 580
1809	14 133 615	4 868 275	19 001 890
1810	16 085 522	6 644 763	22 730 285 ¹
1811	16 286 950	7 260 575	23 547 525
1812	15 862 120	7 600 000	23 462 120
1813	16 057 000	8 030 000	24 087 000
1814	18 540 780	9 300 000	27 840 780
1815	18 157 956	9 161 454	27 319 410

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Оценка прибылей Английского банка за год, начинающийся 5 января 1797 г.

Банкноты в обращении	11 191 720 ф. ст.	
Правительственные вклады . . .	5 000 000 » »	
Добавочный капитал сверх постоянного ²	3 826 890 » »	
	<hr/>	
	20 018 610 ф. ст.	
За вычетом наличности и слитков	5 000 000 » »	
	<hr/>	
Фонды, приносящие проценты . . .	15 018 610 ф. ст. по 5% . . .	750 930 ф. ст.
Вознаграждение за управление делами национального долга		143 800 » »
Комиссионные по займу		20 506 » »
» » лотереям		1 000 » »
Проценты с 11 686 000 ф. ст., данных займам правительству из 3%		350 604 » »
		<hr/>
		1 266 840 ф. ст.

¹ Цифры до 1811 г. взяты из доклада Комитета о слитках, после 1811 г.— из отчетов, представленных парламенту.

² В отчете Английского банка парламенту 26 февраля 1797 г. эта сумма упоминалась как его добавочный капитал.

За вычетом		
расходов	150 000 ф. ст.	
гербового сбора	12 000 » »	
добровольного взноса	200 000 » »	362 000 ф. ст.
		<hr/>
Дивиденд в 7% на 11 642 400 ф. ст.		904 840 ф. ст.
		814 963 » »
		<hr/>
Прибыль		89 872 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1798 г.

Добавочный капитал до 1797 г.	3 826 890 ф. ст.	
То же за 1797 г.	89 872 » »	
		<hr/>
	3 916 762 ф. ст.	
Банкноты в обращении	13 334 752 » »	
Правительственные вклады	5 700 000 » »	
		<hr/>
	22 951 514 ф. ст.	
За вычетом наличности и слитков	4 000 000 » »	
		<hr/>
Фонды, приносящие проценты	18 951 514 ф. ст. по 5% .	947 575 ф. ст.
Вознаграждение за управление делами национального долга	192 000 » »	
Комиссионные по займу	27 410 » »	
» » лотереям	1 000 » »	220 410 » »
		<hr/>
Проценты с 11 686 800 ф. ст. по 3%		350 604 » »
		<hr/>
		1 518 589 ф. ст.
За вычетом		
расходов	158 000 ф. ст.	
гербового сбора	12 000 » »	
7% дивиденда	814 968 » »	984 968 » »
		<hr/>
Прибыль		533 621 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1799 г.

Прежние сбережения	3 916 762 ф. ст.	
То же за 1798 г.	533 621 » »	
		<hr/>
	4 450 383 ф. ст.	
Банкноты	14 062 300 » »	
Правительственные вклады	64 000 000 » »	
		<hr/>
	24 912 683 ф. ст.	
За вычетом наличности и слитков	3 000 000 » »	
		<hr/>
Фонды, приносящие проценты	21 912 683 ф. ст. по 5% .	1 095 634 ф. ст.

Вознаграждение за управление делами национального долга	196 700 ф. ст.	
Комиссионные по займу	16 115 » »	
» » лотереям	1 000 » »	213 815 ф. ст.
<hr/>		
Проценты со 116 868 000 ф. ст.		350 604 » »
<hr/>		1 660 053 ф. ст.
За вычетом		
расходов	166 000 ф. ст.	
гербового сбора ¹	24 000 » »	
7% дивиденда	814 968 » »	
премии в 10%	1 164 240 » »	2 169 208 » »
<hr/>		
Убыток		509 155 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1800 г.

Прежние сбережения	4 450 383 ф. ст.	
Убыток в 1799 г.	509 155 » »	
<hr/>		
	3 941 228 ф. ст.	
Банкноты	15 841 900 » »	
Вклады	7 100 000 » »	
<hr/>		
	26 883 128 ф. ст.	
За вычетом		
наличности и слитков	3 000 000 ф. ст.	
займа правительству	3 000 000 » » ²	6 000 000 » »
<hr/>		
Фонды, приносящие проценты	20 883 128 ф. ст.	по 5% 1 044 156 ф. ст.
Управление национальным долгом	216 700 » »	
Комиссионные по займу	12 489 » »	
» » лотереям	1 000 » »	230 189 » »
<hr/>		
Проценты с 11 686 800 ф. ст.		350 604 » »
<hr/>		1 624 949 ф. ст.
За вычетом		
расходов	174 000 ф. ст.	
гербового сбора	24 000 » »	
7% дивиденда	814 968 » »	1 013 968 » »
<hr/>		
Прибыль		611 981 ф. ст.

¹ Ваносы по гербовому сбору были повышены в этом году до 24 тыс. ф. ст., в 1803/04 г.—до 32 тыс., в 1806/07 г.—до 42 тыс. и в 1815/16 г.—до 87 500 ф. ст.

² Английский банк дал в этом году займы правительству без процентов 3 млн. ф. ст. на шесть лет, а затем продлил срок этого займа на восемь лет из 3%.

То же за год, начинающийся 5 января 1801 г.

Прежние сбережения	3 941 228 ф. ст.	
Прибыль за 1800 г.	611 981 » »	
	<u>4 553 209 ф. ст.</u>	
Банкноты	46 169 500 » »	
Вклады	7 800 000 » »	
	<u>28 522 709 ф. ст.</u>	
За вычетом		
займа правитель-		
ству	3 000 000 ф. ст.	
наличности и слит-		
ков	3 000 000 » »	
	<u>6 000 000 » »</u>	
Фонды, приносящие проценты	22 522 709 ф. ст.	по 5% 1 126 135 ф. ст.
Вознаграждение за управление на-		
циональным долгом	215 200 » »	
Комиссионные по займу	39 080 » »	
» » лотереям	1 000 » »	255 280 » »
	<u>350 604 » »</u>	
Процент на капитал		<u>1 732 019 ф. ст.</u>
За вычетом		
расходов	182 000 ф. ст.	
гербового сбора	24 000 » »	206 000 » »
	<u>1 526 019 ф. ст.</u>	
7% дивиденда	814 968 ф. ст.	
премии в 5%	582 128 » »	
	<u>1 397 088 » »</u>	
		<u>1 128 931 ф. ст.</u>
Налог на собственность ¹		12 893 » »
		<u>Прибыль 116 038 ф. ст.</u>

То же за год, начинающийся 5 января 1802 г.

Прежние сбережения	4 553 209 ф. ст.	
Прибыль за 1801 г.	116 038 » »	
	<u>4 669 247 ф. ст.</u>	
Банкноты	17 050 000 » »	
Вклады	8 600 000 » »	
	<u>30 319 247 ф. ст.</u>	
За вычетом		
займа прави-		
тельству	3 000 000 ф. ст.	
наличности и		
слитков	3 000 000 » »	
	<u>6 000 000 » »</u>	
Фонды, приносящие проценты	24 319 247 ф. ст.	по 5% 1 215 962 ф. ст.

¹ Налог на собственность уплачивался владельцами банковского капитала до 1806 г., когда Английский банк согласился платить правительству со своей валовой прибыли, не делая отчислений с гарантированного дивиденда.

Вознаграждение за управление на-			
циональным долгом	241 600 ф. ст.		
Комиссионные по займу	22 538 » »		
» » лотереям	1 000 » »		265 138 ф. ст.
			<hr/>
Процент на капитал			350 604 » »
			<hr/>
			1 831 704 ф. ст.
За вычетом			
расходов	190 000 ф. ст.		
гербового сбора	24 000 » »		
7% дивиденда	814 968 » »		
премии в 2½%	291 060 » »		
			<hr/>
			1 320 028 » »
			<hr/>
			511 676 ф. ст.
Налог на собственность			51 167 » »
			<hr/>
		Прибыль . . .	460 509 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1803 г.

Прежние сбережения	4 669 247 ф. ст.		
Прибыль за 1802 г.	460 509 » »		
			<hr/>
			5 129 756 ф. ст.
Банкноты	16 847 500 » »		
Вклады	9 800 000 » »		
			<hr/>
			31 277 256 ф. ст.
За вычетом			
займа прави-			
тельству	3 000 000 ф. ст.		
наличности и			
слитков	3 000 000 » »		
			<hr/>
			6 000 000 » »
			<hr/>
			25 277 256 ф. ст.
			<hr/>
			1 263 862 ф. ст.
Управление национальным долгом	226 000 » »		
Комиссионные по займу	9 669 » »		
» » лотереям	1 000 » »		
			<hr/>
			236 669 » »
			<hr/>
			350 604 » »
			<hr/>
			1 851 135 ф. ст.
За вычетом			
расходов	198 000 ф. ст.		
гербового сбора	32 000 » »		
7% дивиденда	814 968 » »		
			<hr/>
			1 044 968 » »
			<hr/>
			806 167 ф. ст.
Пятипроцентный налог на собствен-			
ность с чистой прибыли			40 308 » »
			<hr/>
		Прибыль . . .	765 859 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1804 г.

Прежние сбережения	5 129 756 ф. ст.		
Прибыль за 1803 г.	765 859 » »		
			<hr/>
			5 895 615 ф. ст.
Банкноты	17 345 020 » »		
Вклады	10 000 000 » »		
			<hr/>
			33 240 635 ф. ст.

За вычетом займа правительству	3 000 000 ф. ст.		
наличности и слитков	3 000 000 » »	6 000 000 ф. ст.	
Фонды, приносящие проценты	27 240 635 ф. ст. по 5%	1 362 030 ф. ст.	
Управление национальным долгом	246 700 » »		
Комиссионные по займу		
» » лотереям	3 000 » »	249 700 » »	
Проценты на капитал		350 604 » »	
		<u>1 962 334 ф. ст.</u>	
За вычетом расходов	206 000 ф. ст.		
гербового сбора	32 000 » »		
7% дивиденда	814 968 » »		
премии в 5%	582 120 » »	1 635 088 ф. ст.	
		<u>327 246 ф. ст.</u>	
Налог на собственность в 6¼%		20 452 » »	
Прибыль		<u>306 794 ф. ст.</u>	

То же за год, начинающийся 5 января 1805 г.

Прежние сбережения	5 895 615 ф. ст.		
Прибыль за 1804 г.	306 794 » »		
		6 202 409 ф. ст.	
Банноты	17 241 932 » »		
Вклады	10 700 000 » »		
		<u>34 144 341 ф. ст.</u>	
За вычетом займа правительству	3 000 000 ф. ст.		
наличности и слитков	3 000 000 » »	6 000 000 ф. ст.	
		28 144 341 ф. ст. по 5%	1 407 217 ф. ст.
Управление национальным долгом	254 400 » »		
Комиссионные по займу	11 683 » »		
» » лотереям	4 000 » »	270 083 » »	
Процент на капитал		350 604 » »	
		<u>2 027 904 ф. ст.</u>	
За вычетом расходов	214 000 ф. ст.		
гербового сбора	32 000 » »		
7% дивиденда	814 968 » »		
премии в 5%	582 120 » »	1 643 088 » »	
		<u>384 816 ф. ст.</u>	
Налог на собственность в 10%		38 481 » »	
Прибыль		<u>346 335 ф. ст.</u>	

То же за год, начинающийся 5 января 1806 г.

Прежние сбережения	6 202 409 ф. ст.	
Сбережения 1805 г.	346 335 » »	
	<hr/>	6 548 744 ф. ст.
Банкноты	17 135 400 » »	
Правительственные вклады	11 000 000 » »	
	<hr/>	34 684 144 ф. ст.
За вычетом займа правительству	3 000 000 ф. ст.	по 3% ¹ . . . 90 000 ф. ст.
наличности и слитков	3 000 000 » »	6 000 000 » »
	<hr/>	28 684 144 ф. ст. по 5% 1 434 207 » »
Управление национальным долгом	275 000 » »	
Комиссионные по займу	18 130 » »	
» » лотереям	2 000 » »	295 130 » »
	<hr/>	350 604 » »
Проценты на капитал		<hr/> 2 169 941 ф. ст.
За вычетом расходов	222 000 ф. ст.	
гербового сбора	32 000 » »	
7% дивиденда	814 968 » »	
премии в 5%	582 120 » »	1 651 088 » »
	<hr/>	518 853 ф. ст.
Десятипроцентный налог на собственность с прибыли	51 885 ф. ст.	
То же с премии и октябрьских дивидендов ²	98 960 » »	150 845 » »
	<hr/>	368 088 ф. ст.
	Прибыль	368 088 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1807 г.

Прежние сбережения	6 548 744 ф. ст.	
Прибыль за 1806 г.	368 008 » »	
	<hr/>	6 916 752 ф. ст.
Банкноты	17 405 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<hr/>	35 321 752 ф. ст.
За вычетом займа правительству	3 000 000 ф. ст.	по 3% 90 000 ф. ст.
наличности и слитков	3 000 000 » »	6 000 000 » »
	<hr/>	29 321 752 ф. ст. по 5% 1 466 087 » »
	<hr/>	1 556 087 ф. ст.

¹ См. примечание 2 на стр. 204.² См. примечание 2 на стр. 205.

Управление национальным долгом	280 500 ф. ст.	
Комиссионные по займу	16 115 » »	
» лотереям	5 000 » »	
» за взимание налога на собственность	3 154 » »	
		304 769 ф. ст.
Процент на капитал		350 604 » »
		<u>2 211 460 ф. ст.</u>
За вычетом		
расходов	230 000 ф. ст.	
гербового сбора	42 000 » »	
		272 000 » »
		<u>1 939 460 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность	193 946 » »	
		1 358 186 » »
		<u>Прибыль</u>
		581 274 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1808 г.

Прежние сбережения	6 916 752 ф. ст.	
Прибыль за 1807 г.	581 274 » »	
		7 498 026 ф. ст.
Банкноты	17 534 580 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
		<u>36 022 606 ф. ст.</u>
За вычетом		
займа прави-		
тельству	3 000 000 ф. ст.	по 3% . . . 90 000 ф. ст.
то же	3 000 000 » »	
наличности и		
слитков	3 000 000 » »	9 000 000 » »
		<u>27 032 606 ф. ст.</u>
		по 5% 1 351 630 » »
		<u>1 441 630 ф. ст.</u>
Управление национальным долгом	193 300 » »	
Комиссионные по займу	12 650 » »	
» лотереям	2 000 » »	
» за взимание налогов		
с собственности	3 154 » »	211 104 » »
Процент на капитал		350 604 » »
		<u>2 003 338 ф. ст.</u>
Расходы	239 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	42 000 » »	281 000 » »
		<u>1 722 338 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность в 10%	172 233 » »	1 336 473 » »
		<u>Прибыль</u>
		385 865 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1809 г.

Прежние сбережения	7 498 026 ф. ст.	
Прибыль за 1808 г.	385 865 » »	
	<hr/>	
	7 883 891 ф. ст.	
Банкноты	19 000 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<hr/>	
	37 883 891 ф. ст.	
За вычетом		
взайма прави-		
тельства	3 000 000 ф. ст.	по 3% 90 000 ф. ст.
то же, беспроц.	3 000 000 » »	
наличности и		
слитков	<hr/>	
	9 000 000 » »	
	28 883 891 ф. ст.	по 5% 1 444 194 » »
Управление национальным долгом	205 500 » »	
Комиссионные по займу	8 400 » »	
» » лотереям	3 000 » »	
» за взимание налога		
на собственность	<hr/>	
	3 154 » »	220 054 » »
Процент на капитал		350 604 » »
		<hr/>
		2 104 852 ф. ст.
Расходы	246 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	42 000 » »	288 000 » »
	<hr/>	
40% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность	181 852 » »	1 346 092 » »
	<hr/>	
Прибыль		470 760 ф. ст.

То же за год, начинающийся 5 января 1810 г.

Прежние сбережения	7 883 891 ф. ст.	
Прибыль	470 760 » »	
	<hr/>	
	8 354 651 ф. ст.	
Банкноты	22 730 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<hr/>	
	42 084 651 ф. ст.	
За вычетом		
взайма прави-		
тельства	3 000 000 ф. ст.	по 3% . . 90 000 ф. ст.
то же, беспроц.	3 000 000 » »	
наличности и		
слитков	<hr/>	
	9 000 000 » »	1 654 232 » »
	33 084 651 ф. ст.	1 744 232 ф. ст.

Управление национальным долгом	200 800 ф. ст.	
Комиссионные по займу	11 680 » »	
» » лотереям	3 000 » »	
» за взимание налога на собственность	3 154 » »	218 634 ф. ст.
Процент на капитал		350 604 » »
		<u>2 313 470 ф. ст.</u>
За вычетом		
расходов	254 000 ф. ст.]	
гербового сбора	42 000 » »	296 000 » »
		<u>2 017 470 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 280 ф. ст.	
Налог на собственность	201 747 » »	1 365 987 » »
	<u>Прибыль</u>	<u>651 483 ф. ст.</u>

То же за год, начинающийся 5 января 1811 г.

Прежние сбережения	8 354 651 ф. ст.	
Прибыль за 1810 г.	651 483 » »	
	<u>9 006 134 ф. ст.</u>	
Банкноты	23 547 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<u>43 553 134 ф. ст.</u>	
За вычетом		
займа прави-		
тельству	3 000 000 ф. ст.	по 3% . . 90 000 ф. ст.
то же, беспроц.	3 000 000 » »	
наличности и		
слитков	3 000 000 » »	9 000 000 » »
		<u>34 553 134 ф. ст. по 5% 1 727 765 » »</u>
		<u>1 817 765 ф. ст.</u>
Управление национальным долгом .	211 300 » »	
Комиссионные по займу	14 705 » »	
» » лотереям	4 000 » »	
» » пожизненным ан-		
нуитетами	206 » »	
Комиссионные за взимание налога на собственность	3 454 » »	233 662 » »
Процент на капитал		350 604 » »
		<u>2 402 031 ф. ст.</u>
Расходы	264 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	42 000 » »	306 000 » »
		<u>2 096 031 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность	209 603 » »	1 373 843 » »
	<u>Прибыль</u>	<u>722 188 ф. ст.</u>

То же за год, начинающийся 5 января 1812 г.

Прежние сбережения	9 006 134 ф. ст.	
Прибыль за 1811 г.	722 188 » »	
	<u>9 728 322 ф. ст.</u>	
Банкноты	23 462 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<u>44 190 322 ф. ст.</u>	
За вычетом		
займа прави-		
тельству	3 000 000 ф. ст.	по 3% . . 90 000 ф. ст.
то же, беспроц.	3 000 000 » »	
наличности и		
слитков	<u>3 000 000 » »</u>	<u>9 000 000 » »</u>
		35 190 322 ф. ст. по 5% 1 759 516 » »
Управление национальным долгом	208 000 » »	
Комиссионные по займу	19 031 » »	
» » пожизненным ан-		
нуитетами	369 » »	
Комиссионные за взимание налога		
на собственность	<u>3 154 » »</u>	<u>230 554 » »</u>
Процент на капитал		<u>350 604 » »</u>
		<u>2 430 674 ф. ст.</u>
Расходы	273 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	<u>42 000 » »</u>	<u>315 000 » »</u>
		<u>2 115 674 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность	<u>211 567 » »</u>	<u>1 375 817 » »</u>
	<u>Прибыль</u>	<u>739 867 ф. ст.</u>

То же за год, начинающийся 5 января 1813 г.

Прежние сбережения	9 728 322 ф. ст.	
Прибыль за 1812 г.	739 867 » »	
	<u>10 468 189 ф. ст.</u>	
Банкноты	24 080 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<u>45 548 189 ф. ст.</u>	
За вычетом		
займа прави-		
тельству	3 000 000 ф. ст.	по 3% . . 90 000 ф. ст.
то же, беспроц.	3 000 000 » »	
наличности и		
слитков.	<u>3 000 000 » »</u>	<u>9 000 000 » »</u>
		36 548 189 ф. ст. по 5% 1 827 400 » »
		<u>1 917 400 ф. ст.</u>

Управление национальным долгом	223 100 ф. ст.	
Комиссионные по займу	21 639 » »	
То же	2 000 » »	
Комиссионные по пожизнен. аннуитетам	462 » »	
Комиссионные за взимание налога на собственность	3 154 » »	250 355 ф. ст.
Процент на капитал		350 604 » »
		<u>2 518 359 ф. ст.</u>
Расходы	283 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	42 000 » »	325 000 » »
		<u>2 193 359 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Комиссионные за взимание налога на собственность	219 333 » »	1 383 573 » »
П р и б ы л ь		<u>809 786 ф. ст.</u>

То же за год, начинающийся 5 января 1814 г.

Прежние сбережения	10 468 189 ф. ст.	
Прибыль за 1813 г.	809 786 » »	
	<u>11 277 975 ф. ст.</u>	
Банкноты	27 840 000 » »	
Вклады	11 000 000 » »	
	<u>50 117 975 ф. ст.</u>	
За вычетом беспроцентно- го займа правительству	3 000 000 ф. ст.	
наличности и слитков	3 000 000 » »	6 000 000 » »
	<u>44 117 975 ф. ст.</u>	по 5% 2 205 898 ф. ст.
Управление национальным долгом .	227 000 ф. ст.	
Комиссионные по займу	42 200 » »	
» » пожизненным аннуитетам	576 » »	
Комиссионные за взимание налога на собственность	3 154 » »	272 930 » »
Процент на капитал		350 604 » »
		<u>2 829 432 ф. ст.</u>
Расходы	292 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	42 000 » »	334 000 » »
		<u>2 495 432 ф. ст.</u>
10% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность	249 543 » »	1 413 783 » »
П р и б ы л ь		<u>1 081 649 ф. ст.</u>

То же за год, начинающийся 5 января 1815 г.

Прежние сбережения	41 277 975 ф. ст.	
Прибыль за 1814 г.	1 081 649 » »	
	<hr/>	
	12 359 624 ф. ст.	
Банкноты	27 300 000 » »	
Вклады	41 000 000 » »	
	<hr/>	
	50 659 624 ф. ст.	
За вычетом		
займа прави-		
тельству	3 000 000 ф. ст.	
наличности и		
слитков	3 000 000 » »	
	<hr/>	
	6 000 000 » »	
	<hr/>	
	44 659 624 ф. ст.	по 5% 2 232 980 ф. ст.
Управление национальным долгом	250 000 » »	
Комиссионные по займу	28 800 » »	
» » пожизненным ан-		
нуитетами	700 » »	
Комиссионные за взимание налога		
на собственность	3 154 » »	282 654 » »
	<hr/>	
Процент на капитал		350 664 » »
		<hr/>
		2 866 218 ф. ст.
Расходы	300 000 ф. ст.	
Гербовый сбор	87 500 » »	
	<hr/>	
		387 500 » »
		<hr/>
		2 478 738 ф. ст.
40% дивиденда	1 164 240 ф. ст.	
Налог на собственность	247 873 » »	
	<hr/>	
		1 412 113 » »
	<hr/>	
	Прибыль	1 066 625 ф. ст.

Январь 1816 г.

Прежние сбережения	42 359 624 ф. ст.
Прибыль за 1815 г.	1 066 625 » »
	<hr/>
	43 426 249 ф. ст.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Резолюция об Английском банке, предложенная г-ном Гренфеллом

1. Оказывается, что за управление национальным долгом, включая расходы по взиманию взносов на займы и лотереи за год, оканчивающийся 5 июля 1792 г., государство уплатило Английскому банку сумму в 99 803 ф. ст. 12 шилл. 5 пенс. и что за подобную же услугу ему была уплачена в году, оканчивающемся 5 апреля 1815 г., сумма в 281 568 ф. ст. 6 шилл. 11¹/₄ пенса, что составляет увеличение на 181 764 ф. ст. 14 шилл. 6¹/₄ пенса. сверх того Английский банк брал комиссионные в размере 1 250 ф. ст. с миллиона со всей суммы налога на собственность, поступающего в банк и с доходов, доставляемых профессиями, промыслами и государственными должностями.

2. Что вся сумма банкнот и соло-векселей банка, находившихся в обращении в 1795 и 1796 гг. (этот год предшествовал приостановке размена на звонкую монету) и в 1814 г., составляла:

Годы	На 1 февраля	На 1 августа
1795	12 735 520	11 214 000
1796	10 784 740	9 856 110
1814	25 154 950	28 802 450

3. Что в настоящее время, а также в продолжение ряда истекших лет, в особенности после 1806 г., значительные суммы государственных денег, дававших в среднем в совокупности устойчивый итог во много миллионов, вносились в качестве вкладов или в другой форме на хранение в Английский банк, действовавший в этом отношении в качестве государственного банка.

4. Что доклад Комитета государственных расходов Соединенного королевства, распоряжение о печатании которого было дано 10 августа 1807 г., показывает, что общая сумма балансов и вкладов государственных денег, находившаяся в распоряжении Английского банка, включая банкноты, внесенные в казначейство, подытоженная в четыре различные даты квартала, заканчивающегося 5 января 1807 г., колебалась между следующими суммами:

11 461 200 ф. ст.	} включая банкноты, хранящиеся в кладовых казначейства,
и 12 198 236 » »	
или	
8 178 536 » »	} без банкнот, переданных в казначейство ¹ .
и 9 948 400 » »	

5. Что общая сумма этих вкладов вместе с билетами казначейства и банкнотами, депонированными в кладовых четырех кассиров казначейства, составляла в среднем в 1814 г. 11 966 371 ф. ст., включая банкноты, депонированные в казначействе, сумма которых доходит до 642 264 ф. ст., или 11 324 107 ф. ст. без банкнот, депонированных в казначействе.

6. Что общая сумма вкладов вместе с той частью выпущенных в обращение банкнот и соло-векселей банка, которую последний превратил в обязательства, приносящие процент, доставляла в течение того же периода проценты и прибыль Английскому банку.

7. Что после 1806 г. единственная форма участия государства в прибылях, получавшихся таким образом банком с вкладов государства, состояла в займе в 3 млн. ф. ст., сделанном Английским банком государству из 3% на основании акта 46-го года царствования Георга III, статья 41, каковой заем был выплачен в декабре 1814 г., и в другом займе в 3 млн. ф. ст., беспроцентном, сделанном

¹ См. «Доклад», стр. 74 и 75.

на основании акта 48-го года царствования Георга III, статья 3, каковой заем подлежал уплате в декабре 1815 г., но в силу акта текущей парламентской сессии, статья 16, был продолжен до 5 апреля 1816 г.

8. Что палата общин обратит в ближайший срок внимание на выгоды, извлекаемые Английским банком как из управления национальным долгом, так и из общей суммы денег по счетам государства, остающихся в его распоряжении, для того чтобы заключить по истечении ныне существующих обязательств такое соглашение, которое соответствовало бы как интересам государства, так и правам, кредиту и устойчивости Английского банка.

43 июня 1815 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

Резолюция об Английском банке, предложенная г-ном Мэллишем

1. Что в вознаграждение за управление национальным долгом акт 31-го года царствования Георга III, статья 33, предоставил Английскому банку по 450 ф. ст. с каждого миллиона капитальной суммы долга, переданной банку, каковое вознаграждение составило в течение года, закончившегося 5 июля 1792 г., сумму в 98 803 ф. ст. 12 шилл. 5 пенс. с переданной банку суммы, равной приблизительно 219 596 тыс. ф. ст.; актом 48-го года царствования Георга III, статья 4, сумма эта была понижена до 340 ф. ст. с миллиона со всех сумм, не превосходящих 600 млн. ф. ст., и до 300 ф. ст. со всех сумм, превосходящих это количество, благодаря чему Английский банк имел право получить в течение года, закончившегося 5 апреля 1815 г., сумму в 241 971 ф. ст. 4 шилл. 2 $\frac{1}{4}$ пенса с капитальной суммы долга, равной приблизительно 726 570 700 ф. ст., и 798 ф. ст. 3 шилл. 7 пенс. с суммы 2 347 588 ф. ст., переданной по 3% на пожизненные аннуитеты; это составляет увеличение в 143 965 ф. ст. 15 шилл. 4 $\frac{1}{4}$ пенса платы за управление при увеличении капитальной суммы долга на 509 322 тыс. ф. ст. Сверх того Английскому банку было предоставлено 1 тыс. ф. ст. за взимание взносов на сумму в 812 500 ф. ст. по лотерее, имевшей место в течение года, окончившегося 5 июля 1792 г., и 38 798 ф. ст. 19 шилл. 2 пенса за взимание взносов на сумму в 46 585 533 ф. ст. 6 шилл. 8 пенс. по займам и лотереям в течение года, закончившегося 5 апреля 1815 г.

2. Что, как оказывается, начиная с 1806 г. и до настоящего времени Английский банк взимал на основании акта 46-го года царствования Георга III, статья 65, налог с прибыли, доставляемой собственностью, с владельцев всего консолидированного долга, переданного в ведение Английского банка, и вычитал указанный налог по различным дивидендным свидетельствам, число

которых доходило в год, закончившийся 5 апреля 1815 г., до 565 600, и что банк выполнял эти операции без всяких расходов или вознаграждений со стороны государства.

Что в исполнение вышеупомянутого акта вычитаемые таким образом налоги помещались от времени до времени на «счет комиссаров казначейства по счету названного налога» вместе с другими суммами, получаемыми от государства в силу названного закона, причем часть этих денег расходовалась на уплату по свидетельствам о взносе платежей, а остаток вносился в казначейство.

Что в силу указанного акта комиссары казначейства дали Английскому банку право на ежегодное вознаграждение из расчета 1 250 ф. ст. на каждый миллион с сумм, помещенных в Английском банке на счет комиссаров казначейства, за взимание, производство платежей и счетоводство по этим суммам, каковое вознаграждение не превосходило, однако, ни в один год суммы в 3 480 ф. ст. и составляло в среднем за восемь лет всего 3 154 ф. ст. в год.

Сумма налогов, поступивших за год, закончившийся 5 апреля 1814 г., равнялась 2 784 343 ф. ст.; если бы эта сумма взималась обычным способом за вознаграждение в 5 пенс. с фунта, она обошлась бы государству в 58 007 ф. ст., а издержки по взиманию 20 188 293 ф. ст., т. е. всей суммы налога, полученного с 1806 по 1814 г., за которую банком было получено вознаграждение, составили бы из этого же расчета 420 589 ф. ст.

Что все деньги, полученные Английским банком в счет налога на собственность, уплачиваются казначейству немедленно после их поступления; при сопоставлении этого факта с обыкновенным поступлением денег в казначейство можно оценить выгоду, получаемую государством, довольно точно в 2%; со всей же суммы налогов за год, закончившийся 5 апреля 1814 г., это даст 55 686 ф. ст., а за все время с 1806 по 1814 г.—403 765 ф. ст.

3. Что вся совокупность банкнот и соло-векселей Английского банка, находившихся в обращении в 1795 и 1796 гг. (последний год предшествовал прекращению платежей звонкой монетой) и в 1814 г., составляла (в ф. ст.):

Годы	На 1 февраля	На 1 августа
1795	12 735 520	11 214 000
1796	10 784 740	9 856 110
1814	25 154 950	28 802 450

4. Что в настоящее время и в течение многих предшествующих лет как до, так и после возобновления хартии Английского банка значительные суммы государственных денег были помещены в виде вкладов или в другой форме на хранение у управляющего и компании Английского банка, который в этом отношении действует

в качестве банкира государства. Средний баланс этих вкладов как до, так и после возобновления хартии составлял:

Баланс государственных денег в среднем за год, закончившийся 5 января 1800 г.	1 724 747 ф. ст.
Невостребованные дивиденды в среднем за год, закончившийся 1 января 1800 г.	837 966 » »
	<hr/>
	2 562 713 ф. ст.
Баланс государственных денег в среднем за восемь лет, с 1807 по 1815 г.	4 375 405 ф. ст.
Невостребованные дивиденды в среднем за восемь лет, с 1807 по 1815 г.	634 614 » »
	<hr/>
	5 010 019 ф. ст.

5. Что из доклада Комитета государственных расходов Соединенного королевства, распоряжение о напечатании которого было дано 10 августа 1807 г., явствует, что общая сумма балансов и вкладов государственных денег, находившаяся в распоряжении Английского банка, включая банкноты, внесенные в казначейство, подытоженная в четыре различные даты квартала, заканчивающегося 5 января 1807 г., колебалась между суммами в 11 461 200 и 12 198 236 ф. ст.; исключая же банкноты, переданные в казначейство, сумма эта колебалась между 8 178 536 и 9 948 400 ф. ст.; при этом причина такого исключения не ясна, так как в силу акта 48-го года царствования Георга III, статья 3, счетчики казначейства уполномочены принимать в качестве обеспечения за помещенные деньги как билеты казначейства, так и банкноты управляющего и компании Английского банка. Оказывается также, что на основании отчетов, предъявленных палате общин в текущую сессию парламента, общая сумма этих вкладов вместе с билетами казначейства и банкнотами, депонированными в кладовых четырех кассиров казначейства, составляла в среднем в 1814 г. 11 966 371 ф. ст., включая банкноты, депонированные в казначействе, на сумму, равную 642 264 ф. ст., и 11 324 107 ф. ст. без банкнот, депонированных в казначействе.

6. Что согласно отчетам, представленным палате общин, оказывается, что общая сумма всех балансов государственных денег, находившихся в руках Английского банка с февраля 1807 г. до февраля 1815 г., равнялась в среднем 5 010 019 ф. ст. и что средняя сумма билетов казначейства и банкнот, депонированных в кладовых четырех кассиров казначейства с августа 1807 г. до апреля 1815 г., равнялась 5 968 793 ф. ст.; это составляет вместе 10 978 812 ф. ст., или на 850 906 ф. ст. меньше, чем средняя из двух сумм, приведенных в двух упомянутых отчетах за год, заканчивающийся 5 января 1807 г., как указано в докладе Комитета государственных расходов.

7. Что в силу актов 39 и 40-го годов царствования Георга III, статья 28, продливших хартию Английского банка на 21 год, последний авансировал государству 3 млн. ф. ст. на шесть лет без процентов, а заем в 11 686 800 ф. ст. продлил на 21 год из 3% годовых в виде вознаграждения за привилегии, прибыль, награждения, барыши и выгоды, предоставленные банку подобным расширением его хартии.

Что проценты с 3 млн. ф. ст. при 5% в год составляют за шесть лет	900 000 ф. ст.
Что разница между 3 и 5% с 11 686 800 ф. ст. составляет 233 736 ф. ст., а в течение 21 года	4 908 456 * *
Что упомянутый выше заем в 3 млн. ф. ст. был продлен государству с 1806 г., когда он должен был быть уплачен, до 1814 г. из 3%, а это дает государству выгоду в 2%, или 60 тыс. ф. ст. в год, а за восемь лет и восемь месяцев	520 000 * *
Что в 1808 г. Английский банк авансировал государству без процентов 3 млн. ф. ст. и что этот заем должен остаться в силу принятого в текущую сессию акта беспроцентным до 5 апреля 1816 г.; 5% по этой ссуде составят в течение восьми лет	1 200 000 * *

8. Что в силу актов 39 и 40-го годов царствования Георга III, статья 28, отд. 13, Английский банк будет пользоваться в течение срока действия хартии всеми привилегиями, прибылями, награждениями, барышами и выгодами всякого рода, какими он обладает и пользуется ныне в силу каких-либо операций, совершаемых им для государства или по его поручению.

Что до возобновления его хартии Английский банк был использован в качестве государственного банка, который держал у себя наличность всех главных департаментов, получающих государственные доходы, а также ведал и производил государственные расходы и т. д.

Что средняя сумма государственных балансов, находившихся в руках банка между 1 февраля 1814 г. и 15 января 1815 г., согласно счетам, открытым в банке до возобновления хартии 28 марта 1800 г., составляла . .	4 337 025 ф. ст.
Невостребованные дивиденды составляли в среднем за год, заканчивающийся 1 января 1815 г.	779 794 * *
	<hr/>
	5 116 819 ф. ст.
Что средняя сумма балансов государственных денег, находившихся в распоряжении банка за этот же период, по счетам, открытым в банке между 28 марта 1800 г. и 27 февраля 1808 г., составляла	370 018 ф. ст.
Что средняя сумма балансов государственных денег, находившихся в распоряжении банка за этот же период, по счетам, открытым в банке после 27 февраля 1808 г., составляла	261 462 * *

9. Что по истечении срока соглашения, действующего в настоящее время между государством и Английским банком, может оказаться уместным рассмотреть выгоды, извлекаемые банком из его сделок с государством, с целью установить новый порядок, могущий соответствовать тем началам справедливости и взаимного доверия, которые должны господствовать во всех сделках между государством и Английским банком.

26 июня 1845 г.

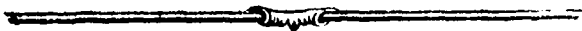


ОПЫТ
О СИСТЕМЕ
ФУНДИРОВАННЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ЗАЙМОВ



*Написан для дополнения
к шестому изданию*

БРИТАНСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ



1820



ОПЫТ О СИСТЕМЕ ФУНДИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ

Под этим заглавием мы предполагаем дать сначала очерк возникновения, развития и изменений, которые претерпевал *фонд погашения*, и высказать попутно некоторые замечания относительно вероятности достижений той цели, для которой он предназначен; далее мы рассмотрим вкратце лучший способ покрытия наших ежегодных расходов как во время войны, так и во время мира; это исследование должно по необходимости включить и политику *системы фидированных государственных займов*, поскольку фонд погашения издавна рассматривался как главная опора и главный аргумент в ее пользу.

1. По вопросу о фонде погашения нам придется нередко ссылаться на положения проф. Гамильтона в его весьма ценном сочинении «Исследование о возникновении, развитии, погашении и современном состоянии национального долга Великобритании». «Первый план ликвидации национального долга, построенный по определенной системе и проводившийся в жизнь со значительной степенью твердости,—говорит этот сведущий писатель,—был связан с фондом погашения, учрежденным в 1716 г. Автором этого плана был лорд Стенхоп, но так как он был принят в период, когда во главе министерства стоял сэр Роберт Волпол, то план обыкновенно называется его именем. Налоги, которые прежде вводились на ограниченный период времени, были превращены в постоянные и распределены между фондами *Южного океана, сборным и общим*, а так как поступления от этих фондов были больше, чем связанные с ними расходы, то получаемые излишки, а также излишки, которые могли получиться впоследствии, были объединены под названием *фонда погашения* и предназначены для ликвидации национального долга: при этом было категорически запрещено употреблять этот фонд для каких бы то ни было других целей. Установленный законный процент был приблизительно за два года до этого понижен с 6 до 5%, а так как это понижение соответствовало¹ коммерческому положению страны, то правительство

¹ В издании Мак-Кэллоха вместо «соответствовало» сказано «неблагоприятствовало».

могло теперь добиться такого же понижения для процентов по государственному долгу и использовать полученные таким путем сбережения для увеличения фонда погашения. В 1727 г. было осуществлено дальнейшее снижение уровня процента по государственному долгу—с 5 до 4%, что позволило прибавить к фонду погашения около 400 тыс. ф. ст., а в 1749 г. уровень процента по одной части долга был снова снижен до $3\frac{1}{2}\%$ на ближайшие семь лет и до 3% после этого срока. В 1750 г. уровень процента по остальной части долга был также снижен до $3\frac{1}{2}\%$ на ближайшие пять лет и до 3% после этого срока, благодаря чему к фонду погашения было прибавлено дальнейшее сбережение в 600 тыс. ф. ст.».

В течение некоторого времени фонд погашения регулярно использовывался для погашения долга. Сумма, затраченная с этой целью с 1716 по 1728 г., достигала 6 648 тыс. ф. ст., что почти равнялось добавочному долгу, заключенному за это время. С 1728 по 1733 г. уплачено было еще 5 млн. ф. ст. Проценты по различным займам, заключенным с 1727 по 1732 г., покрывались из излишков, оставшихся от налогов, которые согласно первоначальному плану должны были причисляться к фонду погашения.

«Вскоре после этого принцип неприкосновенности фонда погашения был нарушен. В 1733 г. из этого фонда взяты были 500 тыс. ф. ст. и затрачены на текущие нужды... В 1734 г. 1 200 тыс. ф. ст. снова взяты были из фонда погашения для текущих нужд, а в 1735 г. он был антиципирован и заложен». Размер фонда погашения составлял при его возникновении в 1717 г. 323 437 ф. ст. В 1776 г. он достиг своего максимума, будучи тогда равным 3 166 517 ф. ст., а в 1780 г. он упал до 2 403 017 ф. ст.

«Фонд погашения поднялся бы до более высокой суммы, если бы он не уменьшался от различных изъятий, особенно в течение последнего периода. Он был обременен уплатой процентов по различным займам, для покрытия которых не было предусмотрено никаких источников, а в 1772 г. на этот же фонд была возложена ежегодная уплата 100 тыс. ф. ст., пожалованных на добавления к гражданскому листу. В течение трех войн, которые велись в период существования фонда погашения, весь доход от него затрачивался на военные нужды, и даже в мирное время из него изымались крупные суммы на текущие расходы. Согласно д-ру Прайсу сумма государственного долга, оплаченного из фонда погашения начиная с первого отчуждения, сделанного в 1733 г., составляла 3 млн. ф. ст., выплаченных в 1736 и 1737 гг., 3 млн. ф. ст., выплаченных в мирное время с 1748 по 1756 г., и $2\frac{1}{2}$ млн. ф. ст., выплаченных в мирное время между 1763 и 1775 г., всего же $8\frac{1}{2}$ млн. ф. ст.

Погашение добавочного долга производилось в течение этих мирных периодов не за счет фонда погашения, а из других источников».

«В общем и целом фонд этот дал очень мало для ликвидации национального долга в мирное время и ровно ничего во время войны. Намерение использовать его исключительно для этой цели было оставлено, и надежды, возлагавшиеся на мощный эффект, который он мог дать, оказались совершенно обманутыми. В это время нация не имела другого свободного дохода, кроме земельного налога и налога на солод, вотируемых ежегодно, а так как поземельный налог взимался во время мира по низкой норме, то доход от него не был адекватен даже и в самой умеренной степени нуждам мирного положения. Это дало повод к изъятиям из фонда погашения. Если бы земельный налог взимался всегда в размере 4 шилл. с фунта, то в мирное время он в значительной степени помог бы сохранению фонда погашения в неприкосновенности».

Существование первого фонда погашения прекратилось в 1786 г., когда был учрежден фонд погашения имени Питта.

Для создания этого нового фонда парламент ассигновал 1 млн. ф. ст. в год. Капитальная сумма национального долга равнялась тогда 238 231 248 ф. ст.

Этот миллионный фонд было разрешено увеличивать по сложным процентам путем прибавки к нему дивидендов с фондов, приобретаемых на него, до тех пор, пока он не достигнет 4 млн. ф. ст., с этого же времени он не должен был больше возрастать. Начиная с этого времени 4 млн. ф. ст. должны были, как и прежде, ежегодно помещаться в государственные фонды, но дивиденды, получаемые с этой суммы, не должны были больше прибавляться к фонду погашения с целью дальнейшего помещения их в государственные фонды; они должны были быть обращены на уменьшение налогов или на какую-либо другую цель, указанную парламентом.

Дальнейшее увеличение этого фонда было предложено Питтом и с готовностью принято в 1792 г. Оно состояло из субсидии в 400 тыс. ф. ст., получавшейся из остатков от государственных доходов, и из дальнейшей ежегодной субсидии в 200 тыс. ф. ст. Было, однако, категорически решено, что, поскольку дело касалось этого фонда, государство не должно производить никакого уменьшения налогового обложения до тех пор, пока первоначальный 1 млн. ф. ст. не дойдет вместе со своими накоплениями до суммы в 4 млн. Увеличение фонда за счет единовременной субсидии в 400 тыс. ф. ст. и ежегодной в 200 тыс., а также проценты на фонды, приобретенные за счет этих сумм, не должны были приниматься или рассматриваться как составные части этих 4 млн. ф. ст. Тогда же (в 1792 г.) был учрежден фонд погашения нового рода. Было постановлено, что, кроме отчислений на проценты по каждому займу, заключенному после этого года, должен быть также установлен налог для создания фонда погашения в 1% с капитальной суммы займа. Этот фонд должен был употребляться исключительно на ликвидацию, именно данного

займа. Налоги, из которых составлялся однопроцентный фонд погашения, не могли быть использованы для нужд государства до тех пор, пока на них не будет куплена сумма фондов, равная той сумме, на которую был заключен заем. Лишь после того как это было бы достигнуто, как проценты, так и фонд погашения могли употребляться на нужды государства. Было вычислено, что при самых неблагоприятных обстоятельствах каждый заем был бы погашен в течение 45 лет со времени его заключения. Если бы заем был заключен из 3% и курс его держался бы постоянно на 60, то погашение было бы осуществлено в 29 лет.

В 1798, 1799 и 1800 гг. от этого плана Питта, предусматривавшего отчисления в фонд погашения 1% с капитальной суммы каждого заключенного займа, было сделано отступление—в эти годы для новых займов не создавался специальный фонд погашения. Проценты по займам платились из военных налогов, и вместо однопроцентного фонда погашения было предусмотрено, что военные налоги будут взиматься и после заключения мира и использоваться для погашения займов до тех пор, пока последние не будут ликвидированы полностью.

В 1802 г. канцлером казначейства был лорд Сидмут, тогда г-н Аддингтон. Желая освободить военные налоги от тех уплат, которые были на них возложены, он предложил взимать новые постоянные ежегодные налоги для покрытия процентов по займам, о которых мы только что говорили, а также и по тому займу, который он вынужден был заключить в 1802 г. для покрытия текущих нужд. Но он хотел избежать отягощения страны добавочными налогами для создания однопроцентного фонда погашения с капитальной суммы этих займов, которая составляла тогда всего 86 796 375 ф. ст. Чтобы примирить держателей государственных займов с этой мерой, он предложил отменить постановление, ограничивавшее фонд 1786 г. 4 млн. ф. ст., и консолидировать старый и новый фонды погашения, т. е. тот, который образовался из первоначального 1 млн. ф. ст. в год с прибавкой, сделанной к нему позднее путем предоставления ежегодной субсидии в 200 тыс. ф. ст., и тот, который образовался из 1% с капитальной суммы каждого займа, заключенного начиная с 1792 г. Эти соединенные фонды должны были употребляться с этого времени согласно его предложению на погашение всей совокупности долгов без различия их. Дивиденды, получаемые с фондов, приобретенных комиссарами казначейства в видах уменьшения национального долга, должны были использоваться для той же цели. Этот план не должен был подвергаться изменению до тех пор, пока не будет закончена ликвидация всего долга.

В феврале 1803 г. национальный долг составлял уже сумму в 480 572 470 ф. ст., а весь соединенный фонд погашения—6 311 626 ф. ст. В 1786 г. отношение фонда погашения к долгу равнялось 4 : 238, в 1792 г.—1 : 160, а в 1803 г.—1 : 77.

Это было первое существенное отступление от плана Питта, и это изменение, сделанное лордом Сидмутом, не было, пожалуй, в общем невыгодным для держателей государственных займов. Они, правда, теряли непосредственную выгоду от наличия добавочного фонда погашения в 867 963 ф. ст.—сумму в 1% с капитальной суммы займов, заключенных в 1798, 1799, 1800 и 1802 гг., но «вместо этого фонда погашения,—говорит г-н Гэскиссон,—был создан фонд погашения с обратным действием, который должен был, правда, начать функционировать лет через 12—15, но с момента, когда он начнет действовать, он должен был давать такой эффект и благодаря последующим прибавкам накапливаться таким ускоренным темпом, что при самых неблагоприятных условиях весь национальный долг мог быть наверное ликвидирован в течение 45 лет. Этот фонд погашения с обратным действием должен был образоваться следующим образом: *старый* фонд погашения, накапливающийся по *слезным* процентам, должен был быть сохранен и *после того*, как он достигнет *максимума* в 4 млн. ф. ст.; должен был также быть сохранен и *новый* фонд погашения, или общая сумма однопроцентных взносов по займам, заключенным с 1792 г., оставшаяся *после* погашения с помощью этих взносов различных займов, в связи с которыми они были первоначально введены. Таким образом, в законе 1802 г. нет ничего, что являлось бы уклонением от духа закона 1792 г.»¹

Следующее изменение, предложенное по отношению к фонду погашения, было сделано в 1807 г. лордом Генри Петти, тогда канцлером казначейства. Его план был крайне сложен, и целью его являлся именно тот шаг, на который так охотно соглашались всегда все министры: он хотел облегчить тягость налогов в настоящее время, переложив ее на будущее.

Лорд Генри Петти вычислил, что расходы страны во время войны превосходят ее постоянный и ежегодный доход на 32 млн. ф. ст. 21 млн. ф. ст. из этого дефицита были покрыты за счет военных налогов—налога на собственность в размере 11 500 тыс. ф. ст. и других военных налогов в размере 9 500 тыс. ф. ст. Задача заключалась следовательно в том, чтобы раздобыть еще 11 млн. ф. ст. в год. Если бы эта сумма была получена посредством займа из 3% при курсе в 60, то уплату процентов и взносы в фонд погашения надо было бы обеспечить путем налогов; для этого каждый год потребовались бы добавочные налоги на сумму в 733 333 ф. ст. Но правительство желало получить деньги, не прибегая к этим добавочным налогам или устанавливая их в наименьшем размере, какой только позволяли обстоятельства. С этой целью оно предложило взимать требуемые деньги обычным путем—путем займа, но отчислять из военных налогов сумму, необходимую

¹ Речь о положении финансов и фонде погашения, произнесенная г-ном Гэскиссоном 25 марта 1813 г.

для уплаты процентов и погашения заключенного займа. Оно предложило увеличить фонд погашения каждого такого займа путем вычета из военных налогов 10% всей его суммы для уплаты процентов и взносов в фонд погашения; таким образом, если бы проценты и расходы по управлению этим займом поглощали только 5%, то фонд погашения составил бы также 5%, а если бы проценты поглощали только 4%, то фонд погашения составил бы 6%. Суммы займов, которые предполагалось заключить этим способом, равнялись бы 12 млн. ф. ст. в первые три года, 14 млн. в течение четвертого и 16 млн. в каждый последующий год. Все это вместе составило бы за 14 лет сумму в 210 млн. ф. ст., гарантией для которой явились бы при отчислениях в 10% все военные налоги. Было вычислено, что при помощи фонда погашения каждый заем был бы ликвидирован в течение 14 лет со времени его заключения и что следовательно 1200 тыс. ф. ст., отложенные на проценты и на взносы в фонд погашения по первому займу, были бы высвобождены и могли бы быть использованы для нового займа 15-го года. В конце 15 лет была бы высвобождена такая же сумма, и это повторялось бы каждый последующий год; таким образом, при такой системе можно было бы продолжать заключать займы до бесконечности.

Но эти последовательно поступающие суммы нельзя было бы извлекать из военных налогов для уплаты процентов и взносов в фонд погашения по займам и затрачивать в то же время на текущие расходы, поэтому дефицит в 11 млн. ф. ст., для которого нужно было делать отчисления, возрастал бы из года в год по мере того, как поглощались бы военные налоги; в конце же 14 лет, когда вся сумма военных налогов—21 млн. ф. ст.—была бы поглощена, дефицит возрос бы с 11 до 32 млн. ф. ст.

Чтобы покрыть этот растущий дефицит, было предложено заключить добавочные займы, сумма которых возрастала бы из года в год, причем отчисление на проценты и в фонд погашения по этим займам производилось бы обычным путем, т. е. при помощи ежегодных постоянных налогов; фонд погашения для этих займов не должен был превышать 1%.

Согласно предложенному плану через 15 лет с момента начала его осуществления и при предположении, что война продолжалась бы так долго, основной заем составлял бы 12 млн. ф. ст., а дополнительный—20 млн.

Если бы военные расходы *превысили* составленную тогда смету, этот излишек *должен был* быть покрыт из других средств.

Так как министерство, предложившее этот план, недолго оставалось у власти, то он действовал всего только один год. «При сравнении достоинств различных систем,—говорит д-р Гамильтон,—приходится принимать во внимание лишь следующие моменты: сумму, на которую заключены займы, ту часть последних, которая уже погашена, проценты, платимые по ним, и суммы;

взимаемые путем налогов. Различные способы заключения этих займов и образование особых фондов для уплаты процентов по ним являются делом официального регулирования, и положение государственных финансов не становится ни хуже, ни лучше от того, совершается ли это регулирование тем или иным способом. Сложная система может запутать дело и привести к ошибкам, но она никогда не может улучшить финансовое положение». В соответствии с этим утверждением д-р Гамильтон показал, что вся сумма налогов, которая была бы выплачена в течение 20 лет для ликвидации ежегодного займа в 11 млн. ф. ст., сообразно старому плану однопроцентного фонда погашения составила бы 154 млн. ф. ст. По плану же лорда Генри Петти эти налоги составили бы в течение того же времени 93 млн., а это дает разницу в 51 млн. в пользу плана лорда Петти; но чтобы добиться такого уменьшения, мы обременили бы себя дополнительным долгом в 119 489 788 ф. ст. денежного капитала, который равнялся бы при 3% и при курсе в 60 номинальному капиталу в 199 149 646 ф. ст.

Фонд погашения был введен с целью уменьшения национального долга в мирное время и предупреждения быстрого роста его в продолжение войны. Единственная мудрая и благая цель военных налогов заключается следовательно в том, чтобы предупредить накопление долга. Фонд погашения и военные налоги полезны только в том случае, если они употребляются единственно лишь для той цели, для которой они взимаются; они превращаются в орудие злоупотребления и обмана, если ими пользуются для уплаты процентов по новым займам.

В 1809 г. г-н Персиваль, бывший тогда канцлером казначейства, отчислил 1 040 тыс. ф. ст. из общей суммы военных налогов для покрытия процентов и фонда погашения по займу, заключенному им в этом году.

Взяв свыше 1 млн. ф. ст. из военных налогов не для ежегодных расходов, а для покрытия процентов по займу, г-н Персиваль вызвал тем самым необходимость прибавить 1 млн. ф. ст. к займу ближайшего года и всех последующих лет; таким образом, по своим действительным последствиям эта мера несколько не отличалась бы от постановления ежегодно брать такую же сумму из фонда погашения.

В 1813 г. произведено было еще одно и наиболее важное изменение в фонде погашения. Канцлером казначейства был тогда г-н Ванситарт. Мы уже заметили, что в 1786 г., когда Питт учредил свой фонд погашения в 1 млн. ф. ст., национальный долг доходил до 238 231 248 ф. ст. Как только сумма в 1 млн. ф. ст. достигла бы благодаря дивидендам с государственных бумаг, купленных на эту сумму, 4 млн., дальнейшее накопление должно было прекратиться в силу закона 1786 г., дивиденды же с приобретенных фондов должны были обращаться на государственные нужды. Если бы к моменту увеличения этого миллиона путем накопления

до 4 млн. ф. ст. трехпроцентные фонды котировались по 60, государство располагало бы ежегодно фондом в 20 тыс. ф. ст., при курсе в 80—фондом в 15 тыс. ф. ст., и государство не могло бы получить финансового облегчения до тех пор, пока 4 млн. ф. ст. не помогли бы выкупить всю сумму в 238 млн. ф. ст.—тогдашний размер государственного долга. В 1792 г. г-н Питт прибавил к фонду погашения 200 тыс. ф. ст. в год и высказал при этом следующие соображения: «Когда сумма в 4 млн. ф. ст. была первоначально фиксирована как лимит для фонда погашения, то из прибавочного дохода не предполагалось извлекать более 1 млн. ф. ст. в год; следовательно фонд погашения не достиг бы 4 млн. ф. ст. до тех пор, пока не была бы выплачена такая часть долга, проценты по которой вместе с ежегодными аннуитетами, срок которых мог бы истечь в этот промежуток времени, не возросли бы до 3 млн. ф. ст. Но так как согласно существующему плану дополнительные суммы сверх первоначального миллиона должны быть ежегодно извлекаемы из дохода и обращаться на увеличение фонда погашения, то в результате, при дальнейшем ограничении 4 млн. ф. ст. этого фонда вместе с прибавлениями к нему, он достиг бы этой цифры, и накопление прекратилось бы раньше, чем была бы погашена та доля долга, какая первоначально предполагалась... С целью избежать такого результата, который означал бы на деле ослабление нашей системы, я предложил бы не прекращать накопления фонда погашения независимо от размеров дополнительных сумм, обрабатываемых ежегодно на уменьшение долга, до тех пор, пока проценты по погашенной сумме долга и сумма годичных аннуитетов, срок которых истек, не составили бы вместе с 1 млн. ф. ст. в год и за вычетом всяких дополнительных сумм суммы в 4 млн.»¹

Следует вспомнить, что в 1792 г. было принято постановление, в силу которого однопроцентный фонд погашения создавался для каждого отдельного займа и должен был употребляться исключительно на погашение долга по этому займу; ни одна часть этого однопроцентного фонда не должна была быть использована для уменьшения первоначального долга в 238 млн. ф. ст. Закон 1802 г. консолидировал все эти фонды погашения, и государство не было освобождено от уплаты ни самого фонда погашения, ни дивидендов с бумаг, купленных на него комиссарами казначейства, до тех пор, пока весь долг, существовавший в 1802 г., не был бы выплачен сполна. Г-н Ванситарт предложил отменить закон 1802 г. и восстановить смысл питтовского закона 1792 г. Он полагал, что несоблюдение этого закона, закона 1792 г., в полном его значении было бы нарушением слова, данного национальным кредиторам. Но отказаться от условий закона 1802 г. не было бы, по мнению г-на Ванситарта, нарушением слова. Даже и при предположении, что закон 1802 г. был действительно более благоприятен для

¹ Речь Питта, произнесенная 17 февраля 1792 г.

держателя государственных фондов, чем закон 1792 г., нелегко все же понять, какими аргументами можно доказать, что отмена одного и оставление в силе другого не были бы нарушением слова. Разве все займы, сделанные между 1802 и 1813 гг., не были заключены на основе этого закона? Разве все сделки между покупателями и продавцами государственных бумаг не исходили из той же основы? Правительство имело не больше права отменить закон 1802 г. и поставить на его место другой, менее благоприятный, по признанию самого министра, для держателя государственных бумаг, чем отказаться совершенно от фонда погашения. Но вопрос, который нас занимает теперь, заключается в том, поступил ли г-н Ванситтарт так, как он сам предполагал? Восстановил ли он для держателя государственных бумаг все выгоды закона 1792 г.? Новый закон провозглашал прежде всего, что, поскольку из фонда погашения, консолидированного в 1802 г., было уплачено 238 350 143 ф. ст. 18 шилл. 1 пенс, т. е. на 118 895 ф. ст. 12 шилл. 10¹/₂ пенс. больше, чем долг 1786 г., то оказалась покрытой и погашенной капитальная сумма, равная всему капиталу государственного долга на 5 января 1786 г., т. е. 238 321 248 ф. ст. 5 шилл. 2³/₄ пенса; «подобным же образом вся сумма государственного долга, равная капиталу и расходам по всем займам, заключенным с означенного 5 января 1786 г., будет последовательно и в соответствующем порядке считаться и объявляться вполне покрытой и погашенной, когда и как скоро дальнейшая сумма капитала в государственных бумагах, не меньшая, чем капитал соответствующего займа, и приносящая проценты, равные дивидендам, приходящимся на него, будет, таким образом, погашаема или переводима».

Было также решено, что «после такого объявления, как предыдущее, бумаги, закупленные комиссарами в целях уменьшения национального долга, должны периодически уничтожаться; это будет производиться в такие сроки и в таких размерах, какие будут установлены актом парламента, который будет принят с этой целью, с тем чтобы составить запасную сумму для уплаты по всякому займу или займам, которые были бы заключены впоследствии».

Кроме того, в целях осуществления предписаний законов, изданных в 32 и 42-м годах царствования Георга III (1792 и 1802 гг.), о погашении каждой доли национального долга в течение 45-летнего периода со времени заключения его было принято следующее постановление: в будущем, когда размер суммы, которая должна быть получена путем займа или с помощью какого-либо иного увеличения государственного консолидированного долга, будет превосходить в каком-либо году сумму, ассигнованную в том же году для уменьшения государственного долга, является целесообразным удерживать ежегодно из денег, составляющих консолидированный фонд Великобритании, сумму, равную половине процентов с излишка означенного займа или иного излишка сверх суммы, назначенной для этого по смете; удержан-

ная сумма должна передаваться за подписью канцлера казначейства в распоряжение управляющего и компании Английского банка для того, чтобы последние помещали ее на счет комиссаров с целью уменьшения национального долга¹; из остатков же такого займа или другой прибавки должна ежегодно откладываться сумма в 1% с капитальной суммы этого займа согласно предписанию вышеназванного закона.

Было также впервые произведено отчисление на однопроцентный фонд погашения неконсолидированного долга, тогда существовавшего или могущего быть заключенным впоследствии.

В 1802 г., как уже было замечено, было сочтено целесообразным не делать отчисления на однопроцентный фонд погашения капитальной суммы долга в 86 796 300 ф. ст.; поскольку же человек, предложивший эту меру в 1813 г., считал, что он возвращается к принципу, лежащему в основе закона, проведенного Питтом в 1792 г., он позаботился, чтобы к фонду погашения в 1% с созданной вновь капитальной суммы долга было прибавлено 867 263 ф. ст., что не было предусмотрено в 1802 г.²

Такова была сущность нового плана г-на Ванситтарта, не являвшегося согласно его утверждению убыточным для держателя государственных займов, поскольку он строго соответствовал духу закона, проведенного г-ном Питтом в 1792 г.

Во-первых, в силу закона г-на Питта нация не могла получить облегчения от налогового бремени до тех пор, пока капитальная сумма

¹ Действие этого предписания сводилось к тому, что фонд погашения превращался из однопроцентного в полупроцентный с этого излишка займа сверх фонда погашения, если заем заключался в трехпроцентных бумагах, и в 2½-процентный, если заем заключался в пятипроцентных бумагах.

² Согласно плану г-на Ванситтарта к фонду погашения была сделана прибавка в 1% с капитала в 86 796 300 ф. ст. 867 936 ф. ст.

С 56 млн. ф. ст. в билетах казначейства, срок которым истек 5 января 1818 г., 1% 560 000 » »

Присоединяя фонд погашения в ½% вместо 1% к части капитала, созданного займами, он прибавил к фонду погашения 793 343 » »

Всего было прибавлено 2 221 311 ф. ст.

Из бумаг погашенных и предназначенных для покрытия нужд государства 7 632 969 » »

Весь вычет из фонда погашения составлял на 5 января 1819 г. 5 411 658 » »

3 февраля 1819 г. комиссары казначейства удостоверили, что на их счет было переведено 378 519 969 ф. ст. 5 шилл. 3¾ пенса в бумагах, процент по которым равнялся 11 448 564 ф. ст. 10 шилл. 6¼ пенса, и что долг, заключенный до и в силу закона 37-го года царствования Георга III (1797 г.), достигал 348 684 197 ф. ст. 1 шилл. 5¾ пенса, а проценты с него—11 446 736 ф. ст. 3 шилл. 4¾ пенса в год; следовательно погашенный излишек составлял 29 835 772 ф. ст. 3 шилл. 9¼ пенса, а проценты с него—1 828 ф. ст. 7 шилл. 1¼ пенса в год.

долга, уплаченная благодаря первоначальному фонду погашения в 1 млн. ф. ст., не достигла бы такого размера, при котором дивиденд на выкупленные бумаги составлял бы 3 млн. ф. ст.; это довело бы весь фонд погашения до 4 млн. ф. ст. Начиная с этого времени 4 млн. ф. ст. служили бы, как и прежде, для ликвидации долга, но проценты на выкупленный таким образом долг оставались бы свободными для покрытия нужд государства; нация не получала бы облегчения от расходов по остатку долга в 238 млн. ф. ст. до тех пор, пока капитальный долг в 238 млн. ф. ст. не был бы погашен с помощью 4 млн. ф. ст., приносящих простые проценты, нового фонда погашения, который мог бы образоваться благодаря истечению сроков аннуитетов, а также добавочной суммы в 200 тыс. ф. ст. в год, вотируемой в 1792 г., и накоплениям по этой сумме. Согласно закону 1792 г. фонд погашения, получаемый от отчислений в 1% с каждого займа, должен был предназначаться для уплаты каждого отдельного займа, для которого он был образован. Г-н Ванситтарт считал, что имеет право, не нарушая при этом слова, данного держателям государственных займов, брать для покрытия нужд государства не проценты с 4 млн. ф. ст.—все, что позволил бы ему взять билль г-на Питта, — а проценты с 238 млн. ф. ст. А в силу чего? Лишь потому, что на весь консолидированный фонд погашения, включая 1% на каждый заем, заключенный после 1793 г., было куплено на 238 млн. ф. ст. государственных бумаг. Согласно плану г-на Питта г-н Ванситтарт мог бы взять из фонда погашения 20 тыс. ф. ст. в год, согласно его собственному толкованию этого закона он брал из него более 7 млн. ф. ст. в год.

Во-вторых, г-н Ванситтарт признал, что в 1802 г. держатель государственных займов был лишен выгод от существования однопроцентного фонда погашения на капитал в 86 796 300 ф. ст., а поэтому, чтобы соблюсти справедливость, он дает в 1813 г. 1% на этот капитал. Но разве не должен он был присоединить к нему также накопления, которые можно было получить в течение 11 лет—с 1802 до 1813 г.—на 867 963 ф. ст. по сложным процентам и которые могли увеличить фонд погашения на сумму, превышающую 360 тыс. ф. ст. в год?

В-третьих, согласно плану г-на Питта каждый заем должен был быть выплачен благодаря соответствующему фонду погашения при самых неблагоприятных условиях в 45 лет. Если бы заем был заключен в трехпроцентных бумагах по курсу в 60 и такой курс сохранялся бы непрерывно, то однопроцентный фонд погашения ликвидировал бы долг, для которого он был создан, в 29 лет. Но в этом случае нация не получила бы никакого облегчения от налогового бремени до истечения 29 лет; а если бы в течение периода уплаты первого долга ежегодно заключались займы в 10 млн. ф. ст., то второй из них потребовал бы только одного года для окончательной своей ликвидации, третий—двух лет и т. д. Согласно же плану г-на Ванситтарта фонд погашения зай-

мов должен был употребляться при тех же условиях прежде всего на погашение первого займа, а когда этот заем был бы погашен и уничтожен, весь фонд целиком должен опять-таки идти на уплату второго займа и т. д. Первый заем в 10 млн. ф. ст. был бы аннулирован меньше чем в 13 лет, второй—меньше чем в 6 лет после первого, третий—в еще более короткий срок и т. д. В конце 13-го года государство было бы избавлено от уплаты процентов по первому займу, или, что то же самое, от необходимости изыскивать новые налоги для нового займа в конце 13 лет и для двух новых займов в конце 19 лет. Но в каком состоянии был бы государственный долг в каждый из этих периодов или же по истечении 29 лет? Можно ли было получить такие преимущества без соответствующих потерь? Нет, увеличение долга равнялось бы согласно плану г-на Ванситтарта в точности всем этим суммам, высвобожденным таким образом преждевременно путем аннулирования государственных бумаг и накоплений на них по сложным процентам. Как могло бы это быть иначе? Возможно ли было получить немедленное облегчение от тягости долга без прямого или косвенного займа, заключенного по сложным процентам для обеспечения этого облегчения? «Таким путем,—говорит г-н Ванситтарт,—первый заключенный заем был бы погашен в более ранний период, и суммы, назначенные на уплату процентов по этому займу, могли бы быть использованы для нужд государства. Так, в случае продолжительной войны значительные ресурсы могут образоваться в ходе самой войны, ибо каждый последующий заем будет содействовать ускорению погашения прежде заключенных, общая же сумма расходов, которую пришлось бы нести государству в связи с государственным долгом, была бы сведена к более ограниченному размеру, чем при другом способе, при котором одновременно существовало бы большее количество займов. В то же самое время окончательное погашение всего долга было бы скорее ускорено, чем замедлено... Теперь необходимо только объявить, что сумма государственных обязательств, равная всему долгу, существовавшему в 1786 г., была погашена; таким же образом при произведенном в надлежащем порядке и последовательности погашении долга, равного капитальной сумме любого займа, сделанного начиная с 1792 г., и расходам по этому займу, последний должен рассматриваться и считаться погашенным и покрытым. Каждая часть системы в целом сразу найдет тогда свое надлежащее место, и мы приступим к дальнейшему погашению, получая все выгоды, какие явились бы результатом принятия с самого начала способа последовательного погашения вместо одновременного. Вместо того чтобы ждать завершения выкупа всего долга, консолидированного в 1802 г., часть его, существовавшая до 1792 г., будет рассматриваться как уже выкупленная, последующие же займы будут выкупаться один за другим по мере того, как будут приобретаться равные им доли государственных бумаг. Мы можем отметить с удо-

влетворением, что таким постепенным и равномерным движением вперед мы будем в состоянии осуществить полную ликвидацию долга гораздо скорее, чем при настоящем ходе дел». Возможно ли, чтобы г-н Ванситтарт настолько обманывал сам себя, чтобы думать, что, изымая из фонда погашения 5 млн. ф. ст., изъятие которых не было предусмотрено законом 1802 г. и которые не были бы изъяты на основании закона 1792 г., и изымая затем последовательно другие суммы в более короткие сроки, чем это допускается предписаниями двух законов, он имел бы возможность закончить выплату долга более быстрым темпом? Возможно ли, чтобы он мог думать, что, уменьшая фонд погашения, т. е. сумму дохода по сравнению с расходами, он быстрее осуществил бы уплату нашего долга? Невозможно поверить этому. Но как следует в таком случае понимать его слова? Он мог рассуждать только следующим образом. Я знаю, сказал бы он, что при моем плане размеры нашего долга будут спустя 10, 20 и 30 лет большими, чем при плане лорда Сидмута или плане г-на Питта; но мы могли бы в течение этого времени произвести более значительную уплату по *существующему ныне долгу*, так как фонды погашения, предназначенные для будущих займов, были бы употреблены на уплату нашего нынешнего долга. Согласно плану г-на Питта эти фонды погашения употреблялись бы для уплаты вновь заключаемых займов, т. е. тех займов, для которых они были соответственно образованы. Мы имели бы больше долгов в каждый последующий период—это верно, но так как наш долг может быть разделен на старый и новый, то я прав, говоря, что мы имели бы возможность закончить выплату нашего долга, имея в виду только ныне существующий долг, скорее, чем при теперешнем курсе.

Против плана г-на Ванситтарта возражали с большим знанием дела г-н Гэскинсон и г-н Тирней. Первый из них сказал: «В основе предположения, что старый долг оплачен, лежит то обстоятельство, что мы заключили новый заем на гораздо большую сумму; но даже если это предположение правильно, г-н Ванситтарт не мог все же построить на нем свою настоящую схему, если бы кредит нашей страны не пострадал основательно в течение последних 20 лет под давлением нового долга. Если бы, с одной стороны, фонд погашения функционировал в это время из 3%, г-н Ванситтарт не тронул бы его даже на основании его собственного понимания закона 1792 г. Но, с другой стороны, если бы курс государственных бумаг был еще ниже, чем прежде, г-н Ванситтарт взял бы из фонда погашения еще большие суммы, чем он мог это сделать согласно своему собственному плану. Новая теория фонда погашения заключается следовательно в следующем: этот фонд был первоначально учрежден «для предупреждения обременительного и опасного накопления государственного долга» (говоря словами закона), а также для поддержания и укрепления государственного кредита. Но накопление нового долга послужило для

г-на Ванситтарта средством и предложением для заимствований из фонда погашения. Мерой же таких заимствований была для него степень падения государственного кредита. Такова следовательно система, о которой серьезно говорят, что она не отклоняется от буквы и не нарушает духа закона 1792 г. и о которой нас серьезно хотят заставить думать, как о системе, являющейся лишь дальнейшим развитием и усовершенствованием первоначального плана г-на Питта, а между тем основная и ясная цель последнего заключалась в том, чтобы каждый будущий заем не в себе с самого момента его создания семена своего уничтожения и чтобы процесс его уплаты не зависел с этого момента от взглядов и от контроля парламента»¹.

Это было последним изменением, произведенным в механизме фонда погашения. На самый фонд производились уже более роковые по своим последствиям наскоки, но они совершались молчаливо и косвенным путем, организация же фонда оставалась не измененной.

Д-р Гамильтон доказал, что на уменьшение долга может оказать действие только фонд, получающийся от превышения доходов над расходами.

Предположим, что расходы какой-нибудь страны, находящейся в состоянии мира, составляют, включая проценты по ее долгу, 40 млн. ф. ст., а доходы—41 млн. ф. ст., тогда фонд погашения будет равен 1 млн. ф. ст. Этот миллион будет накапливаться по сложным процентам, так как на него будут покупать на рынке государственные бумаги и передавать их на имя комиссаров казначейства для уплаты долга. Эти комиссары будут иметь право получать дивиденды, которые прежде выплачивались частным держателям государственных займов, а теперь будут присоединены к капиталу фонда погашения. Увеличенный таким образом фонд погашения дал бы возможность произвести в следующем году дополнительные закуски, в результате чего к нему прибавилась бы более значительная сумма дивидендов, и он увеличивался бы путем накопления, пока не был бы ликвидирован весь долг.

Предположим, что такая страна увеличила свои расходы на 1 млн. ф. ст., не повышая налогов и сохраняя в то же время свой фонд погашения. Очевидно, что ей не удастся уменьшить свой долг; она, правда, будет накапливать фонд погашения, находящийся, как и прежде, в руках комиссаров, но, увеличивая в то же время свой консолидированный или неконсолидированный долг и заключая постоянно займы для получения сумм, необходимых для уплаты процентов по этим займам, она будет накапливать ежегодно долг в 1 млн. ф. ст. по сложным процентам так же, как накапливала ежегодно 1 млн. ф. ст. в свой фонд погашения.

Но предположим, что эта страна продолжает покупать с помощью фонда погашения государственные бумаги и заключает

¹ Речь Гэксиссона, произнесенная 25 марта 1813 г.

заем на сумму в 1 млн. ф. ст., которого ей нехватало на ее расходы, и что с целью уплаты процентов и создания фонда погашения для этого займа она взимает с народа новые налоги на сумму в 60 тыс. ф. ст. Тогда действительный и эффективный фонд погашения составил бы в год 60 тыс. ф. ст. и не больше, ибо она имела бы для вложения в государственные бумаги не больше 1 060 тыс. ф. ст., из которых 1 млн. ф. ст. был бы получен путем продажи государственных бумаг; другими словами, ее доходы были бы больше расходов на 60 тыс. ф. ст.

Предположим, что вспыхнула война и расходы возросли до 60 млн. ф. ст., тогда как доходы составляют, как и прежде, 41 млн. ф. ст., причем операции комиссаров по инвестированию 1 млн. ф. ст. продолжались бы. Если бы для покрытия 20 млн. ф. ст. дополнительных расходов взимались военные налоги, фонд погашения в 1 млн. ф. ст. употреблялся бы, как и прежде, для уменьшения национального долга по сложным процентам. Если бы страна добыла эти 20 млн. ф. ст., выпустив заем в бумагах или билетах казначейства, и не позаботилась бы при этом взыскать новые налоги для уплаты процентов, а получила бы нужные для этого деньги путем увеличения займа следующего года, она накопила бы долг в 20 млн. ф. ст. по сложным процентам; пока война продолжалась бы и объем расходов оставался бы прежним, страна не только накапливала бы долг в 20 млн. ф. ст. по сложным процентам, но это был бы ежегодный долг в 20 млн. ф. ст.; следовательно действительное возрастание ее долга составляло бы, принимая во внимание 1 млн. ф. ст., идущий в фонд погашения, 19 млн. ф. ст. в год по сложным процентам. Но если бы с помощью новых налогов она имела возможность уплачивать 5% по ежегодному займу в 20 млн. ф. ст., она, с одной стороны, просто увеличивала бы долг на 20 млн. ф. ст. в год, а с другой—уменьшала бы его ежегодно на 1 млн. ф. ст. и сложные проценты с него. Если мы предположим, что в придачу к 5% она взимала бы также при помощи ежегодных налогов 200 тыс. ф. ст. в год в фонд погашения каждого займа в 20 млн. ф. ст., она прибавила бы к этому фонду 200 тыс. ф. ст. в первый год войны, 400 тыс.—во второй, 600 тыс.—в третий и т. д.—по 200 тыс. ф. ст. на каждый заем в 20 млн. ф. ст. С помощью добавочных налогов она увеличивала бы свой ежегодный доход, не увеличивая своих расходов. Кроме того, та часть ее дохода, которая затрачивалась на покупку государственных бумаг, увеличивалась бы ежегодно на сумму дивидендов с купленных бумаг; таким образом, доходы страны возрастали бы дальше, пока, наконец, доход не превысил бы расходы, и тогда она снова имела бы в своем распоряжении эффективный фонд погашения для уменьшения долга.

Очевидно, что при условии сохранения нормы процента на постоянном уровне в 5% или каком-либо другом результате этих операций был бы такой же, какой дало бы прекращение

покупки государственных бумаг комиссарами в то время, когда расходы превышали доходы. Действительное возрастание национального долга должно определяться перевесом расходов над доходами, и это никоим образом не может быть изменено какими-либо мероприятиями. Предположим, что вместо заключения в первый год займа в 20 млн. ф. ст. и уплаты 1 млн. был бы заключен заем только на сумму в 19 млн. ф. ст. и что при этом взималась бы та же сумма налогов, а именно 1 200 тыс. ф. ст. Так как 5% уплачивались бы только с 19 млн. ф. ст., а не с 20 млн., иначе говоря, платить пришлось бы только 950 тыс. ф. ст. вместо 1 млн., то в придачу к первоначальному миллиону для займа следующего года оставалось бы еще 250 тыс. ф. ст., так что сумма займа второго года составляла бы только 18 750 тыс. ф. ст. А так как при помощи дополнительных налогов было бы снова получено 1 200 тыс. ф. ст., то во второй год вся сумма составила бы 2 400 тыс. ф. ст., кроме первоначального миллиона; следовательно после уплаты процентов по обоим займам остался бы излишек в 1 512 500 ф. ст., и заем третьего года составлял бы поэтому 18 487 500 ф. ст. Прилагаемая таблица показывает соответствующее движение в течение пяти лет (в ф. ст.):

	Заем каж- дого года	Сумма займов	Сумма про- центов	Сумма налогов	Излишек
Первый год	19 000 000	19 000 000	950 000	2 200 000	1 250 000
Второй »	18 750 000	37 750 000	1 887 500	3 400 000	1 512 500
Третий »	18 487 500	56 237 500	2 811 875	4 600 000	1 788 125
Четвертый год	18 211 875	74 449 375	3 722 469	5 800 000	2 077 531
Пятый год	17 922 469	92 371 844	4 618 592	7 000 000	2 381 408

Если бы вместо такого ежегодного уменьшения займа взималась неизменно все та же сумма налогов и фонд погашения использовывался бы обычным порядком, то сумма долга оставалась бы совершенно одинаковой в любой из этих периодов. Третья графа приведенной таблицы показывает, что на пятом году долг вырос бы до 92 371 844 ф. ст. Предполагая, что к фонду погашения ежегодно прибавлялось бы по 200 тыс. ф. ст., затрачиваемых комиссарами на покупку государственных бумаг, сумма непогашенного долга составляла бы те же 92 371 844 ф. ст., как это видно из последнего столбца следующей таблицы (в ф. ст.) (см. табл. на стр. 239).

Всестороннее рассмотрение этого вопроса во всех его деталях привело д-ра Гамильтона к заключению, что такой способ собирания средств во время войны, т. е. уменьшение размеров ежегодных займов и приостановка покупок, производимых комиссарами на рынке, был бы более экономичен и что его следует поэтому принять. Во-первых, таким образом были бы сбережены все расходы на агентуру, во-вторых, премия, уплачиваемая обыкновенно

	Заем каждого года	Сумма займов	Долг, по- гашае- мый еже- годно	Сумма погашен- ного долга	Процент на по- гашен- ный долг	Долг, остав- шийся непога- шенным
Первый год	20 000 000	20 000 000	1 000 000	1 000 000	50 000	19 000 000
Второй »	20 000 000	40 000 000	1 250 000	2 250 000	112 500	37 750 000
Третий »	20 000 000	60 000 000	1 512 500	3 762 500	188 125	56 237 500
Четвертый год . . .	20 000 000	80 000 000	1 788 125	5 550 625	277 531	74 449 375
Пятый год .	20 000 000	100 000 000	2 077 531	7 628 156	381 408	92 371 844

при выпуске займа, была бы сбережена на той части займа, которая покупается обратно комиссарами на открытом рынке. Верно, что в промежуток времени между заключением займа и началом покупок, производимых комиссарами, государственные бумаги могут и падать и повышаться и что следовательно при теперешнем ведении дела нация может в некоторых случаях выиграть; но так как оба шанса равны и заемщикам предоставляется некоторая выгода, побуждающая их авансировать деньги независимо от всех колебаний будущих цен, то государство дает теперь эту выгоду на большей сумме вместо меньшей. В среднем за ряд лет это безусловно должно дать очень значительную сумму. Но оба эти возражения могли бы быть устранены при неизменном соблюдении той статьи первоначального законопроекта о фонде погашения, которая дает комиссарам право подписываться на любой заем для нужд государства в размере всей суммы ежегодного фонда, находящейся в их распоряжении для инвестирования ее. Именно таков способ, настоятельно рекомендуемый г-ном Гренфеллом в течение нескольких лет; он гораздо предпочтительнее способа, предлагаемого д-ром Гамильтоном. Г-н Гренфелл и д-р Гамильтон оба соглашались, что в военное время, когда расходы превышают доходы и когда мы поэтому ежегодно увеличиваем наш долг, покупка на рынке сравнительно небольшого количества бумаг, в то время когда мы вынуждены производить большие продажи, является совершенно бесполезной операцией; но д-р Гамильтон не считает полезным сохранять фонд погашения в качестве сепаратного фонда, г-н же Гренфелл, наоборот, считает нужным сделать это и даже увеличивать этот фонд по мере роста нашего долга, соблюдая при этом известные установленные правила. Я вполне согласен с г-ном Гренфеллом. Если ежегодно приходится заключать заем в 20 млн. ф. ст., тогда как в руках комиссаров имеется 10 млн., к ним ежегодно поступающих, то наиболее бесспорной и понятной операцией явилось бы заключение займа на сумму в 10 млн. ф. ст. Ясно, что открывать подписку на 20 млн. ф. ст. и до-зволить комиссарам подписываться на 10 млн.—это весьма удобно. Все возражения д-ра Гамильтона, таким образом, устраняются.

исчезают расходы на агентуру и не будет никаких потерь вследствие разницы в цене, по которой государство продает и покупает. Назовите заем 20-миллионным, и вы дадите нации стимул легче нести бремя налогов, необходимых для уплаты процентов и создания фонда погашения по займу в 20 млн. ф. ст. Назовите заем только 10-миллионным, уничтожьте во время войны самое название фонда погашения во всех ваших публичных отчетах, и вам трудно будет показать народу целесообразность собирания с помощью добавочных налогов суммы в 1200 тыс. ф. ст. для уплаты процентов по займу в 10 млн. ф. ст. Поэтому фонд погашения полезен как орудие налогового обложения; если бы страна могла полагаться на министров в том, что этот фонд будет действительно обращен полностью только на те цели, для которых он учрежден, а именно на получение по окончании войны явного дополнительного перевеса доходов над расходами, пропорционального увеличению государственного долга, то было бы разумно и целесообразно сохранить этот фонд в качестве сепаратного с соблюдением определенных правил и постановлений.

Мы теперь рассмотрим, можно ли питать такое доверие к министрам и не является ли следовательно фонд погашения орудием злоупотреблений и обмана, в действительности скорее способствующим увеличению нашего долга и наших тягот, чем их уменьшению.

Против проектов как д-ра Гамильтона, так и г-на Гренфелла выдвигалось следующее возражение: невыгоды, о которых они говорят, ничтожны по своим размерам и больше чем уравниваются устойчивостью, которая создается на рынке благодаря ежедневным покупкам комиссаров; деньги же, выбрасываемые на рынок благодаря этим покупкам, представляют ресурс, на который могут рассчитывать с уверенностью банкиры и другие лица, могущие внезапно испытать нужду в деньгах.

Те, кто делает это возражение, забывают, что если в результате принятия этого плана с рынка исчезает ежедневный покупатель, то вместе с ним исчезает и ежедневный продавец. Министр дает в настоящее время одной группе людей 10 млн. ф. ст. деньгами для помещения их в государственные бумаги, а другой группе—на 10 млн. ф. ст. государственных бумаг для продажи; а так как взносы по займу уплачиваются ежемесячно, то мы вправе сказать, что предложение так же регулярно, как и спрос. Нельзя также сомневаться в том, что заем в 20 млн. ф. ст. заключается на худших условиях, чем заем в 10 млн. ф. ст. Верно, что на рынке останется к концу года не больше государственных бумаг оттого, что заем будет заключен на ту, а не на другую сумму, однако тот, кто взял на себя размещение займа, должен произвести в течение некоторого времени большие закупки и должен ждать, пока он сможет продать комиссарам бумаг на эти 10 млн. ф. ст. Он вынужден следовательно продавать гораздо больше до подписания до-

говора о займе, а это не может не повлиять на рыночную цену. Следует помнить, что именно рыночная цена в день предложения займа определяет условия, на которых он будет продаваться. Ею руководится и министр, который продает, и посредник, который покупает.

Опыт с проектом г-на Гренфелла был в первый раз произведен в 1819 г.; сумма, которая требовалась правительству, составляла 24 млн. ф. ст., из которой комиссары подписали 12 млн. Вместо займа в 24 млн. ф. ст., заключенного при помощи посредников, был заключен заем только в 12 млн. ф. ст.; как только это стало известно еще до заключения договора, курс бумаг повысился на 4 или 5% и повлиял соответственным образом на условия займа. Причина заключалась в том, что были сделаны приготовления к займу в 24 млн. или в 30 млн. ф. ст.; когда же стало известно, что заем будет заключен только на 12 млн. ф. ст., то лишь часть проданных бумаг была скуплена вновь. Другая выгода, связанная с меньшим займом, заключается в том, что 800 ф. ст. с миллиона, которые уплачиваются Английскому банку за управление займом, сберегаются на сумме, подписанной комиссарами.

В другой части своего труда д-р Гамильтон замечает: «Если бы фонд погашения мог функционировать без потери для государства или хотя бы с умеренной потерей, то было бы неблагоприятно предлагать изменение системы, завоевавшей доверие нации; эта система устанавливает способ регулирования налогового обложения, имеющий за собой во всяком случае преимущество устойчивости. Если бы это регулирование было отменено, наша система обложения могла бы совершенно расшататься.

Средством, и единственным притом средством, задержать рост национального долга является сокращение расходов и увеличение доходов. Ни то, ни другое не стоит в необходимой связи с фондом погашения, но даже если бы они имели связь с ним и если бы нация, убежденная в значении системы, введенной популярным министром, приняла ради поддержания ее меры либо к большей бережливости в расходах, либо к более энергичному взиманию налогов, то фонд погашения нельзя было бы все же считать лишенным эффективности; действие его могло бы иметь большое значение.

Не подлежит, я полагаю, сомнению, что при правильном использовании фонда погашения в том виде, как он был учрежден г-ном Питтом в 1792 г., и при наличии в добавление к военным налогам ежегодных налогов, обеспечивающих уплату процентов и создание однопроцентного фонда погашения по каждому займу, — мы сделали бы большие успехи в деле погашения долга. Принципиальное изменение, введенное в системе фонда погашения законом 1802 г., было, по нашему мнению, разумным: закон требовал, чтобы ни одна часть фонда погашения, — ни та, которая образовалась из первоначального миллиона с прибавкой к нему 200 тыс. ф. ст. в год, ни та, которая образовалась из однопроцентных взносов,

взимаемых по каждому займу начиная с 1792 г.,—не могла быть обращена на нужды государства до тех пор, пока не будет погашен весь тогда существовавший долг. Мы были бы склонны распространить этот принцип дальше и провести постановление, в силу которого ни одна часть фонда погашения не должна затрачиваться на нужды государства до тех пор, пока не будет уплачена вся сумма долга, существующего в данное время и могущего *впоследствии быть заключенным*. Мы не думаем, что возражение против этого предложения, сделанное лордом Генри Петти в 1807 г. и повторенное в еще более категорической форме г-ном Ванситтартом в 1813 г., имеет большой вес. Благородный лорд сказал:

«Вряд ли необходимо представлять вниманию Комитета все бедствия, которые могли бы возникнуть при возможности неограниченного накопления фонда погашения; нация могла бы подвергнуться благодаря этому накоплению бедствию немедленного исчезновения с рынка значительной части капитала при отсутствии возможности его применения, что, конечно, привело бы к его обесценению.

Это зло должно показаться весьма серьезным всякому, кто его себе представит; всем станет несомненно ясно, что погашение всего национального долга сразу вызвало бы нечто, подобное национальному банкротству, каким бы парадоксальным ни казалось это утверждение; капитал почти совершенно обесценится, а проценты, которые он прежде приносил, совершенно исчезнут. Я покажу далее и другие бедствия, которые возникли бы из быстрого погашения национального долга и которые могут служить для доказательства невыгодных последствий этой операции. В законах 1792 и 1802 гг. были приняты различные меры, касающиеся фонда погашения. Во-первых, однопроцентный фонд, учреждаемый согласно первому закону для каждого нового займа, должен был накапливаться по сложным процентам до тех пор, пока весь долг, созданный новым займом, не будет погашен. На основании же второго закона все различные фонды погашения, существовавшие в 1802 г., были консолидированы, и вся сумма их должна была накапливаться по сложным процентам до тех пор, пока не будет погашен весь долг, существовавший в 1802 г. Но долг, созданный начиная с 1802 г. и составлявший около 100 млн. ф. ст. номинального капитала, оставался попрежнему подчиненным действию закона 1792 г., который предусматривает для каждого отдельного займа фонд погашения всего лишь в 1% с номинального капитала. План 1802 г., вклинившийся в прежние законы 1786 и 1792 гг., создал условия для еще более быстрого погашения долга, для которого был создан фонд погашения; этот план откладывал, однако, всякое облегчение налогового бремени на весьма отдаленный срок (по расчетам, произведенным в 1802 г., оно должно было наступить между 1834 и 1844 гг.); в то же время он выбрасывал на денежный рынок в последние годы своего действия

такие несоразмерно большие суммы, которые могли вызвать очень опасное по своим последствиям обесценение стоимости денег. Много неудобств возникло бы также от внезапной приостановки использования этих сумм к моменту погашения долга полностью и от не менее внезапного изменения цен всех товаров, которое должно было явиться результатом одновременного прекращения взимания налогов, значительно превосходивших тогда вероятно 30 млн. ф. ст. При этих условиях каждый мыслящий человек должен подумать с тревогой о судьбе купцов, фабрикантов, рабочих и всякого рода посредников. Это относится и к моему замечанию относительно национального банкротства; если бы национальный долг был погашен и все бремя налогов сразу снято, то все товары, остающиеся на руках, оказались бы, сравнительно говоря, совершенно лишенными стоимости для своих владельцев, ибо, будучи куплены или произведены в период высокого обложения, они должны были бы продаваться теперь по пониженным ценам в силу конкуренции тех, кто мог бы производить эти же товары после отмены указанных налогов. Эти возражения предусматривались и до известной степени признавались в период проведения закона 1802 г.; но тогда на это отвечали, что в случае приближения такой опасности ее можно будет предотвратить с помощью соответствующих мероприятий».

Многие из этих возражений кажутся нам химерическими, но будь они даже хорошо обоснованными, мы все же согласились бы с последними словами приведенной цитаты: «в случае приближения такой опасности, ее можно будет предотвратить с помощью соответствующих мероприятий». Не было никакой необходимости издавать в 1807 или в 1813 г. законы, направленные против опасности, которая не могла наступить раньше чем между 1834 и 1844 гг. Не было необходимости принимать меры против бедствий, которые могут возникнуть от избытка богатства в отдаленный период, в такой момент, когда наша реальная трудность заключается в проблеме удовлетворения наших непосредственных и настоятельных нужд.

В чем заключаются бедствия, которыми грозит чрезмерный рост фонда погашения в течение последних лет его существования? Не в увеличении налогового обложения, ибо рост фонда погашения происходит за счет дивидендов на купленные бумаги, но, во-первых, в слишком быстром возвращении капитала в руки держателей государственных займов, не имеющих возможности извлечь из него доход, и, во-вторых, в уменьшении суммы налогов по всей вероятности на 30 млн. ф. ст., что окажет большое влияние на цены отдельных товаров и будет очень губительным для интересов тех, кто производит эти товары или торгует ими.

Очевидно, что комиссары не имеют никакого капитала. Они получают каждые три месяца или ежедневно определенные суммы, собираемые путем налогов, которые они употребляют на погаше-

ние долга. Одна часть народа платит то, что получает другая его часть. Если бы плательщики употребляли выплачиваемые суммы как капитал, т. е. на производство сырых произведений или промышленных товаров, а получатели затрачивали бы поступавшие к ним деньги тем же способом, то в размерах годового продукта произошло бы лишь незначительное изменение. Часть этого продукта мог бы произвести *A* вместо *B*, но даже это не есть необходимое следствие, так как *A*, получив деньги по своим должным обязательствам, мог бы ссудить их *B* и получать от него часть продукта в виде процентов, в каковом случае *B* продолжал бы применять свой капитал, как и прежде. Следовательно если фонд погашения доставляется капиталом, а не доходом, общество не потерпит от этого никаких потерь, как бы велик ни был фонд погашения. Перемещение занятий могло бы произойти или нет, но годичный продукт, реальное богатство страны, не подвергся бы никакому ущербу. Действительное количество применяемого капитала не возросло бы и не уменьшилось бы, но если бы плательщики налогов, идущих на уплату процентов и на фонд погашения национального долга, платили их из дохода, они продолжали бы применять такой же капитал, как и прежде. А так как при получении этого дохода держателями государственных бумаг он употреблялся бы ими в качестве капитала, то в результате этой операции произошло бы большое увеличение капитала; каждый год добавочная часть дохода превращалась бы в капитал, который мог бы быть употреблен только лишь на снабжение рынка новыми товарами. Но сомнения тех, кто говорит о вредных последствиях большого накопления фонда погашения, вызываются их опасением, что страна может иметь больше капитала, чем она может прибыльно использовать, и что может наступить такое переполнение рынка товарами, при котором их невозможно сбыть на условиях, обеспечивающих производителям хоть какую-нибудь прибыль на их капитал. Ошибочность этого рассуждения была вскрыта г-ном Сэем в его солидном труде «Economie politique» и затем г-ном Миллем в его превосходном ответе г-ну Спенсу, защитнику учения экономистов¹. Они показывают, что спрос ограничивается только производством; тот, кто может производить, имеет право потреблять, и он использует это право как можно шире. Эти авторы не отрицают, что спрос на отдельные товары ограничен, и поэтому они говорят, что возможно переполнение рынка такими товарами; но в большой и цивилизованной стране потребности в предметах необходимости или роскоши не ограничены; применение капитала идет рука об руку с нашей способностью доставлять пищу и другие предметы жизненной необходимости возрастающему населению, которому постоянно увеличивающийся капитал дает занятие. С каждым возрастанием трудности производства

¹ Физиократов. *Прим. перев.*

дополнительных количеств сырых продуктов хлеб и другие предметы жизненной необходимости для рабочего повышаются в цене, следовательно повысится и заработная плата. Действительное повышение заработной платы необходимо сопровождается действительным падением прибыли; когда обработка земли достигает в какой-нибудь стране своей высшей ступени, затрата на нее большего количества труда не даст большего количества пищи, чем то, какое необходимо для поддержания жизни занятых рабочих; такая страна дошла уже до предела увеличения как ее капитала, так и ее населения.

Самая богатая страна в Европе все еще очень далека от такой степени усовершенствования, но если бы какая-нибудь страна и достигла ее, то с помощью внешней торговли даже и эта страна могла бы в течение неограниченного времени увеличивать свое богатство и население; единственным препятствием для такого увеличения являлась бы скудость, а следовательно и высокая стоимость пищи и других сырых произведений. Дайте этой стране возможность получать их извне в обмен на промышленные изделия, и тогда трудно будет сказать, где лежит предел, за которым прекращается накопление богатства и извлечение прибыли из использования его. Это—вопрос величайшей важности в политической экономии. Мы надеемся, что и того немногочисленного, что мы сказали об этом предмете, будет достаточно, чтобы побудить людей, желающих полностью понять этот принцип, обратиться к сочинениям названных нами солидных авторов; я признаю, что и сам я многим обязан им. Если изложенные взгляды правильны, то нет никакой опасности, что капитал, могущий быть накопленным при определенных условиях из фонда погашения, не найдет себе применения или что товары, на производство которых он будет затрачен, не смогут быть проданы достаточно выгодно, чтобы дать адекватную прибыль их производителям. Касаясь этой стороны вопроса, необходимо только прибавить, что для держателей государственных займов не будет никакой необходимости стать фермерами или фабрикантами. В большой стране всегда можно найти достаточное число ответственных людей, обладающих требуемым знанием дела и готовых использовать капитал, накопленный другими, платя им часть прибыли, известную во всех странах под названием процентов на занятые деньги.

Нам остается теперь рассмотреть второе возражение против неограниченного роста фонда погашения.

Внезапное уменьшение налогов на сумму, равную вероятно 30 млн. ф. ст. в год, окажет большое влияние на цены товаров. «При этих условиях каждый мыслящий человек должен подумать с тревогой о судьбе купцов, фабрикантов, рабочих и всякого рода посредников... если бы национальный долг был погашен и все бремя налогов сразу снято, то все товары, остающиеся на руках, оказались бы, сравнительно говоря, совершенно лишенными

стоимости для своих владельцев, ибо, будучи куплены или произведены в период высокого обложения, они должны были бы продаваться теперь по пониженным ценам в силу конкуренции тех, кто мог бы производить эти же товары после отмены указанных налогов». Следовательно при этом огромном снижении налогов какие-либо бедствия могли возникнуть лишь при условии, что были бы затронуты интересы купцов, фабрикантов и торговых посредников. При этом, конечно, не скажут, что уменьшение налогов, взимаемых с *A*, на 5 ф. ст., с *B* на 10, с *C* на 100 ф. ст. и т. д., причинит им какой-либо ущерб. Если бы они прибавили все эти суммы каждый к своему капиталу, они увеличили бы свой постоянный ежегодный доход и содействовали бы возрастанию массы товаров, увеличивая, таким образом, всеобщее изобилие. Мне удалось, я надеюсь доказать, что увеличение капитала не приносит ущерба ни тому индивиду, который его сберегает, ни обществу в целом; такое накопление имеет тенденцию увеличивать спрос на труд, а следовательно и рост населения, а тем самым и могущество и силу страны. Но, скажут нам, эти люди не прибавят сбереженных ими сумм к своим капиталам, они израсходуют их как доход! Но и в этом случае нельзя сказать, чтобы рассматриваемое мероприятие было убыточно для них или для общества. Они ежегодно отдавали часть своего продукта на уплату долга держателям государственных займов, а последние немедленно обращали их в капитал; теперь же эта часть их продукта остается в их собственном распоряжении; они могут потреблять ее, как им угодно. Фермер, который обычно продавал часть своего хлеба специально для того, чтобы уплатить налог, о котором идет речь, может сам потребить этот хлеб; он может продать его владельцу винокуренного завода для приготовления из него джина или пивовару для превращения его в пиво; он может обменять его на известное количество сукна, которое фабрикант сукон, освобожденный теперь от налога, так же как и фермер, может обменять по желанию на любой товар. Нас могут также спросить, откуда же возьмется это сукно, это пиво, джин и т. д.? До уменьшения налогов всех этих товаров имелось не более, чем их требовалось для покрытия общего спроса; если же каждый станет теперь потреблять их в большем количестве, то откуда же взять таковое? Это возражение носит характер, совершенно противоположный тому, какое выдвигалось прежде. Теперь говорят, что существовал бы слишком большой спрос и не было бы никакого дополнительного предложения, а прежде утверждали, что предложение было бы так велико, что оно не покрывалось бы достаточным спросом. Одно возражение так же мало обосновано, как и другое. Когда держателям государственных займов будет уплачено то, что им должны, они либо сами используют полученные средства производительно, либо ссудят их другим лицам, которые используют их таким путем. Так будут произведены именно те добавочные товары, которые может потребить

общество в целом, а результатом этого будет всеобщее увеличение дохода и всеобщее увеличение потребления. Отнюдь не следует при этом думать, что возросшее потребление одной части народа происходило бы за счет другой части его. Это было бы добро без примеси, без амальгамы. Теперь нам остается рассмотреть лишь ущерб, который наносится купцам благодаря падению цен товаров, а между тем средство против этой беды так просто, что нас удивляет, как могло выдвигаться подобное возражение. Когда вводится новый налог, то обычно определяют имеющиеся запасы облагаемого товара и в виде меры справедливости требуют, чтобы купец, продающий этот товар, уплатил и налог, которым обложены его запасы. Почему не может быть введен обратный порядок? Почему нельзя вернуть отдельному лицу налог с имеющихся у него запасов товара, раз признано целесообразным освободить от налога товар, который оно производит или которым оно торгует? Для этого было бы только необходимо продлить на очень короткое время существование этого налога. Ни с какой точки зрения мы не можем поэтому признать какую-нибудь силу за аргументами, которые мы цитировали и на которых особенно настаивает г-н Ванситтарт.

Некоторые люди полагают, что фонд погашения, даже используемый лишь строго по назначению, не приносит нации никакой пользы. Они говорят, что деньги, которые взимаются для его образования, были бы употреблены гораздо производительнее самими налогоплательщиками, чем комиссарами, которые ведают фондом погашения. Последние покупают на него государственные бумаги, которые вероятно приносят не больше 5%, первые получили бы от использования того же самого капитала гораздо больше, чем 5%, следовательно страна обогатилась бы на эту разность. В последнем случае чистый продукт нашей земли и труда был бы больше, а это и есть источник, из которого в конечном счете должны быть покрыты все расходы. Те, кто отстаивает это мнение, не замечают, что комиссары только получают деньги от одного класса общества и платят их другому классу и что действительный вопрос заключается в следующем: какой из этих двух классов употребил бы их более производительным образом? Взимаемые налоги дают 40 млн. ф. ст. в год; предположим, что 20 млн. ф. ст. из них вносятся в фонд погашения, а 20 млн. идут на уплату процентов по национальному долгу. Но после того как комиссары произвели свои покупки в первый год, эти 40 млн. ф. ст. будут распределены иначе: 19 млн. пойдут на уплату процентов, а 21 млн.—в фонд погашения, и т. д. из года в год; хотя в целом взимается всегда 40 млн. ф. ст., однако все меньшая часть их будет идти на уплату процентов и все большая—в фонд погашения; так будет продолжаться до тех пор, пока комиссары не скупят всю сумму государственных бумаг; тогда все 40 млн. ф. ст. очутятся в руках комиссаров. Следовательно, поскольку дело ка-

сается прибыли, единственный вопрос заключается в том, кто употребит наиболее производительным образом 40 млн. ф. ст.: те, кто платит их, или те, кто получает их. Комиссары в действительности никогда не употребляют их производительно, так как их дело сводится к тому, чтобы передавать эти деньги тем, кто будет их так употреблять. Так вот, мы твердо убеждены, что все деньги, полученные держателями государственных бумаг в обмен на эти последние, должны быть затрачены как капитал; если бы это было не так, то держатели лишились бы своего дохода, на который они обычно рассчитывают. Если, таким образом, налоги, которые платятся для образования фонда погашения, извлекались бы из дохода страны, а не из ее капитала, то часть дохода ежегодно превращалась бы благодаря этому в капитал, и следовательно весь доход общества возрос бы; но если бы не существовало фонда погашения, то эта часть дохода могла бы быть превращена в капитал самими налогоплательщиками, поскольку им было бы дозволено удержать деньги для собственного употребления. Это могло бы иметь место, и если бы эти деньги были действительно использованы таким образом, то, поскольку речь идет о накоплении богатства всего общества, учреждение фонда погашения не принесло бы никакой выгоды. Не столь вероятно, однако, что налогоплательщики использовали бы эти деньги в качестве их получателей именно таким путем. Когда они получают деньги за свои бумаги, они только замещают один капитал другим; весь же их годовой доход они привыкли получать со своего капитала. Но как плательщики они хотят располагать всей суммой, которую они уплачивали прежде как дополнение к их прежнему доходу; если бы фонд погашения прекратил свое существование, они могли бы, конечно, реализовать свои деньги как капитал, но могли бы также употребить их как доход, увеличивая расходы на вино, дома, лошадей, одежду и т. д. Кроме того, плательщики могли также уплатить эти деньги из своего капитала, поэтому использование одного капитала могло бы быть заменено использованием другого. И в этом случае фонд погашения не приносит никакой выгоды, так как национальное богатство будет накапливаться так же быстро без него, как и при его наличии. Но если бы какая-либо часть налогов, взимаемых специально для фонда погашения, уплачивалась из дохода или же, если бы ее не приходилось уплачивать, расходовалась в качестве дохода, то фонд погашения приносил бы очевидную выгоду, так как он имел бы тенденцию увеличивать годичный продукт нашей земли и труда. А так как мы именно и полагаем, что он дал бы как раз этот результат, то мы определенно держимся мнения, что фонд погашения при честном его использовании благоприятствует накоплению богатства.

Д-р Гамильтон настойчиво доказывал вслед за д-ром Прайсом невыгоды заключения займов во время войны в трехпроцентных, а не в пятипроцентных бумагах. В первом случае делается боль-

шая прибавка к номинальному капиталу, обычно погашаемому в мирное время по значительно повышенной цене. Трехпроцентные бумаги, которые продаются по курсу в 60, будут вероятно куплены вновь по курсу в 80 и могут быть куплены даже по курсу в 100; при пятипроцентных же займах номинальный капитал увеличится лишь немного или совсем не увеличится, а так как все бумаги подлежат выкупу по паритету, то они будут погашены с небольшой потерей. Правильность этого замечания должна зависеть от относительных цен этих двух бумаг. Во время войны, в 1798 г., трехпроцентные бумаги продавались по курсу в 50, в то время как пятипроцентные—по курсу в 73. При всех обстоятельствах относительная цена пятипроцентных бумаг очень низка в сравнении с ценой трехпроцентных. Итак, одна невыгода должна здесь быть сопоставлена с другой, и решение вопроса, более ли желательно заключать заем в одной форме, чем в другой, зависит от того, в какой мере цены пятипроцентных бумаг отличаются от цен трехпроцентных. Мы нимало не сомневаемся, что в течение многих периодов войны было бы решительно выгоднее заключать заем в пятипроцентных бумагах, а не в трехпроцентных. Кроме того, рынок для пятипроцентных бумаг ограничен; их нельзя продать принудительно, не вызывая значительного падения их курса. Это обстоятельство хорошо известно лицам, заключающим заем, и они естественно застраховали бы себя против него, повысив цену, по которой они разместили бы большой заем в таких бумагах. Премия в 2% сверх рыночной цены может казаться им достаточной, чтобы компенсировать их за риск по займу в трехпроцентных бумагах, но они могут потребовать премию в 5%, чтобы застраховать себя от риска в том случае, если они размещают заем в пятипроцентных бумагах.

II. Исследовав надлежащим образом действие фонда погашения, составляющегося из ежегодных налогов, мы переходим теперь к рассмотрению лучшего способа покрытия наших ежегодных расходов как в мирное, так и в военное время; после этого мы исследуем, может ли какая-нибудь страна иметь гарантию в том, что фонд, созданный для уплаты долга, не будет употреблен ее министрами не по своему назначению и не сделается ли этот фонд в действительности орудием для создания нового долга, лишая нас разумной надежды на возможность непрерывного уменьшения национального долга.

Предположим, что свободная от долга страна вступает в войну, которая вовлекает ее в дополнительные расходы на сумму в 20 млн. ф. ст. в год. В таком случае имеется три способа, при помощи которых эти расходы могут быть покрыты. Во-первых, можно взимать ежегодно налоги на сумму в 20 млн. ф. ст., причем страна освободится от них полностью после заключения мира. Во-вторых, можно ежегодно заключать займы и фундировать их, а в таком случае если бы было решено заключить заем по 5%, то для покры-

тия расходов первого года страна была бы обложена постоянным налогом в 1 млн. ф. ст. в год и не освободилась бы от этого бремени ни в мирное время, ни в период какой-либо будущей войны; для покрытия расходов второго года потребовался бы второй миллион и так далее для расходов каждого следующего года, пока длится война. По истечении 20 лет, если бы война продолжалась так долго, страна была бы перманентно обременена налогами на 20 млн. ф. ст. в год и должна была бы повторять ту же самую процедуру при каждом возобновлении войны. Третий способ покрытия расходов во время войны заключался бы, как и в предыдущем случае, в ежегодных займах необходимых 20 млн. ф. ст. и в то же время в образовании с помощью налогов в добавление к процентам особого фонда, который, накапливаясь по сложным процентам, в конечном счете сравнялся бы с суммой долга. В предполагаемом случае при заключении займа из 5% и ежегодных отчислениях в 200 тыс. ф. ст. сверх 1 млн., идущего на уплату процентов, этот фонд достиг бы путем накопления 20 млн. ф. ст. через 45 лет. Соглашаясь взимать ежегодно с помощью налогов 1 200 тыс. ф. ст. для каждого займа в 20 млн. ф. ст., мы погашали бы каждый заем в течение 45 лет со дня его заключения. Таким образом, через 45 лет по окончании войны, если бы не был создан новый долг, весь старый был бы погашен и все налоги были бы отменены.

Из всех трех способов мы решительно отдаем предпочтение первому. Тягости войны несомненно велики в течение всего времени, пока она продолжается, но по окончании ее они сразу прекращаются. Когда гнет войны дает себя знать сразу же без всякого смягчения, мы становимся менее склонными легкомысленно ввязываться в дорогостоящий конфликт, а раз ввязавшись в него, мы скорее захотим покончить с ним, если только этот конфликт не связан с борьбой за национальные интересы большого значения. С точки зрения экономии между этими способами нет действительной разницы, ибо 20 млн. ф. ст., уплаченные сразу, 1 млн., вечно уплачиваемый ежегодно, или 1 200 тыс. ф. ст., уплачиваемые в течение 45 лет, представляют совершенно одинаковую стоимость, но народ, платящий налоги, никогда не расценивает их таким образом и не ведет поэтому своих частных дел на такой основе. Мы слишком расположены думать, что обременительность войны определяется лишь теми суммами, которые мы должны платить в данное время, собирая на то налоги, и не принимаем во внимание возможную продолжительность таких налогов. Трудно было бы убедить человека, имеющего 20 тыс. ф. ст. или какую-либо другую сумму, что постоянная уплата 50 ф. ст. в год столь же обременительна, как и единовременный налог в 1 тыс. ф. ст. У него имеется смутное представление, что 50 ф. ст. в год будут уплачиваться потомством, а не им самим; если, однако, он оставляет свое состояние сыну и оставляет его обремененным

таким постоянным налогом, то какая же разница между 20 тыс. ф. ст., обремененными налогом, и 19 тыс. ф. ст., свободными от него? Такой аргумент о возможности возложить на потомство уплату процентов по нашему долгу или возможности облегчить его от части этого бремени приводится часто весьма сведущими в других отношениях людьми, но мы признаемся, что считаем его несостоятельным. Можно, конечно, сказать, что богатство страны может возрасти; поскольку же на уплату налогов будет употреблена какая-то доля увеличившегося богатства, соответствующая доля, падающая на имеющееся теперь богатство, будет меньше, и таким образом потомство будет содействовать покрытию наших теперешних расходов. Верно, что это может быть так, но может быть также и иначе; богатство страны может уменьшиться, отдельные лица могут эмигрировать из страны, обложенной тяжелыми налогами, и поэтому собственники, оставшиеся в стране, могут платить больше, чем справедливый эквивалент, который берется с них в настоящее время. Что ежегодный налог в 50 ф. ст. не считается равным 1 тыс. ф. ст. наличными, это должен был наблюдать каждый. Если кто-либо должен уплатить 1 тыс. ф. ст. подоходного налога, то он вероятно постарается сберечь всю эту сумму из своего дохода; но он поступил бы не иначе, если бы вместо военного налога такого размера был заключен заем и на уплату процентов по этому займу он должен был бы платить только 50 ф. ст. подоходного налога. Итак, с экономической точки зрения военные налоги предпочтительны, так как при уплате их люди стараются сэкономить сумму, равную совокупности военных расходов, не уменьшая национального капитала. Во втором же случае такое усилие делается только для сбережения суммы процентов по имеющимся расходам, и следовательно сумма национального капитала уменьшается. Обычное возражение, выдвигаемое против уплаты более значительного налога, заключается в том, что его неудобно уплачивать фабрикантам и землевладельцам, так как у них нет больших свободных сумм. Мы полагаем, что они всячески старались бы сберечь их из дохода и могли бы получить деньги из этого источника. Предположим, что они не могли бы сделать этого, но что мешает им продать часть своей собственности за деньги или занять деньги под проценты? Что имеются лица, расположенные давать деньги в ссуду, видно из того, с какой легкостью правительство заключает свои займы. Удалите с рынка этого крупного заемщика, и частные заемщики будут быстро удовлетворены. Мудрые постановления и хорошие законы предоставят частным лицам в этого рода сделках величайшие удобства и гарантии. При займе *A* ссужает деньги, а *B* платит проценты, и все остается попрежнему. При военных налогах *A* продолжал бы ссужать деньги, а *B* платить проценты с той только разницей, что он будет платить их непосредственно *A*; теперь же он платит их правительству, а правительство платит их *A*.

Могут сказать, что большие налоги должны падать на ответственность, тогда как в настоящее время и менее значительные налоги падают не исключительно на нее. Представители свободных профессий, так же как и те, кто живет заработной платой и жалованьем и вносит ежегодно налоги, не могли бы произвести больших платежей наличными деньгами, они поэтому пользовались бы льготой за счет капиталиста и землевладельца. Мы полагаем, что они очень мало выиграли бы или совсем ничего не выиграли от системы военных налогов. Гонорары, получаемые людьми свободных профессий, жалованье и заработная плата регулируются ценами товаров, а также взаимоотношениями тех, кто платит их, и тех, кто получает их. Если бы даже предлагаемый нами налог не внес пертурбации в цены, он изменил бы, однако, отношения между этими классами, и новые соглашения о гонорарах, жалованье и заработной плате имели бы место, так что обычный уровень их был бы скоро восстановлен.

Вознаграждение, уплачиваемое профессорам и т. п., регулируется, как и всякая иная плата, спросом и предложением. Некая-нибудь определенная сумма денег, а известное относительное положение в обществе определяет размер предложения труда со стороны людей, имеющих ту или иную квалификацию. Если вы уменьшите с помощью дополнительных налогов доходы землевладельцев и капиталистов, оставив без изменения гонорары свободных профессий, то относительное положение последних улучшится, добавочное число лиц будет тогда вовлечено в работу такого рода, и конкуренция понизит зарплату.

Величайшая выгода, связанная с военными налогами, заключалась бы в том, что они вызвали бы только незначительное длительное расстройство промышленности данной страны. Такие налоги не вызвали бы внезапных изменений цен, а если бы это и случилось, то только в течение периода, когда во время войны или от других причин все приходит в расстройство.

С началом мирного времени все вещи снова продавались бы по их естественным ценам; ни непосредственное, ни тем менее косвенное влияние налогов на цены различных товаров не побудило бы нас покидать занятия, в которых мы имеем особенную сноровку и навыки, и переходить к таким, для которых у нас нехватает ни сноровки, ни навыков. Будучи свободным, каждый человек, естественно, берется за то занятие, к которому он более всего приспособлен, и результатом этого является величайшее изобилие продуктов. Нерациональный налог может побудить нас ввозить то, что при других условиях мы производили бы дома, или вывозить то, что при других условиях мы получали бы извне; в обоих случаях, не говоря уже о неудобствах, связанных с уплатой налога, мы получили бы за определенное количество нашего труда меньше, чем дал бы этот же труд, ничем не связанный. При сложной системе обложения даже самое мудрое законодательство

не в состоянии вскрыть все последствия, как прямые, так и косвенные, вызываемые налогами; если же оно не может сделать этого, то труд страны не будет использован наивыгоднейшим образом. С помощью военных налогов мы сэкономим несколько миллионов на одном только взимании налогов. Мы могли бы избавиться по крайней мере от некоторых дорогостоящих учреждений, и армия служащих, которым они дают занятия, могла бы быть распущена. Не было бы никаких расходов по управлению национальным долгом. Не заключались бы займы по курсу в 50 или 60 ф. ст. за номинальный капитал в 100 ф. ст., с тем чтобы они были выкуплены по курсу в 70, 80 или, возможно, 100 ф. ст. Да, пожалуй,—и это гораздо более важно, чем все остальное, вместе взятое,—мы избавились бы и от таких великих источников деморализации людей, как пошлины и акцизы. Рассматривая вопрос со всех точек зрения, мы приходим к одному и тому же заключению: избавление раз навсегда от практики фондирования займов явилось бы огромным улучшением нашей системы. Будем справляться с нашими трудностями по мере того, как они возникают, и охранять наше имущество от постоянного обременения, гнет которого мы начинаем сознавать по-настоящему лишь тогда, когда уже нет надежды на исход.

Мы теперь переходим к сравнению двух других способов покрытия расходов на войну: один способ заключается в том, что подлежащий расходованию капитал занимается, а для уплаты процентов по этому займу перманентно взимаются ежегодные налоги; при другом способе подлежащий расходованию капитал также берется взаймы, но, кроме уплаты процентов с помощью ежегодных налогов, взимаются также и добавочные суммы (которые и получают название фонда погашения). Их взимают с целью погасить в течение определенного времени первоначальный долг и избавиться полностью от налогов.

Будучи твердо убеждены, что все нации в конце концов примут план покрытия своих расходов, обыкновенных и чрезвычайных, в то самое время, когда они совершаются, мы все же относимся благоприятно ко всякому плану, который способствовал бы погашению нашего долга наискорейшим образом; но мы должны быть при этом убеждены, что предлагаемый план окажется эффективным с точки зрения поставленной цели; здесь поэтому уместно исследовать вопрос, имеем ли мы или можем иметь какую-либо гарантию, что фонд погашения будет действительно использован только для уплаты долга.

Когда г-н Питт учреждал в 1786 г. фонд погашения, он понимал всю опасность передачи его в распоряжение министров и парламента, поэтому он озаботился, чтобы суммы, предназначенные для фонда погашения, выдавались казначейством каждые три месяца комиссарам, последние же обязаны были инвестировать соответствующие суммы денег на покупку государственных бумаг

четыре дня в неделю, или около 50 дней в три месяца. Названными комиссарами были спикер (председатель) палаты общин, канцлер казначейства, начальник архивов, главный контролер суда лорд-канцлера и управляющий, а также заместитель управляющего Английским банком. Г-н Питт полагал, что при нахождении фонда в ведении этих лиц злоупотребления фондом не будут иметь места, и он не ошибся в этом, так как комиссары вполне добросовестно выполняли возложенное на них поручение. Предлагая парламенту учреждение фонда погашения в 1786 г., г-н Питт сказал:

«Что касается хранения этого фонда для применения его неизменно в целях уменьшения долга, то сущность плана и заключается именно в том, что фонд является неприкосновенным, и тем более во время войны. Допустить, чтобы этот фонд был когда-либо или под каким-либо предлогом отведен от своего специального назначения, означало бы уничтожить, разбить, ниспровергнуть самый план; на этом надо настаивать. Нужно поэтому надеяться, что если вносимый билль получит силу закона, то палата даст самое торжественное обещание не выслушивать никаких предложений об отмене этого фонда под каким бы то ни было предлогом.

Если миллион, предназначенный для такой цели, будет накапливаться по сложным процентам, то он достигнет весьма значительной суммы в течение периода, не очень продолжительного даже в сравнении с жизнью отдельного лица и представляющего не более как час в существовании великой нации; благодаря этому долг нашей страны уменьшится настолько, что даже требования войны не доведут его до той чрезмерной высоты, до какой он обычно поднимался прежде. В течение 28 лет сумма в 1 млн. ф. ст., ежегодно увеличиваясь, достигла бы 4 млн. ф. ст. в год. Необходимо только позаботиться, чтобы из этого фонда не производилось изъятий: *именно это было до настоящего времени проклятием нашей страны*; если бы первоначальный фонд погашения охранялся надлежащим образом, то легко доказать, что наши долги не были бы в настоящую минуту очень обременительными. *До сих пор мы тщетно старались помешать путем парламентских актов изъятиям из фонда*; министры неизменно завладевали, когда это им казалось удобным, суммой, которая должна была рассматриваться как самая священная. Каким же путем можно помешать этому? План, который я намереваюсь предложить, состоит в следующем: фонд должен быть отдан в распоряжение определенной группы комиссаров, которые должны затрачивать его каждые три месяца на покупку государственных бумаг; благодаря этому в наличности никогда не будет такой значительной суммы, которую стоило бы захватить при удобном случае, и фонд будет расти непрерывно. Долго, очень долго страна наша изнывала под тяжелым бременем без всякой перспективы освободиться от него,

но теперь она может надеяться на исход, от которого зависит ее существование. Важно поэтому, чтобы фонд был защищен как можно лучше от покушений на него. Способ поквартальной передачи 250 тыс. ф. ст. в руки комиссаров сделает невозможным тайное отчуждение фонда, выгода же, доставляемая им, будет слишком хорошо сознаваться, чтобы допустить издание с этой целью специального акта. У министра нехватит уверенности, чтобы притти в парламент и потребовать отмены благотельного закона, который так непосредственно способствовал бы облегчению народа от бремени долга».

Странным образом г-н Питт льстил себя надеждой, что нашел средство против затруднения, которое «было до настоящего времени проклятием нашей страны»; он думал, что нашел средство помешать «министрам завладеть, когда это им казалось удобным, суммой, которая должна была рассматриваться как самая священная». Удивительно, как при его знании парламента он мог так твердо полагаться на сопротивление, которое оказала бы палата общин какому-либо плану министров, выдвинутому с целью нарушить неприкосновенность фонда погашения. Когда министры желали добиться частичной отмены этого закона, парламент всегда с готовностью соглашался с ними.

Мы уже сказали, что в 1807 г. один канцлер казначейства предложил освободить страну от налогов на несколько лет подряд с одним лишь незначительным исключением, и это несмотря на то, что во время войны мы не только не уменьшали расходов, но увеличивали, покрывая их с помощью ежегодных займов. Что же это означает, как не распоряжение фондом, который должен был рассматриваться как самый священный?

В 1809 г. другой канцлер казначейства заключил заем, не взимая добавочных налогов для уплаты процентов по этому займу, но отчислив для этой цели часть военных налогов; это привело, конечно, к неизбежному увеличению займов последующего и всех позднейших лет на соответствующую сумму. Разве это не означало возможности для канцлера располагать секретно фондом погашения по своему усмотрению и накапливать долг по сложным процентам? Третий канцлер казначейства предложил в 1813 г. частичную отмену закона, благодаря которой в его распоряжение отдавалось ежегодно 7 млн. ф. ст. из фонда погашения, которые он и употребил на уплату процентов по новому займу. Это сделано было с разрешения парламента и являлось, по моему мнению, прямым нарушением всех прежде изданных законов о фонде погашения. Но какова была судьба остатка этого фонда после вычета из него 7 млн. ф. ст. в силу закона 1813 г.? Он должен был бы составлять теперь 16 млн. ф. ст., и такая сумма его названа в ежегодных финансовых отчетах, представленных парламенту за последнее время. Финансовый комитет, назначенный палатой общин, не преминул установить, что действительным фондом погашения

долга в мирное время может быть только фонд, получающийся благодаря превышению доходов над расходами; а так как этот избыток составлял по самым благоприятным расчетам неполных 2 млн. ф. ст., то Комитет полагал, что эту сумму можно рассматривать как действительный фонд погашения, которым можно располагать в настоящее время для ликвидации долга. Если бы закон 1802 г. строго выполнялся, если бы намерения г-на Питта осуществлялись, то мы имели бы теперь чистый излишек доходов в размере почти 20 млн. ф. ст., который мог бы быть использован для уплаты долга; при настоящих же условиях мы имеем только 2 млн. Если мы спросим министров, что случилось с остальными 18 млн. ф. ст., то они укажут нам на большой расходный бюджет мирного времени, который они в состоянии покрыть только с помощью вычетов из этого фонда или же трехпроцентных займов в несколько сот миллионов, на уплату процентов по которым употребляется фонд погашения. Если бы министры не имели в своем распоряжении большой суммы налогов, то разве они осмелились бы год за годом в продолжение нескольких лет подряд иметь дело с бюджетным дефицитом при доходах, не покрывающихся расходами в общей сложности на сумму больше 12 млн. ф. ст.? Верно, что меры, принятые г-ном Питтом, помешали им немедленно же захватить фонд, но они знали, что он находится в руках комиссаров, и при своем знании парламента правильно полагали, что он как бы находится в их собственных руках. Они рассматривали комиссаров как своих поверенных, накопляющих в их пользу деньги, о которых они знали, что смогут воспользоваться ими, когда этого потребуют по их мнению настоятельные нужды дня. Они как будто заключили с комиссарами молчаливое соглашение, в силу которого последние должны накоплять 12 млн. ф. ст. в год по сложным процентам, тогда как сами они накапливали в это время такую же сумму долга по сложным процентам. Эти факты теперь уже больше не отрицаются. В последнюю сессию парламента обман этот был впервые признан министрами, после того как он стал уже очевиден для всех остальных; теперь уж открыто признается их намерение продолжать вести дело с этим номинальным фондом погашения, заключая ежегодно заем на сумму разности между его действительным и номинальным размерами и предоставляя комиссарам подписываться на него. На основании какого принципа это может быть сделано? На такой вопрос трудно дать какой-нибудь разумный ответ. Скажут, быть может, что уничтожение фонда погашения было бы нарушением слова, данного держателям государственных займов; но разве продажа правительством комиссарам большей части тех бумаг, которые последние покупают, не является таким же злоупотреблением доверием? Держатель государственных займов требует чего-нибудь существенного и реального, а не обманчивого и призрачного. Но факт остается фактом. Если из 14 млн. ф. ст., которые должны быть инвестированы комиссарами в мирное

время, само правительство продает на 12 млн. бумаг, и притом бумаг, специально выпущенных им с целью получения этих 12 млн., тогда как на открытом рынке их приобретается лишь на 2 млн., а для уплаты процентов или для создания соответствующего фонда погашения не взимается никаких налогов, то для держателей государственных займов и для всех причастных к делу результат будет тот же, что и при уменьшении фонда погашения до 2 млн. ф. ст. В высшей степени недостойно великой страны потворствовать таким жалким уловкам и махинациям.

Итак, фонд погашения не только не способствовал уменьшению долга, но еще значительно увеличил его. Фонд погашения способствовал росту расходов. Если во время войны страна расходует 20 млн. ф. ст. в год сверх своих обыкновенных расходов и взимает налоги только для уплаты процентов по этой сумме, то за 20 лет она накопит долг в 400 млн. ф. ст., налоги же ее увеличатся на 20 млн. ф. ст. в год. Если бы в придачу к 1 млн. ф. ст. в год для создания фонда погашения налогов взималось бы еще на 200 тыс. ф. ст. и последние регулярно употреблялись бы на покупку государственных бумаг, то к концу 20-летнего периода налоги составили бы 24 млн. ф. ст., а долг—только 342 млн.: 58 млн. были бы выплачены из фонда погашения. Но если бы к концу этого периода был заключен новый заем, фонд же погашения, составляющий со всеми его накоплениями 6 940 тыс. ф. ст., был бы поглощен уплатой процентов по этому займу, то вся сумма долга составила бы 538 млн. ф. ст. и превысила бы на 138 млн. долг, какой мог иметься при отсутствии фонда погашения. Если бы такой дополнительный расход был необходим, то покрытие его должно было бы быть обеспечено без всякого вмешательства в фонд погашения. Если в конце войны не имелось бы перевеса доходов над расходами, составляющего согласно вышеприведенному предположению 6 940 тыс. ф. ст., то нет никакого смысла сохранять систему, столь мало адекватную своей цели. Однако после всего нашего опыта мы опять стараемся создать фонд погашения; в последнюю сессию парламента были приняты новые налоги на 3 млн. ф. ст. с признанной целью поднять остаток нашего фонда погашения, сведенного теперь к 2 млн. ф. ст., до 5 млн. Будет ли с нашей стороны опрометчивостью предсказать, что этот фонд погашения разделит судьбу всех, ему предшествовавших? Он будет вероятно накапливаться в течение нескольких лет, пока мы не ввяжемся в какой-нибудь новый конфликт, а тогда министры, считая затруднительным взимать новые налоги для покрытия процентов по займам, снова произведут молчаливое покушение на этот фонд. Будет очень приятно для нас, если в результате их новых мероприятий мы сможем спасти от крушения хотя бы миллиона два.

Невозможность для министров дать гарантии в том, что фонд погашения будет со всей добросовестностью использован лишь для уплаты долга, достаточно доказана уже, по нашему мнению,

но при отсутствии таких гарантий лучше обходиться без такого фонда. Выплатить весь долг или значительную его часть было бы с нашей точки зрения в высшей степени желательно при условии признания, однако, вредных сторон системы фондирования займов и твердого решения устранять наши будущие конфликты, не прибегая к ее помощи. Мы не сможем уплатить, точнее не уплатим, наш долг ни с помощью фонда погашения, как он теперь организован, ни с помощью какой-либо иной организации его, могущей быть предложенной; но если бы, не создавая никакого фонда, мы уплатили долг с помощью налога на собственность, то мы достигли бы своей цели раз навсегда.

Такая операция могла бы быть закончена в мирное время в течение двух или трех лет, и если мы действительно хотим ликвидировать наш долг, то я не вижу другого способа достигнуть этой цели. Возражения, выдвигаемые против этого плана, сводятся к тем самым, на которые мы уже пытались ответить, говоря о военных налогах. Держатели государственных займов, получив уплату по ним, располагали бы значительными средствами, для которых они стали бы настойчиво искать применения; фабриканты и землевладельцы нуждались бы в значительных суммах для своих платежей казначейству. Обе эти группы не преминули бы войти в соглашение друг с другом, благодаря которому одна из них нашла бы применение для своих денег, а другая получила бы их. Они могут сделать это или путем займа или путем купли-продажи, смотря по тому, что они найдут более соответствующим их интересам. Государству до этого нет никакого дела. Таким образом, сделав лишь одно серьезное усилие, мы освободились бы от одного из самых страшных бичей, которые были когда-либо изобретены для угнетения нации; наша торговля расширилась бы, не подвергаясь всем мучительным отсрочкам и перерывам, на которые обрекает ее наша нынешняя искусственная система.

Лучшей гарантией сохранения мира является необходимость для министров обращаться к народу за налогами для ведения войны. Но пусть только фонд погашения накопится во время мира до сколько-нибудь значительной суммы, и тогда самый ничтожный вызов послужит для них предлогом вступить в новый конфликт. Они знают, что с помощью небольших усилий они смогут использовать фонд погашения для взимания новых средств, вместо того чтобы употребить его на уплату долга. Когда министры желают ввести новые налоги с целью создать новый фонд погашения вместо только что растраченного ими, они теперь обычно пускают в ход следующий аргумент: «Это заставит чужие страны относиться к нам с уважением; они будут бояться оскорбить или спровоцировать нас, если будут знать, что мы обладаем таким могучим ресурсом». Для чего приводят они такой аргумент, раз они не рассматривают фонд погашения как военный фонд, из которого они могут черпать средства для ведения войны? Нельзя,

ведь, пользоваться им одновременно и для нанесения ущерба неприятелю и для уплаты долга. Если налоги взимаются, как и должны взиматься, для покрытия военных расходов, то какую помощь окажет при их взимании фонд погашения? Ровно никакой. Не потому министры расхваливают фонд погашения, что владение последним даст им возможность взимать новые и добавочные налоги. Они знают, что он не будет иметь такого действия. Они его расхваливают, ибо знают, что будут в состоянии заменить налоги фондом погашения и использовать его, как они всегда это делали, для ведения войны и для уплаты процентов по новым займам. Их аргумент означает именно это или ничего не означает, ибо фонд погашения не обязательно способствует росту богатства и процветания страны, а именно от этого богатства и процветания зависит, может ли народ нести новые тяготы. Что имел г-н Ванситтарт в виду в 1813 г., утверждая, что «преимущество нового финансового плана, которое скажется в дальнейшем и состоит в возможности образовать в мирное время фонд в 100 млн. ф. ст., в качестве фонда против возобновления военных действий, имеет огромное значение. Оно даст в руки парламента орудие мощи и может привести к весьма важным результатам... Нам могут возразить, что наличие в резерве большого фонда для покрытия расходов на новую войну может, пожалуй, сделать правительство нашей страны заносчивым и честолюбивым и поэтому создает тенденцию к вовлечению нас без всякой необходимости в новые конфликты». По нашему мнению, это довольно разумное возражение. Как отвечает на него г-н Ванситтарт? «По этому вопросу я сказал бы, основываясь на долгом опыте и наблюдении, что для наших соседей лучше рассчитывать на умеренность нашей страны, чем нам полагаться на них. Я не думаю, что план вызывает возражения с этой точки зрения. Если бы накопленные суммы были употреблены не по назначению благодаря заносчивому или честолюбивому поведению нашего правительства, то порицание должно пасть на головы тех, кто злоупотреблял этими суммами, а не тех, кто вложил их в руки правительства для целей защиты. Они выполнили свой долг, предоставив средства для обеспечения величия и славы нашей страны, хотя эти средства и могут быть использованы для целей честолюбия, грабежа и опустошения». Такие замечания весьма естественны в устах министра, но мы полагаем, что накопленное сокровище было бы более безопасно под охраною народа и что у парламента имеются дела поважнее, чем снабжение министров средствами для обеспечения величия и славы страны. Он обязан принимать все меры против неправильного использования ресурсов страны «благодаря заносчивому и честолюбивому поведению нашего правительства» или «для целей честолюбия, грабежа и опустошения».

Что план г-на Ванситтарта может каким-нибудь образом обес-
печить лучше, чем старый план, использование в дальнейшем

100-миллионного фонда для нужд государства—это весьма странная претензия, по поводу которой д-р Гамильтон делает следующие замечания:

«Мы совершенно не в состоянии составить себе ясное представление о *ценном сокровище*, о котором здесь идет речь. Как только какая-либо сумма государственных бумаг покупается комиссарами и помещается на их имя, такая же сумма государственного долга фактически ликвидируется. Принимается ли с этой целью парламентское постановление или нет, это только вопрос формы. Если деньги остаются инвестированными в бумагах на имя комиссаров, то эти бумаги могут быть снова отправлены на биржу для продажи, когда опять вспыхнет война, и этим путем можно будет получить деньги для государства. Это равносильно обращению к нации с предложением инвестировать ее капитал путем покупки этого спящего фонда». «Верно,—замечает г-н Гэскиссон,—что если бы налоги, установленные во время войны на создание фонда погашения, продолжали взиматься и после восстановления мира, до тех пор, пока в руках комиссаров не сосредоточилась бы значительная сумма (допустим, 100 млн. ф. ст.), то государство после возобновления войны могло бы израсходовать такую сумму, не вводя новых налогов. Эта выгода присуща не исключительно этому плану, а обязательно свойственна всякому плану создания фонда погашения в мирное время». Г-н Ванситтарт должен был бы сказать: «Если бы наш фонд погашения вырос в мирное время до столь значительной суммы, что я мог бы брать из него ежегодно 5 млн. ф. ст., то я мог бы израсходовать во время новой войны 100 млн. ф. ст., не обращаясь к вам за новыми налогами. Отрицательная же сторона моего плана заключается в следующем: если я черпаю в настоящее время из фонда погашения 7 млн. ф. ст. ежегодно и принимаю меры к тому, чтобы еще быстрее и притом через правильные промежутки времени тратить еще более значительную часть этого фонда для текущих нужд, то фонд погашения уменьшится настолько, что не скоро, а через очень много лет я буду иметь в своем распоряжении 5 млн. ф. ст. для указанной цели».

РЕЧЬ
ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
УЭСТЕРНА
О
НАЗНАЧЕНИИ КОМИТЕТА
ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ
ПОСЛЕДСТВИЙ,
ВЫЗВАННЫХ
ВОЗОБНОВЛЕНИЕМ ПЛАТЕЖЕЙ
НАЛИЧНЫМИ



Произнесена 12 июня 1822г.

ЛОНДОН

1822

*



РЕЧЬ РИКАРДО О ПЛАТЕЖАХ НАЛИЧНЫМИ

Во вторник, 11 июня 1822 г., г-н Уэстерн внес свое давно возвещенное предложение по поводу возобновления платежей наличными, сформулированное следующим образом:

«Да будет назначен Комитет для рассмотрения влияния, которое оказало на сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и торговлю Объединенной империи, а также на положение различных классов общества проведение в жизнь закона 50-го года царствования Георга III о восстановлении прежнего стандарта денежного обращения. Пусть будет сделан об этом доклад палате общин».

Вслед за этим г-н Гэскиссон внес следующую поправку: «Палата общин не будет изменять золотой и серебряный стандарт ни в пробы, ни в весе, ни в величине».

Дебаты по этому вопросу продолжались две ночи, во вторую из которых г-н Рикардо произнес следующую речь:

Я в значительной мере согласен с тем, что сказано было моим уважаемым другом (г-ном Холдимандом), который говорил последним, и в особенности с его взглядом на результат подготовительных мер, принятых Английским банком для возобновления платежей звонкой монетой. Нельзя отрицать, что способ, каким Английский банк производил свои покупки золота, чтобы запастись металлическими деньгами, существенно затронул интересы государства. Как велико было действие этой ошибки Английского банка или в какой именно степени закупки им слитков повлияли на стоимость золота, это невозможно было установить; но какова бы ни была эта степень, стоимость обращающихся денег возросла, а цены товаров понизились в той же мере. Мой уважаемый друг (г-н Холдиманд), являющийся одним из бифенистов Английского банка, сказал, что пока Английский банк обязан был оплачивать свои банкноты золотом, государство отнюдь не было заинтересовано во вмешательстве в деятельность банка, поскольку речь шла о сумме бумажно-денежного обращения: если бы эта сумма была слишком низка, то дефицит был бы восполнен путем ввоза золота, а если бы она была слишком высока, она была бы уменьшена путем обмена бумажных денег на золото. С этим мнением я не вполне согласен, потому что возможен такой промежуток, в течение которого страна может испытывать большие неудобства вследствие чрезмерного сокращения обращения банкнот. Чтобы разъяснить свои взгляды на этот предмет, позвольте

мне привести пример. Предположим, что Английский банк свел бы размер своих выпусков до 5 млн. ф. ст.,—к каким последствиям это привело бы? Иностранные вексельные курсы обратились бы в нашу пользу, и значительные количества слитков были бы ввезены. Слитки в конце концов были бы перечеканены в деньги и заместили бы бумажные деньги, которые были бы извлечены из обращения ранее; однако, до того как слитки были бы, таким образом, перечеканены, в течение того времени, когда совершились бы все эти операции, количество обращающихся денег сократилось бы до очень низкого уровня, цены товаров упали бы, и мы испытывали бы значительные бедствия. Нечто подобное и имело в действительности место.

Английский банк привел свои дела в полное расстройство благодаря тому способу, каким он вел свои подготовки к возобновлению платежей наличными; ничто не приносило так много вреда, как его крупные закупки золота в тот период, на который я указывал. Банк должен был хорошо помнить, что билль моего distinguished друга (г-на Пиля) не обязывал банк возобновить уплату звонкой монетой раньше 1823 г.

До наступления этого срока Английский банк был обязан платить только слитками, а в 1819 г., когда этот билль прошел, сундуки банка содержали достаточно большие запасы, чтобы удовлетворить всем требованиям, связанным с окончательным проведением в жизнь билля distinguished г-на Пиля. Я всегда рассматривал этот билль как эксперимент, произведенный с целью установить, не может ли Английский банк вести свои операции—и притом с выгодой для общих интересов страны—на основе принципа оплаты своих банкнот не монетой, а в слитках. Я ничуть не сомневаюсь, что если бы Английский банк вел свою предварительную подготовку разумно, если бы он ограничился фактически наблюдением за движением вексельных курсов и цены золота и регулировал свои выпуски соответственно этому, то годы 1819, 1820, 1821 и 1822 дали бы хороший результат при реализации той части плана, которая предусматривала обмен банкнот только на слитки; в результате парламент продолжил бы осуществление этой части плана на много лет сверх первоначально назначенного срока. Я был убежден, что ход дела был бы именно таков, если бы Английский банк воздержался от производства тех совершенно ненужных закупок золота, которые привели к столь многим весьма неприятным последствиям. Но мой уважаемый друг (г-н Холдиманд) сказал, что Английский банк увеличил размеры своих банкнот до прежнего уровня и именно потому не создал благоприятного вексельного курса и прилива золота. Я отрицал, что это было так, я отрицал, что выпуски Английского банка были в настоящее время так же велики, как в 1819 г.; допуская, однако, ради развития аргументации, что они были таковы, я все же обвинил бы Английский банк в том, что он не увеличил свои выпуски с целью

оказать воздействие на иностранные вексельные курсы и предупредить вредные последствия значительного ввоза золота.

О поведении Английского банка в этом вопросе один уважаемый директор его (г-н Маннинг) сказал на прошлом заседании в порядке оправдания, что Английский банк не был господином собственных действий; он указал, что нарекания, вызванные по всей стране многочисленными казнями за подделку банкнот, были направлены против Английского банка людьми, желавшими принудить его ускорить замещение монетой его банкнот достоинством в 1 и 2 ф. ст. Однако Английский банк сам лишил себя этого преимущества своей оппозицией против всякого рода платежей металлом в ходе дискуссий в Комитете и в палате общин.

Я, однако, думаю, что, после того как Английский банк накопил значительные количества золота, он считал целесообразным заменить свои банкноты в 1 и 2 ф. ст. золотом в форме монеты и именно в силу приведенных им прежде оснований; но это соображение не должно было заставить Английский банк ограничить свои выпуски и покупать значительные количества золота. На действие этого ограничения выпусков и этих закупок золота я и указывал. Известны протесты Английского банка перед Комитетом и канцлером казначейства по поводу вредных последствий ограничения его права на выпуск банкнот. Почему же Английский банк сам способствует злу, против которого он возражает, почему он производит новые закупки, имея переполненные сундуки, почему он предпринимает шаги, столь неизбежно ведущие к усилению зла? Я могу приписать это только одной причине, а именно тому, что Английский банк не имеет никакого понятия о принципах денежного обращения и совершенно не знает, как управлять в такой важный момент сложной машиной, которая ему доверена.

После того, что здесь было сказано о характере билля г-на Пила уважаемым членом от Шефтсбери (г-ном Лейчестером), я был очень удивлен, что он пришел к заключению о необходимости голосовать за назначение Комитета. Если прежние меры, поскольку парламент осуществляет их в этом билле, были правильны, то для чего нужен Комитет? Признанной целью внесенного предложения является изменение денежного стандарта; я не могу понять поэтому, каким образом уважаемый джентльмен, приведя аргументы в пользу существующего стандарта, мог бы голосовать за предложение, имеющее целью изменение его. Мой уважаемый друг, член от Ньютона (г-н Герни), сказал, что дело начато не с надлежащего конца, что следовало в первую очередь призвать частных банкиров платить по своим банкнотам звонкой монетой, а затем уже предложить Английскому банку следовать тем же путем. Я думаю, что такое предложение было бы абсурдным. Английский банк имел в своих руках власть обесценивать свои банкноты или увеличивать их стоимость путем регулирования своих выпусков в таких размерах, какие ему были угодны,—власть, которой провинциаль-

ные банки не имели. Английский банк мог снизить, как это было в 1812 и 1813 гг., стоимость своей однофунтовой банкноты до 14 шилл., или же, идя противоположным путем, поднять ее стоимость до двух соверенов при условии, что Монетный двор не противодействовал бы этим операциям, чеканя новую монету. Невозможно было поэтому требовать, а если бы и было возможно, то в высшей степени несправедливо, чтобы частные банки извлекали из обращения свои банкноты и платили по ним звонкой монетой и в то же время оставляли этому огромному Левиафану, Английскому банку, право выпускать свои бумажные деньги по произволу без обязательства разменивать их на металл.

Касаясь этой темы, я должен сказать, что мои взгляды были очень плохо поняты как внутри, так и вне стен парламента. Надеюсь, что я не слишком сильно злоупотребляю снисходительностью палаты, я желал бы использовать этот случай, чтобы объясниться. Делая это, я считаю наиболее удобным начать с замечания, которое обронил в ходе прений уважаемый олдермен¹ (г-н Хайгет). Он сказал, что если бы цена золота была показателем обесценения денежного обращения, то мой аргумент, основанный на этом, мог бы быть правильным; пожертвовать 3—4% при восстановлении прежнего стандарта было бы пустяком по сравнению с теми выгодами, которыми сопровождалось это восстановление; однако уважаемый олдермен не разделяет мнения, что цена золота является показателем обесценения денежного обращения. Так вот, что касается этой части моих взглядов, то вся трудность вопроса сводится к значению, которое мы придаем слову «обесценение». Совершенно очевидно, что уважаемый олдермен и я понимаем это слово в различном смысле.

Предположим, что в стране существует только металлическое денежное обращение и что благодаря обрезыванию оно потеряло $\frac{1}{10}$ своего веса; предположим, например, что соверен сохранил только $\frac{9}{10}$ металла, который он должен содержать в силу закона, и что вследствие этого цена золотых слитков, измеряемая таким мериллом, поднимется выше их монетной цены,— разве деньги страны не будут в этом случае обесценены? Я вполне уверен, что уважаемый олдермен признает верность этого вывода. Вполне возможно, что, несмотря на обесценение монет, стоимость их подымается все же в силу общих причин, влияющих на стоимость золота, как, например, война или уменьшение производительности рудников, откуда ежегодно получается золото; стоимость последнего может повыситься настолько, что обрезанные соверены приобретут на рынке большую стоимость по сравнению с той, какую они имели до уменьшения их веса. Но разве не правильно будет тогда сказать, что наши деньги обесценены, хотя стоимость их и возросла?

¹ Член городского совета.—Прим. перев.

Большая ошибка, допущенная в этом вопросе, заключалась в смешении слов «обесценение» и «уменьшение стоимости». Что касается до находящихся в обращении денег, то я сказал уже и повторяю теперь, что цена золота является показателем их обесценения, а не показателем стоимости их. Именно по этому вопросу меня неправильно поняли. Если бы, например, металлический стандарт денежного обращения сохранял одну и ту же постоянную стоимость и монета была обесценена путем обрезывания или если бы бумажные деньги были обесценены благодаря росту их количества на 5%, то это падение стоимости денег, хотя размеры его невелики, вызвало бы изменение в ценах товаров, поскольку на них влияла бы стоимость денег. Если бы металл золото (денежный стандарт) продолжал сохранять свою прежнюю стоимость, для восстановления же стоимости денег, обесцененных на 5%, до их паритета нужно было бы повысить ее только на 5%, то соответствующее понижение цен товаров было бы не более значительным. Я предполагал, что золото всегда сохраняет при этом одну и ту же постоянную стоимость; говорил ли я, однако, когда-либо, что не существует ряда других причин, могущих повлиять на стоимость золота, как и на стоимость всех других товаров? Отнюдь нет, как раз наоборот. Нет такой страны, использующей драгоценные металлы в качестве денежного стандарта, которая была бы свободна от изменений в ценах товаров, вызываемых изменением стоимости их металлического стандарта. Таким изменениям мы были подвержены до 1797 г. и должны быть подвержены им снова теперь, когда мы вернулись к металлическому стандарту.

Предложенный мною план не включал мероприятий, могущих вызвать спрос на золото, и я следовательно имел полное основание, предвосхищая изменение в цене товаров, определить последнее только в 5%, составивших тогда разницу между стоимостью золота и бумажных денег. Но разве введение золотого стандарта избавило бы нас от тех изменений в ценах товаров, которые являются результатом удешевления их производства в один период по сравнению с другим? Разве дальнейшее усовершенствование машин, или чрезвычайно богатый урожай, или какая-либо другая из общих причин, влияющих на понижение цен, не дали бы никакого эффекта? Разве производившиеся Английским банком неразумные закупки золота не оказали никакого действия на его стоимость? Невозможно также отрицать, что при настоящей мировой обстановке события в Южной Америке могли бы помешать регулярному снабжению Европы драгоценными металлами и, таким образом, повысить их стоимость, что повлияло бы на цены товаров опять-таки во всем мире.

Мне приписывали такой экстравагантный взгляд, как невозможность изменения цен товаров больше чем на 5% с момента введения металлического стандарта. Я никогда не выдвигал такого нелепого положения—мое мнение по этому вопросу никогда не

изменялось; если это не отнимет слишком много времени у палаты, я позволю себе процитировать одно место из памфлета, опубликованного мною в 1816 г. по вопросу о платежах слитками, чтобы показать палате, какого взгляда я тогда придерживался:

«При наличии металлического денежного стандарта стоимость денег подвергается только таким изменениям, какие испытывает стандарт как таковой; но против таких изменений не существует никакого средства, и последние события показали, что в течение периодов войны, когда золото и серебро употребляются для содержания огромных армий вдали от родины, подобные изменения гораздо более значительны, чем это вообще допускалось. Само допущение показывает только, что золото и серебро не являются такой хорошей стандартной мерой стоимости, как это предполагалось до сих пор, ибо сами они подвергаются большому изменению, чем это желательно по отношению к стандартной мере»¹.

Таковы были положения, которые я всегда выдвигал и которых я держусь и теперь. Я надеюсь, что палата простит мне эту личную ссылку на собственное мнение. Мне очень не хотелось злоупотреблять ее терпением, но я поставлен в такое положение, как будто нахожусь перед судом. План мой не был принят, и все же именно моему плану были приписаны последствия, совершенно из него не вытекавшие. Меня сделали ответственным за план, который был принят, хотя это был не мой план. (Смех и «Слушайте!») В этом—особенность моего положения, и если бы палата была столь снисходительна, чтобы позволить еще одну ссылку на мнения, высказанные мною в этой палате в 1819 г., я покончил бы с той частью моей аргументации, которая является чисто личной. («Слушайте, слушайте!») Вот что я сказал в своей речи во время прежнего обсуждения билля г-на Пиля. Я цитирую по обычному источнику информации—по протоколам: «Если бы палата приняла предложение уважаемого джентльмена (г-на Эллиса), то мы имели бы дело с иного рода изменением стоимости обращающихся денег,—изменением, которое палата желала бы предотвратить. Если бы эта поправка была принята, то возник бы чрезвычайный спрос на золото с целью чеканки его, а это повысило бы стоимость денег на 3 или 4% сверх первого повышения... До октября 1820 г. Английский банк не должен производить никакого сокращения [своих эмиссий], а затем произвести его лишь в незначительном размере; я не сомневаюсь в том, что, соблюдая осторожность, он сможет перейти к платежам наличными, не выплачивая ни одной гиней золотом. Английский банк должен был бы осторожно сокращать свои выпуски, но я опасюсь, что он сделает это слишком быстро. Если бы я мог дать ему совет, я рекомендовал бы ему не покупать слитков; но если бы даже он располагал лишь несколькими миллионами, я бы на его месте смело продавал».

¹ Рикардо цитирует свой памфлет «Предложения в пользу экономного и надежного денежного обращения», помещенного в этом же томе, стр. 161—162.

Так говорил я в 1819 г. Приняты ли были мои советы? Нет. *Почему же я должен нести ответственность за последствия гораздо большего повышения стоимости денег по сравнению с их действительным обесценением в тот период?*

Выяснив этот личный вопрос, я желал бы теперь сказать несколько слов об общем вопросе, который не был по моему мнению разъяснен надлежащим образом. Тут все время говорят о крайнем пределе обесценения денег, который, как известно, имел место в 1813 г.; между тем билль г-на Пилия подвергается критике, как если бы он был проведен именно в этом году и вызвал все изменения, которые имели место в денежном обращении между 1819 г. и настоящим временем. В каком положении находилось денежное обращение в 1819 г.? Оно было оставлено целиком под управлением и контролем компании купцов—людей, которые, как я охотно допускаю, отличаются прекрасным характером и одушевлены лучшими намерениями, но которые, несмотря на это,—в свое время я откровенно высказал такие опасения,—не признают правильных принципов денежного обращения и которые по моему мнению, право же, ровно ничего о них не знают. (Смех.) Этой компании купцов вверено было заведывание крупным и важным предприятием, от которого существенно зависят благосостояние страны и устойчивость тех условий, в которых она прежде всего заинтересована. Это были люди, имевшие власть придавать своей однофунтовой банкноте стоимость в 14, в 17, в 18 или в 19 шилл., как это последовательно и имело место при их руководстве между 1813 и 1819 гг. В этом последнем году и в течение четырех лет до него действие этой системы было таково, что стоимость денег упала до уровня, на 5% более низкого, чем паритет. То было время, благоприятное для введения такого денежного стандарта, который мог бы избавить страну от колебаний, вызываемых подобной системой и так сильно отражавшихся на жизни страны. Именно тогда (в 1819 г.) надо было ввести определенный денежный стандарт; единственная задержка состояла в необходимости решить, какой именно стандарт следует выбрать и принять. Два пути были открыты перед страной в этом случае: один заключался в том, чтобы регулировать стоимость стандарта ценой золота в данный момент, другой—в том, чтобы вернуться к прежнему стандарту. Если бы в 1819 г. стоимость денег оставалась на уровне 14 шилл. за однофунтовую банкноту, как это имело место в 1813 г., то, взвесив все выгоды и невыгоды, отсюда проистекающие, я, возможно, считал бы правильным фиксировать стоимость денег на том уровне, из которого исходило большинство существовавших тогда договоров. Но раз стоимость денег отставала от их паритетной стоимости на 5%, приходилось решать только один вопрос: установить ли денежный стандарт, исходя из тогдашней цены золота, т. е. 4 ф. ст. 2 шилл. за унцию, или сразу вернуться к старому стандарту?

Принимая во внимание все обстоятельства, я полагал, что

лучшим выбором является возвращение к старому стандарту. Действительное зло было совершено в 1797 г., и случай смягчить его последствия был уже потерян благодаря той линии поведения, которой держался в дальнейшем Английский банк. Ведь и после первой приостановки размена он мог, руководясь в своих эмиссиях правильными принципами и удерживая стоимость денег на уровне паритета или близко к нему, предупредить последовавшее затем обесценение. Меня могут спросить, как мог бы Английский банк сделать это? Я отвечаю на это, что *количество регулирует стоимость всех вещей*. Это верно по отношению к хлебу, к деньгам и ко всякому другому товару и, быть может, более верно по отношению к деньгам, чем к какому-либо другому предмету. А если это так, то тот, кто обладал властью регулировать количество денег, мог всегда управлять их стоимостью и делать однофунтовую банкноту равной по стоимости, как я сказал раньше, 14 шилл. или двум sovereignам при условии, что Монетный двор, открыв чеканку монеты для публики, не противодействовал бы эмиссиям Английского банка. Руководясь мудрой и благоразумной политикой, Английский банк мог бы так регулировать свои операции, что средства обращения не подверглись бы никакому обесценению начиная с 1817 г. и позже. Английский банк мог бы действительно управлять рыночной ценой слитков и иностранными вексельными курсами, но, к несчастью, он не предпринял шагов, необходимых для этой цели. Что касается билля 1812 г., то я должен сказать, что никогда не сожалел об участии, которое я принял в осуществлении этой меры. («Слушайте, слушайте!»)

Нередко приходилось слышать замечания по поводу высказанного мною мнения о влиянии закупок золота Английским банком на стоимость золота, а следовательно и на стоимость денег. Я оценивал это влияние в 5%, что делало все повышение стоимости денег равным 10%. Я признаюсь, что имел очень незначительное основание для того, чтобы составить себе сколько-нибудь правильное мнение об этом предмете. Сравнивая деньги с их стандартом, мы имеем известную возможность судить об их обесценении или об их относительной стоимости, но я не знаю способа, с помощью которого мы имели бы возможность точно определить изменения в их действительной или абсолютной стоимости. Мое мнение о том, что покупки Английского банка повысили стоимость денежного стандарта на 5%, основывалось, главным образом, на том действии, которое, как я ожидал, должен был оказать спрос, предъявленный к общему мировому запасу, а последний равнялся по своей стоимости 15—20 млн. ф. ст. чеканной монеты. Если бы во всем мире было, как я думал, в 20 раз больше золота и серебра, чем потребовалось в последнее время Англии для восстановления ее денежного стандарта в старом размере, то я сказал бы, что действие этой меры не превзошло бы 5%. Уважаемый член палаты (г-н Уэстерн), внесший разбираемое предложение, оспаривал пригодность стан-

дарта, признанного биллем г-на Пиля, и утверждал, что стоимость хлеба образовала бы лучший и более постоянный стандарт. Его довод в пользу этого мнения основывался на том, что средняя цена хлеба, взятая за период в 10 лет, дает менее подверженный изменению стандарт, чем средняя цена золота. Я не совсем понимаю эту часть аргументации уважаемого члена палаты. Не то он полагает, что страна должна иметь установленный металлический стандарт, ежегодно регулируемый ценой хлеба, установленной на основе средней за предшествующие 10 лет, не то эта средняя за 10 лет определяется по истечении каждых 10 лет.

Так вот, каким бы способом ни определялась эта средняя цена, тем ли методом или иным, в стоимости средств обращения происходили бы внезапные и значительные изменения. Сегодня, например, денежный стандарт был бы установлен на основе цены хлеба при средней цене последнего в 80 шилл. за квартал, а завтра, если бы в силу соответствующего постановления настал срок для исправления денежного стандарта, могло бы стать необходимым изменить его до 85 или 90 шилл., вызывая, таким образом, внезапное изменение во всех денежных платежах от одного дня к другому. (Г-н Уэстерн выражает здесь свое несогласие.) Я очень сожалею, что не совсем понял уважаемого члена, и не буду настаивать на этой части его аргументации. Он должен, однако, согласиться, что брать среднюю цену хлеба как лучшую меру стоимости—это в высшей степени ошибочный принцип. При том же уважаемый член (г-н Уэстерн) приводил в защиту такой меры стоимости объединенный авторитет Локка и Адама Смита, которые утверждали, что средняя цена хлеба за 10-летний период представляет менее изменчивую меру, чем золото. Чтобы подкрепить это мнение, он привел цены, взятые в соответствии с такими средними. Но крупная ошибка этой аргументации заключается в следующем: цитируемые авторы предполагали, что деньги, исходя из стоимости которых они обосновывали свое мнение о неизменности хлебного стандарта, представляют сами по себе неизменную меру, имеющую одну и ту же стоимость в течение всех лет, за которые выводилась средняя,—иными словами, для того чтобы доказать, что стоимость золота более изменчива, чем стоимость хлеба, они были вынуждены предположить с самого начала, что золото не изменяется в стоимости. Но если нельзя утверждать, что мера, которой определяется стоимость хлеба, не изменяет своей стоимости, то как можно сказать, что относительная стоимость хлеба не изменилась? («Слушайте, слушайте!») Если они должны допустить, что эта мера изменчива,—а кто будет отрицать это?—то что станет со всеми их аргументами? («Слушайте, слушайте!»)

Я не только не думаю, что хлеб является лучшей мерой стоимости, но я считаю его гораздо худшей мерой, более зависимой в своей внутренней стоимости от разных неустойчивых условий. Каковы действительные факты? В населенных странах люди

вынуждены возвращать хлеб на землях худшего качества, чем та, какую они стали бы обрабатывать при отсутствии столь сильного спроса на средства существования. Следовательно в таких странах цена хлеба должна повыситься, чтобы вознаградить хлебопашца, или же этот товар должен быть получен извне путем косвенного применения более значительного капитала. Имеется целый ряд причин, воздействующих на стоимость хлеба и делающих ее поэтому изменчивым мерилом.

Улучшения в сельском хозяйстве удешевили хлеб; открытие новых удобрительных веществ, усовершенствование молотилок— все это имело тенденцию понизить цены. Наоборот, величина некоторых производственных затрат по отношению к капиталу, необходимому для обработки земли, а также рост населения, которое нужно снабдить пищей, имели тенденцию увеличивать цену.

Таким образом, всегда существовали два фактора цены хлеба, действовавших одновременно и конкурировавших друг с другом; один уменьшал, а другой увеличивал цену этого товара,—как же можно в таком случае говорить, что стоимость хлеба представляет наименее изменчивую меру? («Слушайте, слушайте!») Аргументация Адама Смита включала также и следующее соображение: хлеб является более постоянным мерилом на том основании, что для поддержания существования одного человека требуется в общем одно и то же количество хлеба. Это возможно, но *издержки его производства* тем не менее изменяются все-таки, и это *должно регулировать его цену*. Я вполне соглашаюсь с уважаемым членом от Эссекса, что существует также ряд обстоятельств, воздействующих на стоимость золота, но одни носят постоянный, а другие временный характер.

Большая или меньшая производительность рудников является одной из постоянных причин; спрос на золото для нужд денежного обращения или производства утвари вследствие возрастающего богатства и населения был временной причиной, хотя вероятно значительной продолжительности. Спрос на шляпы или сукно повысил бы стоимость этих товаров, но как только необходимое количество капитала было бы затрачено на производство требующегося увеличения их количества, стоимость их упала бы до их прежнего уровня. То же самое верно относительно золота: возросший спрос повысил бы его стоимость и в конце концов привел бы к возросшему предложению его, тогда его стоимость понизилась бы до своего первоначального уровня при условии, что не возросли одновременно и издержки его производства. Нет более верного принципа, чем тот, согласно которому издержки производства являются регулятором стоимости, а спрос оказывает на нее только временное действие. Уважаемый член (г-н Уэстерн) привел детально разработанные данные, сопоставляющие количество уплаченных в различные периоды налогов со значительно изменяющейся стоимостью квартала пшеницы на основе стоимости последней; из этого

сопоставления он сделал вывод об огромном падении стоимости денег. Так вот, если эти вычисления и практическое применение их имеют какое-нибудь значение, то они должны применяться во все времена так же, как и в настоящее время. Пусть же уважаемый член распространит в таком случае свои расчеты на более ранние времена, тогда мы увидим, насколько применимы его рассуждения. Если речь пойдет в частности о тех трех годах, которые я назову, то расчеты уважаемого джентльмена будут выглядеть несколько иначе, чем при отнесении их к настоящему времени. Цена пшеницы составляла в 1796 г. 72 шилл. за квартал, в 1798 г. (только два года спустя) она упала до 50 шилл., в 1801 г. (а в течение всего этого периода стоимость денег почти не изменилась) цена пшеницы поднялась неизменно высоко—до 118 шилл. («Слушайте!») Так велики были колебания цены хлеба в течение всего лишь трех лет.

Итак, палата имеет пред собою опыт столь краткого периода, как три года, и изменения цен за это время. Уважаемый джентльмен принимал в своей аргументации, что *цена пшеницы* должна быть постоянно такой, какой она является в данный период.

Я же полагал, что она отнюдь не будет постоянной; я ожидал, что она *поднимется*; и разумеется, *если бы настоящая цена не была достаточной ценой, то было бы невозможно чтобы она не увеличилась, ибо производство ни в коем случае не могло бы продолжаться в течение значительного периода времени при недостаточных ценах.* В течение трех лет цена квартера пшеницы изменялась в пределах от 50 до 118 шилл. Но в 1813 г., когда наше денежное обращение было обесценено гораздо сильнее, чем в каком-либо предшествовавшем году, цена ее снова упала до 56 шилл. В 1810 г. она достигла 106 шилл., а в 1814 г. понизилась до 75 шилл. Изменения, говоря кратко, были бесконечны и постоянны. («Слушайте!») Что касается цены муки, я установил, что в 1801 г. в июле продовольственное бюро в Дептфорде платило 124 шилл. за мешок муки. В декабре того же года оно платило только 72 шилл. В декабре 1802 г. оно платило за тот же самый товар и в том же самом количестве 52 шилл., в декабре 1804 г.—89 шилл., и в последующие годы цена мешка колебалась последовательно от 22 до 50 шилл., короче говоря, была так неопределенна, как только возможно. («Слушайте!») Я привожу все эти детали с целью показать, что цена хлеба постоянно колебалась и изменялась. Было бы удивительно, если бы это было не так. Уважаемый джентльмен выразил надежду, что ни один член этой палаты, питающий противоположное убеждение, не откажется из мотивов ложной гордости или из-за предрассудка признать какую-нибудь ранее совершенную им ошибку, в которую он мог впасть при рассмотрении этих вопросов. Я могу уверить уважаемого джентльмена, что, поскольку дело касается меня, я не позволю себе поддаться влиянию глупой гордости этого рода. Уважаемый джентльмен сделал ряд достаточно подробных замечаний по поводу пред-

ставленного палате показания г-на Тука, в котором он рассматривает влияние изобилия товаров на понижение цен. Говорят, что цены упали значительно больше, чем на 10%, но г-н Тук отметил особо, что из всех упомянутых им товаров нет ни одного, о понижении стоимости которого он не мог бы дать объяснений. Общее количество предметов потребления, доставленных на наши рынки в продолжение периода, о котором говорил уважаемый джентльмен, превзошло количество, доставленное в течение какого-либо прежнего периода; среди же импортированных товаров были некоторые, как сахар и хлопок, цены которых продолжали с тех пор падать. Но это несомненно не могло быть неожиданностью для палаты, наблюдавшей рост их количества. Уважаемый джентльмен много распространялся об убытках, которые страна потерпела, по его мнению, вследствие займов, заключенных в периоды низких цен государственных фондов; чтобы сделать эти невыгоды еще более явными, уважаемый джентльмен произвел расчеты в стоимости квартера пшеницы по хлебным ценам тех времен. Затем уважаемый джентльмен указал на повышение цен фондов со времени заключения мира и сказал: «Чтобы уплатить этот капитал по существующей стоимости денег, я требую добавочного количества кварталов хлеба». Всякий, кто слышал речь уважаемого джентльмена, естественно, предположил бы, что повышение цены фондов было необходимо связано с возросшей стоимостью денег. Но это не могло быть так; если бы стоимость денег имела к этому какое-нибудь отношение, то это дало бы противоположный эффект. Изменение стоимости денег не имеет никакого отношения к этому вопросу; если бы дивиденды выплачивались на основании более дорогого стандарта, то и цены исчислялись бы также на основе этого дорогого стандарта, а если бы дивиденды оплачивались на основании менее дорогого стандарта, то и цены также исчислялись бы на базе такого стандарта. В продолжение американской войны трехпроцентные консоли продавались по такому низкому курсу, как 53, а затем они поднялись до 97. В то время не делалось попыток воздействия на денежное обращение. Какое поэтому могла иметь отношение к цене фондов стоимость обращающихся денег? Если кто-нибудь нуждается теперь в деньгах под закладные, он может получить их из 4%, между тем как в продолжение последней войны он вынужден был платить 7 или 8% и к тому же доставать деньги окольным путем. Вся аргументация может быть сведена к констатированию простого факта, который заключается в следующем: те, кто инвестирует теперь денежные суммы в государственных фондах, получают за них низкий процент, те, кто инвестировал деньги во время войны, получали значительный процент. Что касается аргумента, который был выдвинут моим уважаемым другом, членом от Шрюсбери (г-ном Беннетом), то я не могу согласиться с ним. Мой уважаемый друг утверждал, что вся потеря от перечековки денег в царствование короля Вильяма;

когда они были возвращены из обесцененного в здоровое состояние, составляла около 242 млн. ф. ст.; в эту сумму он оценивал неудобства и потери для отдельных лиц. Но мой уважаемый друг забыл, что во всех странах имелись обязательства на сумму во много раз большую, чем наличные деньги, и что следовательно потеря должна была быть гораздо значительнее, чем ее оценивает мой уважаемый друг. Сумма, на которую были выданы обязательства, могла в действительности превышать сумму денег в 20 или в 50 раз, поэтому интересы отдельных сторон были бы затронуты соответственно. Было совершенно ясно, что всякое изменение, произведенное в стоимости обращающихся денег, должно по необходимости затронуть как в настоящее время, так и во все другие времена либо одну, либо другую сторону, связанную этими обязательствами; но такой эффект произведенной реформы был совершенно естественным и неизбежным. Возвращаясь к вопросу, находящемуся на рассмотрении палаты, я должен сказать, что предложение уважаемого члена от Эссекса было рассчитано на пробуждение и возобновление тревоги, которая, как я надеялся, уже давно улеглась. Оно было рассчитано на возможность причинить много вреда. («Слушайте!») Если бы имелся какой-нибудь шанс, что предложение уважаемого джентльмена получит поддержку палаты, то успех его должен будет сопровождаться теми последствиями, о которых так красноречиво и подчеркнуто говорил на прошлом заседании мой достоуважаемый друг (г-н Гэскиссон). Всякий человек старался бы всеми силами избавиться от денег, которые могли бы подвергнуться громадному и немедленному обесценению. Каждый старался бы извлечь их из обращения, судьбу которого он предвидел; он непосредственно обратил бы их в золото, суда, товары—в имущество любого рода, которое могло бы, по его мнению, скорее сохранить постоянную стоимость, чем деньги. Я думал, что мера, принятая в 1819 г., была губительной для провинции главным образом из-за неосновательной паники, которую она создавала в умах некоторых людей; к этому следует также прибавить те неопределенные опасения, которые весьма сильны у людей, всегда боящихся, что случится что-нибудь такое, сущность чего они сами не могут определить. Эта паника теперь улеглась, эти опасения рассеялись; обесценение стоимости наших денег, испытанное нами несколько лет тому назад, вероятно не повторится в будущем, если мы будем и дальше сохранять принятые нами меры; я думаю поэтому, что изменять закон, нарушение которого опрокинуло бы установленный нами великий принцип, было бы самой немудрой вещью в мире.

Я льщу себя надеждой, что после страданий, которые страна пережила вследствие закона о приостановке размена банкнот Английским банком, мера подобного характера никогда больше не будет принята.

Мой уважаемый друг (г-н Беннет) констатировал, что обесце-

нение стоимости денег составляло в 1813 г. около 42%. Я думаю, что мой уважаемый друг чересчур преувеличил размер обесценения. Высшая цена, которой когда-либо достигало золото, да и то только на короткое время, составляла 5 ф. ст. 10 шилл. за унцию. Даже и в этом случае банкнота была обесценена только на 29%, потому что на 5 ф. ст. 10 шилл. в банкнотах можно было купить такое же количество товаров, как и на 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. в золотой монете. Если, таким образом, 5 ф. ст. 10 шилл. в банкнотах стоили 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. в золоте, то 100 ф. ст. в банкнотах стоили 71 ф. ст. золотом, а 1 ф. ст.—14 шилл., что представляет обесценение на 29%, а не на 42%, как заявил мой уважаемый друг. При другом способе формулировать это положение может действительно казаться, что стоимость денег повысилась теперь на 42%: если банкнота, стоившая в 1813 г. 14 шилл., стоит в настоящее время 20 шилл., то банкнота, стоившая тогда 100 ф. ст., стоит теперь 142 ф. ст.; но, как я уже заметил, нет ничего более трудного, как определить изменения стоимости денег. Чтобы сделать это сколько-нибудь точно, мы должны были бы иметь неизменную меру стоимости, но такой меры мы никогда не имели и никогда не будем иметь. В данном случае стоимость золота могла упасть, а стоимость бумажных денег повыситься; следовательно, когда они встречаются и находятся в паритете друг с другом, то повышение стоимости бумажных денег может не равняться целиком прежней разности между ними. Итак, никто не может определить с точностью стоимость денег для какого-либо отдельного периода. Когда мы говорили об обесценении, мы всегда имели стандарт, с помощью которого это обесценение могло быть измерено. Меня сильно удивил другой аргумент, выдвинутый моим уважаемым другом (г-ном Беннетом): он возражал против поправки моего достопочтенного друга (г-на Гэскиссона) на том основании, что она не дает ему достаточной гарантии против возможности нового изменения денежного стандарта когда-либо в будущем. Он повидимому опасался, что при известных условиях могут снова прибегнуть к мероприятию 1797 г. Говоря коротко, мой уважаемый друг (г-н Беннет) стоял за сохранение денежного стандарта, установленного биллем г-на Пиля, и тем не менее сейчас же прибавил—это показалось мне в высшей степени непоследовательным,— что будет голосовать за предложение уважаемого члена от Эссекса (г-на Уэстерна), которое явно хочет изменить этот стандарт.

Г-н Рикардо кончил свою речь извинившись пред палатой за то, что так долго злоупотреблял ее снисходительностью.

Палата приступила к голосованию в три часа утра.

Оказалось, что за поправку голосовало 194

Против 30

Большинство 164.



ПЛАН
УЧРЕЖДЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО
БАНКА



ЛОНДОН
1824





ПРЕДИСЛОВИЕ МАК-КЭЛЛОХА

По окончании сессии парламента и возвращении в провинцию Рикардо имел намерение использовать часть своего досуга, чтобы подготовить к опубликованию следующую работу: он выработал план, при осуществлении которого государство могло бы, по его мнению, получать прибыль от эмиссии бумажных денег, причем гарантии против неудобств, свойственных бумажному обращению, отнюдь не должны были уменьшиться. Было известно, что еще до своей последней болезни он привел свое намерение в исполнение, и после смерти среди его бумаг найдены были приводимые здесь страницы. Неизвестно, считал ли Рикардо необходимым какое-либо изменение или дополнение за исключением одного лишь пункта. Закончив свою работу, он показал свою рукопись одному из членов своей семьи, находившемуся в это время около него; последний указал ему на те трудности, которые могли встретиться в провинции при получении денег для путевых издержек, если бы банкноты одного округа не сплачивались в другом. Рикардо признал, что для устранения этого неудобства следует принять какие-нибудь меры, но думал, что для этого было бы достаточно какое-нибудь весьма простое мероприятие. Повидимому он не успел изложить, какое именно казалось ему пригодным для этой цели, и друзья его сочли самым лучшим опубликовать его рукопись с этим пояснением в том самом виде, в каком она была найдена.



ПЛАН УЧРЕЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА

Английский банк выполняет две банковские операции, которые совершенно отличны одна от другой и не имеют никакой необходимой связи друг с другом: он выпускает бумажные деньги, заменяющие металлические, и авансирует деньги в виде ссуд купцам и другим.

Что обе эти банковские операции не имеют между собой никакой необходимой связи, вытекает со всей очевидностью из следующего: они могут выполняться двумя отдельными учреждениями без малейшего ущерба как для страны, так и для купцов, для которых такие ссуды весьма удобны.

Предположим, что у Английского банка отнята привилегия эмиссии бумажных денег и что в дальнейшем последняя будет предоставлена только государству с подчинением его той же регламентации, какой в настоящее время подчиняется Английский банк, т. е. с обязательством оплачивать свои банкноты по предъявлении звонкой монетой,—как может пострадать от этого хотя бы в малейшей степени национальное богатство? Мы совершали бы тогда, как и теперь, все сделки и вели бы торговлю страны при помощи дешевого орудия обращения—бумажных денег, вместо дорогого—металлических денег; мы точно так же получали бы все выгоды, проистекающие от того, что эта часть национального капитала становится производительной, принимая форму сырого материала, пищи, одежды, машин и инструментов, вместо того чтобы оставаться бесполезной в форме металлических денег.

Государство или правительство по полномочию государства должно Английскому банку сумму, значительно бóльшую, чем вся сумма банкнот, находящихся в обращении; правительство должно Английскому банку не только 15 млн. ф. ст.—первоначальный капитал, который был отдан в ссуду государству из 3%,—но и еще несколько миллионов, которые авансированы ему под билеты казначейства, аннуитеты и пенсии в размере половинного жалованья и другие обязательства. Очевидно, следовательно, что если бы правительство было само единственным эмитционером бумажных денег, а не занимало их у Английского банка, то разница касалась бы только процентов: Английский банк перестал бы

получать их, а правительство—платить их, но все остальные классы общества находились бы в таком же положении, как и в настоящее время. Очевидно также, что в обращении находилось бы ровно столько же денег; в этом отношении было бы совершенно безразлично, выпускаются ли 16 млн. ф. ст. бумажных денег, находящиеся теперь в обращении в Лондоне, правительством или какой-либо банковской корпорацией. Купцы не испытывали бы никакого стеснения из-за трудности получить обычный кредит путем учета векселей или каким-либо другим способом: прежде всего объем таких ссуд должен в основном зависеть от количества денег, находящихся в обращении, последнее же было бы точно таким же, как и прежде; далее Английский банк должен был бы давать займы купцам такую же долю находящихся в обращении денег, не большую и не меньшую.

Если верно, что ссуды, выданные правительству Английским банком, превышают всю сумму банкнот последнего, находящихся в обращении,—а я полагаю, что вполне доказал это,—то часть его ссуд правительству, а также все его ссуды другим лицам должны быть очевидно сделаны из других фондов, находящихся в его владении или распоряжении; этими фондами он продолжал бы владеть и после того, как правительство погасило бы свой долг ему и все его банкноты были бы извлечены из обращения. Пусть не говорят поэтому, что, поскольку речь идет об эмиссиях бумажных денег, хартия Английского банка должна быть возобновлена на том основании, что если бы это не было сделано, то купцы были бы лишены обычных способов получения кредита; надеюсь, я доказал, что они будут иметь не меньшую возможность заключать займы, чем прежде.

Можно сказать, однако, что если бы Английский банк был лишен той части своих операций, которая состоит в выпуске бумажных денег, то у него не было бы стимула продолжать свое существование в форме акционерной компании, и он решил бы тогда ликвидировать товарищество. Это, по-моему, совершенно не так, ибо он мог бы все же использовать с прибылью свои собственные фонды. Но предположим, что я неправ и что компания была бы распущена. Какие неудобства испытала бы благодаря этому торговля? Объединенным капиталом компании может управлять несколько директоров, выбранных общим собранием владельцев, или же этот капитал может быть разделен между самими владельцами так, что каждая часть его будет находиться в ведении того лица, которому она принадлежит. Но разве это может изменить действительные размеры капитала или тот эффект, какой он дает при использовании его для коммерческих целей? Вероятно он ни при каких условиях не будет находиться в ведении индивидуальных владельцев, а будет собран в массу или в массы, и им будут управлять с большим умением и бережливостью, чем им управляет теперь Английский банк. Слишком много значения

придавалось всегда тем выгодам, которые торговля извлекает из услуг, оказываемых ей Английским банком. Я считаю их совершенно незначительными в сравнении с услугами, оказываемыми купцам частными фондами отдельных лиц. Мы знаем, что в настоящее время ссуды, выдаваемые Английским банком купцам путем учета, представляют ничтожную сумму; имеется также множество показаний, свидетельствующих, что эти ссуды никогда и не были очень значительны. Все фонды, находившиеся в распоряжении Английского банка в течение последних 30 лет, хорошо известны. Они состояли из его собственного капитала и накоплений и из суммы правительственных вкладов, а также вкладов отдельных лиц, пользующихся Английским банком в качестве банкира. Из этого совокупного фонда должна быть вычтена сумма металлической наличности и слитков в сундуках банка, сумма авансов предъявителям квитанций на займы, заключаемые в каждом году, и сумма авансов, выдаваемых правительству тем или иным путем. Только остаток, получающийся после всех этих вычетов, мог быть использован для коммерческих целей; будь его размеры установлены, он, я уверен в том, оказался бы сравнительно небольшим.

Один остроумный человек сделал на основании предъявленных парламенту в 1797 г. документов, в которых Английский банк принял известное число за единицу и привел далее шкалу своих учетов за различные годы, следующее вычисление: он сравнил эту шкалу с другими документами, также предъявленными парламенту, и вычислил, что сумма денег, выдававшаяся в ссуду купцам путем учета, колебалась в течение трех с половиной лет, предшествовавших 1797 г., от 2 млн. до 3 700 тыс. ф. ст. Это—ничтожная сумма для такой страны, как наша; она должна составлять только незначительную часть тех сумм, которые ссужаются с такими же целями частными лицами. В 1797 г. ссуды, выданные Английским банком только правительству, не считая принадлежащего банку капитала, также отданного в ссуду правительству, превышали больше чем в три раза сумму ссуд, выданных всей массе купцов.

В последнюю сессию парламента для рассмотрения закона о залогах, а также отношений между отправителями товаров из-за границы и их получателями был назначен Комитет палаты общин. Этот Комитет вызвал для дачи показаний г-на Ричардсона, представляющего фирму Ричардсон, Оверенд и К^о, и видных учетных маклеров в Сити.

Вопрос. Не имеете ли вы обыкновение учитывать по временам в широком размере векселя маклеров и других лиц, выдаваемые под залог товаров, находящихся в их руках?

Ответ. В очень значительном размере.

Вопрос. Не вели ли вы дело учетного маклера и денежного агента в весьма обширном размере, значительно большем, чем кто-либо другой в этом городе?

Ответ. Думаю, что в значительно больших размерах.

Вопрос. На сумму в несколько миллионов ежегодно?

Ответ. На сумму во много миллионов: около 20 млн. ежегодно, иногда больше».

Показания г-на Ричардсона достаточно доказывают, по-моему, что размеры операций такого рода, в которых Английский банк не принимает никакого участия, очень велики. Может ли кто-нибудь сомневаться, что если бы Английский банк прекратил свое существование и разделил свои фонды между отдельными владельцами, то операции г-на Ричардсона и других, занимающихся тем же делом, значительно разрослись бы? С одной стороны, к ним чаще обращались бы для получения денег путем учета, а с другой—люди, имеющие свободные деньги, обращались бы к ним, чтобы найти применение для этих денег. То же, а не большее количество денег потребовалось бы для предприятий этого рода; но если бы ни Английский банк, ни отдельные владельцы, лично управляющие принадлежащими им фондами, не использовали этих денег, то они неизбежно нашли бы свой путь, по прямому или по обходному каналу, в руки г-на Ричардсона или какого-нибудь другого денежного агента и были бы использованы ими для поднятия торговли и поощрения промышленности страны, ибо никаким другим способом нельзя сделать эти фонды в большей мере доходными для тех, кому они принадлежат.

Если мой взгляд на этот предмет правилен, то ясно, что торговля страны ничуть не пострадает от того, что Английский банк будет лишен права выпускать бумажные деньги, если, конечно, правительство будет выпускать таковые в размерах, равных банковскому обращению; единственным последствием лишения Английского банка этой привилегии было бы перемещение прибыли, получающейся от процента по выпускаемым таким образом деньгам, от банка к правительству.

Однако остается еще одно возражение, на которое следует обратить внимание читателя.

Говорят, что правительство не может быть облечено правом выпуска бумажных денег без риска, что оно наверное будет злоупотреблять им и что всякий раз, когда ему настоятельно понадобится деньги для ведения войны, оно перестанет платить по своим билетам звонкой монетой по предъявлению; начиная с этого момента деньги превратятся в правительственные бумаги с принудительным курсом. Надо признать, что облечение правительства как такового, иначе говоря министров, правом выпуска бумажных денег представляло бы большую опасность.

Но я предлагаю вручить это право комиссарам, которые могут быть лишены своего официального положения только путем голосования одной или обеих палат парламента. Я предлагаю также, принять меры предупреждения против всяких сношений между этими комиссарами и министрами, запретив всякого рода денежные сделки между ними. Комиссары не должны ни под каким предло-

гом ссужать деньги правительству или находиться даже в малейшей степени под его контролем или влиянием. Над комиссарами, в такой мере независимыми от них, министры имели бы меньше власти, чем они имеют теперь над директорами Английского банка. Опыт показывает, как мало последняя корпорация способна была сопротивляться уговорам министров и как часто ее убеждали увеличивать ссуды под билеты и боны казначейства. Это происходило как раз тогда, когда, по ее собственному заявлению, такое увеличение сопровождалось величайшим риском и для Английского банка и для государственных интересов. Ознакомление с перепиской между правительством и Английским банком, предшествовавшей приостановке им платежей в 1797 г., показывает, что, по мнению Английского банка, необходимость этой меры была вызвана (в этом банк, по моему мнению, ошибался) частыми и настоятельными требованиями увеличения ссуд со стороны правительства. А раз это так, то я спрашиваю: не обладала ли бы страна большей гарантией против всяких влияний на умы эмиссионеров бумажных денег, побуждающих их отклоняться от строгой линии своих обязанностей, если бы бумажные деньги этой страны выпускались комиссарами на основе предложенного мною плана, а не Английским банком, как он теперь организован? Если правительство нуждалось в деньгах, то его надо было обязать взимать их законным путем: облагая народ налогами, выпуская и продавая билеты казначейства, путем фондированных займов или же займов в одном из многочисленных банков, существующих в стране, но ни в каком случае нельзя было допустить, чтобы оно занимало их у тех, кто имеет право создавать деньги.

Если бы фонды комиссаров увеличились настолько, что у них оставался бы излишек, который можно было бы использовать с выгодой, то пусть они открыто покупали бы на рынке за этот излишек правительственные обязательства. Если же, напротив, для них сделалось бы необходимым сократить свои выпуски, не уменьшая своего запаса золота, то пусть они продают имеющиеся у них обязательства тем же порядком на открытом рынке. При таком порядке пришлось бы пожертвовать ничтожной суммой, равной биржевой премии, которую предположительно получают те, кто употребляет свой капитал и свой опыт на сделки с государственными бумагами; но в таком важном деле эта сумма не имеет никакого значения. Следует вспомнить, что благодаря большой конкуренции в этого рода делах биржевая премия сводится к очень незначительной доле и что сумма таких сделок никогда не может быть велика; размеры обращения удерживаются на своем надлежащем уровне при помощи незначительного сокращения или расширения размеров находящегося в сундуках комиссаров сокровища в монете и слитках. Вложить деньги в покупку бумаг, приносящих проценты, явилось бы целесообразным лишь в период, когда благодаря росту богатства и процветания страны для нее потребовалось бы непре-

ривно увеличивающееся количество средств обращения; продать же часть этих бумаг потребовалось бы лишь в противоположном случае. Ясно, таким образом, что можно добиться полнейшей гарантии против влияния, которое, как это может показаться на первый и поверхностный взгляд, правительство может иметь на эмиссионную деятельность Национального банка; благодаря организации такого учреждения вся сумма процентов, которые уплачиваются теперь правительством Английскому банку, стала бы частью национальных ресурсов.

Я предложил бы, таким образом, следующий план учреждения Национального банка:

1. Назначаются пять комиссаров, которым вручается исключительное право выпуска всех бумажных денег страны.

2. По истечении срока хартии Английского банка в 1833 г. комиссары должны выпустить на 15 млн. ф. ст. бумажных денег, составляющих отданный в ссуду правительству капитал банка. Таким образом, этот долг будет погашен, и уплата 3% по этой ссуде с этого времени прекращается.

3. В этот же день комиссары должны будут выпустить на 10 млн. ф. ст. бумажных денег, использовав их следующим образом: на известную часть этой суммы, какую они сочтут достаточной, они должны купить у Английского банка или у других лиц золотые слитки, а на остаток они должны выкупить в течение шести месяцев после названного дня часть правительственного долга Английскому банку по билетам казначейства. Выкупленные таким образом билеты казначейства должны в дальнейшем оставаться в распоряжении комиссаров.

4. Английский банк должен взять на себя обязательство выкупить через наиболее короткий нужный ему промежуток после истечения срока своей хартии все свои банкноты, находящиеся в обращении, оплатив их новыми банкнотами, выпущенными правительством. Он не должен платить по ним золотом, но обязан всегда держать резерв новых банкнот, равный по своей сумме его собственным банкнотам, остающимся в обращении.

5. Банкноты Английского банка будут иметь хождение в течение шести месяцев по истечении срока хартии банка, после чего они не будут больше приниматься правительством в уплату налогов.

7¹. В продолжение шести месяцев по истечении хартии Английского банка банкноты провинциальных банков должны прекратить свое хождение, банки же, их выпустившие, будут обязаны платить по ним, подобно Английскому банку, правительственными банкнотами. Они будут иметь право платить по своим банкнотам золотой монетой, если они это предпочтут.

8. Для того чтобы держатели правительственных банкнот, живущие вне городов, имели все гарантии, в последних будут на-

¹ В подлиннике шестой параграф отсутствует.—Прим. перев.

значены агенты, обязанные удостоверить по предъявлении подлинность банкнот, прилагая к ним свою подпись, после чего такие банкноты будут обмениваться только в том округе, где они получили соответствующую подпись.

9. Банкноты, выпущенные в данном округе или носящие подпись агента этого округа, не должны оплачиваться в другом; однако при внесении известной суммы этих банкнот в качестве вклада в окружной банк, первоначально выпустивший или подписавший их, можно получить вексель на какой-нибудь другой округ, оплачиваемый в банкнотах последнего.

10. Банкноты, выпущенные в провинции, не будут оплачиваться монетой в провинции же, но за такие банкноты можно получать векселя на Лондон, которые будут оплачиваться там монетой или лондонскими банкнотами по выбору предъявителя.

11. Если кто-либо внесет в лондонское отделение вклад монетой или лондонскими банкнотами, то он может получить вексель, оплачиваемый банкнотами любого округа, который он должен назвать при получении векселя. Точно так же всякий, кто вносит в лондонское отделение вклад монетой, может получить лондонские банкноты на такую же сумму.

12. Комиссары будут обязаны покупать в Лондоне любое количество золота стандартной пробы, превышающее 100 унций весом, какое только может быть им предъявлено, по цене, не меньшей чем 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс. за унцию.

13. С момента учреждения Национального банка комиссары будут обязаны платить по своим банкнотам и векселям золотой монетой по требованию.

14. Немедленно по учреждении Национального банка будут выпускаться банкноты достоинством в 1 ф. ст. и выдаваться по требованию всем в обмен за банкноты более крупного достоинства, если лицо, представляющее последние, предпочитает такие однофунтовые банкноты монете. Это правило остается в силе только в течение одного года, поскольку дело касается Лондона, но должно иметь постоянную силу для всех провинциальных округов.

15. Следует твердо запомнить, что в провинциальных округах агенты не будут обязаны давать ни банкнот за монету, ни монету за банкноты.

16. Комиссары должны действовать в качестве всеобщего банкира для всех государственных ведомств, точно так же как это делает в настоящее время Английский банк, но они не должны выполнять такой функции ни по отношению к какой-либо корпорации, ни по отношению к отдельному лицу.

По содержанию статьи 1 я уже высказался. Число комиссаров должно, по моему мнению, равняться пяти; они должны получать соответствующее жалованье за работу, которую они должны будут

выполнять и контролировать; они должны назначаться правительством, но не смещаться им.

Статья 2 относится к способу, каким новое бумажное обращение должно заместить старое. Как это предусмотрено выше, будет выпущено на 25 млн. ф. ст. бумажных денег. Эта сумма не будет слишком велика для обращения всей страны, но если бы она оказалась таковой, то излишек может быть обменен на золотую монету или же комиссары продадут часть своих билетов казначейства и уменьшат, таким образом, объем бумажного обращения. Имеются и другие способы, путем которых замена старых банкнот новыми могла бы быть осуществлена, если бы Английский банк работал совместно с комиссарами, но предлагаемый способ даст надлежащий эффект. Было бы желательно, чтобы правительство купило у Английского банка по справедливой оценке все его здания, если бы он согласился расстаться с ними, а также взяло на службу всех его клерков и служащих. Предоставление клеркам и служащим банка оплачиваемых занятий было бы лишь актом справедливости, для государства же было бы полезно иметь в своем распоряжении для ведения его дел столько опытных и испытанных работников. В мой план входит также полное прекращение оплаты Английского банка за управление делами национального долга сейчас же по истечении срока хартии банка; этой отраслью государственной деятельности должны управлять и контролировать ее комиссары.

Статья 3 предусматривает меры для депонирования надлежащего количества золотой монеты и слитков, так как без этого новое учреждение не могло бы функционировать. На деле в распоряжении комиссаров было бы 14 млн. ф. ст. вместо 10 млн. Из одной из последующих статей видно, что комиссары будут действовать в качестве банкира для всех государственных ведомств, а так как опыт показал, что эти ведомства отдают в руки своего банкира в среднем 4 млн. ф. ст., то в добавление к 10 млн. комиссары получили бы эти 4 млн. Если бы 5 млн. ф. ст. были обращены на покупку монеты и слитков, то 9 млн. были бы инвестированы в переходных обязательствах. Если бы 8 млн. ф. ст. были инвестированы в золоте, то 6 млн. оставались бы на покупку билетов казначейства. Если бы после второй уплаты, произведенной комиссарами, государство было бы должно Английскому банку еще какую-либо сумму, то этот долг должен был быть покрыт путем займа или же сделан предметом специального соглашения между правительством и Английским банком.

Статьи 4 и 5 имеют в виду замещение старых бумажных денег новыми и защищают Английский банк от оплаты звонкой монетой его банкнот, могущих находиться в обращении. Для держателей последних это не может сопровождаться никакими неудобствами, ибо Английский банк обязан давать им правительственные банкноты, которые обмениваются по предъявлении на золотую монету.

Статья 7 предусматривает меры для замещения старых провинциальных банкнот новыми. Провинциальные банки не встретили бы никакого затруднения в деле получения для этой цели новых банкнот. Все их сделки завершаются в конечном счете в Лондоне, и обращение их покоится на обязательствах, там депонированных. Располагая этими обязательствами, они могли бы получить требующееся им количество денег, чтобы обеспечить платежи по своим банкнотам; следовательно, провинция никогда не испытывала бы недостатка в соответствующем количестве средств обращения. Сумма находящихся в обращении банкнот провинциальных банков оценивается приблизительно в 10 млн. ф. ст.

Статья 8 предусматривает гарантии против обмана и подделки. Прежде всего бумажные деньги нельзя выпускать в каждом округе, их нужно высылать полностью из Лондона. Вполне справедливо поэтому, чтобы какой-нибудь государственный агент занимался проверкой банкнот в таком количестве местностей, в каком это будет сочтено удобным. По истечении известного времени обращение каждого округа будет обслуживаться банкнотами, выпущенными в этом же округе, но по формам, присланным для этой цели из Лондона.

Статья 9 предусматривает меры для возможно большего облегчения доставки переводов и платежей в любой округ страны. Если кто-нибудь желает уплатить в Йорке 1 тыс. ф. ст. лицу, живущему в Кентербери, и вносить с этой целью 1 тыс. ф. ст. банкнотами, выпущенными в Йорке, агенту, находящемуся в этом городе, то он может получить вексель на 1 тыс. ф. ст., подлежащий оплате в Кентербери, в банкнотах этого округа.

Статья 10 обеспечивает платежи по банкнотам каждого округа монетой в Лондоне. Если кто-нибудь нуждается в Йорке в 1 тыс. ф. ст. монетой, то правительство не должно брать на себя расхода по их пересылке ему: он должен взять этот расход на себя. Такой суммой можно пожертвовать ради пользования бумажными деньгами. Если же жители данного округа не пожелают пожертвовать этой суммой, они смогут пользоваться золотом вместо бумажных денег; однако они должны будут все же взять на себя расходы, связанные с получением золота.

Статья 11, так же как и 9-я, заботится об облегчении доставки переводов и платежей во все части нашей страны.

Статья 12 предусматривает меры против слишком большого ограничения объема бумажно-денежного обращения, обязывая комиссаров выпускать их во всякое время в обмен на золото по цене 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс. за унцию. Регулируя свои выпуски ценой золота, комиссары никогда не могут ошибиться. Было бы, быть может, целесообразно обязать их продавать золотые слитки по 3 ф. ст. 17 шилл. 9 пенс., тогда монета никогда не вывозилась бы, потому что ее никак нельзя было бы получить дешевле 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. за унцию. При такой системе колебания цены

золота могли бы иметь место лишь в пределах от 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс. до 3 ф. ст. 17 шилл. 9 пенс. Тщательно следя за рыночной ценой золота и увеличивая выпуск бумажных денег, когда эта цена приближается к 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс. или падает ниже, и ограничивая их выпуск или извлекая из обращения небольшую часть их, когда цена золота приближается к 3 ф. ст. 17 шилл. 9 пенс. или подымается выше, комиссары должны были бы совершить вероятно не больше дюжины сделок по покупке и продаже золота в год; поскольку же таковые производились бы, они всегда были бы выгодны и давали бы учреждению небольшую прибыль. Однако, так как в таком важном деле, как управление бумажно-денежным обращением большой страны, желательно всегда проявлять осторожность, то было бы правильно образовать большой запас золота, как это предложено в одной из предыдущих статей; такой запас был бы очень полезен при признании целесообразности коррегировать от времени до времени вексельный курс с чужими странами путем вывоза золота, а также путем сокращения количества бумажных денег.

Статья 13 обязывает комиссаров платить по своим банкнотам золотой монетой по предъявлению.

Статья 14 предусматривает меры снабжения провинциального обращения банкнотами достоинством в 1 ф. ст. Они должны выпускаться в Лондоне сейчас же после учреждения Национального банка, а не впоследствии; в дальнейшем же они будут контрастированы в провинции. Банкноты всех категорий, пронумерованные и подписанные, могут посылаться из Лондона в форме чека на имя провинциальных агентов. Получив их, агент должен будет контрастировать их, прежде чем они выпускаются в обращение; он должен считаться строго ответственным за все количество, посланное ему, точно так же как служащие, распределяющие гербовые марки, ответственны за всю сумму марок, посланных им. Едва ли необходимо отметить, что провинциальные агенты должны находиться в постоянной переписке с лондонским округом с целью сообщения сведений о всех своих операциях. Предположим, что провинциальный агент дал 100 банкнот в 1 ф. ст. за банкноту в 100 ф. ст.; он должен сообщить об этом факте, отсылая в то же время крупную банкноту, за которую он отдал мелкие купюры. Его счет в Лондоне будет соответственно кредитован или дебитован. Если он получает 100 ф. ст. банкнотами и выдает вексель на другой округ, он должен послать уведомление как в лондонский округ, так и в округ, на который он выдал вексель, отсылая при этом, как и в прежнем случае, банкноту. Его счет будет закредитован на 100 ф. ст., а агент другого округа будет считаться должником на эту сумму. Нет необходимости входить в дальнейшие детали; я, быть может, сказал уже и так слишком много, но я стремился показать, что гарантия против подлога является при такой системе почти совершенной; все документы по каждой сделке выпускались бы

первоначально в Лондоне и должны были бы либо быть возвращены в Лондон, либо находиться в руках провинциального агента.

Статья 15 является только пояснительной по отношению к некоторым из предыдущих статей.

Статья 16 постановляет, что комиссары должны действовать как банкир для всех государственных ведомств и только для государственных ведомств.

Если бы предлагаемый нами план был принят, страна сберегла бы вероятно по самому умеренному подсчету 750 тыс. ф. ст. в год. Предположим, что обращение бумажных денег составляет 25 млн. ф. ст., а правительственные вклады — 4 млн., всего 29 млн. ф. ст. Были бы сбережены проценты на всю эту сумму за исключением, быть может, 6 млн. ф. ст., которые считалось бы необходимым сохранить в качестве депозитов в золотой монете и слитках и которые следовательно были бы непроизводительны. Итак, сберегая 3% только с 23 млн. ф. ст., государство выиграло бы 690 тыс. ф. ст. К этому следует прибавить 248 тыс. ф. ст., которые теперь платятся за управление национальным долгом, вместе же это составляет 938 тыс. ф. ст. Предположим теперь, что расходы составляют около 188 тыс. ф. ст.; в распоряжении государства остается следовательно ежегодно сбережение, или выигрыш, в 750 тыс. ф. ст.

Читатель заметит, что согласно нашему плану никто, кроме комиссаров в Лондоне, не будет иметь права выпускать самостоятельно банкноты. В провинции агенты отдельных округов, связанные с комиссарами, могут давать банкноты одной категории вместо банкнот другой; они могут давать векселя под банкноты или банкноты за векселя, выданные на них, но в первую очередь каждая из этих банкнот должна быть выпущена комиссарами в Лондоне. Все происходит, таким образом, строго с их ведома. Если в силу каких-нибудь обстоятельств денежное обращение окажется чрезмерным в каком-нибудь отдельном округе, будут приняты меры для перемещения излишка в Лондон; если же обращение в данном округе недостаточно, то из Лондона получается дополнительное количество банкнот. Если денежное обращение в Лондоне будет чрезмерным, то это сейчас же скажется в возросшей цене слитков и падении иностранных вексельных курсов совершенно таким же образом, как обнаруживается чрезмерность денежного обращения в данное время. Средство против этой чрезмерности то же, что и теперь, а именно уменьшение количества средств обращения, достигающееся путем сокращения количества находящихся в обращении бумажных денег. Это сокращение может быть осуществлено двумя путями: с помощью продажи билетов казначейства на рынке и аннулирования полученных за них бумажных денег или путем обмена золота на бумажные деньги и опять-таки аннулирования последних при вывозе золота. Вывоз золота не будет производиться комиссарами. Он будет осуществлен торговыми операциями куп-

цов, которые не преминут использовать золото для наиболее выгодного перевода денег при чрезмерном и избыточном количестве бумажных денег. Наоборот, при недостаточно высоком уровне денежного обращения в Лондоне мы имели бы два способа поднять его: путем покупки правительственных обязательств на рынке и создания для этой цели новых бумажных денег или путем ввоза и покупки комиссарами золотых слитков, для чего пришлось бы создать новые бумажные деньги. Ввоз был бы осуществлен при помощи торговых операций, так как золото всегда представляет прибыльную статью ввоза, если количество находящихся в обращении денег недостаточно.

ПРИЛОЖЕНИЕ



ДОКЛАД КОМИТЕТА
О ВЫСОКОЙ ЦЕНЕ
ЗОЛОТЫХ СЛИТКОВ



ЛОНДОН
ИЮНЬ
1810



Начав свою работу, Комитет прежде всего установил, каковы были цены золотых слитков и ставки вексельного курса за ряд прошлых лет, в частности в течение последнего года.

Комитет нашел, что рыночная цена золотых слитков, равная согласно уставу Монетного двора его величества 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{8}$ пенс. за унцию стандартной пробы, поднялась в 1806, 1807 и 1808 гг. до 4 ф. ст.; к концу 1808 г. она начала расти очень быстро и продолжала оставаться очень высокой в течение всего 1809 г. Рыночная цена стандартного золота в слитках колебалась за этот период от 4 ф. ст. 9 шилл. до 4 ф. ст. 12 шилл. за унцию; при цене в 4 ф. ст. 10 шилл. она превышала монетную цену почти на $15\frac{1}{2}\%$.

Комитет нашел, что в течение трех первых месяцев текущего года цена стандартного золота в слитках оставалась приблизительно на том же уровне, что и в течение прошлого года, колеблясь между 4 ф. ст. 10 шилл. и 4 ф. ст. 12 шилл. за унцию. В продолжение марта и апреля цена стандартного золота котировалась в таблицах Уайттенголла только один раз, а именно 6 апреля, по 4 ф. ст. 6 шилл., т. е. почти на 10% больше монетной цены. Последние котировки цены золота, данные в этих таблицах, относятся к 18 и 22 мая, когда португальское золото в монете котировалось по 4 ф. ст. 11 шилл. за унцию; португальское же золото имеет почти такую же пробу, как и наше стандартное золото. В тех же таблицах сказано, что в марте текущего года цена новых дублонов поднялась с 4 ф. ст. 7 шилл. до 4 ф. ст. 9 шилл. за унцию. Испанское золото богаче нашего на $4\frac{1}{2}$ — $4\frac{3}{4}$ грана, а это дает разницу в стоимости почти в 4 шилл. за унцию.

Из показаний свидетелей явствует, что цена иностранной золотой монеты в общем выше, чем цена слиткового золота, вследствие того, что первая находит более легкий сбыт на иностранных рынках. Разница между ценами испанского и португальского золота в монетах и золота в слитках составляла недавно около 2 шилл. за унцию. Комитет констатирует также, что между ценами золота в слитках, являющегося согласно данной при вывозе присяге иностранным золотом, и золота в слитках, о котором экспортер не осмелился дать такой присяги, имеется в настоящее время, как утверждают, разница в 3—4 шилл. за унцию; первое оценива-

лось на рынке приблизительно в 4 ф. ст. 10 шилл. за унцию, второе стоило, как утверждают, почти 4 ф. ст. 6 шилл. В силу этих внешних различий, вызванных или расходами чеканки или же законодательными ограничениями, цена стандартного золота в слитках, дозволенного к экспорту, и является той ценой, которую в высшей степени важно принимать во внимание в ходе настоящего исследования.

Комитет полагал, что при суждении о границах этой высокой цены золотых слитков окажется также полезным иметь аналогичные сведения о ценах серебра за тот же самый период. Цена стандартного серебра на Монетном дворе его величества составляет 5 шилл. 2 пенса за унцию; на основе этой стандартной цены стоимость испанского доллара равняется 4 шилл. 4 пенс., или, что сводится к тому же, испанский доллар стоит по этой стандартной цене 4 шилл. $11\frac{1}{2}$ пенс. за унцию. В таблицах Уайттенголла сказано, что в продолжение 1809 г. цена новых долларов колебалась от 5 шилл. 5 пенс. до 5 шилл. 7 пенс. за унцию; иначе говоря, она превышала на 10—13% монетную цену стандартного серебра. В продолжение последнего месяца новые доллары котировались очень высоко—по 5 шилл. 8 пенс. за унцию, или больше чем на 15% выше их монетной цены.

Комитет установил также, что на континенте вексельные курсы стали к концу 1808 г. очень неблагоприятными для нашей страны и продолжали оставаться еще более неблагоприятными в течение всего 1809 г. и первых трех месяцев текущего года.

Главными центрами, с которыми в настоящее время установлен вексельный курс, являются Гамбург, Амстердам и Париж. В продолжение последних шести месяцев 1809 г. и первых трех месяцев текущего года вексельный курс на Гамбург и Амстердам упал на 16—20% ниже паритета, а вексельный курс на Париж—еще ниже. Вексельный курс на Португалию соответствовал другим курсам, но уровень его изменялся в связи с некоторыми обстоятельствами, которые требуют отдельного объяснения.

Комитет находит, что в течение марта настоящего года, т. е. от 2 марта до 3 апреля, вексельные курсы на вышеупомянутые три центра испытали постепенное улучшение. Вексельный курс на Гамбург поднялся постепенно с 29,4 до 31; на Амстердам—с 31,8 до 33,5, на Париж—с 19,16 до 21,11. Начиная с 3 апреля до настоящего времени они оставались приблизительно стационарными на указанном уровне, причем вексельный курс на Гамбург был, как показано в таблицах для экспортеров, против нашей страны, будучи ниже паритета на 9% с фунта стерлингов; на Амстердам он был ниже паритета больше чем на 7% с фунта стерлингов, а на Париж—также ниже больше чем на 14% с фунта стерлингов.

При обсуждении этих фактов Комитет давно уже пришел к выводу, что такое чрезвычайное повышение цены золота в нашей стране в соединении с такими достопримечательными паритетами

наших вексельных курсов со странами континента заставляет нас искать причин этих явлений в состоянии нашего собственного денежного обращения. Однако, раньше чем принять этот вывод, совпадавший повидимому со всеми прежними указаниями Комитета и со всем его опытом, последний считал целесообразным исследовать более детально условия, связанные с каждым из двух указанных фактов; он решил узнать, как объясняют это необычайное положение вещей люди, имеющие торговый опыт и детально знакомые с делом.

С этой целью Комитет вызвал к себе нескольких экспортеров с обширной практикой и знанием дела и пожелал выслушать их мнения о причинах высокой цены золота и низких ставок валютного курса.

I

Из показаний свидетелей видно, что высокая цена золота целиком приписывается большинством их предполагаемой редкости этого предмета, вызванной необычайным спросом на него на континенте Европы. В некоторых показаниях об этом необычайном спросе на золото на континенте говорится, как о прямом результате требований французских армий; но такой рост спроса на золото объясняется также наступившей паникой и недостатком доверия, которые привели к практике припрятывания золота.

Комитет держится мнения, что при здоровом и естественном состоянии британского денежного обращения, основой которого является золото, никакой рост спроса на последнее в других частях мира,—как бы велик он ни был и какими бы причинами он ни объяснялся,—не может вызвать у нас на значительный период времени серьезное повышение рыночной цены золота. Но прежде чем перейти к объяснению причин, в силу которых Комитет единодушно держится такого мнения, он считает желательным привести некоторые соображения, заставляющие его сомневаться в том, что этот спрос на золото мог, как утверждают, действительно влиять предположенным способом.

Если бы на континенте существовал необычайный спрос на золото и притом в таких размерах, что он мог бы повлиять на рыночную цену его в нашей стране, то он, конечно, повлиял бы также на деле в первую очередь на цену золота на рынках континента. Можно было ожидать, что люди, приписывающие высокую цену золота у нас большому спросу извне, отметят также наличие соответствующих высоких цен его и за границей. Комитет не находит, однако, чтобы они основывали свой вывод на такой информации; поскольку же он был в состоянии проверить положение дел, он не мог констатировать соответствующего повышения цены золотых слитков на континентальных рынках при оценке их в деньгах данной страны за период повышения цены слитков у нас при оценке их в наших бумажных деньгах. Действительно, г-н Витмор,

бывший управляющий Английским банком, заявил, что, по его мнению, именно высокая цена золота за границей выкачала нашу золотую монету из страны; он не мог, однако, представить Комитету никаких доказательств существования такой высокой цены. Г-н Грефюль, коммерсант, ведущий торговлю на континенте и великолепно знакомый со всеми деталями торговли, ответил на вопрос Комитета о том, произошло ли, по его мнению, в течение последнего года какое-либо изменение в цене золота на каком-нибудь из иностранных рынков: «Мне ничего неизвестно о каком-либо существенном изменении». На следующий день, уже после того как он имел возможность справиться с текущими ценами, он опять заявил Комитету: «Я должен заметить, что в последнее время за границей не замечалось никаких изменений монетной цены золота, а также никаких повышений его рыночной цены по сравнению с ценами в Англии; представленный мною документ показывает иностранные цены, переведенные в стерлинги по существующим низким вексельным курсам; превышение их над нашими рыночными ценами объясняется издержками транспорта» (этот документ находится в приложениях). Заявление г-на Грефюля проливает яркий свет на эту сторону вопроса, ибо оно показывает, что разница между ценами золота на иностранных рынках и у нас соответствует в точности разнице вексельных курсов. Документ г-на Грефюля подтверждается другим, предъявленным Комитету. Авраам Гольдсמיד также заявил Комитету, что при весьма значительном повышении цены золота у нас в течение части последнего года цена его в Гамбурге колебалась не больше чем на 3—4%.

Комитет здесь должен заметить, что как в Гамбурге, так и в Амстердаме, где мерой стоимости является не золото, как у нас, а серебро, чрезвычайный спрос на золото затронул бы его денежную цену, т. е. цену его в серебре; поскольку же какого-либо значительного повышения цены золота, выраженной в серебре, там в течение последнего года не наблюдается, мы можем заключить, что сколько-нибудь значительный спрос на золото не имел там места. Постоянное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, которое, как видно из документа г-на Грефюля, наблюдалось в течение нескольких лет одинаково в Гамбурге и в Амстердаме, может быть отчасти приписано, по мнению Комитета, тому изменению, которое произошло в относительной стоимости двух драгоценных металлов во всем мире. Много любопытных и хороших материалов по этому вопросу можно найти в приложении, в особенности в документах, представленных Комитету г-ном Алленом. В силу той же причины произошло повидимому падение относительной цены серебра и в нашей стране за некоторое время до того, как увеличение нашего бумажно-денежного обращения начало оказывать свое действие. Так как стоимость серебра по отношению к золоту понизилась во всем мире, то золото подня-

лось следовательно в цене на тех рынках, где серебро является установленной мерой, цена же серебра понизилась там, где установленной мерой является золото.

Что касается предполагаемого спроса на золото на континенте для снабжения французских армий, то Комитет должен далее заметить, что если нужды военной казны значительно возросли за последнее время, то общее снабжение Европы золотом увеличилось на всю ту сумму его, какую сберегла наша великая торговая страна благодаря замене золота другим средством обращения. Комитет не может не отметить здесь следующее обстоятельство: хотя условия, которые могут вызвать такое увеличение спроса, могли действовать в последнее время с большей силой, чем в предшествующие периоды, все же и во время прежних войн и потрясений, имевших место на континенте, действие этих условий должно было быть достаточно сильно. Сэр Френсис Бэринг очень справедливо сослался на Семилетнюю и на Американскую войны и заметил, что тогда в нашей стране не испытывалось никакой нужды в слитках. Согласно таблицам, публиковавшимся для купцов, как «Бюллетени Ллойда» и «Вексельные курсы Уайттенголла», Комитет нашел, что, начиная с середины 1773 г., когда произведена была реформа золотого монетного обращения, и до середины 1799 г., т. е. через два года после приостановки размена банкнот Английским банком, рыночная цена стандартного золота в слитках оставалась неизменной и составляла все время 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс. (с учетом небольшой потери, являвшейся результатом пребывания золота на Монетном дворе, она соответствовала монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс.); исключение составляет лишь один год от мая 1783 г. до мая 1784 г., когда она случайно поднялась до 3 ф. ст. 18 шилл. Следует отметить, что в течение того же самого периода цена португальского золота временами поднималась до 4 ф. ст. 2 шилл. Комитет отмечает также, что согласно заявлению, сделанному Авраамом Ньюлэндом Комитету палаты лордов в 1797 г., Английский банк был часто вынужден покупать золото по более высокой цене, чем монетная; в одном же случае он расплатился за небольшое количество, которое его агент достал в Португалии, по очень высокой цене в 4 ф. ст. 8 шилл. за унцию. Комитет находит, что за весь период в 24 года, протекший со времени реформы золотого обращения до прекращения платежей наличностью Английским банком, цена стандартного золота в слитках никогда не была в течение продолжительного времени значительно выше монетной цены. До настоящего времени, когда рыночная цена золота превзошла в нашей стране его монетную цену, было два таких особо заметных периода: в царствование короля Вильяма, когда серебряная монета стоила значительно ниже своей стандартной цены, и в первые годы царствования нынешнего короля, когда золотая монета была изношена ниже своего стандартного содержания. В течение

обоих этих периодов превышение рыночной цены золота над его монетной ценой объяснялось плохим состоянием денежного обращения, и в обоих случаях реформа последнего снизила рыночную цену золота до уровня монетной цены. В течение же двух лет (1796 и 1797 гг.), когда имел место недостаток в золоте, вызванный большим спросом на него со стороны провинциальных банкиров, желавших увеличить свои вклады, рыночная цена золота никогда не была выше его монетной цены.

В связи с этим пунктом Комитет должен также заметить, что выслушанные им показания свидетелей вызвали в нем большие сомнения относительно достоверности сведений о недостатке золотых слитков, испытываемом в последнее время в стране. Что гинеи исчезли из обращения,— вполне бесспорно, но это так же мало доказывает недостаток в слитках, как и их высокая цена. Если золото стало дороже в силу какой-либо другой причины, а не в силу недостатка его, то люди, не могущие купить его иначе как за высокую цену, будут весьма склонны объяснить последнюю недостатком золота. Опрошенный Комитетом купец, имеющий большие торговые обороты, говоривший очень много о недостатке золота, признал, что он не встречал никаких затруднений в получении такого количества золота, какое ему было угодно, если бы он был готов уплатить требуемую цену. Комитет напоминает, что если в течение последнего года имел место большой вывоз золота на континент, то в это же время в нашу страну были ввезены очень значительные количества золота из Южной Америки, главным образом через Вест-Индию. Перемены, происшедшие в Испании и в Португалии, а также морские и торговые преимущества нашей страны превратили ее как бы в канал, через который проходит продукция рудников Новой Испании и Бразилии по пути ко всему остальному миру. Благодаря такому положению ввоз слитков и монеты дает нам полную возможность получения первых и превращает наш рынок в такой крупный рынок, который чувствует недостаток в золоте последним. Это прекрасно иллюстрируется тем фактом, что португальская золотая монета регулярно посылается в настоящее время в хлопковые поселения Бразилии, Пернамбуко и Марангамы¹, тогда как доллары пересылаются в значительном количестве из Рио-де-Жанейро в нашу страну.

Следует также отметить, что повышение рыночной цены серебра в нашей стране, приблизительно соответствовавшее повышению рыночной цены золота, ни в коей степени не может быть приписано недостатку серебра. Ввоз серебра в последние годы был необычайно велик, тогда как обычный отлив его в Индию и Китай приостановился.

¹ Maranhão—вероятно опечатка вместо Maranhão—Маранхао.—Прим. перев.

В силу всех этих оснований Комитет склонен думать, что люди, приписывающие высокую цену золота чрезвычайному спросу на этот предмет, принимают факты, не доказанные никакими показаниями, за достоверные. Но если бы даже эти утверждения были доказаны, Комитет все же полагал бы, что объяснять высокую цену золота в нашей стране его недостатком значит впадать в недоразумение, которое он считает важным разъяснить.

В нашей стране одно лишь золото представляет меру всякой меновой стоимости, являясь тем стандартом, которым измеряются все денежные цены. Это не только результат обычаев и торговых привычек страны: закон, изданный в 14-м году царствования ныне здравствующего короля (превращенный в постоянно действующий актом 39-го года царствования короля), отнял у серебряной монеты функцию законного платежного средства для сумм, превышающих 25 ф. ст. Так как золото представляет, таким образом, нашу меру цен, то товар считается дорогим или дешевым соответственно тому, большее или меньшее количество золота дается в обмен за данное количество этого товара, но определенное количество самого золота никогда не будет обмениваться на большее или меньшее количество золота той же самой стандартной пробы. При известных условиях может быть выгодно давать в обмен на золото в какой-либо специальной монете более чем равное количество другого золота, но эта разница никогда не может превысить некоторого небольшого предела. Так, например, в период, когда Английский банк был обязан платить по своим банкнотам звонкой монетой, он должен был в случае особенной нужды покупать золото с потерей для себя, чтобы сохранить или возместить свой золотой запас. Но, вообще говоря, цена золота, которая сама измеряется и выражается в золоте, не может быть повышена или понижена в силу возросшего или уменьшенного спроса на него. Унция золота будет обмениваться не больше и не меньше как на унцию золота той же самой пробы за исключением лишь скидки, которая делается в том случае, когда одна унция перечеканена в монеты или подверглась обработке иным путем, а другая—нет; скидка делается следовательно за расходы чеканки или обработки. За унцию стандартного золотого слитка можно получить на нашем рынке не больше 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс., если только эти 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. не составляют в наших теперешних деньгах эквивалент меньшего количества золота, чем 1 унция. Увеличение или уменьшение спроса на золото или, что сводится к тому же, уменьшение или увеличение общего предложения золота будет несомненно иметь существенное влияние на денежные цены всех других предметов. Возросший спрос на золото и следующий за ним недостаток в нем увеличат его стоимость по сравнению с другими предметами: то же самое количество

золота купит теперь более значительное количество всех других предметов, чем прежде; другими словами, действительная цена золота или количество товаров, отдаваемых в обмен за него, повысится, а денежные цены всех товаров понизятся; денежная цена самого золота останется без изменения, но цены всех других товаров упадут. Что настоящее положение вещей не таково, — это нам великолепно известно; цены всех товаров повысились, золото же кажется повысившимся в цене только сообща с другими товарами. Если это общее действие следует приписать одной и той же причине, то эта причина может быть найдена только в состоянии денежного обращения нашей страны.

Комитет считает необходимым изложить еще подробнее принципы, управляющие, по его мнению, относительными ценами золота в слитках и золота в монете, а также бумажных денег, обращающихся вместо них и обменивающихся на них. Он считает наиболее удобным начать свое изложение, обратившись сперва к тем простым началам и постановлениям, на которых основана чеканка денег в королевском Монетном дворе.

Задача ее состоит в том, чтобы обеспечить народу эталон определенной стоимости; для этого на монеты из золота накладывается именем королевской власти печать, удостоверяющая, таким образом, что они имеют определенный вес и пробу. Золото в слитках является тем стандартом стоимости, с которым согласно постановлению законодательной власти должна сообразоваться стоимость монеты и с которым она должна в меру возможности отождествляться. Если бы это постановление законодательной власти было осуществлено полностью, чеканное золото имело бы такую же точно цену при обмене на все другие товары, какую оно имело бы, оставаясь в форме слитка; цена чеканного золота подержана, однако, некоторым незначительным колебаниям.

Прежде всего превращение слитков в монеты связано с некоторыми издержками. Те, кто посылает слитки для чеканки, — а всякий имеет право сделать это, хотя и не платит никакой пошлины за чеканку, — теряют проценты за все время пребывания их золота на Монетном дворе. Эта потеря до сих пор составляла около 1% с фунта стерлинга, но можно думать, что усовершенствования в системе работы нового Монетного двора уменьшат время пребывания золота там, а следовательно и потерю. Этот 1% с фунта стерлингов являлся пределом, или почти пределом, возможного увеличения стоимости монеты по сравнению со стоимостью слитков; предположить, что стоимость монеты могла бы благодаря какой-нибудь причине значительно перешагнуть через этот предел, значило бы допустить возможность получения высокой прибыли по сделке, не представляющей никакого риска и могущей быть заключенной кем угодно.

Два обстоятельства, взятые в совокупности, объясняют, почему цена монеты понизилась в сравнении с ценой слитков, и покажут

вероятный предел этого понижения до 1797 г., когда Английский банк прекратил платежи наличностью. Во-первых, монета, однажды начав свое хождение, постепенно уменьшалась в весе в силу стирания, а поэтому, будучи переплавлена, доставляла меньшее количество слиткового золота. Среднее уменьшение веса находящейся теперь в обращении золотой монеты по сравнению с весом той же самой монеты, только что покинувшей Монетный двор, составляет согласно данным показаниям приблизительно 1% с фунта стерлингов. В прежние времена это зло было значительно больше. Особенно сильно это чувствовалось в первые годы царствования ныне здравствующего короля, что и привело к реформе золотого монетного обращения в 1773 г. Теперь приняты, однако, все меры против этого зла не только путем уголовного наказания за всякую злонамеренную порчу золотой монеты, но также и путем особого постановления в монетном уставе. В силу этого последнего гиней, полный вес которых составляет сейчас же после оставления Монетного двора $9^{32}/_{80}$ грана, перестают быть законным средством платежа, когда вес их становится меньше 8 гранов; допускаемое, таким образом, обесценение составляет максимум 1,11%. Еще более существенной причиной понижения цены монеты является затруднение, в которое поставлены были держатели ее, желавшие превратить ее в слитки. Закон страны запрещает переплавлять какие-либо другие золотые монеты, кроме тех, которые потеряли законный вес; запрещается также—и это является весьма спорной политикой—вывозить нашу золотую монету и всякое иное золото, если не дана присяга, что оно не переплавлено из национальной золотой монеты. Из данных показаний явствует, что разница между стоимостью золотых слитков, относительно которых принесена требуемая для вывоза присяга, и стоимостью золота, полученного из нашей собственной монеты и могущего в силу закона быть использованным только для внутренних нужд, доходит в настоящее время до 3—4 шилл. за унцию.

Оба только что упомянутых обстоятельства бесспорно и составляют в совокупности, по суждению Комитета, причину падения стоимости золотой монеты нашей страны при обмене ее на товары ниже стоимости слитков при обмене на товары последних; это падение возникло или могло возникнуть в то время, когда Английский банк платил звонкой монетой и золото поэтому могло быть получено в любом желаемом количестве. Совокупность двух указанных обстоятельств определяет, таким образом, предел перевеса рыночной цены золота над его монетной ценой приблизительно в $5\frac{1}{2}\%$. В основном эта депрессия должна быть приписана старой, но сомнительной политике нашей страны. Последняя, стремясь удержать монету внутри государства, привела, так же как и постоянные ограничения вывоза других предметов, к невыгодному положению монеты, обладающей на рынке менее

значительной стоимостью, чем та, какую она имела бы, если бы не подвергалась никаким запрещениям такого рода.

Верность этих замечаний о причинах и пределах обычной разницы между рыночной и монетной ценой золота может быть иллюстрирована ссылкой на способ обеспечения постоянного стандарта стоимости для крупных коммерческих платежей в Гамбурге. Этот способ был объяснен в заслушанных показаниях и состоит в следующем. В обычных повседневных сделках платежи производятся при помощи денег, состоящих из монет нескольких соседних государств, но серебро является, подобно золоту в Англии, стандартом для крупных коммерческих платежей. В Гамбурге отнюдь не может произойти по отношению к серебру что-либо аналогичное той разнице между рыночной и монетной ценой, какая имеется в нашей стране по отношению к золоту, ибо там приняты меры, предупреждающие действие тех трех причин, которые мы перечислили выше (расходы на чеканку, обесценение в силу стирания или препятствия к вывозу). Крупные платежи производятся в Гамбурге в банковских деньгах, состоящих из настоящего серебра определенной пробы, внесенного в Гамбургский банк местными купцами; последние имеют в банковских книгах соответствующий кредит, обеспеченный этим серебром и переносимый с одного счета на другой в соответствии с их нуждами. Так как серебро проверяется и взвешивается почти без всякой потери времени, то первая из упомянутых причин колебаний относительной стоимости принятого в данной стране денежного стандарта по сравнению со стоимостью слитков устраняется. После того как установлено наличие определенных масс серебра, их количество и их проба, стоимость переходит от одного лица к другому единственно при помощи банковских книг; поскольку этим путем предупреждается снашивание монеты, устраняется одна из причин ее обесценения. Людям предоставляется также полное право извлекать это серебро, переплавлять и вывозить его; благодаря этому совершенно исключается второй и главный источник случайных падений стоимости принятого в данной стране платежного средства ниже стоимости слитков того металла, которые оно должно представлять.

Таким образом, в Гамбурге серебро не только мера всякой меновой стоимости, но оно сделано притом же неизменной мерой; исключения возможны лишь в случае изменения относительной стоимости серебра в связи с изменяющимся предложением этого драгоценного металла из рудников. Точно таким же образом обычай, а впоследствии и закон, который сделал золотую монету общепринятым, а в дальнейшем и единственным законным платежным средством при крупных расчетах у нас, превратил этот металл в нашу меру стоимости. Со времени реформы золотого монетного обращения и до прекращения Английским банком платежей звонкой монетой в 1797 г. последняя была малоизменчивой

мерой стоимости; она была подвержена только тем изменениям в относительной стоимости золотых слитков, которые зависят от его предложения из рудников, а также тем ограниченным расхождением между рыночной и монетной ценой золотой монеты, которые, как было показано выше, имеют иногда место.

Высший размер депрессии монеты, возможный при условии, что Английский банк платит золотом, может составлять, как мы только что констатировали, около $5\frac{1}{2}\%$. Мы действительно констатируем, что во все время, предшествовавшее 1797 г., разница между тем, что называется монетной ценой, и рыночной ценой золота никогда не превышала этого предела.

Оказывается, однако, что со времени прекращения платежей наличностью в 1797 г. появилась еще одна причина изменения стоимости золота, даже если оно продолжает еще быть мерой стоимости и стандартом цен; причина эта состоит в возможном излишке бумажных денег, которые нельзя превратить по желанию в золото, предел же этого изменения так же неопределенен, как и излишек, в котором могут быть выпущены бумажные деньги. Приходится, право же, сомневаться в том, что золото все еще было в действительности нашей мерой стоимости, с тех пор как установилась новая система платежей Английского банка; сомнительно, есть ли у нас какой-либо другой стандарт цен, кроме денег, выпускаемых первоначально Английским банком, а вслед за ним провинциальными банками, хотя относительная стоимость этих денег может быть столь же неопределенной, как и возможный излишек их. Является ли нашей настоящей мерой стоимости и стандартом цен это бумажное средство обращения, относительная стоимость которого так изменчива? Или им продолжает быть золото, но золото, ставшее более изменчивым в стоимости, чем оно было прежде, раз оно может быть обменено на бумажные деньги, не могущие быть по желанию превращенными в золото? И в том и в другом случае в интересах государства желательно, чтобы стоимость наших денег снова была приведена, как только обстоятельства это позволят, в соответствие со стоимостью их законного и подлинного стандарта—золота в слитках.

Если бы золотая монета нашей страны стала когда-либо слишком стертой и неполновесной или если бы она пострадала от снижения своей стандартной стоимости, то это очевидно повлекло бы за собой соответственное повышение рыночной цены золотых слитков в сравнении с их монетной ценой; монетная цена—это та сумма в монете, которая эквивалентна по своей внутренней стоимости данному количеству, например унции, металла в слитках; если же внутренняя стоимость монеты изменится, она эквивалентна меньшему количеству металла в слитках, чем прежде. Такое же превышение рыночной цены золота над его монетной ценой будет иметь место в любой стране при излишнем выпуске денег, неразмненных больше на золото. Этот излишек

не может быть вывезен в другие страны; поскольку же он не подлежит размену на звонкую монету, неизбежное возвращение его к тем, кто его выпустил, не имеет места; он остается в каналах обращения и постепенно поглощается путем повышения цен всех товаров. Увеличение объема денежного обращения отдельной страны приведет к повышению цен в этой последней точно таким же образом, как увеличение общего предложения драгоценных металлов повышает цены во всем мире. Благодаря росту их количества стоимость данной части средств обращения понижается при обмене на другие товары; другими словами, денежные цены всех других товаров повышаются, а вместе с ними растет и цена слитков. Таким образом, излишек средств обращения отдельной страны вызовет превышение рыночной цены золота над его монетной ценой. Не менее очевидно, что если в какой-либо стране цены товаров растут благодаря увеличению количества ее денег, тогда как в соседней стране такое же увеличение количества денег не приводит к подобному повышению цен, то прежнее соотношение стоимостей средств обращения этих двух стран нарушится. Так как внутренняя стоимость данной части средств обращения одной страны уменьшилась, в то время как внутренняя стоимость их в другой остается без изменения, то вексельный курс будет установлен между этими двумя странами к невыгоде первой.

Итак, общее повышение всех цен, повышение рыночной цены золота и падение иностранных вексельных курсов—таковы последствия излишнего количества денег в стране, установившей у себя средство обращения, не могущее быть ни вывезенным в другие страны, ни разменянным по желанию на монету, которую можно вывозить.

II

Комитет переходит теперь к следующему разделу своего исследования—состоянию вексельных курсов между нашей страной и странами континента в данное время. И здесь, как в предыдущем разделе, Комитет сначала изложит развитие перед ним практиками взгляды на причины существующего состояния вексельных курсов.

Г-н Грефюль, оптовый торговец, ведущий торговлю главным образом со странами континента, всецело приписывает падение вексельного курса между Лондоном и Гамбургом в 1809 г. почти на 18% ниже паритета «торговому положению нашей страны по отношению к странам континента,—тому обстоятельству, что ввоз и уплата субсидий намного превысили вывоз». Он, однако, заявил, что составил свое суждение о торговом балансе в значительной степени на основе состояния самого вексельного курса, хотя его суждение было подкреплено также и его собственными наблюдениями. Он осо-

бенно настаивал на большом ввозе из балтийских портов, а также ввозе вин и водок из Франции, в обмен за которые из нашей страны не было вывезено никаких товаров. С другой стороны, он заметил, что вывоз колониальных произведений на континент увеличился в прошлом году по сравнению с предыдущими годами и что в течение последнего года вывоз колониальных произведений и британских изделий в Голландию значительно превышал ввоз оттуда; однако этот перевес не был, по его мнению, вполне равен перевесу ввоза из других частей света, если судить по состоянию вексельного курса, а также на основании его общих наблюдений. Далее он объяснил, что, строго говоря, не торговый баланс, а платежный баланс был неблагоприятен для нашей страны. а именно это он считает главной причиной данного уровня вексельных курсов. Он заметил также, что платежный баланс данного года может быть против нас, в то время как общая сумма вывоза превышает сумму ввоза. Согласно его мнению причина современного состояния вексельного курса является полностью коммерческой, учитывая также заграничные расходы правительства; перевес же ввоза над вывозом объясняет, почему в течение определенного периода времени уровень вексельного курса был неизменно на 16% против нашей страны.

Сэр Френсис Бэринг заявил Комитету, что по его мнению современное неблагоприятное положение вексельных курсов есть следствие двух весьма важных условий: ограничения торговли с континентом и увеличения бумажно-денежного обращения нашей страны, связанного с недостатком в слитках. В качестве примеров противоположного положения вещей он привел Семилетнюю и Американскую войны, во время которых также приходилось перевозить деньги на континент для расходов на флот и армию и все же недостатка в слитках тогда не чувствовалось.

Комитет опросил также одного выдающегося коммерсанта, ведущего торговлю на континенте, показание которого содержит множество ценных сведений. Этот джентльмен заявляет, что вексельный курс не может в настоящее время упасть в какой-либо европейской стране, поскольку он высчитывается в монете определенной стоимости или в чем-нибудь разменном на такую монету со скидкой на расходы по пересылке монет или их заместителей и включает прибыль, адекватную риску, сопровождающему такие пересылки. Он полагает, что падение нашего вексельного курса, превысившее за последние 15 месяцев размер таких накидок, должно быть, без сомнения, объяснено прекращением размена наших бумажных денег на звонкую монету; если бы бумажные деньги были разменны и в обращении находились бы гинеи, то неблагоприятный торговый баланс едва ли причинил бы столь значительное падение вексельного курса, как 5—6%. Свое мнение об этом предмете он развивает более подробно в дальнейших ответах, взятых из различных частей его показаний.

«Какими причинами объясняете вы настоящее неблагоприятное состояние вексельного курса?» — «Первое большое обесценение произошло, когда французы овладели Северной Германией и издали несколько строгих декретов против сношений с Англией; в то самое время, когда на все английские товары и имущество был наложен секвестр, платежи за счет Англии должны были все время производиться, средства же на покрытие их должны были получаться из Англии. Поэтому в продажу поступило больше векселей, чем их требовалось людям, которым нужно было производить платежи в Англии. Письменная корреспонденция была также весьма затруднена и ненадежна; нельзя было найти, как в обычное время, посредников, которые покупали и отсылали такие векселя в Англию для реализации; в то же время нельзя было возбудить в суде дело против лиц, которые предпочитали отказаться от уплаты по предъявленному векселю, или оспаривать расходы по вексельным операциям. Все эти причины оказывали давление на вексельный курс, а платежи в пользу Англии поступали только через большие промежутки времени; после того как в силу этих обстоятельств вексельный курс понизился, слитки же удерживались в Англии, чтобы восполнить эти случайные колебания, операции между Англией и континентом продолжали производиться по низкому курсу. Вопрос о том, сколько стоит фунт стерлингов, является тут чисто теоретическим, так как нельзя получить за него сумму, которую он должен собою представлять».

«Раз вексельный курс колеблется против Англии на 15—20% ниже паритета, то какую часть этой потери следует приписать влиянию мер к перерыву торговых сношений, принятых неприятелем в Северной Германии и вызвавших такой перерыв, и какую—влиянию неразменности банкнот Английского банка,—обстоятельству, которому вы приписали часть этого обесценения?» — «Я считаю, что это обесценение имело первоначально место благодаря мерам неприятеля, но то, что оно не было устранено, я приписываю невозможности обмена английских банкнот на звонкую монету».

«Кроме тех поступков неприятеля, о которых вы говорили, какие другие причины продолжали оказывать влияние на континенте на понижение вексельного курса?» — «Очень значительные погрузки из портов Балтийского моря, которые совершались под векселя, продаваемые сейчас же после погрузки, и не согласовывались с интересами собственников в Англии; в интересах последних продажа этих векселей могла быть отсрочена до того времени, когда на такие векселя будет иметься спрос. Продолжающиеся затруднения и ненадежность письменной корреспонденции между Англией и континентом, сокращение на континенте числа торговых домов, желающих заниматься такими операциями и принимающих за счет Англии либо векселя, выданные в различных портах, где имели место погрузки, либо за ее же счет векселя, выданные под

отправленный груз, либо, наконец, векселя, выданные в предположении, что вексельный курс должен подняться или вероятно поднимется. Продолжительность срока, требующегося для превращения товаров в наличность, благодаря обходным путям, которыми вынуждены идти товары. Значительность денежных сумм, уплачиваемых заграничным судовладельцам и достигающих в некоторых случаях, как, например, при покупке русской конопля, почти стоимости купленного товара. Недостаток посредников, затративших прежде большие капиталы на вексельные операции; в настоящее время благодаря возросшим трудностям и опасностям, связанным с такими операциями, посредники, которые могли бы производить сложные операции, антиципирующие вероятные будущие результаты, встречаются редко».

Приведенные ответы, а также остальная часть показаний этого джентльмена исходят из более или менее отчетливо выраженного принципа, согласно которому золото в слитках является подлинным регулятором как стоимости местных средств обращения, так и уровня вексельных курсов, тогда как свободный обмен бумажных денег на драгоценные металлы и свободный вывоз этих металлов кладут предел падению вексельных курсов и не только удерживают последние от падения ниже этого предела, но и выправляют их путем восстановления баланса.

Комитету незачем указывать, в каких именно отношениях эти мнения, высказанные практиками, являются неопределенными и неудовлетворительными и в каких отношениях они противоречат друг другу. Однако информация, содержащаяся в этих показаниях, может оказать значительную помощь при установлении подлинных причин настоящего положения вексельного курса.

Комитет полагает, что нет ни одного вопроса торговой политики более ясного, чем вопрос о вексельных курсах. *Вексельный паритет* между двумя странами—это та сумма денег той или иной страны, которая точно равняется по своей внутренней стоимости данной сумме денег другой страны или содержит в себе, иначе говоря, золото или серебро того же веса и той же пробы. Если 25 французских ливров содержат точно такое же количество чистого серебра, как и 20 шилл., то 25 составит вексельный паритет между Лондоном и Парижем. Если одна страна употребляет в качестве своей основной меры стоимости золото, а другая—серебро, то паритет между этими странами за какой-либо определенный период может быть установлен только с учетом относительной стоимости золота и серебра за этот именно период; поскольку же относительная стоимость двух драгоценных металлов подвержена колебаниям, вексельный паритет между двумя странами не представляет строго постоянную величину, а колеблется в известных пределах. Иллюстрацию к этому можно найти в показаниях, где приведен расчет паритета между Лондоном и Гамбургом, равного 34 фламандским шиллингам и $3\frac{1}{2}$ гротам за фунт стерлингов.

Такой уровень вексельного курса устанавливается в течение известного периода на основе торгового или платежного баланса между двумя странами и последующей диспропорции между спросом и предложением на векселя, выданные одной страной на другую; он является отклонением в одну или другую сторону от действительного и постоянного паритета. Но этот действительный паритет изменится, если произойдет какая-нибудь перемена в денежном обращении одной из двух стран; эта перемена может состоять в стирании или деградировании металлических денег ниже их стандарта, в дискредитации принудительного бумажно-денежного обращения или же в наличии излишка неразменных бумажных денег. Если, таким образом, внутренняя стоимость данной части денег одной страны понизится, то эта часть не будет уже больше равняться такой же части денег другой, какой она равнялась до того. Но хотя действительный паритет средств обращения, таким образом, изменится, купцы, имеющие мало поводов обращаться к паритету или совсем не имеющие их, продолжают высчитывать вексельный курс на основе прежнего наименования паритета. При таком положении вещей необходимо проводить различие между *действительным* и *вычисленным* вексельным курсом. Тогда вычисленный вексельный курс, приводимый в таблицах, употребляемых купцами, будет включать не только золотую разницу курса, являющуюся результатом состояния торговли, но также и разницу между первоначальным и новым паритетом. При вычислении эти две суммы могут быть сложены или противопоставлены друг другу. Если страна, деньги которой обесценены по сравнению с деньгами другой страны, имеет притом же неблагоприятный торговый баланс, то вычисленный уровень вексельного курса будет казаться более неблагоприятным, чем действительная разница в вексельном курсе. Точно так же при благоприятном торговом балансе данной страны вычисленная норма вексельного курса будет казаться менее неблагоприятной, чем действительная разница в вексельном курсе. До новой перечеканки нашего серебра в эпоху короля Вильяма вексельный курс между Англией и Голландией, вычисленный обычным способом соответственно стандартам монетных дворов этих стран, составлял 25% против Англии, причем стоимость ходячей монеты в Англии была ниже ее стандартной стоимости больше чем на 25%; таким образом, при вполне стандартном вексельном курсе действительный вексельный курс был бы на деле в пользу Англии. Таким же образом может случиться, что обе части расчета окажутся в одно и то же время противоположными и равными друг другу; тогда действительный вексельный курс, который, поскольку он зависит от состояния торговли, будет в пользу страны, окажется равным номинальному вексельному курсу, а этот последний, поскольку он зависит от состояния денежного обращения, будет против нее. В этом случае вычисленный вексель-

ный курс будет на уровне паритета, действительный же вексельный курс окажется благоприятным для этой страны. Опять-таки средства обращения обеих стран, ведущих торговлю друг с другом, могут подвергнуться изменениям в равной степени или в неравной; в последнем случае вопрос о действительном состоянии вексельных курсов между ними становится более сложным, но он решается на основании тех же самых принципов. Мы можем успешно иллюстрировать это, не выходя за пределы настоящего исследования, современным состоянием лондонского вексельного курса на Португалию, приведенным в таблицах от 18 мая текущего года. Вексельный курс Лондона на Лиссабон составляет по видимому $67\frac{1}{2}$. Эти $67\frac{1}{2}$ пенс. за мильрейс представляют исстари установленный вексельный паритет между двумя странами, и соответственно этому мы продолжаем говорить, что паритет именно таков. А между тем из показаний г-на Лайна явствует, что в Португалии все платежи совершаются в настоящее время в силу закона наполовину в металлических деньгах, наполовину в правительственных бумажных, причем эти бумажные деньги обесценены на 27%. Таким образом, на все платежи, совершаемые в Португалии, существует дисконт или потеря в $13\frac{1}{2}$, и вексельный курс в $67\frac{1}{2}$, хотя и представляет номинально паритет, в действительности на $13\frac{1}{2}$ % против нас. Если бы вексельный курс был действительно на уровне паритета, он котировался бы по 56,65 или же был бы очевидно по сравнению с прежним паритетом, установленным до обесценения португальских средств платежа, на $13\frac{1}{2}$ % в пользу Лондона. Представляют ли при данном вексельном курсе на Лиссабон эти $13\frac{1}{2}$ % против нашей страны действительную разницу в вексельном курсе, вызванную ходом торговли и производством платежей правительственными деньгами Португалии, или таков номинальный и видимый вексельный курс, вызванный чем-либо в состоянии нашего собственного денежного обращения? Или же это частью действительный, частью номинальный курс? Это можно, быть может, определить на основе следующих соображений, к которым теперь переходит Комитет.

Комитет считает, что согласно давно уже установленному принципу разница в вексельном курсе, происходящая от состояния торговли и характера платежей между двумя странами, ограничивается издержками пересылки и страхования драгоценных металлов при их передвижении из одной страны в другую; во всяком случае она не может превышать этот предел в течение значительного периода времени. Действительная разница в вексельном курсе, происходящая от состояния торговли и характера платежей, никогда не может упасть ниже суммы расходов по пересылке, включая сюда страхование. Очевидность этого тезиса настолько ясна и он до такой степени единогласно принимается всеми практиками как в торговой, так и в политической области, что Комитет считает его бесспорным.

Комитет полагает, однако, что в силу тех особых обстоятельств, которые препятствуют в настоящее время торговым сношениям между нашей страной и континентом Европы, сумма расходов по пересылке и страховой премии может подняться выше того уровня, которого она достигала в обычные периоды, даже во время войны, но такой рост этих издержек может лишь понизить больше обычного предел возможного падения нашего вексельного курса; требуется следовательно дать объяснение его настоящему необычайному падению. Комитет решил поэтому исследовать особо это обстоятельство.

Купец, о котором мы говорили выше, близко знакомый с торговлей между нашей страной и континентом, заявил Комитету, что существующие расходы по пересылке золота из Лондона в Гамбург составляют без страховой премии от $1\frac{1}{2}$ до 2%; так как риск меняется изо дня в день, то постоянной премии не существует; он полагает, однако, что средний риск в течение последних 15 месяцев составлял около 4%. Таким образом, общая сумма всех расходов по пересылке золота из Лондона в Гамбург составляла за эти 15 месяцев при указанном среднем риске от $5\frac{1}{2}$ до 6%. Авраам Гольдсמיד заявил, что в последние пять или шесть месяцев 1809 г. расходы по пересылке золота в Голландию колебались очень сильно—от 4 до 7%, охватывая как страховую премию, так и издержки транспорта. Из показания же, данного Комитету о банковских делах в 1797 г., явствует, что издержки по пересылке звонкой монеты из Лондона в Гамбург составляли в военное время, включая все расходы и страховую премию, немного более $3\frac{1}{2}$ %. Ясно, таким образом, что вследствие особых обстоятельств настоящего военного времени и возросших трудностей сношений с континентом издержки перевозки драгоценных металлов из нашей страны на континент не только подвержены большому, чем обычно, колебаниям, но и повысились очень значительно. Оказывается, однако, что за последнюю половину прошлого года при высшем размере среднего риска издержки перевозки золота в Гамбург или в Голландию не превышали, включая страхование, 7%. Они были, конечно, больше в чрезвычайные времена, когда риск был выше этого среднего уровня. Очевидно также, что риск, а следовательно и общая сумма издержек транспорта на внутреннем рынке или, например, в Париж, была бы в среднем выше, чем расходы по пересылке золота в Амстердам или в Гамбург. Отсюда следует, что предел, до которого могут упасть вексельные курсы и на котором они могут оставаться неблагоприятными в течение значительного времени в результате состояния торговли, был в течение указанного периода гораздо ниже, чем в прежнее военное время. Очевидно также, что расходы по пересылке звонкой монеты не возросли в такой степени, а крайний предел понижения вексельных курсов не снизился настолько, чтобы дать адекватное объяснение столь значительному падению вексельных кур-

сов—от 16 до 20% ниже паритета. В такие периоды, когда риск достигал своего максимума, возросшие издержки такой пересылки могли бы объяснить падение вексельного курса на Гамбург или Голландию несколько более чем на 7%, и возможно даже еще большее падение вексельного курса на Париж; однако остальная часть падения, имевшая на деле место, должна быть объяснена каким-нибудь иным образом.

На основании всех полученных показаний, как бы ни были они противоречивы, Комитет считает вероятным, что действительное падение вексельных курсов с континентом было вызвано до известной степени условиями торговли в нашей стране за последний год; это падение было, вероятно, в течение одного периода настолько низко, что достигло предела, диктующегося расходами по пересылке отсюда золота на соответственные рынки. Комитет склоняется к этому мнению также и в силу установленного факта перевеса ввоза с континента над вывозом (хотя эта часть вопроса возбуждает больше всего сомнений), а также на основании показаний о способе, каким в последнее время совершались платежи в нашей торговле; мы имеем в виду уплату авансов под ввоз с континента Европы и долгосрочный кредит, предоставляемый под вывоз в другие части света.

Заметив, что многие приписывают полностью настоящее понижение вексельного курса с Европой большому перевесу нашего ввоза над вывозом, Комитет потребовал справку о действительной стоимости ввоза и вывоза за последние пять лет. Г-н Ирвинг, главный инспектор таможенных сборов, доставил нам наиболее точные статистические данные о ввозе и вывозе, какие он только был в состоянии разработать. Он постарался также содействовать задаче Комитета, вычислив сумму, которую следовало бы вычесть из стоимости ввезенных товаров, чтобы выделить товары, в обмен на которые не вывозилось ничего. Эти вычеты состоят из стоимости продуктов рыболовства и ввоза из Ост- и Вест-Индии, представляющего ренту, прибыль и капитал, пересылаемые собственникам в нашей стране. Торговый баланс в нашу пользу за вычетом указанных статей составлял:

В 1805 г. около	. . .	6 616 000	ф. ст.
» 1806 »	»	10 437 000	»
» 1807 »	»	5 866 000	»
» 1808 »	»	12 481 000	»
» 1809 »	»	14 834 000	»

Поскольку это можно заключить на основании выведенных таким образом балансов, вексельные курсы в течение настоящего года, когда в связи с очень выгодными балансами двух предыдущих лет можно ожидать многочисленных платежей нашей стране, должны быть особенно благоприятны.

Однако Комитет не относится с большим доверием к выводам, сделанным даже на основе исправленного документа, который

мы получили благодаря усердию и знаниям главного инспектора. Согласно указаниям самого г-на Ирвинга этот документ имеет большой недостаток, ибо он не приводит никаких данных о суммах, истребованных иностранцами за фрахты, следуемые им за пользование их судами (особенно большие в данное время); с другой же стороны, нет данных о суммах, полученных от них за фрахты, следуемые нам за пользование британскими судами и повышающие стоимость вывезенных нами товаров. Не приняты также во внимание проценты на капитал в Англии, находящийся во владении у иностранцев, и на капитал за границей, принадлежащий жителям Великобритании, а также денежные сделки между английским и ирландским правительствами. Игнорируются контрабандная торговля, ввоз и вывоз слитков, о которых в таможенное ведомство не поступает никаких сведений. Опускается также весьма важная статья, изменения которой, правильно констатированные, соответствуют вероятно в большой степени колебаниям благоприятного баланса; речь идет о векселях, выданных на правительства в связи с нашими морскими, военными и другими расходами в иностранных портах. Комитет надеялся получить эти данные через посредство палаты общин, но при подборе их встретились затруднения, обусловившие задержку в исполнении важнейших частей данного приказа. Из «Отчета, поскольку таковой мог быть составлен, о суммах уплаченных за расходы за границей в 1793, 1794, 1795, 1796 гг.», напечатанного в приложении к докладу палаты лордов в связи с принятием билля о приостановке размена, следует, что уплаченные суммы составляли:

Годы	Ф. ст.
1793	2 785 252
1794	8 335 591
1795	11 040 236
1796	10 649 916

Следующая таблица представляет отчет об официальной стоимости нашего вывоза только на континент Европы и ввоза оттуда в каждый из последующих пяти годов:

Годы	Ввоз	Вывоз	Баланс в пользу Великобритании, исчисленный по официальной стоимости
			в ф. ст.
1805	10 008 649	15 465 430	5 456 781
1806	8 197 256	13 216 386	5 019 130
1807	7 973 510	12 689 590	4 716 080
1808	4 210 671	11 280 450	7 069 819
1809	9 551 857	23 722 615	14 170 758

Балансы в пользу Великобритании, взятые только для Европы, находятся, как видно из этого несовершенного подсчета, приблизительно в соответствии с общими и более точными балансами, приведенными прежде. Благоприятный баланс 1809 г., взятый только для Европы, дал бы при вычислении его в соответствии с действительной стоимостью более значительную сумму, чем сумма, указанная за тот же год в предыдущем общем итоге.

Благоприятный торговый баланс ввоза и вывоза, представляемый ежегодно парламенту, является вероятно результатом больших требований, предъявляемых правительству в связи с заграничными расходами. Благодаря этим требованиям увеличение вывоза и уменьшение ввоза поощряются и даже усиливаются, ибо если предложение векселей, трассированных за границей агентами правительства или частными лицами, не соответствует спросу, то цена их в иностранных деньгах падает, пока не понизится настолько, что привлечет покупателей; покупатели же эти, обычно являющиеся иностранцами, не желают переносить постоянно свою собственность в Англию и спрашивают с условиями приобретения в обмен за векселя на Англию тех британских товаров, на которые имеется спрос в их собственной стране или в посреднических пунктах, с которыми можно производить расчет. Но поскольку цена векселей регулируется до некоторой степени ценой британских товаров, она будет падать, пока не понизится до такой точки, при которой можно получить прибыль при покупке и вывозе этих товаров; таким образом не преминет развиваться деятельный вывоз, почти пропорциональный сумме трассированных векселей. Отсюда следует, что в течение очень длительного периода не может существовать слишком благоприятный или слишком неблагоприятный торговый баланс, ибо этот баланс оказывает воздействие на цену векселей не раньше, чем цена последних вызовет благодаря воздействию на состояние торговли выравнивание торгового вывоза и ввоза. Комитет рассматривал здесь наличность и слитки как составные части общей массы вывозимых и ввозимых товаров; наличность и слитки перевозятся соответственно состоянию предложения и спроса, но представляют, однако, при определенных условиях, в особенности в случае больших колебаний во всей торговле, особенно удобное средство платежа.

Комитет остановился подробно на документах, доставленных г-ном Ирвингом, для того чтобы пролить дальнейший свет на общий вопрос о торговом балансе и вексельном курсе, а также для того, чтобы рассеять некоторые весьма распространенные ошибки, имеющие большое практическое влияние на решение рассматриваемого нами в настоящее время вопроса.

Исходя из вышеизложенных принципов, Комитет твердо убежден, что для континента Европы действительный вексельный курс, неблагоприятный для нашей страны, отнюдь не может значительно превысить предел, диктующийся размерами издержек

транспорта звонкой монеты в данное время. Что эти вексельные курсы не превосходили на деле этот предел, это вполне удовлетворительно доказывает одна часть показания г-на Грефюля; из всех опрошенных купцов последний больше всех укрепился, кажется, в мнении, что состояние платежного баланса достаточно объясняет само по себе всякое падение вексельных курсов, как бы велико ни было последнее. Из того, что Комитет констатировал уже по отношению к вексельному паритету, ясно, что вексельный курс между двумя странами сохраняет свой действительный паритет при следующих условиях: данное количество золота или серебра должно обмениваться по рыночной цене на такую сумму денег одной страны, на какую можно купить вексель на другую страну за ту сумму ее денег, которая обменивается по рыночной цене на *равное* количество золота или серебра той же самой пробы. Таким же образом действительный вексельный курс будет *благоприятен* для страны, имеющей денежные сделки с другой страной, при условии, что данное количество золота или серебра можно обменять в первой стране на такую сумму денег второй, какая может быть обменена на *большее* количество золота или серебра той же самой пробы.

Исходя из этих принципов, Комитет выразил пожелание, чтобы г-н Грефюль сделал несколько расчетов, приводимых в его ответах на следующие вопросы:

«Предположим, что вы имеете в Париже тройский¹ фунт золота английского стандарта и желаете получить при помощи его вексель на Лондон,—как велика будет сумма, на которую при настоящих условиях вам удалось бы получить вексель?»—«На фунт золота британского стандарта можно купить при существующей рыночной цене в 105 франков и вексельном курсе в 20 ливров вексель в 59 ф. ст. 8 шилл.»

«Сколько стандартного золота можете вы купить за 59 ф. ст. 8 шилл. при существующей рыночной цене золота в Лондоне?»—«При цене в 4 ф. ст. 12 шилл. можно будет купить 13 унций золота с очень малой дробью».

«Чему же равна тогда процентная разница между количеством стандартного золота в Париже и в Лондоне, эквивалентным 59 ф. ст. 8 шилл. наших денег?»—«Около 8½%».

«Предположим, что вы имеете тройский фунт нашего стандартного золота в Гамбурге и что вы желаете приобрести на него вексель на Лондон. Как велика будет сумма, на которую при настоящих условиях вам удалось бы получить вексель?»—«При гамбургской цене в 101 и вексельном курсе в 29 можно было бы купить вексель на Лондон в 58 ф. ст. 4 шилл.»

«Какое количество нашего стандартного золота вы покупаете при существующей цене в 4 ф. ст. 12 шилл. за 58 ф. ст. 4 шилл.?»—«Около 12 унций и 3 драхм».

¹ Мера веса стандартного серебра: Одна тройская унция = 31,103 гр.

«Чему же равна в таком случае разница в процентах между количеством золота в Гамбурге и Лондоне, эквивалентным 58 ф. ст. 4 шилл.?»—«Около $5\frac{1}{2}\%$ ».

«Предположим, что вы имеете тройский фунт нашего стандартного золота в Амстердаме и что вы желаете на него приобрести вексель на Лондон. Как велика будет в стерлингах сумма, на которую вам удалось бы купить вексель?»—«При амстердамской цене в $14\frac{1}{4}$, вексельном курсе в 31,6 и банковском даже в 1% можно было бы купить вексель на Лондон на 58 ф. ст. 18 шилл.».

«Какое количество нашего стандартного золота покупаете вы в Лондоне при настоящей цене его в 4 ф. ст. 12 шилл. за 58 ф. ст. 18 шилл.?»—«12 унций и 16 драхм».

«Сколько это составляет процентов?»—«7%».

Аналогичные вычисления, хотя и сделанные на основании других предположенных данных, можно найти в показании Авраама Гольдсмида. Из отчетов г-на Грефюля явствует, что когда вычисленный вексельный курс на Гамбург равнялся 29, т. е. был на 16—17% ниже паритета, действительная разница вексельного курса, являющаяся результатом состояния торговли и платежного баланса, составляла не больше $5\frac{1}{2}\%$ против нашей страны; когда же вычисленный вексельный курс на Амстердам равнялся 31,6, т. е. был почти на 15% ниже паритета, действительный вексельный курс был ниже паритета не больше чем на 7%; далее, когда вычисленный вексельный курс на Париж равнялся 20, т. е. был на 20% ниже паритета, действительный вексельный курс был против нашей страны не больше чем на $8\frac{1}{2}\%$. Таким образом, сделав все поправки, необходимые для учета влияния торгового и платежного баланса на наши вексельные курсы с указанными центрами, мы все же констатируем падение вексельного курса на Гамбург на 11%, вексельного курса на Голландию более чем на 8% и вексельного курса на Париж на $11\frac{1}{2}\%$; эти падения должны быть объяснены как-нибудь иначе.

Если бы этот же способ калькуляции был применен к более недавним ставкам вексельного курса с континентом, то оказалось бы, быть может, что, хотя вычисленный вексельный курс в настоящее время против нашей страны, действительный вексельный курс для нее благоприятен.

Основываясь на предыдущих рассуждениях, относящихся к состоянию изолированно рассматриваемых вексельных курсов, Комитет не может не сделать следующего вывода: по меньшей мере часть того значительного падения, которому подверглись в последнее время вексельные курсы, является результатом не состояния торговли, а изменения в относительной стоимости денег нашей собственной страны; а раз такой вывод подкрепляет прежде сделанный вывод об изменении в рыночной цене золота, то заключения Комитета можно очевидно считать доказанными.

III

Комитет полагает, что при настоящем искусственном положении денежного обращения нашей страны в высшей степени важно бдительно следить за вексельными курсами и рыночной ценой золота. Комитет пожелал поэтому осведомиться, разделяют ли это мнение директора Английского банка, извлекли ли они из него какое-нибудь практическое правило для контроля над денежным обращением и в частности не внушило ли им большое падение вексельных курсов и большое повышение цены золота каких-либо подозрений относительно избыточности средств обращения в нашей стране.

Г-н Витмор, бывший управляющий Английским банком, заявил Комитету, что, регулируя общую сумму ссуд и дисконтов, он «не обращал внимания на вексельные курсы, так как из сведений о сумме находящихся в обращении банкнот и о вексельном курсе вытекало, что между ними часто нет никакой связи». Далее он сказал: «По моему мнению,—я не знаю, есть ли это также мнение Английского банка,—сумма нашего бумажного обращения не имеет никакого отношения к состоянию вексельных курсов». А на следующий день г-н Витмор заявил, что «настоящее неблагоприятное состояние вексельных курсов не имело никакого влияния на объем эмиссий Английского банка, ибо последний поступал так же, как и прежде». Его спросили также, обращал ли Английский банк при регулировании суммы выпускаемых им в обращение банкнот когда-либо внимание на разницу между рыночной и монетной ценой золота. Г-н Витмор выразил сначала желание подумать над этим вопросом, а на следующий день дал ответ, вызвавший дальнейшие вопросы.

«Определяя количество наших банкнот, выпускаемых в обращение, и ограничивая размер ваших ссуд купцам, принимаете ли вы во внимание разницу, если таковая существует, между рыночной и монетной ценой золота?»—«Мы принимаем ее во внимание, поскольку мы никогда не дисконтируем векселей тех лиц, относительно которых мы знаем или имеем основание предполагать, что они вывозят золото».

«Не принимаете ли вы во внимание эту разницу еще каким-нибудь путем, кроме отказа в дисконте таким лицам?»—«Мы обращаем на нее внимание, поскольку тот или иной из наших директоров настаивает на обсуждении вопроса, полагая, что он имеет значение для наших дисконтов».

«Рыночная цена золота повысилась в течение последнего года до 4 ф. ст. 10 шилл. или 4 ф. ст. 12 шилл. за унцию. Было ли это обстоятельство принято вами во внимание и имело ли оно какое-либо действие на уменьшение или расширение суммы подлежащих уплате счетов?»—«С этой точки зрения я не принял его во внимание».

Г-н Пирс, в настоящее время управляющий Английским банком, выразил свое согласие с г-ном Витмором в связи с этими его ответами о практике банка и целиком солидаризировался с его взглядами.

Г-н Пирс: «При рассмотрении этого вопроса я должен сослаться на способ, каким выпускаются банкноты; выпуск последних является результатом требований дисконтов для удовлетворения текущей нужды в банкнотах, а это дает возможность так контролировать количество выпускаемых банкнот, что они никогда не могут быть в излишке; я не могу понять, каким образом количество выпущенных банкнот может воздействовать на цену слитков или состояние вексельных курсов; поэтому я лично держусь мнения, что цена слитков или состояние вексельных курсов отнюдь не могут служить основанием для уменьшения количества выпускаемых банкнот, принимая во внимание контроль, о котором я уже говорил».

«Держится ли управляющий банком того же мнения, которое было только что выражено заместителем управляющего?»¹

Г-н Витмор: «Я разделяю это мнение в такой мере, что никогда не считал необходимым принимать во внимание цену золота или состояние вексельных курсов в те дни, когда мы выдавали ссуды».

«Принимали ли вы во внимание эти два обстоятельства при регулировании общей суммы ваших ссуд?»— «Я не принимал их во внимание, потому что по моему мнению они не имеют никакого отношения к вопросу».

Г-н Гарман, другой директор Английского банка, выразил свое мнение в следующих словах: «Я должен был бы весьма основательно изменить свои взгляды, прежде чем предположить, что вексельные курсы испытывают влияние каких-либо изменений в нашем бумажно-денежном обращении».

Эти джентльмены, так же как и некоторые из вызванных в Комитет купцов, придавали большое значение аргументу, почерпнутому ими из наблюдавшегося в течение нескольких лет отсутствия хронологического соответствия между количеством банкнот Английского банка и состоянием вексельных курсов. Г-н Пирс представил по этому вопросу записку, напечатанную в приложениях. Комитет не стал бы, однако, относиться с недоверием к изложенным им общим принципам даже и в том случае, если бы это несоответствие было более значительно, ибо необходимо принять во внимание разнообразие обстоятельств, имеющих временное влияние на вексельные курсы, и неопределенность как периодов, так и степени воздействия на них количества находящихся

¹ Когда Витмор и Пирс давали в марте 1810 г. свои показания перед Комитетом, первый был управляющим, второй—заместителем управляющего, но в то время, когда доклад Комитета составлялся, Пирс стал уже управляющим.—Прим. перев.

в обращении бумажных денег. Можно еще добавить, что количество банкнот (предполагая, что банкноты достоинством в 1 и 2 ф.ст. исключены из подсчета) не изменялось существенно в течение периода, взятого для сравнения, тогда как за последний год, когда главные вексельные курсы с Европой стали гораздо более неблагоприятными, количество банкнот Английского банка, а также и банкнот провинциальных банков весьма значительно увеличилось. Однако Комитет не держится в общем мнения, что размер или степень существующей депрессии вексельных курсов могут быть отчетливо прослежены до увеличения числа банкнот, совпадающего хронологически с этой депрессией. Он полагает, что более мелкие и более обычные колебания вексельного курса соответствуют в общем ходу нашей торговли; политические события, воздействующие на состояние торговли, могут нередко вызывать как повышение, так и понижение вексельных курсов,—в частности первое необычайное падение их в начале 1809 г. должно быть приписано, как это было указано в вышецитированном показании, торговым событиям, последовавшим за оккупацией Северной Германии войсками французского императора. Зло заключается в том, что, раз упав, вексельный курс не может быстро подняться при существующей системе. Если случайные депрессии, возникающие в силу состояния торговли, не выравниваются по истечении известного времени с помощью приема, автоматически применявшегося до прекращения Английским банком платежей наличностью, то это приводит в конце концов к тем же последствиям, какие вызывает внезапный необычайно большой выпуск бумажных денег. Восстановление вексельного курса произошло обычно путем тайной пересылки гиней, временно улучшавшей вексельный курс и заменявшей перевод денег; бесспорно также, что тот же результат достигался частью и вероятно гораздо более полно путем уменьшения общего количества остающихся в обращении денег; Английский банк вынужден был содействовать этому уменьшению уже в силу осторожности, которую, естественно, возбуждала всякая утечка золота. При существующей же системе первое из этих средств должно все больше и больше утрачивать свое значение, ибо в обращении осталось так мало гиней, что они не могут уже быть использованы для переводов значительных размеров; уменьшение бумажного обращения является теперь поэтому главным, если не единственным, коррективом, к которому можно прибегнуть. Только после того как Английский банк возобновит на некоторое время платежи наличностью, оба указанных средства смогут снова производить то действие, какое они производили во всех предыдущих случаях до приостановки размена.

После очень обстоятельного рассмотрения этой части вопроса Комитет не может не выразить следующее мнение: предполагать, что на вексельные курсы с чужими странами и на цену слитков не оказывает воздействия количество бумажных денег, выпущен-

ных без обязательства оплатить их звонкой монетой по желанию держателя, это значит допускать ошибку, имеющую большое практическое значение. Что вследствие излишнего выпуска бумажных денег вексельные курсы понижаются, а цена слитков повышается,—это не только теоретический принцип, установленный наиболее выдающимися авторитетами по вопросам торговли и финансов. Практическая истинность его иллюстрируется также историей почти всех государств, пользовавшихся бумажными деньгами в новое время; во всех этих странах государственные люди обращались в конце концов к этому принципу, как к лучшему критерию для суждения о том, имеется ли налицо излишек бумажных денег.

В наиболее известных примерах из истории иностранных государств излишек бумажных денег сопровождался также обстоятельством, не имеющим места в нашем настоящем положении,—недостатком доверия к достаточности тех фондов, под которые были выпущены бумажные деньги. Там, где налицо имеются оба эти обстоятельства—излишние эмиссии и недостаток доверия, их совокупное действие будет гораздо более быстрым, чем при наличии одного только излишка бумажных денег, пользующихся, однако, прекрасным кредитом; в обоих случаях вексельные курсы и цена слитков испытают на себе влияние одного и того же порядка. Наиболее замечательные примеры первого рода дает история бумажно-денежного обращения британских колоний в Северной Америке в начале прошлого столетия, а также история ассигнатов Французской республики. К этому Комитет может добавить едва ли менее замечательный пример денежных спекуляций австрийского правительства в течение последней кампании.

Настоящее положение денежного обращения в Португалии дает также пример этого рода.

Примеры другого рода, когда обесценение было произведено только излишком бумажных денег, может дать опыт Соединенного королевства в различные времена.

В Шотландии излишний выпуск банкнот к концу Семилетней войны дошел до очень большого размера. Благодаря включению в обязательства Шотландского банка так называемой *optional clause*, т. е. статьи, определяющей его право платить по своим банкнотам наличностью немедленно по предъявлении или же через шесть месяцев с оплатой процентов за это время, разменность таких банкнот на звонкую монету по желанию держателя была в действительности приостановлена. Эти банкноты подверглись поэтому обесценению по сравнению со звонкой монетой. Пока длилось это злоупотребление, вексельный курс между Лондоном и Демфрисом, например, был на 4% против Демфриса, в то время как вексельный курс между Лондоном и Карляйлем, находящимся не дальше 30 миль от Демфриса, стоял на уровне паритета. Когда эдинбургским банкам предъявляли назад их банкноты, чтобы обменять их векселя на Лондон, они имели обыкновение растягивать или сокращать срок

выдаваемых ими векселей соответственно состоянию вексельного курса; они уменьшали таким путем стоимость этих векселей почти в той же степени, в какой излишний выпуск вызвал обесценение банкнот. Этот излишек бумажных денег был, наконец, устранен путем выдачи векселей на Лондон лишь на определенный срок; для уплаты же по этим векселям, или, другими словами, для оплаты этого излишка бумаги, банки должны были в первую очередь оставлять большие денежные средства в руках своих лондонских корреспондентов. В помощь таким мерам предосторожности эдинбургских банков парламентский акт запретил практику *optional clause*, а также выпуск банкнот достоинством в 10 и 5 шилл. Вексельный курс между Англией и Шотландией был быстро восстановлен до своего естественного уровня; поскольку же векселя на Лондон всегда выдавались с тех пор в обмен на банкноты, обращающиеся в Шотландии, на определенный срок, какой-либо значительный излишек шотландских бумажных денег по сравнению с банкнотами Английского банка был тем самым предупрежден, и вексельный курс стал постоянным¹.

Опыт самого Английского банка в течение очень короткого времени после его учреждения дает весьма поучительную иллюстрацию ко всем предыдущим принципам и рассуждениям. Последствия обесценения монеты в силу порчи и стирания соединились в данном случае с действием излишнего выпуска банкнот. Директора Английского банка не сразу приобрели достаточно точное знание всех принципов, которыми должно руководиться такое учреждение. Они ссужали деньги не только путем учета, но и под реальные обеспечения, ипотеки и даже под залог непортящихся товаров; в то же время Английский банк оказывал весьма существенное содействие правительству в деле содержания армии на континенте. Благодаря щедрости в выдаче ссуд частным лицам, а также крупным авансам правительству количество банкнот Английского банка чрезмерно увеличилось, их относительная стоимость обесценилась, и они обращались с дисконтом в 17%. В этот период отнюдь не было повидимому недостатка в доверии к надежности фондов Английского банка, ибо акции его продавались за 110%, хотя по подписке по ним было выплачено только 60%. Благодаря соединенному действию обесценения банкнот Английского банка в силу излишка их и обесценению серебряной монеты в силу стирания и порчи ее цена золота поднялась настолько, что за гинеи платили до 30 шилл.; вся хорошо сохранившаяся серебряная монета постепенно исчезла из обращения, вексельный же курс на Голландию, несколько затронутый уже прежде вследствие переводов для содержания армии, упал на 25% ниже паритета при обесценении банкнот на 17%. Как парламентом, так и Английским банком были

¹ См. «Богатство народов», кн. 1, стр. 492, а также «Доклад Комитета об ирландском вексельном курсе», показание Мансфилда.

испробованы разные средства для удержания в обращении лучшей серебряной монеты и уменьшения цены гиней, но без успеха. Наконец, были найдены настоящие средства: во-первых, чеканка новой серебряной монеты; она восстановила часть обращающихся денег до их стандартной стоимости, несмотря на то, что недостаток металлических денег, вызванный извлечением из обращения старой монеты, поставил Английский банк в затруднение и даже подверг на время потрясению его кредит; во-вторых, извлечение из обращения излишка банкнот. Эта последняя операция была повидимому проведена очень толково. Парламент согласился на увеличение основного капитала Английского банка при условии, что известная часть новых подписчиков будет удовлетворена банкнотами. Соответственно уменьшению, таким образом, числа банкнот стоимость тех, которые остались в обращении, начала сейчас же подниматься; через короткое время банкноты достигли паритета; иностранные вексельные курсы тоже почти достигли его. Все эти детали подробно упоминаются в опубликованных тогда материалах; событие, как таковое, является, по мнению Комитета, весьма поучительным для нашего исследования¹.

Комитет должен сначала указать, что все его рассуждения находят подтверждение и санкцию в работах Комитета палаты общин, назначенного прежним парламентом для исследования причины значительного обесценения ирландского вексельного курса с Англией в 1804 г. Большинство торговых людей, дававших показания перед Комитетом, включая двух директоров Ирландского банка, не хотели допустить, что падение вексельного курса было хотя бы в какой-нибудь степени результатом излишка бумажных денег, возникшего благодаря приостановке размена в 1797 г. Падение было полностью объяснено тогда, как и теперь, неблагоприятным торговым или платежным балансом. Тогда утверждали также, что «банкноты, выпускаемые только пропорционально спросу на них и в обмен на хорошие и легко реализуемые обеспечения, подлежащие при этом уплате в определенные периоды, не могут повлечь за собой какой-либо излишек денежного обращения или какое-либо обесценение». Эта доктрина, хотя и смягченная несколько некоторыми свидетелями, проникает собой большинство показаний, данных Комитету; примечательным исключением является лишь показание г-на Мансфильда, так как знакомство с последствиями только что упомянутого излишнего выпуска шотландских банкнот помогло ему составить себе более верное мнение об этом предмете. Многие из лиц, дававших свои показания Комитету, сделали все же, несмотря на нежелание признать действительную природу зла, серьезные уступки, что вовлекло их по необходимости

¹ См. «Краткий отчет Английского банка», составленный Годфреем, одним из первых директоров его, а также «Краткую историю последнего парламента», написанную Дракком в 1699 г. Обе брошюры находятся в коллекции лорда Сомерса.

в противоречия. Как практики они не могли бы оспаривать истинность того общего положения, согласно которому «колебания вексельного курса между двумя странами ограничиваются в общем ценой, по которой определенное количество слитков может быть куплено в деньгах страны-должника и превращено в деньги страны-кредитора с добавлением страховой премии и издержек по перевозке этих слитков из одной страны в другую». В то же время было установлено, что издержки транспорта золота из Англии в Ирландию составляли, включая страховую премию, меньше 1% и что до приостановки размена колебания никогда не превышали надолго и намного этот предел; более того, вексельный курс с Бельфастом, где в период работы Комитета гинеи обращались свободно, был тогда на $1\frac{1}{4}$ в пользу Ирландии, тогда как вексельный курс с Дублином, где в ходу были только бумажные деньги, был на 10% против Ирландии. Из весьма несовершенных документов, какие можно было достать, явствовало также, что торговый баланс был тогда благоприятен для Ирландии. Однако все продолжали утверждать, что никакого обесценения ирландских бумажных денег не существует, а имеется только недостаток в золоте, объясняющий его высокую цену, и что уменьшение количества бумажных денег не внесет коррективы в вексельный курс. «Обесценение банкнот в Ирландии (так говорил один из дававших показания—директор Ирландского банка) является для человека, совершающего в Дублине с помощью этих общепринятых денег покупки и продажи, понятием совершенно условным; для него они несколько не обесценены, но для покупателя векселя на Лондон, да и для него лишь в одном отношении и при известных условиях, имеется обесценение в 10%». Избегая, таким образом, всякого сравнения по основному признаку между стоимостью их собственных банкнот и стоимостью обращавшихся тогда бумажных денег нашей страны или золотых слитков или даже золотой монеты, обращавшейся тогда в других частях Ирландии с премией, руководители Ирландского банка продолжали оставаться в уверенности, что никакого обесценения ирландских банкнот не было.

Здесь следует отметить, что стоимость большого количества долларов, выпущенных в течение этого времени Ирландским банком, была поднята до 5 шилл. за доллар с нарочитой целью приспособить новую серебряную монету к существующему состоянию вексельного курса; Комитет высказался в своем докладе против такого приема; последний доказывает лишь, что ирландские бумажные деньги не могут выдержать сравнения со стандартной ценой серебра и так же мало со стоимостью золотых слитков и золотой монеты или же со стоимостью тогдашних бумажных денег Соединенного королевства.

Г-н Кольвиль, директор Ирландского банка, привел тогда в своем показании факт, который, хотя и не убедил его в тенденции бумажных денег снижать вексельные курсы, показался ему все же

очень убедительным в этом отношении. Г-н Кольвиль заявил, что в 1753 и 1754 гг., когда при чрезвычайно неблагоприятном курсе банкноты Дублинского банка были внезапно извлечены из обращения, курс стал весьма благоприятным. Вызванная этим торговая заминка была очень сильна благодаря внезапности операции, ибо она была осуществлена не путем постепенных и благоразумных мероприятий нескольких банков, но в результате насильственного давления, которому банки подвергались благодаря своим неосмотрительным эмиссиям. Общий результат заслуживает тем не менее нашего внимания.

Чтобы сделать еще более ясным вопрос об ирландских курсовых операциях, привлекая в последнее время внимание парламента, следует заметить, что Ирландия производит свои курсовые операции с иноземными странами только через посредство Лондона; деньги, уплачиваемые Ирландией континенту, превращаются сначала в английский деньг, а затем уже в деньг тех стран, которыми Ирландия должна. Весной 1804 г. курсовый курс Англии с континентом стоял выше паритета, курсовый же курс Ирландии был в таком состоянии, что на 118 ф. ст. 10 шилл. в банкнотах Ирландского банка можно было купить только 100 ф. ст. в банкнотах Английского банка. Поэтому если банкноты Ирландского банка не были обесценены, как это нам доказывали, то банкноты Английского банка пользовались следовательно более чем 10-процентной премией сверх стоимости стандартной монеты обеих стран.

Принципы, изложенные Комитетом в 1804 г., пользовались вероятно у директоров Ирландского банка некоторым авторитетом, ибо между периодом, когда был написан доклад (июнь 1804 г.), и январем 1806 г. количество находившихся в обращении банкнот Ирландского банка было постепенно (хотя и с небольшими случайными колебаниями) сведено от почти 3 млн. до 2 410 тыс. ф. ст., что составляет уменьшение почти на $\frac{1}{5}$. В этот же период были отменены законом все деньг, выпущенные под названием серебряных жетонов. Бумажно-денежное обращение как Английского банка, так и английских провинциальных банков повидимому постепенно увеличивалось в течение этого же периода. Комбинация этих двух причин имела вероятно существенное влияние на восстановление паритета ирландского курсового курса с Англией.

Ирландский банк снова увеличил постепенно свои эмиссии до суммы, равной почти 3 100 тыс. ф. ст., т. е. несколько превышавшей сумму банкнот 1804 г.; это увеличение соответствует вероятно увеличению эмиссий за тот же период в Англии. Не следует, однако, думать, что уменьшение эмиссий Ирландского банка между 1804 и 1806 гг. вызвало соответствующее уменьшение эмиссий частных банков в Ирландии таким же образом, как уменьшение количества банкнот Английского банка оказывает соответствующее действие на провинциальные банки Великобритании, — Ирландский банк не владеет той исключительной властью снабжать

какую-нибудь часть страны бумажными деньгами, какой пользуется Английский банк по отношению к столице империи. Ограничивая количество этих необходимых орудий обращения в таком важном районе, Английский банк может с большей эффективностью обеспечить поднятие их стоимости, а всякое поднятие ее должно обязательно привести к подобному же увеличению стоимости банкнот провинциальных банков, обменивающихся на банкноты Английского банка, через соответствующее уменьшение числа первых. Более чем вероятно, что и в Ирландии имело место аналогичное сокращение числа обращающихся банкнот, ибо частные банки Ирландии привыкли отдавать банкноты Ирландского банка в обмен на свои собственные, если этого от них требуют; они поэтому не могли бы не почувствовать влияния всякого нового ограничения количества тех банкнот, на которые обмениваются их собственные.

Нужно, однако, отдать справедливость нынешним директорам Английского банка и напомнить палате, что хотя прекращение платежей наличностью и было отчасти вызвано ложным взглядом банка на большие трудности того времени, все же этой меры добивался не Английский банк: она была навязана ему законодательной властью в силу решающих соображений государственной политики и общественных интересов. Не следует выдвигать в качестве обвинения против директоров Английского банка то обстоятельство, что в новом положении, в которое поставил закон их торговую компанию, при возложении на них регулирования и контроля всего денежного обращения страны, они не вполне усвоили принципы руководства этой ответственной деятельностью, а продолжали вести свое дело учета и ссуд по рутине.

Следует также отметить, что при старой системе, когда Английский банк должен был обменивать свои банкноты по требованию на звонкую монету, состояние иностранных вексельных курсов и цена золота оказывали большое влияние на мероприятия его руководителей при выпуске банкнот, хотя в практику их и не входило систематическое наблюдение ни за первым, ни за второй. Пока в обмен за их банкноты можно было требовать золото, дирекция Английского банка быстро узнавала о падении вексельного курса и о повышении цены золота благодаря натиску на банк требований золота. Если дирекция неосторожно превышала надлежащий предел ссуд эмиссий, банкноты быстро поступали назад в банк; их приносили люди, поддававшиеся соблазну нажать на рыночной цене золота или норме вексельного курса. Таким путем зло скоро излечивалось само собой. Благодаря опасениям, вызванным уменьшением золотого запаса банка, и возможности возмещать эти потери только путем повторных закупок слитков по очень убыточной цене директора Английского банка, естественно, сокращали эмиссии банкнот; это увеличивало стоимость остающихся банкнот, а также и монет, на которые их можно было обменивать; в то же время тай-

ный вывоз монеты или же золота, получаемого путем переплавки последней, улучшал состояние вексельных курсов, вызывая соответствующее уменьшение разницы между рыночной и монетной ценой золота или банкнот, разменных на золото.

Комитет не думает, что директора Английского банка отдавали себе отчет в том, как именно описанная выше практика приводила к соответствующим результатам. Однако тот факт, что они ограничивали выпуск банкнот, как только замечали сколько-нибудь значительный отлив золота, бесспорен. Г-н Бозанкет заявил в своем показании Секретному комитету палаты лордов в 1797 г., что в 1783 г., когда директора Английского банка заметили отлив наличности, вызвавший их беспокойство, они предприняли смелый шаг и отказались выдавать ссуды под заем этого года. По мнению г-на Бозанкета это отвечало их намерению приостановить на время отлив звонкой монеты. Все три директора, дававшие показания Комитету, заявляли, что ограничение эмиссий Английского банка имело всегда место в той или иной форме в периоды, предшествовавшие приостановке платежей наличностью, каждый раз, когда на банк производился сильный натиск. Очень сильный спрос на гинеи, хотя и вызванный не высокой ценой золота и состоянием вексельных курсов, а страхом вторжения, имел место в 1793 г., а также в 1797 г.; в течение каждого из этих периодов Английский банк ограничивал свои учетные операции, а следовательно и количество своих банкнот, до значительно более низкого уровня, чем спрос на них со стороны купцов. Комитет ставит под вопрос правильность такой политики ограничения ссуд в период паники, не сопровождающейся неблагоприятным вексельным курсом и высокой ценой слитков; тем не менее он рассматривает поведение Английского банка в течение хотя бы двух вышеупомянутых периодов как иллюстрацию той общей тенденции уменьшать свои ссуды и эмиссии при отливе золота, которая преобладала у него до 1797 г.

Неизбежным последствием прекращения платежей наличностью явилось освобождение Английского банка от той утечки золота, которая обязательно возникала в прежнее время в результате неблагоприятного курса и высокой цены слитков. Освободившись от всех опасений такой утечки и не испытывая больше никаких неудобств от создавшегося положения, директора Английского банка не имели уже никакого стимула восстанавливать вексельный курс и цену золота до их надлежащего уровня путем сокращения своих ссуд и эмиссий. Директора прежнего времени понимали вероятно принципиальную сторону дела не лучше, чем директора нашего времени, но они ощущали известное неудобство и под давлением его устанавливали на практике препятствия к дальнейшим эмиссиям и ограничивали их. В настоящее время неудобство не чувствуется, и препятствие не сохраняет поэтому больше своей силы. Однако Комитет берет на себя смелость доложить палате, будучи вполне в том убежден, что до тех пор, пока будет длиться прекра-

щение платежей наличностью, данные о цене золотых слитков и об общем состоянии вексельного курса с чужими странами, взятые за какой-либо значительный период времени, представляют самый лучший критерий для суждения о том, имеется ли в обращении достаточное или излишнее количество бумажных денег. Английский банк не может регулировать сумму своих эмиссий с достаточной уверенностью, не пользуясь критерием, предоставляемым этими двумя условиями. Подводя итоги всем фактам и рассуждениям, уже приведенным ранее, Комитет выражает следующее мнение: хотя торговое состояние страны и политическое положение на континенте могли иметь некоторое влияние на высокую цену золотых слитков и неблагоприятный ход вексельных курсов с чужими странами, однако эта цена и это обесценение должны быть также приписаны недостаточному систематическому регулированию и ограничению бумажно-денежного обращения нашей страны.

Наряду с главным вопросом, рассматриваемым в этой части доклада, — вопросом о политике Английского банка в деле регулирования размеров денежного обращения, — Комитет желал бы также обратить внимание палаты на другой вопрос, привлечший его внимание в ходе исследования и требующий по его мнению самого серьезного рассмотрения. Директора банка, а также некоторые из купцов, опрошенных Комитетом, всячески старались объяснить последнему доктрину, в истинности которой они были глубоко убеждены. Согласно этой доктрине эмиссии банкнот Английским банком не могут быть чрезмерными до тех пор, пока ссуды, на базе которых они выпускаются, производятся в согласии с принципами, принятыми в настоящее время директорами Английского банка; иначе говоря, до тех пор, пока учет коммерческих векселей ограничивается векселями несомненной солидности, основанными на реальных торговых сделках и оплачиваемыми в короткие и определенные сроки. Что учет должен производиться только для векселей, основанных на реальных торговых сделках, срок платежей по которым наступает через определенные и короткие периоды, — это здоровые, твердо установленные принципы. Но пока Английский банк освобожден от обязанности платить звонкой монетой, нельзя утверждать, что для эмиссии банкнот не требуется иного ограничения, кроме установленного этими правилами учета векселей, или что учет надежных и краткосрочных векселей не может привести в такой период ни к какому излишку количества банкнот, выпускаемых в обращение; такую доктрину Комитет считает совершенно ошибочной в принципе и чреватой опасными последствиями на практике.

Но прежде чем Комитет перейдет к критике, которой заслуживает эта теория, он считает правильным выявить на основании полученных показаний, в какой степени ее придерживались некоторые лица, стоявшие во главе правления Английского банка. Мнения, поддерживаемые этими лицами, могут иметь большое

практическое влияние и являются по мнению Комитета лучшей характеристикой действительной политики этого учреждения в качестве корпорации.

Г-н Витмор, бывший управляющий Английским банком, категорически заявляет: «Банк никогда не выпускает принудительно ни одной банкноты в обращение; в обращении не остается ни на одну банкноту больше, чем этого требуют непосредственные нужды общества, ибо ни один банкир не будет, я полагаю, держать более значительный запас банкнот, чем ему требуется для его непосредственных платежей; он всегда может получить их». Приведенное здесь основание разъясняется г-ном Витмором более подробно следующим образом: «Банкноты вернулись бы к нам, если бы они были в обращении в избыточном количестве, так как никто не платил бы процентов по банкнотам, которые он не имеет нужды использовать». Далее г-н Витмор заявляет: «Критерий, на основании которого я сужу об отношении, которое должно быть сохранено между потребностями общества и эмиссиями Английского банка, заключается в следующем: надо избегать в меру возможности учета векселей, не являющихся законными торговыми документами». На заданный ему затем вопрос о той мере, с помощью которой совет директоров определяет, является ли количество банкнот в обращении в какой-либо период излишним, г-н Витмор заявляет: «Мерой недостаточности¹ или избытка банкнот служит несомненно большее или меньшее предъявление к учету доброкачественных векселей».

Г-н Пирс, бывший заместитель управляющего, а в настоящее время управляющий Английским банком, весьма категорически выразил свое согласие с г-ном Витмором в этом специальном пункте. Он сослался на тот факт, что банкноты выпускаются для удовлетворения насущной нужды в них соответственно предъявляемым к учету векселям; это дает возможность такого контроля над их количеством, благодаря которому оно никогда не может сделаться избыточным. «Он считает, что количество банкнот в обращении контролируется требованиями внутреннего потребления общества» и что «при том способе, каким контролируется выпуск банкнот, общество никогда не потребует больше, чем это абсолютно необходимо для его нужд».

Другому директору Английского банка, г-ну Гарману, был задан вопрос: не думает ли он, что общая сумма предъявляемых к учету векселей может быть достаточно велика, чтобы вызвать некоторый излишек банковских эмиссий после полного удовлетворения спроса даже и при полной гарантии надежности векселей и полной платежеспособности лиц, на которых они выданы?

¹ В издании доклада in folio напечатано ошибочно «security» вместо «scarcity». Эта ошибка указана в первом издании доклада для публики.—
Прим. перев.

На это он ответил: «Я полагаю, что если мы производим учет только для солидных лиц и только таких векселей, которые основаны на реальных сделках bona fide, то мы не можем существенно ошибаться». Далее он заявляет, что считал бы признаком чрезмерного избытия банкнот только «переполнение рынка деньгами».

Здесь важно отметить, что гг. Витмор и Пирс оба заявили: «Английский банк не удовлетворяет весь спрос, предъявляемый к нему с целью учета векселей, и никогда не стремится увеличить свои эмиссии ради собственной прибыли за пределы, соответствующие общественным интересам».

Мы приводим другую, весьма важную, часть показаний этих джентльменов по данному вопросу в следующей выдержке:

«Думаете ли вы, что понижение учетной ставки с 5 до 4% дало бы соответствующую гарантию против какого-либо излишка эмиссий Английского банка?» Ответ: «Я полагаю, что гарантия против излишка эмиссий была бы точно такая же». Г-н Пирс: «Я присоединяюсь к этому ответу».

«А если бы учетная ставка понизилась до 3%?» Г-н Витмор: «Я полагаю, что никакой разницы не получилось бы при условии, что наша практика оставалась бы такой же, как в настоящее время: не выпускать принудительно в обращение ни одной банкноты». Г-н Пирс: «Я присоединяюсь к этому ответу».

Комитет не может не призвать снова внимание палаты к выявленным этими показаниями результатам того особого положения, в котором Английский банк был поставлен благодаря прекращению платежей наличностью. Пока его банкноты были разменны на звонкую монету по желанию держателя, было достаточно как в интересах безопасности Английского банка, так и в интересах государства, поскольку речь шла о его средствах обращения, чтобы директора обращали внимание на характер и качество предъявляемых к учету векселей; требовалось лишь, чтобы последние были реальными и подлежали оплате в определенные и короткие сроки. Стоило лишь директорам Английского банка превысить в большой степени надлежащие пределы количества и суммы учитываемых векселей и сделать, таким образом, избыточным число своих банкнот, находящихся в обращении, и они сейчас же наблюдали, как этот излишек возвращался к ним назад с требованием в обмен на него звонкой монеты. Частные интересы Английского банка, заставляющие его оберегать себя от продолжающегося спроса этого рода, были достаточной защитой общества против какого-либо излишка банкнот, могущего вызвать существенное падение относительной стоимости средств обращения. Прекращение платежей наличностью сделало, как уже было показано, такую превентивную политику ненужной больше для Английского банка и устранило тем самым все препятствия, являвшиеся раньше общественной гарантией против излишних эмиссий. Когда директора Английского банка перестали подвергаться неудобствам утечки

золота, они, естественно, почувствовали себя свободными и от необходимости постоянно ограждать себя от возможности такой утечки путем более жесткой системы выдачи ссуд и учета векселей. Вполне естественно, что при этих условиях они держались, как и прежде (но без той осторожности и тех ограничений, которые перестали теперь быть необходимыми с точки зрения их собственной безопасности), той либеральной и благоразумной политики торговых ссуд, от которой зависело процветание их собственного учреждения и в значительной мере также и торговое процветание всей страны. Директора Английского банка, естественно, полагали, что пока увеличение прибылей самого банка совершалось по их наблюдениям рука об руку с кредитами, предоставляемыми купцам, общество в целом может получать только прибыль. Едва ли можно было ожидать от директоров Английского банка полного осознания последствий, могущих явиться результатом продолжения ими после прекращения платежей наличностью той же системы, которую они считали надежной до того времени. Наблюдать за действием нового закона и принимать меры против зла, которое он мог нанести интересам общества, было делом не столько Английского банка, сколько законодательной власти. По мнению Комитета есть основание сожалеть, что палата не обратила раньше своего внимания на все последствия этого закона.

Наиболее важное из этих последствий заключается в следующем: после отмены размена банкнот на звонкую монету, сдерживавшего излишний выпуск банкнот, директора Английского банка не поняли, что устранение этой сдержки сделало возможным выпуск излишних банкнот даже путем учета совершенно надежных векселей. Комитет доказал, что директора не только не поняли этой возможности, но с величайшей уверенностью поддерживали противоположную доктрину, в каких бы выражениях они ни говорили о происшедших явлениях. Комитет ни на минуту не сомневается в том, что эта доктрина весьма ошибочна. Ошибка, на которой она основана, состоит в том, что между ссудой капитала купцам и прибавкой некоторого количества денег к общей массе их, находящейся в обращении, не делается различия. Если во внимание принимается только ссуда капитала, выдаваемая лицам, готовым вложить его в добропорядочные и прибыльные предприятия, то очевидно нет нужды в другом ограничении общей суммы ссуд, чем то, которое может диктоваться средствами заимодавца и его благоразумием в выборе должников. Но при настоящем положении Английского банка, на который возложена функция снабжения страны бумажными деньгами, составляющими основу нашего обращения, и который в то же время не связан обязательством разминивать эти банкноты на звонкую монету, каждая ссуда капитала, выдаваемая им купцам в форме учета, становится одновременно и прибавкой к общей массе находящихся в обращении денег. Первоначально при выдаче ссуды банкнотами, уплаченными

при учете векселя, она, без сомнения, представляет собой столько-то капитала и столько-то покупательной силы, переданных в руки купца, получающего банкноты. Если эти руки надежны, то операция в такой же мере полезна и производительна для общества в первой ее стадии. Но как только часть денег, в которых выдана ссуда, выполнит в руках лица, к которому она попала, свою первую операцию в качестве капитала, как скоро банкноты обменяются им на какой-нибудь другой товар, представляющий теперь капитал, они попадают в каналы обращения в качестве определенного количества денег и увеличат собой массу их, находящуюся в обращении. Необходимым следствием такого увеличения этой массы является уменьшение относительной стоимости данной части ее при обмене на товары. Если бы это увеличение было сделано за счет банкнот, разменных на звонкую монету, то это уменьшение относительной стоимости данной части общей массы денег быстро отбросило бы назад в банк, выпустивший банкноты, все их излишнее количество. Но если они в силу закона неразмнены, то этот излишек не вернется, конечно, обратно, а останется в каналах обращения до тех пор, пока не поступит назад в Английский банк в погашение первоначально учтенных векселей. В течение всего периода, пока эти банкноты остаются вне банка, они выполняют функции денег; к тому же времени, когда они возвращаются назад в погашение векселей, за ними уже последовал новый выпуск банкнот в результате такой же учетной операции. Каждая последующая ссуда повторяет тот же процесс. Если вся сумма учтенных векселей продолжает в данный момент оставаться неоплаченной, то в обращении непрерывно останется соответствующее количество банкнот; если же сумма учтенных векселей прогрессивно возрастает, то количество банкнот, остающихся в обращении сверх того числа их, которое без этого потребовалось бы для удовлетворения нужд общества, будет также прогрессивно возрастать, а вместе с тем будут прогрессивно повышаться денежные цены товаров. Это движение может быть так же безгранично, как количество спекуляций и авантур в крупной торговой стране.

Необходимо отметить, что закон, ограничивающий в нашей стране норму процента, а тем самым и норму, по которой Английский банк может законно производить учет векселей, еще более увеличивает требования, предъявляемые к банку торговым миром в связи с учетом векселя. Так как норма торговой прибыли значительно выше 5%, как это можно было наблюдать во многих отраслях нашей внешней торговли, то, право же, нет предела тем требованиям учета и ссуд, которые могут предъявить к Английскому банку купцы, имеющие вполне надежные капиталы и отличающиеся весьма благоразумным духом предприимчивости. Ни один аргумент, ни одна иллюстрация не могут дать такой яркой характеристики той доктрины, за которую держатся теоретически

директора банка, опрошенные Комитетом, и которую он подверг критике, а также возможных практических последствий этой доктрины в периоды подъема торговой предприимчивости, как мнение, высказанное гг. Витмором и Пирсом: согласно их мнению общество имело бы полную гарантию против какого-либо излишка эмиссий Английского банка, если бы норма учета понизилась с 5 до 4 и даже до 3%. Однако из показания бывшего управляющего и заместителя управляющего Английским банком явствует, что хотя они открыто утверждают принцип, согласно которому не может быть излишка в числе находящихся в обращении банкнот, раз последние выпускаются в соответствии с правилами банка об учете векселей, все же—таков смысл их заявления—они никогда не руководились ими в полном размере. Хотя они и говорили, что требования учета законных векселей служат для них единственным критерием изобилия или недостатка, они дали все-таки понять Комитету, что не учитывают векселя во всем объеме этих требований. Другими словами, директора не действуют согласно принципу, который сами считают совершенно здоровым и надежным; их следует поэтому рассматривать как людей, не имеющих никакого четкого и определенного правила, которым они руководились бы в деле регулирования количества выпускаемых ими средств обращения.

Прекращение платежей наличностью привело к передаче в руки директоров Английского банка ответственной функции снабжения страны тем количеством средств обращения, которое точно соответствует нуждам и требованиям общества; оно теперь полностью предоставлено их усмотрению. Согласно суждению Комитета трудно ожидать, что директора Английского банка смогут когда-либо справиться с этим поручением. Самое детальное знакомство с настоящим положением торговли страны, соединенное с глубоким знанием всех принципов денежного обращения, не является достаточным основанием для того, чтобы один человек или группа людей могли установить и всегда поддерживать правильное соотношение между количеством обращающихся в данной стране денег и нуждами ее торговли. Когда средства обращения состоят целиком из драгоценных металлов или банкнот, разменных по предъявлению на драгоценные металлы, то естественный ход торговли устанавливает вексельные курсы между всеми странами света и определяет для каждой отдельной страны на основе предложения драгоценных металлов, получаемых общим мировым рынком из рудников, отношение между количеством ее денег и ее актуальной потребностью в них. Отношение, которое устанавливается таким образом и поддерживается естественным ходом торговли, не может быть установлено человеческой мудростью или искусством. Если естественная система денежного обращения отменяется и вместо нее вводится произвольный выпуск бумажных денег, то тщетно надеяться, что можно придумать

какие-нибудь правила для точного выполнения этого произвола. Некоторые предосторожности могут быть, правда, приняты, чтобы сдерживать и контролировать последствия такого произвола; таковыми являются, например, меры против влияния чрезмерных эмиссий на вексельные курсы и цену золота. Согласно суждению Комитета директора Английского банка выполняли свои новые и чрезвычайные полномочия, врученные им с 1797 г., с честностью и вниманием к общественным интересам соответственно их пониманию таковых; они использовали свои полномочия с большей сдержанностью по отношению к выгодам банка, чем это можно было допустить на первый взгляд, и заслуживают поэтому быть и впредь облеченными доверием, которое страна так долго и так справедливо питала как к их безупречному руководству делами Английского банка, так и к непоколебимой прочности и обширным фондам этого великого учреждения. Комитет глубоко убежден, однако, в том, что за последнее время их деятельность была связана с большими практическими ошибками, которые в высшей степени важно исправить с точки зрения государственных интересов. Но эти ошибки приходится не столько вменять в вину директорам Английского банка, сколько приписать влиянию новой системы; недостатки последней должны были быть приняты во внимание парламентом ввиду их последствий гораздо раньше, каково бы ни было происхождение этой системы или причины, сделавшие введение ее необходимым в качестве временной меры. Комитет полагает, что предоставленная Английскому банку дискреционная власть снабжать королевство средствами обращения была использована директорами под влиянием взгляда, что банкноты не могут быть выпущены в излишнем количестве, раз они ссужаются купцам под учет хороших векселей, подлежащих оплате в определенные сроки, а также под влиянием взгляда, что не следует обращать внимания ни на цену слитков, ни на состояние вексельных курсов, как на показатели достаточности или излишка бумажных денег. Поэтому Комитет заявляет без колебаний, что такие взгляды директоров Английского банка следует в значительной мере считать фактической причиной затяжности настоящего положения дел.

IV

Комитет переходит теперь к рассмотрению на основании полученной им информации следующих вопросов: как шло прогрессивное увеличение бумажно-денежного обращения страны, состоявшего первоначально из банкнот Английского банка, неразменных теперь на звонкую монету, и как велико оно в настоящее время, и далее, как велико количество выпускаемых провинциальными банками банкнот, разменных по желанию держателя на банкноты Английского банка. Установив сумму банкнот Английского банка, Комитет изложит основания, побуждающие его ду-

мать, что размер суммы этих банкнот не может считаться решающим для вопроса об их излишке; прежде же чем определить сумму провинциальных банкнот, поскольку размеры ее могут быть установлены, Комитет изложит основания, заставляющие его думать, что сумма обращающихся банкнот провинциальных банков ограничивается суммой обращающихся банкнот Английского банка.

1. Из отчетов, представленных Комитетом по делам Английского банка в 1797 г., явствует, что в течение нескольких лет до 1796 г. средняя сумма банкнот, находившихся в обращении, составляла от 10 до 11 млн. ф. ст.; она вряд ли снижалась когда-либо до 2 млн. ф. ст. и не часто превышала сколько-нибудь значительно 11 млн. ф. ст.

Следующее извлечение из различных отчетов, представленных настоящему Комитету или затребованных им у Английского банка, покажет прогрессивный рост суммы банкнот с 1798 г. до конца прошлого года.

Средняя сумма банкнот Английского банка, находившаяся в обращении в каждый из следующих годов (в ф. ст.)

Годы	Банкноты в 5 ф. ст. и выше, включая соло-векселя Английского банка	Банкноты ниже 5 ф. ст.	Всего
1798	11 527 250	1 807 502	13 334 752
1799	12 408 522	1 653 805	14 062 327
1800	13 598 666	2 243 266	15 841 932
1801	13 454 367	2 715 182	16 169 549
1802	13 917 977	3 136 477	17 054 454
1803	12 983 477	3 864 045	16 847 522
1804	12 621 348	4 723 672	17 345 020
1805	12 697 352	4 544 580	17 241 932
1806	12 844 170	4 291 230	17 135 400
1807	13 221 988	4 183 013	17 405 001
1808	13 402 160	4 132 420	17 534 580
1809	14 133 615	4 868 275	19 001 890

Если исключить из подсчета последнюю половину 1809 г., то средняя сумма за первое полугодие окажется выше, чем за весь год, а именно 19 880 310 ф. ст.

Приведенные в приложении к докладу отчеты дают очень детальные данные о первых четырех месяцах текущего года вплоть до 12 мая; начиная с этого дня сумма банкнот возрастала, особенно банкнот мелких купюр. Вся сумма находившихся в обращении банкнот за исключением соло-векселей банка на сумму в 939 990 ф. ст. составила в среднем за два отчетных дня—5 и 12 мая—14 136 610 ф. ст. банкнотами в 5 ф. ст. и выше и 6 173 380 ф. ст. банкнотами

ниже 5 ф. ст., что дает итог в 20 309 990 ф. ст., а включая соло-векселя банка—в 21 249 980 ф. ст.

Следует заметить, что наиболее значительная часть увеличения приходится на мелкие банкноты; часть последних должна была быть выпущена с целью заменить звонкую монету, в которой в период прекращения платежей наличностью чувствовался большой недостаток. Оказывается, однако, что первое предложение мелких банкнот, брошенных в обращение после отмены платежей наличностью, было очень незначительно в сравнении с их нынешней суммой, большое же увеличение их количества имело повидимому место с конца 1799 г. по конец 1802 г. Очень быстрый рост их числа происходил также начиная с мая прошлого года и до настоящего времени. Общая сумма этих мелких банкнот возросла с 1 мая 1809 г. по 5 мая 1810 г. с 4 509 470 до 6 161 020 ф. ст.

Банкноты Английского банка выпускаются, главным образом, путем ссуд правительству для государственных нужд и путем ссуд купцам в форме учета их векселей.

Комитет получил данные о ссудах, выданных Английским банком правительству под налог с солода и поземельный налог, а также под билеты казначейства и другие обеспечения за каждый год со времени прекращения платежей наличностью. При сравнении этих данных с отчетами, представленными Комитету в 1797 г. за 20 предшествовавших лет, становится ясно, что ежегодные ссуды Английского банка правительству со времени прекращения платежей наличностью были в среднем значительно ниже среднего же размера ссуд, выданных до этого события; хотя сумма этих ссуд и превышает за последние два года сумму ссуд непосредственно предшествовавших лет, она все же меньше, чем в любой из предшествовавших прекращению платежей годов.

Что касается суммы коммерческих учетов, то Комитет не считал удобным требовать от директоров Английского банка раскрытия их абсолютной суммы, ибо эти операции представляют часть частных сделок банка как торговой компании; Комитет не считает себя вправе требовать раскрытия таких сумм без настоятельной необходимости. Однако бывший управляющий Английским банком и его заместитель предоставили Комитету согласно его желанию сравнительную таблицу относительных цифр, показывающих рост учетных операций Английского банка с 1790 по 1809 г. включительно. Они просили, однако,—и Комитет счел нужным согласиться с их просьбой,—не опубликовывать этого документа; поэтому Комитет не поместил его в приложении к настоящему докладу, а вернул Английскому банку. Комитет может, однако, констатировать в общем, что размеры учетных операций прогрессивно возрастали начиная с 1796 г. и что отношение суммы их за последний год (1809) к наиболее крупной сумме их в течение любого года, предшествовавшего 1797 г., очень высоко. Что касается именно этого вопроса, то Комитет спешит заметить, что по

его мнению высокую сумму коммерческих учетов, производимых Английским банком, если взять ее как таковую, следует всегда считать великим общественным благом; только излишек бумажных денег, выпускаемых таким путем и удерживаемых в обращении, может рассматриваться как зло.

Но Комитет не может не указать здесь снова на следующий весьма важный принцип: размер суммы банкнот, находящихся в обращении, не может считаться сам по себе решающим при ответе на вопрос, имеется ли в обращении излишек банкнот или нет. Необходимо прибегнуть к другим критериям. Одно и то же количество банкнот может быть в один период недостаточным, а в другой более чем достаточным. Количество требующихся для обращения денег будет в какой-то степени изменяться вместе с изменением объема торговли; рост же нашей торговли, имевший место после приостановки размена, должен был вызвать некоторый рост количества обращающихся денег. Но последнее не находится ни в каком определенном соотношении с количеством товаров, и какие-нибудь выводы, основанные на таком предположении, были бы совершенно ошибочны. Эффективность денежного обращения зависит от скорости обращения и числа оборотов, совершающихся в определенное время, а также от размеров последних; все условия, которые имеют тенденцию ускорять или замедлять интенсивность обращения, делают одно и то же количество средств обращения более соответствующим или менее соответствующим нуждам торговли. Гораздо меньшее количество их требуется при прочном положении общественного кредита, чем в периоды, когда паника заставляет отдельных лиц требовать возвращения ссуд и страховать себя от всяких случайностей путем припрятывания (*hoarding*) денег. В период торговой безопасности и взаимного доверия требуется меньше денег, чем тогда, когда взаимное недоверие мешает заключению денежных соглашений на сколько-нибудь значительные сроки. Но данное количество обращающихся денег будет лучше или хуже соответствовать требованиям прежде всего в зависимости от искусства, проявляемого крупными денежными дельцами в деле управления и экономии в использовании средств обращения. Комитет держится того мнения, что усовершенствования, имевшие место за последние годы в стране и в особенности в лондонском округе в способах использования и в экономии денег, а также в способах ликвидации торговых платежей, должны были иметь гораздо большее влияние, чем это до сих пор предполагалось, на соответствие определенной суммы денег увеличившимся размерам торговли и платежей. О некоторых из этих усовершенствований даются подробные сведения в показаниях: они состоят, главным образом, в возросшем употреблении банковских чеков при совершении всех платежей в Лондоне. Соглашение собирать все такие чеки в общем помещении, где они балансируются друг с другом, посредниче-

ская деятельность вексельных маклеров и ряд других изменений в практике лондонских банкиров—все это вместе взятое уменьшило для последних необходимость держать такие большие наличные суммы денег, как прежде. Опыт лондонского округа показывает несомненно, что при неизменном уровне цен для совершения того же числа оборотов и того же количества платежей требуется меньшая сумма денег. Важно также отметить, что как политика самого Английского банка, так и соперничество банкнот провинциальных банков создали тенденцию к концентрации все большего и большего числа банкнот Английского банка в пределах Лондона и прилегающего к нему округа. Благодаря всем этим обстоятельствам рост числа банкнот Английского банка, необходимых для удовлетворения нужд возросшей торговли, мог совершаться в меньших размерах, чем это могло бы потребоваться при других условиях; ясно, таким образом, что по одним только данным о числе банкнот нельзя установить, имеются ли они в избытке или нет. Для этого нужно прибегнуть к более надежному критерию, а таким критерием, как уже показал Комитет, могут служить только состояние вексельных курсов и цена золотых слитков.

Особые условия, имевшиеся налицо в течение двух лет, столь достопримечательных в истории нашего денежного обращения (1793 и 1797 гг.), проливают яркий свет на установленный Комитетом принцип.

В 1793 г. недостаток доверия к провинциальному денежному обращению и последовавшее за этим давление на лондонские средства обращения вызвали настоящее бедствие. Английский банк не считал нужным расширить свои эмиссии, чтобы пойти навстречу этому возросшему спросу; выпущенные им раньше банкноты обращались теперь благодаря господствовавшей панике менее свободно и оказались недостаточными для необходимых платежей. При таком кризисе парламент применил средство, весьма схожее по своему действию с расширением ссуд и эмиссий Английского банка: было разрешено выдавать ссуду билетами казначейства всем торговым людям, представляющим надежные гарантии и обращающимся за такой ссудой; доверие, укрепленное этой мерой, а также даваемая ею возросшая возможность получать банкноты путем продажи билетов казначейства быстро ликвидировали панику как в Лондоне, так и в провинции. Комитет воздерживается от высказывания мнения о пригодности того способа, каким была произведена эта операция; он считает, однако, последнюю иллюстрацией принципа, согласно которому усиление кредита представляет подлинное средство против того случайно возникающего упадка доверия в провинциальных округах, которому неизбежно подвергается наша система бумажно-денежного кредита.

Условия, имевшие место в начале 1797 г., были весьма похожи на условия 1793 г.: страх вторжения неприятеля, натиск на

провинциальные банки с требованием золота, банкротство некоторых из них и натиск на Английский банк, приведший к такому же кризису, как в 1793 г. Против последнего можно было бы, быть может, найти эффективное средство, если бы Английский банк имел мужество расширить, а не ограничить свой кредит и выпуск своих банкнот.

Некоторые люди держались тогда, как это явствует из доклада Секретного комитета палаты лордов, именно такого мнения. Согласно заявлению, сделанному управляющим Английским банком и его заместителем вашему Комитету, последние, а также многие другие директора пришли теперь на основании опыта 1797 г. к выводу, что уменьшение числа их банкнот увеличило в этих крайних условиях общественное бедствие. Комитет целиком разделяет это мнение, считая его совершенно правильным.

Комитет полагает, что опыт Английского банка в 1793 и 1797 гг., сопоставленный с фактами, изложенными в настоящем докладе, заставляет нас всегда иметь в виду следующее весьма важное различие: предъявляемый к банку спрос на золото для снабжения внутренних каналов обращения, иногда очень большой и внезапный, вызывающийся временным недостатком доверия, следует отличать от того натиска на банк с требованием золота, который вырастает из неблагоприятного состояния вексельных курсов. До тех пор, пока Английский банк сохраняет свой высокий кредит, спрос первого типа устраняется повидимому лучше всего путем благоразумного расширения помощи торговле страны, спрос же второго типа, имея место в период, когда банк не платит звонкой монетой, должен был бы поставить перед директорами вопрос, не стали ли их эмиссии уже слишком изобильными.

Комитет испытывает большое удивление при мысли, что директора Английского банка вполне отдают себе отчет в возможности совершить ошибку, слишком ограничивая предложение банкнот в период застоя кредита. Комитет прекрасно понимает, что общая политика директоров состоит в уменьшении количества их банкнот в периоды длительного сохранения высокой цены слитков и очень неблагоприятного вексельного курса; тем не менее он считает нужным подчеркнуть, что для торговых интересов страны и для выполнения тех торговых обязательств, которые были порождены свободным выпуском банкнот, весьма важно, чтобы обычная помощь купцам не была внезапно и основательно уменьшена; если бы при этом возникло какое-нибудь серьезное затруднение общего порядка или хотя бы опасение на этот счет, оно могло бы быть устранено по мнению вашего Комитета без опасности для страны и с выгодой для нее путем большей щедрости в выпуске банкнот Английским банком в соответствии с настоятельными нуждами данного момента. При таких обстоятельствах Английский банк должен также поразмыслить о том, не будет ли практичнее уменьшить количество своих банкнот путем постепенного

сокращения своих ссуд правительству, считаясь, конечно, должным образом с непосредственными интересами государственной политики, чем путем слишком внезапного сокращения учетных операций для торгового мира.

2. Прежде чем перейти к детальному рассмотрению собранных им по вопросу о количестве провинциальных банкнот материалов, Комитет должен заметить, что пока длится приостановка платежей наличностью Английским банком, все бумажное обращение провинциальных банков представляет надстройку, возведенную на фундаменте бумажного обращения Английского банка. Если при более совершенной системе разменность банкнот образует барьер против образования излишка какой-либо части денежного обращения, то разменность провинциальных банкнот на банкноты Английского банка является таким же барьером против излишних эмиссий провинциальных банков. Если в каком-нибудь провинциальном округе выпускается излишнее количество банкнот, в то время как лондонское обращение не превышает надлежащих размеров, то в этом провинциальном округе произойдет местное повышение цен, в Лондоне же цены останутся без изменения. Те, кто имеет в своих руках провинциальные банкноты, предпочтут делать покупки в Лондоне, где товары дешевле, и поэтому вернут провинциальные банкноты банку, который выпустил их, и потребуют у него банкноты Английского банка или векселя на Лондон. Таким образом, в силу того что излишек провинциальных банкнот постоянно возвращается к выпускавшим их банкам в обмен на банкноты Английского банка, количество последних неизбежно ограничивает на деле количество первых. Это иллюстрируется приведенными уже данными об излишке банкнот шотландских банков около 1763 г. и последующим ограничением их количества. При чрезмерной эмиссии банкнот Английского банка в период прекращения размена возможны и соответствующие чрезмерные эмиссии банкнот провинциальных банков; для этого не существует никакого препятствия, ибо при расширении фундамента можно соответствующим образом расширить и надстройку. При такой системе излишек банкнот Английского банка окажет следовательно влияние на цены не только пропорционально увеличению их собственного числа, но и в несравненно большем отношении.

Комитет не мог добиться получения материалов, которые позволили бы ему установить с приблизительной точностью количество находящихся в обращении банкнот провинциальных банков, но на основании полученных им по этому вопросу показаний он установил, что за последние два года было не только основано большое число новых провинциальных банков, но и возросла также значительно общая сумма эмиссий старых банков. С другой стороны, торговый и государственный кредит был в этот период очень прочным, а этому соответствовала легкость превращения в ко-

роткий срок всех государственных и торговых фондов в банкноты Английского банка; в силу этих условий, а также благодаря предпochтению, естественно оказываемому в пределах данного района банкнотам пользующегося прочной репутацией провинциального банка по сравнению с банкнотами Английского банка, провинциальные банки не были вероятно вынуждены хранить у себя большие постоянные запасы банкнот Английского банка. Было бы вполне правильно заключить отсюда, что валовая сумма совокупного непроизводительного капитала всех провинциальных банков, состоящая из звонкой монеты и банкнот Английского банка, в настоящее время, при сильно разросшихся размерах денежного обращения, гораздо ниже, чем она была до прекращения размена в 1797 г.; искушение основывать провинциальные банки, выпускающие свои обязательства, значительно возросло следовательно. Некоторое представление о вероятной сумме их эмиссий или по меньшей мере о недавнем увеличении последних можно себе составить, по мнению Комитета, по данным о сумме пошлин, уплачиваемых за гербовые марки на вновь выпускаемые банкноты провинциальных банков Великобритании. Вся сумма этих пошлин составляла повидимому за год, окончившийся 10 октября 1808 г., 60 522 ф. ст. 13 шилл. 3 пенса, а за год, окончившийся 10 октября 1809 г., — 175 129 ф. ст. 17 шилл. 7 пенс. Следует, однако, заметить, что 10 октября 1808 г. эти пошлины увеличились в некоторых случаях больше чем на $\frac{1}{3}$ и что приняты были некоторые меры, налагающие ограничение на новые эмиссии всех банкнот достоинством не свыше 2 ф. ст. 2 шилл. В результате этих мероприятий спрос на гербовые марки или на банкноты этого достоинства превысил в течение 1809 г. свои обычные размеры. Ввиду этого обстоятельства невозможно установить с достоверностью, каков был в течение последнего года действительный рост числа находящихся в обращении банкнот достоинством не свыше 2 ф. ст. 2 шилл. Зато мы можем составить себе на основании сопоставления представленных Комитету документов более ясное представление об увеличении в 1809 г. числа банкнот высшего достоинства, условия выпуска которых закон оставил без изменения.

Число банкнот провинциальных банков достоинством свыше 2 ф. ст. 2 шилл., протемпелеванных за годы, окончившиеся 10 октября 1808 г. и 10 октября 1809 г.:

Банкноты достоинством	Число банкнот	
	1808 г.	1809 г.
Выше 2 ф. ст. 2 шилл. и ниже 5 ф. ст. 5 шилл.	666 071	922 073
» 5 » » 5 » » 20 » » —	198 473	380 006
» 20 » » — » » 30 » » —	—	2 425
» 30 » » — » » 50 » » —	—	674
» 50 » » — » » 100 » » —	—	2 611

Принимая, что банкноты первых двух групп были выпущены в наиминимизированных наименованиях, к которым соответственно относятся пошлины, а также в таких, которые чаще всего встречаются в бумажном обращении провинции, т. е. в банкнотах достоинством в 5 и 10 ф. ст. (хотя во второй группе имеется значительное число банкнот достоинством в 20 ф. ст.), и исключая даже совершенно из сравнения банкноты последних трех групп, выпуск которых предоставлен на деле по сведениям Комитета только привилегированным шотландским банкам, мы получаем следующий результат: при отсутствии какого-либо роста числа банкнот ниже 2 ф. ст. 2 шилл. количество банкнот провинциальных банков, проштемпелеванных в году, закончившемся 10 октября 1809 г., превзошло соответственное количество в году, закончившемся 10 октября 1808 г., на сумму в 3 095 340 ф. ст. О количестве банкнот провинциальных банков, уничтоженных и извлеченных из обращения в течение последнего года, Комитет не может составить себе никакого положительного представления. Но, принимая во внимание, что провинциальные банки заинтересованы в возможно более длительном употреблении одних и тех же банкнот и на практике так и поступают, что закон не ставит никаких ограничений во времени для повторного выпуска банкнот, не превышающих 2 ф. ст. 2 шилл., а все банкноты более крупного наименования могут быть выпущены вновь в течение трех лет со дня их первого выпуска, трудно предположить, что сумма банкнот достоинством свыше 2 ф. ст. 2 шилл., уничтоженных в 1809 г., была равна всей сумме их, проштемпелеванной в 1808 г. Но допуская даже правильность такого предположения, следует отметить, что 1809 год дает все же увеличение числа одних только банкнот достоинством в 5 и 10 ф. ст. на вышеназванную сумму в 3 095 340 ф. ст.; к этой сумме следует прибавить увеличение за тот же период числа банкнот Английского банка на сумму приблизительно в 1 500 тыс. ф. ст., а это составляет в совокупности увеличение всего денежного обращения Великобритании в 1809 г. на сумму между 4 и 5 млн. ф. ст. Из этой суммы следует вычесть только золото, которое могло быть извлечено в течение этого года из действительного обращения и количество которого не могло быть очень значительно; приходится также допустить некоторое увеличение количества таких провинциальных банкнот, которые хотя и были проштемпелеваны, но могли и не находиться в действительном обращении. Но даже и с этими скидками прирост совокупного бумажно-денежного обращения страны за последний год немногим меньше той суммы, которая со времени открытия Америки прибавлялась ежегодно к количеству обращающейся во всей Европе монеты. Правда, Комитет уже имел случай отметить, что на основании данных о количестве находящихся в обращении бумажных денег, рассматривая эти данные отвлеченно от всех других обстоятельств, нельзя сделать никакого определенного вывода о наличии излишка бумаж-

ных денег и еще меньше о степени этого излишка; но Комитет должен все же заметить, что наличие очень большого и быстрого роста этого количества дает в соединении со всеми показателями обесценения денег и в сопровождении их сильнейшее подтверждение и доказательство того факта, что при отсутствии соответствующих ограничений эмиссии бумажных денег не удерживались в надлежащих пределах.

Комитет не может покончить с этой частью вопроса, не отметив также, что увеличение бумажно-денежного обращения страны на сумму, составляющую от 4 до 5 млн. ф. ст., было несомненно произведено с очень небольшими расходами для тех, кто выпускал эти деньги: их выпуск стоил всего лишь около 100 тыс. ф. ст., уплаченных в качестве гербового сбора в государственный доход. В то же время провинциальные банки не сочли необходимым, вероятно в силу вышеизложенных оснований, обзавестись для поддержки дополнительных эмиссий соответствующими запасами золота или банкнот Английского банка. Следовательно некоторые лица получили, скажем это вполне открыто, возможность произвести в течение последнего года или 15 месяцев эмиссий бумажных денег на несколько миллионов. Они сделали это под прикрытием закона, защищающего их от всяких обязательств, с весьма ничтожными издержками и способом, почти свободным от всякого риска по отношению к кредиту, которым они пользовались как торговцы бумажными деньгами. При этом они оперировали этими суммами как капиталом прежде всего для своих собственных выгод; после же такого использования этих денег последние смешивались с массой средств обращения, меновая стоимость которых постепенно понижалась по отношению к всем другим товарам пропорционально увеличению их массы. Комитет уверен, что мудрость парламента будет направлена на принятие надлежащих мер против столь неестественного состояния вещей, чреватого в конечном счете, если оно не будет искоренено своевременно, столь губительными последствиями для общественного блага; в противном случае он, не колеблясь, заявил бы о необходимости принятия таких мер, которые обеспечили бы государству более широкое участие в прибылях, получаемых указанными лицами благодаря существующей системе. Тем не менее Комитет отнюдь не стремится рекомендовать парламенту такую политику, будучи вполне согласен с д-ром Адамом Смитом и другими наиболее выдающимися писателями и государственными людьми нашей страны в том, что бумажно-денежное обращение представляет при постоянном размене на звонкую монету, одно из самых крупных практических усовершенствований в государственном и частном хозяйстве любой страны, а также в том, что учреждение провинциальных банков, выпускающих бумажные деньги, является весьма ценной и существенной частью этого усовершенствования. На этом основании Комитет рекомендовал бы наивозможно более быстрый возврат

к старой практике и восстановлению старого порядка вещей. Комитет вполне убежден, с одной стороны, в том, что постоянное и систематическое отклонение от прежней практики должно в конечном счете вызвать последствия, которые наряду с другими сопутствующими бедствиями приведут к разрушению самой системы, а с другой—в том, что такой исход был бы весьма достоин сожаления: ведь только в такой стране, как наша, где так высокопочитается добросовестность как в государственных, так и в частных делах и где при счастливом единении свободы и закона собственность и всякого рода обеспечения, в которых она представлена, одинаково защищены и от посягательств власти и от насилий народных потрясений,—только в такой стране могут быть полностью использованы и осуществлены в максимальнейшем размере все выгоды этой системы, не сопровождаясь ни одной из ее опасностей.

Разобрав все факты и соображения, представленные на его рассмотрение в ходе исследования, Комитет пришел к выводам, которые он и докладывает теперь палате общин.

В настоящее время в бумажно-денежном обращении нашей страны имеется избыток, самым бесспорным симптомом которого является очень высокая цена слитков, а также низкое состояние континентальных вексельных курсов. Этот избыток должен быть приписан отсутствию достаточных ограничений и контроля при эмиссиях банкнот Английским банком и прежде всего прекращению платежей наличностью, устранившему естественный и подлинный контроль. Рассмотрев вопрос со всех точек зрения, Комитет полагает, что нельзя найти никакой другой надежной, верной и всегда адекватной меры против избыточности бумажных денег, случайной или постоянной, кроме разменности всех бумажных денег на звонкую монету. Комитет не может поэтому не выразить сожаления о том, что прекращение платежей наличностью, бывшее, если рассматривать его в наиболее благоприятном свете, только временной мерой, продолжается уже так долго; он в особенности сожалеет о том, что характер ныне действующего закона придает прекращению платежей силу постоянного военного мероприятия.

Комитет полагает, что было бы излишне излагать детально все невыгоды, которые может принести стране общий избыток обращающихся денег, понижающий их относительную стоимость. Влияние, оказываемое увеличением цен на все денежные сделки, неизбежные убытки, которые терпят получатели аннуитетов и всякого рода кредиторы, частные и государственные, ненамеренные выгоды, получаемые правительством и всеми другими должниками,—все это поеледствия, слишком очевидные, чтобы нуждаться в доказательствах, и слишком оскорбляющие чувство справедливости, чтобы оставлять их без противодействия. Самой важной стороной этого пагубного влияния Комитет считает воздей-

ствии избыточного денежного обращения на заработную плату обычного провинциального труда; уровень заработной платы приспособляется, как известно, более медленно к изменениям стоимости денег, чем цены всякого другого вида труда или товара. Достаточно указать на некоторые группы государственных служащих, жалование которых даже при повышении его в связи с обесценением денег не может быть снова приведено так легко к его прежнему уровню; это невозможно даже после восстановления прежней стоимости денег. Если дальнейшее усугубление этих неудобств и бедствий не будет предотвращено, то в не особенно отдаленном будущем они дадут себя знать на практике, действуя, таким образом, на умы всех, кто еще может сомневаться в их существовании. Но если бы даже их прогрессивное нарастание было менее вероятно, чем это кажется Комитету, последний не может все же не высказать своего мнения: доброе имя и честь парламента не могут допускать, чтобы в великой торговой стране продолжала существовать дольше, чем того требует настоятельная необходимость, система денежного обращения, не включающая тех естественных ограничений или контроля, путем которых стоимость денег сохраняется на определенном уровне; лишь наличие постоянного общего стандарта стоимости обеспечивает подлинную справедливость и добросовестность денежных договоров и обязательств между человеком и человеком.

Комитет берет на себя смелость предостеречь парламент против искушения прибегнуть к обесценению даже и золотой монеты путем изменения стандарта стоимости, ибо парламент может оказаться вынужденным прибегнуть к такому изменению при значительном и продолжительном избытке бумажных денег. К этому средству прибегали в подобных случаях многие правительства, и оно представляется как будто бы наиболее легким средством против зла. Но нет необходимости останавливаться на той измене общественному доверию и отказе от выполнения одной из самых первых обязанностей правительства, которые выражаются в том, что люди предпочитают низвести стоимость монеты до стоимости бумаги, вместо того чтобы восстановить последнюю до законного монетного стандарта. Поэтому, рассмотрев весьма тщательно и обстоятельно этот вопрос, Комитет докладывает палате как свое мнение, что система денежного обращения нашей страны должна быть возвращена со всей скоростью, совместимой с мудрой и необходимой осторожностью, к первоначальному принципу платежной наличности по желанию держателя банкнот.

Комитет знает, что для устранения зла предлагаются различные средства или паллиативы, как, например, принудительное ограничение размера банковских ссудных и учетных операций до тех пор, пока продолжается неразменность, или же принудительное ограничение нормы банковских прибылей и дивидендов в течение того же периода, с тем чтобы излишек прибыли свыше

этой нормы обращался в государственный доход. Но по мнению Комитета такие косвенные меры, предлагаемые в качестве паллиативов против бедствий, могущих явиться результатом прекращения платежей наличностью, окажутся совершенно непригодными для этой цели; никогда ведь не удастся установить, в какой пропорции следует произвести ограничение; если же такая пропорция и будет установлена, то это еще больше ухудшит неудобства такого принудительного воздействия. Если бы даже эффективность этих мер и проявилась на деле, они должны были бы быть отвергнуты как самое вредное и недостойное вмешательство в права торговой собственности.

Согласно самому ясному представлению о вопросе, какое Комитет мог составить себе, иного действительного средства, кроме отмены закона, который приостанавливает платежи наличностью Английским банком, не существует ни для настоящего периода, ни в качестве гарантии для будущего.

Комитет полагает, что при осуществлении столь важной реформы должны встретиться некоторые затруднения и что Английскому банку могут угрожать некоторые опасности, которых следует всемерно остерегаться, приняв всяческие меры предосторожности. Но все опасности могут быть устранены, если доверить проведение и завершение этой операции благоразумию самого Английского банка и предоставить ему для этого срок соответствующей продолжительности, вполне достаточный для ее окончания. Комитет полагает, что парламент может спокойно доверить благоразумию, опыту и честности директоров Английского банка задачу осуществления тех мер, принять которые парламент в своей мудрости сочтет необходимым. Комитет считает также, что директора этого великого учреждения, далекие от содействия лицам, заинтересованным в распространении паники, будут постоянно иметь в виду интересы Английского банка как неразрывно связанные с интересами государства. По мнению Комитета выбор способа, которым будет осуществлено постепенное возобновление платежей наличностью, должен быть в значительной мере предоставлен благоразумию самого Английского банка, парламент же должен ограничиться только установлением окончательного срока, начиная с которого платежи наличностью снова станут для банка обязательными. Предоставленный срок должен быть достаточно продолжительным для того, чтобы директора Английского банка могли стать на новый путь, постоянно учитывая при этом все существенные для них условия и используя только благоприятные шансы, и чтобы они предпринимали новые шаги осторожно, следя одновременно за ходом своих собственных дел как компании и за состоянием государственного и торгового кредита; ни те, ни другие не должны испытывать никаких замсков и затруднений.

Ввиду этого Комитет полагает, что приостановка платежей наличностью может быть отменена с полной безопасностью не

раньше чем через два года от настоящего дня; в то же время Комитет считает, что парламент должен уже заранее принять к концу этого периода меры к прекращению действия различных постановлений, предписывавших продолжение приостановки размена.

Рекомендуя двухлетний период, Комитет не забывает, что в силу существующего закона Английский банк обязан возобновить платежи наличностью через шесть месяцев после ратификации окончательного мирного договора; таким образом, если бы мир был заключен раньше чем через два года, рекомендация Комитета могла бы повидимому привести к отсрочке, а не к ускорению возобновления платежей наличностью. Но Комитет держится мнения, что если бы мир был немедленно ратифицирован, то при настоящем состоянии нашего денежного обращения было бы весьма рискованно и совершенно неосуществимо заставить Английский банк платить наличностью через шесть месяцев. В самом деле, заключение мира, открывая новые области для торговой предприимчивости, увеличило бы, а не уменьшило количество предъявляемых Английскому банку требований об учете векселей; следовательно внезапное значительное ограничение эмиссий Английского банка было бы большим бедствием для торгового мира. Комитет держится поэтому мнения, что даже при заключении мира Английскому банку следовало бы предоставить два года для возобновления платежей наличностью; но даже при продолжении войны платежи наличностью должны быть все же возобновлены к концу этого периода.

Комитет не упустил из виду возможности такого стечения политических обстоятельств, которое могло бы дать в дальнейшем аргумент в пользу некоторого продления периода, предоставленного для возобновления платежей наличностью, или даже в пользу нового закона для временного их приостановления уже после того как Английский банк возобновил бы размен. Однако и в этом случае Комитет не предвидит никакой необходимости возвращения к существующей системе. Если бы, однако, необходимость принятия новой запретительной меры снова возникла когда-либо, то по мнению Комитета такая мера никоим образом не может быть основана на том или ином состоянии иностранных вексельных курсов, которые, как это подробно показал Комитет, могут легко контролироваться самим Английским банком; основанием для нее должно быть политическое положение страны, вызывающее или могущее вызвать в ближайшем будущем панику, ведущую к такому беспредельному спросу на наличность для внутренних нужд, что никакой банк не был бы в состоянии устоять против нее. Возвращение к нормальной банковской системе особенно важно именно ввиду последнего чрезвычайного падения вексельных курсов и высокой цены золота. Только такое возвращение сможет восстановить должным образом общее доверие к стоимости средств обращения нашего королевства; серьезная же подготовка этого

события обязывает к предварительному уменьшению количества бумажных денег и проведению всех других необходимых мер в согласии с подлинными принципами банковского дела. Назначение срока, когда Английский банк будет вынужден возобновить размен, будет также содействовать улучшению вексельных курсов. Дальнейшая же отсрочка возобновления на такой неопределенный срок, как шесть месяцев после окончания войны, в особенности в случае продолжающегося падения вексельных курсов (что такое падение есть результат излишка банкнот и вызванного им обеспечения их, это будет становиться все более и более ясным), может привести при неблагоприятном положении государственных дел к полному подрыву доверия; тогда парламент проявит готовность заставить Английский банк вернуться к признанному платежному стандарту, а это может привести к ускорению дальнейшего падения вексельных курсов и повлечь за собой самые дискредитирующие и губительные последствия.

Хотя, как мы уже говорили, следует предоставить самому Английскому банку детальную разработку способа возвращения к платежам наличностью, все же определенные мероприятия должны быть приняты с одобрения парламента; это имеет значение как с точки зрения удобств самого Английского банка, так и с точки зрения безопасности других банковских предприятий в провинции и в Ирландии.

Комитет полагает, что для Английского банка будет удобно, если ему будет разрешено выпускать банкноты достоинством ниже 5 ф. ст. и в течение непродолжительного времени после возобновления им платежей звонкой монетой.

Для привилегированных Ирландского и Шотландского банков, а также для всех провинциальных банков будет также удобно, если они не будут вынуждены начать уплату звонкой монетой ранее известного времени после возобновления платежей наличностью Английским банком. Желательно, чтобы в течение короткого периода они имели право выплачивать, как и в настоящее время, банкноты Английского банка в обмен на свои собственные по предъявлении.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	V
Три письма о цене золота в редакцию «The Morning chronicle» . .	—
Приложение	14
1. Ответ г-ну Троуэру	14
2. Ответ г-м Троттеру и Троуэру	22
Высокая цена слитков—доказательство обесценения банкнот . . .	25
Введение (к первому изданию)	27
Высокая цена слитков—доказательство обесценения банкнот . . .	28
Приложение	60
Ответ на «Практические замечания по поводу доклада Комитета о слитках» г-на Бозанкета	81
Ответ г-ну Бозанкету	83
<i>Глава первая.</i> Предварительные замечания.—Возражения г-на Бозанкета на заключения Комитета о слитках в кратком изложении	83
<i>Глава вторая.</i> Рассмотрение данных, приведенных г-ном Бозанкетом и взятых им из истории вексельных курсов	85
Отдел первый. Вексельный курс на Гамбург	85
Отдел второй. Вексельный курс на Париж	94
Отдел третий. Предполагаемый факт существования в Америке премии на английские деньги.—Благоприятный вексельный курс на Швецию	98
Отдел четвертый. Рассмотрение положения Комитета о слитках относительно паритета вексельного курса	100
<i>Глава третья.</i> Рассмотрение выдвинутых г-ном Бозанкетом фактов, якобы опровергающих заключение о том, что более высокий уровень рыночной цены слитков, чем их монетная цена, доказывает обесценение денег	102
Отдел первый. Отрицание упомянутого заключения молчаливо предполагает невозможность переплавки или вывоза английской монеты,—невозможность, которую никто не отстаивает	102
Отдел второй. Последствия, которые вытекали бы из предположения, что денежное обращение других стран (за исключением Англии) уменьшилось бы или увеличилось наполовину	106
Отдел третий. Незначительное повышение цены на золото на континенте вызвано только изменением в отношении стоимости серебра к стоимости золота	108

Отдел четвертый. Ошибка, приписываемая теории Локка о перечеканке монеты в 1696 г.	113
<i>Глава четвертая.</i> Рассмотрение возражений г-на Бозанкета против утверждения, что платежный баланс был в пользу Великобритании	114
<i>Глава пятая.</i> Разбор аргумента, приводимого г-ном Бозанкетом в доказательство, что Английский банк не имеет власти вводить принудительное обращение банкнот	121
<i>Глава шестая.</i> Замечания об основах пошлины за чеканку	126
<i>Глава седьмая.</i> Рассмотрение возражений г-на Бозанкета против положения, согласно которому эмиссии Английского банка регулируют эмиссии провинциальных банков	130
<i>Глава восьмая.</i> Рассмотрение взглядов г-на Бозанкета, согласно которым единственной причиной повышения цен было не чрезмерное обращение, а неурожайные годы и налоги	136
<i>Глава девятая.</i> Рассмотрение мнения г-на Бозанкета, согласно которому возобновление платежей звонкой монетой сопровождалось бы вредными последствиями	142
Приложение	143
Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибыли Английского банка, поскольку она связана с интересами государства и собственников капитала банка	151
Введение	153
Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения	155
Отдел первый. Причины, обуславливающие единообразие орудия обращения, обуславливают и его доброкачественность	155
Отдел второй. Использование какого-нибудь товара в качестве стандарта стоимости.—Рассмотрение возражений против такой возможности	159
Отдел третий. Стандарт стоимости денег и его несовершенства.—Падение стоимости денег ниже стандартной, не уравновешиваемое подъемом ее выше стандарта.—Последствия таких колебаний.—Соответствие стоимости бумажных денег стандарту обязательно	161
Отдел четвертый. Способ довести английское денежное обращение до возможного совершенства	163
Отдел пятый. Обычаи, создающие большое количество неудобств для торговли.—Средства, предлагаемые против них	170
Отдел шестой. Услуги, оказываемые Английским банком государству, оплачиваются чрезмерно высоко.—Средство, предлагаемое против этой переплаты	172
Отдел седьмой. Прибыль и сбережения Английского банка. Их ненадлежащее использование.—Предлагаемое средство	186
Приложения	199
Приложение I	199
Приложение II	200
Приложение III	200
Приложение IV	202

Приложение V. Оценка прибылей Английского банка за год, начинающийся 5 января 1797 г.	202
Приложение VI. Резолюция об Английском банке, предложенная г-ном Гренфеллом	214
Приложение VII. Резолюция об Английском банке, предложенная г-ном Мэллишем	216
Опыт о системе фундированных государственных займов. Написан для дополнения к шестому изданию «Британской энциклопедии»	221
Речь по поводу предложения Уэстерна о назначении комитета для рассмотрения последствий, вызванных возобновлением платежей наличными	261
Речь Рикардо о платежах наличными	263
План учреждения Национального банка	277
Приложение. Доклад Комитета о высокой цене золотых слитков	293

Редактор *М. Смит*

Подписано в печать 7/V 1941 г.

Печ. л. 23. Уч.-авт. л. 23,66.

Зн. в печ. л. 45000. Тираж 20000 экз.
А38028. Заказ № 2186. Цена в переплете 6 руб

16-я типография греста «Полиграфинга»,
Москва, Трехпрудный пер., 9.